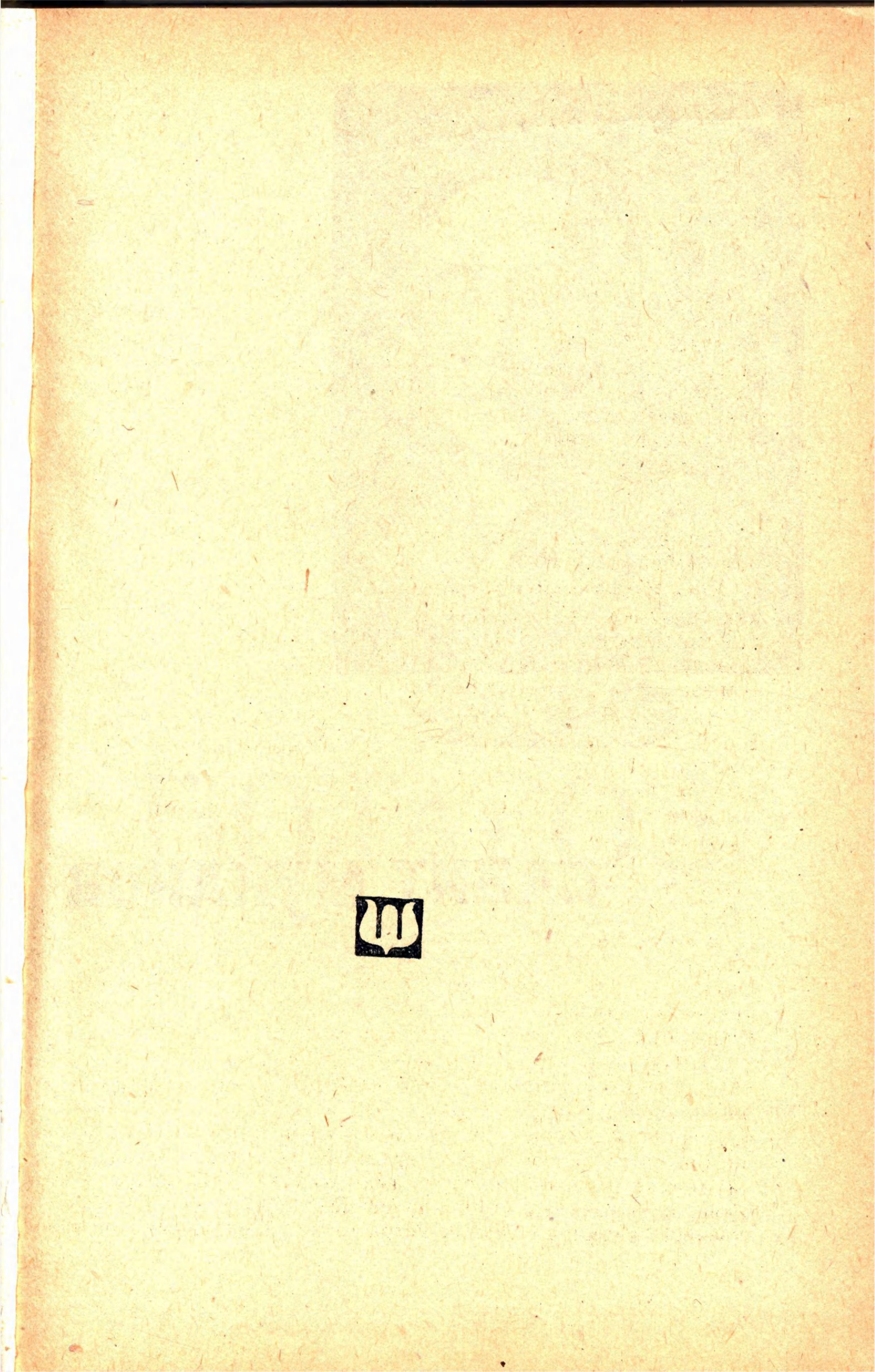
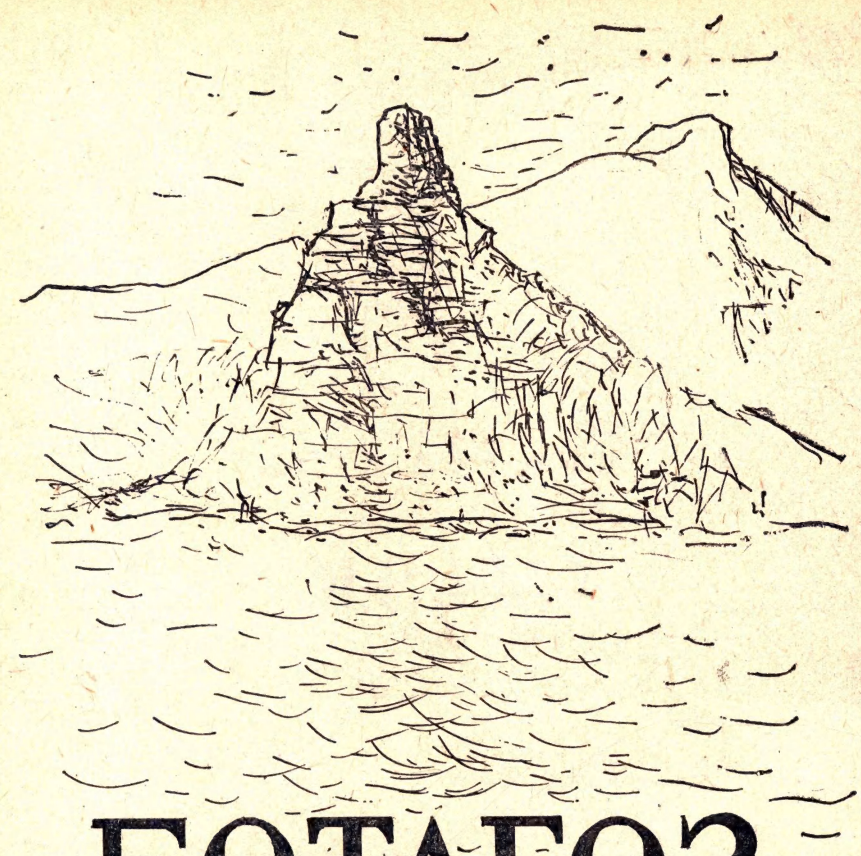
БОТАГОЗ

16



САБИТ МУКАНОВ



БОТАГОЗ

РОМАН

Издание шестое

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
Алма-Ата, 1979

Перевод с казахского
СЕМЕНА РОДОВА

Муканов Сабит.
М90 Ботагоз. Роман. Изд. 6-ое. Пер. с казах. С. Родова.
Алма-Ата, «Жазушы», 1977.
344 с.

$М\frac{70303-101}{402(07)79}$ Доп.— 79 4702023020.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МРАК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВСТРЕЧА

I

Ботагоз стояла перед зеркалом у окна маленькой деревянной избушки, приютившейся над самым обрывом крутого берега озера Бурабай[1].

Шаловливо перебирая свои волнистые черные волосы, она то распускала их по спине, то перекидывала через плечо вперед, на грудь. В таком игривом настроении ее и застала Айбала, жена Балтабека, старшего брата Ботагоз, вернувшаяся с озера с двумя ведрами воды. Неслышно войдя в избу через остававшуюся открытой дверь, Айбала собралась было пристыдить девушку: «Что ты делаешь, еркем[2]?»— но ей не захотелось портить настроение любимой золовке.

Бесшумно поставив ведра с водой у порога и стараясь остаться незамеченной, Айбала пошла из избы.

«Пусть радуется,— подумала она.— Ведь еще ребенок. Сегодня у нее начало занятий в школе...»

В дверях она оглянулась на Ботагоз.

«Какому счастливому жигиту[3] написано судьбой обнять тебя?»— мелькнула у нее ревнивая мысль, но, вспомнив, что девушка еще слишком молода, чтобы думать о жигитах, она устыдилась этой мысли.

Продолжая перебирать волосы, Ботагоз вскинула взор своих черных, как сливы, глаз на плещущую ширь озера.

Было почти безветренно, но Бурабай в объятиях Көкшетау колыхался, подобно длинноволосой гриве бегущего коня, и гребни волн то с шумом ударяли о каменистый берег, взбрасывая белые облака пены, то отскакивали назад, сердито осыпая озеро мелкими брызгами. Последив некоторое время за плещущими

[1] Бурабай — казахское название озера Боровое.

[2] Еркем — «мой баловень». Так казахские женщины ласкательно называют своих золовок.

[3] Жигит — молодой человек, юноша, молодец.

волнами Бурабая, Ботагоз перевела свой взгляд на стройный каменный утес Ок-жетпес[1], высившийся на противоположной стороне озера.

Осенью листья березы становятся желтыми, листья тополя — красными, и только сосна никогда не меняет своего зеленого цвета. Эти три яркие цвета и разнообразные их оттенки в самых неожиданных и причудливых сочетаниях пестрили крутой склон высокого Ок-жетпеса.

Побежав в угол и взяв стоявшую там шкатулку с лентами, привезенными ей в подарок братом Кенжетаем, Ботагоз вернулась на старое место и начала сравнивать цвет лент с пестрой окраской склона Ок-жетпеса.

— Вот это сосна!— воскликнула она, вынимая из шкатулки зеленую ленту.— Это береза!— сказала, извлекая белую.

Желтую ленту она сравнила с осенней листвой березы, красную — с листьями тополя, а в серовато-голубой нашла сходство с окраской ствола тополя.

Раздумывая, как ей заплести косу, Ботагоз решила:

«Если уж подражать Ок-жетпесу, лучше начать плести без ленты,— голая вершина Ок-жетпеса тоже одноцветна, как и черные волосы,— а потом уж постепенно вплетать ленты под цвет осенней листвы и завершить косу пышным разноцветным бантом из их концов. Тогда будет настоящий Ок-жетпес».

Обрадовавшись своей выдумке, Ботагоз откинула волосы назад, расчесала их гребешком, разделила тонкими пальцами на три равные части и быстро-быстро начала заплетать косу. Закончив, она стала к зеркалу вполуоборот и, оглядываясь то на дальний Ок-жетпес, то на свою отраженную в зеркале косу, воскликнула:

— Точь-в-точь Ок-жетпес!

От зеркала Ботагоз оторвал донесшийся издали звон колокольчиков, эхом отдававшийся в окружающих избушку соснах.

«Наверно, едет Кенжетай»!— подумала Ботагоз.

У нее было три брата, все старше ее: самый старший — Балтабек, муж Айбалы, второй — Темирбек, и третий — Кенжетай. В возрасте братьев разница была небольшая: старшему, Балтабеку, было двадцать шесть лет, Темирбеку — двадцать четыре и младшему, Кенжетаю,— двадцать два года. Отец их Туякбай умер рано, а мать Улберген, женщина лет сорока пяти, жила в ауле у сыновей Темирбека и Кенжетая. Хозяйство у них было бедняцкое. Кенжетай гонял казенную ямщину. Темирбек батрачил у бая. Старший же брат, Балтабек, жил в поселке Бурабай, занимался кузнечным ремеслом, сапожничал. Ботагоз жила у него и училась в русской школе.

Выбежавшую во двор Ботагоз окликнула Айбала.

---

[1] Ок-жетпес — буквально: «Не достигает стрела». Природный каменный столб высотою 250—300 метров.

— Куда бежишь, еркем?

— Кажется, приехал Кенжетай,— ответила Ботагоз.

— Соскучилась по апа[1]?

Ботагоз приехала из аула еще в первых числах сентября, к началу занятий в школе, но из-за каких-то неполадок занятия все откладывались со дня на день. А уже кончался сентябрь. Вопрос Айбалы напомнил Ботагоз о матери, по которой она успела соскучиться, и на глазах у нее навернулись слезы. Желая скрыть их от невестки, она быстро убежала.

Между избушкой Балтабека и домом Андрея Кулакова, где останавливались ямщики, тянулся высокий и крутой каменистый вал, самой природой воздвигнутый из складчатых песчаников, небольших валунов и гальки.

Чтобы добраться до кулаковского дома, приходилось довольно долго идти по дороге, которая огибала эту преграду, и обычно детвора перебиралась через вал прямиком, карабкаясь по камням.

Ботагоз поступила так же. Хватаясь за обнаженные корни и ветки чахлых сосенок, стлавшихся между складками камней, она поднялась на гребень вала, прошла немного поверху и, найдя удобное место, спустилась на другую сторону. Большой деревянный дом Кулакова под зеленой крышей был близко, но между домом и валом находился широкий загон для скота, огороженный плетнем из длинных жердей.

Ботагоз шла меж редких кривых сосен вдоль изгороди загона и вдруг увидела впереди себя стадо кулаковских гусей. Она по опыту знала, что гусак Кулаковых злой. В прошлом году он до синяка укусил ее в ногу, и с тех пор она боялась его. Быстро свернув в сторону, она побежала. Гусак, как бы заметив ее испуг, раскрыл крылья и со зловещим шипением пустился в погоню за ней. Чувствуя, что гусак настигает ее, Ботагоз по привычке, перенятой ею от своих русских подруг, закричала: «Мама!», хотя мать свою она обычно звала не мама, а «апа».

— Э-э-э-й!— услышала она громкий окрик сбоку.

Оглянувшись, Ботагоз увидела, что на помощь бежит ее брат Кенжетай. Гусак струсил, сложил крылья и, медленно переваливаясь, пошел обратно к стаду.

— Ты чего, гуся испугалась?— шутливо спросил Кенжетай. Ботагоз смущенно опустила глаза.

— Как же не бояться?.. В прошлом году он укусил меня!..— ответила она и подняла глаза на брата.

Рядом с Кенжетаем стоял неизвестно откуда появившийся молодой красивый жигит-казах, одетый по-русски.

Вконец смущенная девушка повернулась и быстро побежала к дому Кулакова. Недалеко от дома она услышала:

---

[1] Апа — дословно: старшая сестра, но казахи часто называют так мать, обращаясь к ней.

— Бота!

Это ее окликнула подруга, одноклассница Лиза Кулакова.

— Чего ты так бежишь?— спросила Лиза, взяв Ботагоз за руку и заглядывая ей в лицо.

— Просто так,— ответила Ботагоз, краешком глаз взглянув в ту сторону, где остались брат с жигитом. Заметив, что они смеются ей вслед, она заторопила Лизу:— Уйдем, уйдем!

— Ну что же, пойдем ко мне!— сказала Лиза, и подруги скрылись за дверью большого дома Кулаковых.

II

Молодой жигит, одетый по-русски, был Аскар Досанов, родом из того же округа — Кокшетау. Отец его жил в поселке Щучьем, пас общественное стадо. Несмотря на свою бедность, он отдал Аскара учиться в местное двухклассное училище. Окончив это училище шестнадцатилетним юношей, в 1907 году, Аскар поступил в Омскую учительскую семинарию. С трудом добывая себе средства на жизнь, он кое-как дотянул до последнего курса, но семинарию так и не окончил. В 1911 году он встретился с известным баем и волостным управителем Итбаем Байсакаловым, земли которого расположены были на юге Кокшетау.

В те годы казахские аулы не имели национальных школ. Дети казахов обучались у мулл на старотюркском или на арабо-иранском языках, по старому методу религиозных школ, который никакого житейского знания не давал. Но в аулах некоторых баев были открыты так называемые «русско-киргизские школы», где дети обучались русской грамоте.

Инициатором устройства таких школ был казахский просветитель второй половины XIX века Ибрай Алтынсарин. Русско-киргизские школы, которые он впервые организовал для казахских детей, привились. Они продолжали распространяться и после его смерти. Такую же школу открыл в своем ауле и волостной управитель Итбай Байсакалов, считая, что это может выдвинуть его перед начальством. Встретившись с Аскаром Досановым, Итбай предложил молодому учителю взять на себя организацию школы и преподавание в ней. Аскар охотно согласился. Он быстро приобрел школьное оборудование, учебники и приступил к обучению казахских детей в новом четырехкомнатном бревенчатом доме, отведенном под школу в ауле Итбая.

Аул Итбая резко делился на две части. В одной находился дом самого Итбая и с десяток жилищ его ближайших родных и богатых родственников. Эта часть аула была построена по образцу соседних казачьих станиц. Дома здесь были деревянные, под железными крышами и располагались в два порядка вдоль широкой и прямой улицы. На середине улицы возвышались минареты высокой мечети. Рядом с нею находилась школа. В этой части аула хозяева жили только зимою, летом они уезжали на жай-

ляу[1]. Весь скот, кроме верховых и ездовых лошадей, они держали во второй части аула, отдаленной от первой на четыре-пять километров. Тут в саманных мазанках жили батраки фамилии Байсакаловых и бедные родственники, положение которых немногим отличалось от положения батраков. Хотя они и не должны были выполнять черную работу, как батраки, но все же обязаны были ходить за скотом Итбая и его братьев.

Ямщик Кенжетай жил в бедняцкой части аула. С Кенжетаем Аскар подружился вскоре после того, как поселился в этом ауле. Сегодня он приехал вместе с ним в поселок Бурабай, чтобы справиться на почте, нет ли ему писем и газет.

Взгляд невинных черных глаз Ботагоз заставил вздрогнуть сердце Аскара. Он спросил Кенжетая:

— Кто эта девушка?

— Моя сестра!

— Родная?

— Да, родная... Учится здесь в русской школе.

— Вот как!— удивился Аскар.

«Уже просватана?»— хотел было спросить Аскар, зная, что по казахскому обычаю девушек сосватывают чуть ли не с колыбели, но вовремя сдержался.

— Схожу на почту, узнаю, нет ли писем,— сказал Аскар.

— И я пойду с тобой!

Поселок, расположенный на южном берегу озера, назывался также Бурабаем. Он был разбросан среди высоких сосен и каменных глыб. Дом от дома нередко отделялся высокими буграми, как бы искусственно сложенными из каменных плит. На одном из таких камней и уселись Аскар и Кенжетай, возвращаясь с почты, где они получили несколько пакетов, пачку газет на русском языке и казахский журнал «Айкап».

Аскар с жадностью набросился на газету. Первая ее страница была заполнена всякого рода объявлениями, преимущественно о купле-продаже. Аскар, пробежав глазами эту страницу, перешел к следующей,

— Вот это интересно!— воскликнул он, прочитав сообщение о Балканской войне.

— А что?— спросил Кенжетай, начинавший уже скучать.

— Ты, наверное, слыхал, что турки воюют с балканскими государствами?

— Да. А кто победил?

— Недавно сообщалось, что начались мирные переговоры, а теперь, оказывается, началось новое кровопролитие.

— А что тут интересного? Пускай дерутся.

Аскар не стал объяснять Кенжетаю, что явилось причиной Балканской войны, ни того, что есть опасность возникновения

---

[1] Жайляу — летнее пастбище.

более серьезных столкновений между великими державами. Да вряд ли Кенжетай и понял бы его.

— А какие там еще новости?— спросил Кенжетай.

— Да вот посмотрю.

Аскар стал просматривать столбцы газет. Вдруг глаза его остановились. Кенжетай заметил это и спросил:

— Ну, а там что?

— Да вот, Кенжетай, скоро праздновать будешь.

— Что праздновать?

— Триста лет дома Романовых.

— А кто они такие?

— Это род русского царя.

— А почему же, говоришь, ему исполнилось триста лет?

— Триста лет тому назад предок нынешнего царя воссел на русский престол.

— А при чем тут торжества?

—«Воля котельщика, где вывести ушки для котла»[1].

— И мы будем праздновать?

— Как же, будешь!— ответил Аскар с иронией.

— Ну, в нашем-то ауле, думаю, никто не будет праздновать,— зло сказал Кенжетай.

— Почему?

— А чего нам торжествовать, когда, кроме горьких обид, мы ничего от этого царя и не видели?

— Тебе-то он что сделал?— спросил Аскар, желая раззадорить Кенжетая и вызвать его на откровенность.

— Не только мне, всему роду нашему зло принес. Старики рассказывали, что в молодые годы моего отца по приказу царя отняли у нашего рода лучшие пастбища и выгнали весь аул. Теперь, говорят, получена бумага, чтобы у нас отобрали и те земли, на которых сейчас бьемся. Народ не знает, куда деваться.

— Таков закон,— заметил Аскар.— Земля ведь казенная, а царь всей казне хозяин.

— Ойбай-ау![2] Что из того? Если земля казенная, то народу под землю провалиться, что ли? Разве царь создал землю? А вот землю Итбая и других байсакальцев щадят царские когти!..— раздраженно возразил Кенжетай.

Аскар зло усмехнулся.

— На то он и бай. И бог, и царь за него стоят... Кажется, со времен пророка баев никто пальцем не тронул.

— А какое царю дело до бая?

— Царь да бай — давнишние друзья,— уже серьезно сказал Аскар.— Их предки в дружбе жили. Лет двести назад, когда казахи переходили в русское подданство, семьдесят пять аксака-

---

[1] Казахская пословица.

[2] Ойбай-ау! — казахское восклицание, выражающее удивление, обиду, оскорбление.

лов[1] поехали в Оренбург к русскому генералу, чтобы принести присягу на верноподданство русскому царю. В их числе был и прадед Итбая как представитель от нашего края. Царь тогда пожаловал ему дворянство и дал грамоту: детей его и потомков в солдаты не брать и земли их не трогать.

— Вот как?

— Да, так!..

III

Аул, где жил Кенжетай, находился в тридцати верстах от поселка Бурабай. Для лошади, которую запрягали ежедневно и которой не давали отдыха, было бы не под силу пробежать за день шестьдесят верст из аула в поселок и обратно. Ямщину гоняли объединенными силами несколько бедняков. У каждого из них было только по одной лошади. Довести до истощения, загнать единственную лошадь,— значило вконец погубить немощное хозяйство, и без того испытывавшее большую нужду. А потому Кенжетай, приезжая в Бурабай, давал отдых коню и обычно ночевал в поселке.

Еще немного послушав газетные новости, которые передавал Аскар, Кенжетай встал.

— Пойду отведу коня к Балтабеку,— сказал он.— А ты сейчас пойдешь со мной?

— А когда поедем обратно?

— Если не приедут чиновники и не потребуют коня, то завтра. А куда ты думаешь идти?— в свою очередь спросил Кенжетай.

— Я...— Аскар задумался и после короткой паузы сказал:— Пойду пройдусь по берегу озера. А к Балтабеку зайду попозже.

С малых лет Аскар чувствовал особое влечение и любовь к родным озерам.

Поселок Щучье, где родился Аскар, находился у подножья склона Бурабайских гор, на берегу озера Щучье, одного из восьмидесяти озер Бурабая. По красоте и величине Щучье не уступало остальным озерам. «Рыбы его играют, как стригуны, и лягушки блеют, как овцы»,— говорит казахская пословица. На северо-западе от Щучьего высилась, наподобие горба откормленного верблюда, гора Оркешты. Вершина ее была высока и возбуждала желание взобраться на нее и насладиться окружающими видами.

Аскар провел детство на берегу родного озера, ныряя в бездонную глубину серебристых вод и отдыхая на жемчужных песках берега. Когда Аскар подрос, его перестала удовлетворять красота одной лишь горы Оркешты, а стала манить синеющая высь Кокше. Вершины Кокше, возвышаясь над окружаю-

[1] **Аксакал** — буквально: белая борода; почтенный человек, глава рода.

щими группами меньших гор, прорезанных скалистыми ущельями, казалось, стояли на страже и оберегали эти горы, подобно заботливой матери, прижимающей к груди своих малых детей и грозно озирающейся по сторонам. Аскар не раз без устали обходил эти горы, поднимался на самую макушку Кокше и восторженно любовался алмазными отблесками всех восьмидесяти озер, будто налитых в золотые чаши и видных оттуда как на ладони.

Не было в районе Кокше красивого уголка, где бы не побывал Аскар. Величественный вид Кокше и других гор никогда не надоедал ему. И в те годы, когда он учился в Омске, Аскар все лето проводил у себя на родине. Даже на короткие зимние каникулы, несмотря на дальность и трудность пути, он старался приезжать домой.

Расставшись с Кенжетаем, Аскар побрел по берегу озера Бурабай в направлении к Ок-жетпесу. Обычно, когда он проходил береговой тропинкой, его внимание привлекал расположенный на южном берегу Бурабая курорт. И сегодня на курорте было не менее интересно, чем всегда. Выдался тихий, ясный и теплый вечер. Воспользовавшись этим, курортники высыпали на пляж. Играл духовой оркестр, многие танцевали. Аскар любил танцы, и раньше он непременно завернул бы туда. Но сегодня танцы не соблазняли его; проходя мимо курорта, он лишь искоса посмотрел в его сторону и прошел дальше к Ок-жетпесу.

Аскар шел, ни о чем не думая, находясь в каком-то странном забытьи. Подойдя к подножью Ок-жетпеса, он удивился, как незаметно прошел это расстояние.

Утес Ок-жетпес как будто сложен рукой архитектора. Он прям и ровен, как стена многоэтажного дома. Еще удивительнее то, что на вершине, в расщелинах меж каменных складок, растут сосны.

«Как могли они пустить корни в голый камень?!»— думал Аскар.

Но сегодня Аскару показалось, что утес стал как-то ниже. В другой раз Аскар непременно взобрался бы на его скалистый пик, чтобы оттуда полюбоваться дальними вершинами Кокше. Сейчас он даже не взглянул в их сторону. Его взор привлекали не сизые горы, а прилепившиеся к крутому южному берегу озера маленькие деревянные домишки поселка, казавшиеся издали, через озеро, еле заметными точками.

С восточной стороны Ок-жетпеса, над озером Бурабай, нависала гранитная скала. Окрестное население называет ее Жумбак-тас[1]. Аскар хорошо знал легенду, связанную с названием этой скалы.

Легенда гласит:

---

[1] Жумбак-тас — скала загадки.

Раз, во времена междоусобиц, казахи напали на соседнее племя, угнали его скот и взяли в плен людей. Среди пленников оказались одна девушка и ее любимый жигит — знаменитый батыр. Девушка поражала своей красотой, все казахские военачальники стремились завладеть ею. Об этом узнал хан. Чтобы избежать раздора между своими полководцами, он предоставил выбор самой девушке. Девушка сказала: «Я выйду за того, кто метнет из лука стрелу до вершины каменного утеса». Хан согласился. Соревновались все, но никто из казахов не сумел метнуть стрелу до намеченной цели. Тогда пленница обратилась к хану с просьбой дать возможность и ее любимому жигиту принять участие в соревновании. Хан согласился, но поставил условие: если стрела жигита вершины утеса не достигнет, ему отсекут голову.

Девушка ответила загадкой, из которой хан понял, что пленница согласна на его условие, но просит, чтобы ей позволили наблюдать за стрельбой с гранитной скалы, нависшей над озером. Хан дал согласие. К счастью девушки, стрела ее возлюбленного долетела до вершины столба, и хан, восхищенный силой жигита, разрешил ему жениться на любимой девушке. Тогда пленница сказала: «Загадка состояла в том, что если бы моего возлюбленного постигла неудача, я бросилась бы со скалы в воду». Отсюда и произошло название скалы —«Жумбак-тас» и название утеса —«Ок-жетпес».

С Ок-жетпеса Аскар повернул к Жумбак-тасу. Сев на высокий, нависший над водой выступ скалы, он долго смотрел на поселок Боровое.

Он думал о Ботагоз.

В ауле Итбая, где учительствовал Аскар, не было ни одной замужней женщины, которую муж не купил бы за калым, не было и ни одной незапроданной девушки. «В тринадцать лет девушка — хозяйка домашнего очага»,— говорили в ауле. Часто бедняки, соблазнясь большим выкупом, отдавали своих малолетних дочерей старикам или людям с физическими недостатками. Никто не вел борьбы с этим злом. Аскар выступил со статьей против калыма в единственном тогда казахском журнале «Айкап». Но горячие протесты Аскара остались гласом вопиющего в пустыне — царское правительство всячески поддерживало давний обычай. После появления в «Айкапе» этой статьи некоторые «продавцы» дочерей стали приглашать Аскара на их свадьбы, с насмешкой предлагая ему написать и о них.

Бесправное положение казахской девушки приводило Аскара в отчаяние, и он сильно обрадовался, узнав, что Ботагоз учится в русской школе. Обрадовался он и потому, что даже в городе редкие казашки учились грамоте, в ауле же таких примеров и вовсе не было. Его попытки привлечь аульных девушек в свою школу не увенчались успехом. Не только бедняки не пускали

своих дочерей в школу, даже Байсакаловы насмешливо заявляли:

— Ты раньше сделай чиновниками наших сыновей, а потом уж обучай дочерей.

Встретив Ботагоз и узнав, что девушка учится в русской школе, Аскар подумал, что похожая на мираж далекая мечта его о грамотной казашке стала как будто более реальной.

Солнце давно уже перевалило за полдень, когда он оставил Жумбак-тас и направился в поселок.

Кенжетай только издали указал, где живет Балтабек, и потому Аскар спросил первую попавшуюся ему в поселке русскую женщину:

— Скажите, тетушка, не знаете ли вы, где тут живет кузнец Балтабек, брат ямщика Кенжетая?

— А, Балтабек... Вон, видишь, где толстая сосна? Недалеко за ней, там спросишь.

Пройдя указанную женщиной сосну, Аскар в нерешительности остановился. Но, озираясь по сторонам, он заметил невдалеке маленькую деревянную избушку, у которой стояла знакомая тележка Кенжетая, и направился туда. Во дворе, у двери дома, Айбала ставила самовар.

— Здравствуйте!— обратился к ней Аскар, не зная, кто она такая.

— Шшш...— полушепотом, едва слышно произнесла Айбала слово «шукир»— «здорова»,— настолько она, сохранив обычай молодых женщин-казашек, стеснялась незнакомых мужчин.

— Не здесь ли живет Балтабек?

Айбала улыбнулас .

— Значит, здесь?

Айбала опять улыбнулась.

— А, оказывается, нашел сразу!— уже уверенно сказал Аскар и спросил:— А Кенжетай дома?

— Ушел в лавку.

Скромность и приветливость Айбалы понравились Аскару. Он нашел, что она и собой недурна. Выражение лица, как и все манеры, тоже показалось ему приятным. Не зная, жена ли она Балтабека или посторонняя этому дому женщина, Аскар вежливо спросил:

— Вы из этого дома?

— Да.

— Супруга Балтабека, не так ли?

Айбала утвердительно кивнула головой.

— А где Балтабек?

— На кузнице, вернется вечером.

— Как же вас зовут?

— Айбала.

В этот момент за каменным валом со стороны дома Кулако-

ва послышались смех и девичьи голоса. Аскар насторожился и стал смотреть в ту сторону, не отводя глаз, а Айбала озабоченно пробормотала:

— У еркем кончились уроки, а у меня еще не готов чай!

На гребне вала сначала показались цепляющиеся за камни четыре руки, мало отличимые по цвету кожи, а потом появились две девичьи головы, одна русая, другая черноволосая. Весело смеясь, девушки поднялись на гребень и стали спускаться, осторожно переставляя ноги с выступа на выступ. В них Аскар узнал тех молодых девушек, которых видел днем у ограды кулаковского дома. Девушки же не заметили молодого человека, стоявшего в стороне. Когда они достигли ровной земли, казашка, оставив подругу, быстро добежала до дому и бросилась на шею Айбале, не выпуская из рук ремней, в которых были застегнуты три-четыре книжки.

— Что ты, как маленькая, Ботагоз!— воскликнула русская девушка!

— Я ведь люблю ее!— ответила та.

И только тут Аскар узнал, что девушку-казашку зовут Ботагоз.

Это была смуглая брюнетка с черными глазами. Она казалась высокой. Шея у нее была стройная, нос небольшой, прямой и красивый. На ней был местами потертый камзол полурусского покроя из красного бархата. Если бы не кокетливо заплетенная коса, Ботагоз выглядела бы почти девочкой.

— Отпусти, еркем! Надо приготовить чай!— сказала Айбала, нежно пытаясь снять со своей шеи руки девушки и целуя ее в щеку.

Ботагоз продолжала обнимать невестку, но та что-то шепнула ей на ухо, и девушка сразу сняла руки и, выпрямившись, повернулась в сторону Аскара.

— Здравствуйте, сестрица!— сказал Аскар, делая несколько шагов ей навстречу.

В душе он опасался, как бы она опять не убежала, как давеча днем, но против его ожидания, Ботагоз смело подняла на него глаза и подала руку. Тонкие пальцы девушки показались ему хрупкими, как нежные побеги, и он пожал их осторожно, еле прикоснувшись. Стоявшая рядом Лиза спросила Аскара:

— А со мной почему не поздоровались?

Аскар, извиняясь, протянул ей руку, но Лиза засмеялась и, воскликнув: «Уже поздно!»,— попятилась назад, пряча руки за спину. Аскар шутливо развел руками и опять обратился к Ботагоз:

— Кенжетай говорил мне, что ты учишься в русской школе. Давно у вас начались занятия?

— Нет, только сегодня. Было четыре урока,— ответила Ботагоз.

Разговору помешало появление Балтабека. Ботагоз обернулась к брату, прошедшему в дом. Аскар понял, что ей хочется остановить его, и не стал задерживать ее. Ботагоз, Айбала и Лиза пошли вместе к дому, а Аскар остался во дворе.

IV

В сумерках Аскар сидел в избе, разговаривая с Балтабеком. Ему и раньше приходилось слышать о нем, но познакомились они только в этот вечер. Ботагоз готовила уроки. Айбала хлопотала по хозяйству. Один Кенжетай еще не вернулся домой.

Неожиданно вошла Лиза и позвала подругу на вечеринку.

Прежде чем ответить, Ботагоз посмотрела на Айбалу. Та поняла взгляд своей золовки. Они любили и уважали друг друга, и без разрешения Айбалы Ботагоз ни на шаг не отлучалась из дому.

Айбала выросла в ауле и до замужества никогда не видела русского селения. Хотя она стала немного понимать русскую речь с тех пор, как поселилась в Бурабае, но говорить по-русски не умела, к русским нравам привыкала с трудом и казахских обычаев, вывезенных из аула, держалась еще очень крепко.

Айбала отлично знала казахскую пословицу: «для девиц сорок запретов»— и не забыла еще аульный обычай держать девочек старше тринадцати лет под строгим надзором — их считали уже взрослыми невестами и будущими хозяйками юрты. Но все же русский поселок оказал свое влияние и на Айбалу, да она и верила скромности Ботагоз, верила, что та ничего легкомысленного или дурного себе не позволит. Улыбнувшись, Айбала сказала:

— Что ж, еркем, если хочешь, иди, но не засиживайся долго, к ужину вернись.

Девушки ушли. Когда голоса их замерли вдали, на дворе послышался топот лошадиных копыт, звяканье удил, а затем голос Кенжетая.

Не входя в избу, он спросил Айбалу:

— Ботагоз дома?

— Ушла с Лизой на вечеринку.

— А не заходил сюда Аскар?

— Здесь я,— отозвался Аскар.— Без тебя нашел.

— Выдь на минуточку!

Когда Аскар вышел во двор, Кенжетай со смехом спросил его:

— Что ж, со стариками будем сидеть или на вечорку пойдем?

— Хорошо, пойдем.

— А ужин?..— крикнул им из избы Балтабек, но Кенжетай прервал его:

— Что ужин! Ужин подождет, а вечорка не каждый день бывает.

Идя по темной улице, они вскоре увидели освещенный дом, из окон которого доносились шум голосов и звуки гармошки.

Две смежные комнаты, когда туда вошли Аскар и Кенжетай, оказались битком набиты девушками и парнями. В середине одной из комнат образовался небольшой круг. Там плясали. Душой вечеринки был Антон, батрак Кулакова. Он плясал больше всех, заставляя плясать других, силой выводя их в круг, и смешил всех своими шутками.

Проходя по рядам, чтоб втащить в круг парней и девушек, Антон заметил Кенжетая и Аскара и бросился к ним, громко восклицая:

— Давай, давай! Айда плясать!

Схватив Аскара за руку, он ввел его в круг, не обращая внимания на его уверения, что он не умеет плясать.

— Ну-ка, дуй!— крикнул Антон курносому парню, сидевшему с гармошкой на коленях.

Парень этот слыл лучшим гармонистом во всем поселке Бурабае, а на вечеринках играл с особым азартом. Он вовсю растянул мехи гармошки и, быстро перебирая пальцами лады, лихо заиграл «русскую».

— Ну-ну... Давай, давай!— зашумели вокруг.

— Я «русской» плясать не умею,— отнекивался Аскар.

— Что хочешь сыграю,— заявил гармонист, желая похвалиться своим уменьем.

— Сыграй тогда краковяк!— попросил Аскар и, когда гармонист заиграл, стал глазами искать, кого бы взять в пару.

Увидев в толпе стоявших рядом Лизу и Ботагоз, он подумал, что Батогоз, может, еще не научилась танцевать, да, кроме того, он постеснялся Кенжетая, а потому подошел к Лизе и пригласил ее.

Лиза, отмахиваясь, отступила было назад, но Антон схватил ее и вывел на середину круга. Тогда она, улыбнувшись, протянула руку Аскару.

Ботагоз сначала любовалась тем, как плавно несутся Аскар и Лиза, а потом, когда они, обнявшись, как полагалось в танце, стали кружиться, она в глубине души подумала:

«А хорошо бы и мне научиться танцевать так же».

Когда Кенжетай, Ботагоз и Аскар вернулись с вечеринки, было уже за полночь. Айбала чинила рубашку, а Балтабек спал. Увидев входящих, Айбала тихо тронула Балтабека за ноги и сказала:

— Вставай!

Балтабек, протирая кулаком глаза, поднялся. Айбала вышла во двор и вернулась оттуда с небольшим котлом, покрытым круглым опрокинутым блюдом. Айбала открыла котел, из которого повалил пар, и Балтабек обратился к Аскару:

— Не хотелось, чтобы вы легли на голодный желудок, и велел зарезать одну из наших трех кур. Слышали, наверное, пословицу:

«Приятно и хорошо резать, когда достаток; быть порцией для десяти человек — для барашка удел судьбы.

Зарежешь — не станет барашка у тебя,
Не зарежешь — стыд смертельный для себя.
Не зарежешь — не польется кровь.
Не потечет сало от пустых слов».

Достаток у нас небольшой, живем только ремеслом. Так простите, что не могу принять вас как следует и хорошо угостить, уж будьте довольны моей искренностью,— заключил Балтабек.

— Что вы?! Разве я такой гость, который мог бы осудить вас? Приемом вашим очень доволен. А вот курицу-то напрасно зарезали,— сказал Аскар, успокаивая хозяина.

Когда на дастархан[1] поставили блюдо с ужином, Аскар обратился к Айбале и Ботагоз, сидевшим отдельно от мужчин:

— И вы присаживайтесь к нам.

— Душечка Бота, иди садись с нами!— сказал Балтабек.

Ботагоз подошла и села между братьями, опираясь одним локтем на Балтабека.

— И вы, тетушка, присаживайтесь!— опять обратился Аскар к Айбале.

— Ее порция ведь перед ней,— заметил Балтабек.

Но Аскар не сдавался:

— Все-таки давайте кушать вместе, ведь мы все молодые, стыдиться некого!— настойчиво приглашал он Айбалу.

Курица, приготовленная Айбалой, по вкусу не уступала барашку. Она была кусками зажарена в сметане. Кроме того, на блюде вокруг нее было разложено штук пятнадцать целых, круто сваренных, очищенных от скорлупы яиц. К краю блюда были прислонены деревянные ложки.

Аскара занимал не столько вкусный куырдак из курицы, сколько Ботагоз, но он сдерживал себя и старался не смотреть на нее, а если изредка взгляд его и скользил по ней, то только мимолетно, незаметно для ее братьев. Занятый мыслями о Ботагоз, Аскар и не заметил, как ужин кончился.

В бедном и молодом хозяйстве Балтабека не было лишней постели для гостя. Аскару прямо на полу постелили одеяло, под голову положили подушечку. Сняв тужурку и сапоги, он лег в брюках и накрылся своим пальто.

Необычная для холодной и дождливой сибирской осени, особенно резкой в гористых местностях, ночь выдалась тихая и теплая. На небе не было ни облачка. Луна на ущербе всплыла с горизонта близко к полуночи и теперь, поднявшись высоко,

[1] Дастархан — скатерть.

отражалась в бездонной глубине Бурабая. От лунного сияния в комнате посветлело.

Аскар лежал неподвижно, но сон не смыкал его глаз, и он долго прислушивался к тихим всплескам волн о берег,— от окна до берега было всего несколько саженей.

Дума за думой одолевали Аскара. Наконец, он приподнялся и, сидя на постели, посмотрел в сторону Ботагоз. Она лежала на спине, укрывшись одеялом только по грудь. Дыхания ее Аскар услышать не мог, но заметил, как тихо колышется рубашка на груди, и в полумраке ночи Ботагоз показалась ему как бы сотканной из светящихся лучей и еще более красивой, чем днем. Не отводя глаз от девушки и глубоко вздохнув, он подумал:

«Неужели это — любовь?»

Утром Аскар проснулся поздно. Он проспал бы еще дольше, если бы его не разбудил Кенжетай. В доме все давно уже были на ногах, постели убраны, возле порога кипел старый желтый самовар. Айбала готовила чайные чашки.

— На тебя, кажется, сон не в обиде,— сказал Кенжетай Аскару, умываясь во дворе перед открытой дверью.

— Разве агай уже ушел?— спросил Аскар Айбалу, подразумевая Балтабека.

— Да. И его, и еркем я напоила чаем рано. Ему нужно было спешить на работу, а еркем — в школу.

Сегодня Айбала разговаривала уже свободнее. Если вчера вечером она, помня песню Балуан-Чулака:

> К девицам красивым тянуться — злой рок мой.
> Никак не могу побороть тот порок мой.

опасалась было, не из таких ли молодцов и Аскар, то теперь она была другого мнения о нем. Поведение Аскара, его отношение к ней и к Ботагоз внушило ей доверие. В глубине души она даже подумала:

«Хорошо было бы, если б еркем досталась такому жигиту».

За чаем ей хотелось спросить Аскара, есть ли у него сосватанная по казахскому обычаю невеста, но из скромности она удержалась.

После чая Кенжетай запряг лошадь, и они с Аскаром выехали в аул. Отдохнувшая лошадка легко бежала, не требуя кнута. Не успели они проехать поселок, как с колеса соскочила железная шина. Кенжетай остановил лошадь, а Аскар спрыгнул с тележки и принес шину.

— А, черт побери! Придется свернуть вон туда, к кузнице!..— воскликнул Кенжетай, указывая на кирпичный сарай с раскрытыми воротами.

В кузнице они встретили Балтабека и русского кузнеца, лет тридцати пяти, в кожаном фартуке.

Пока Кенжетай снимал колесо, русский кузнец внимательно вглядывался в Аскара. Аскару тоже казалось, что он где-то встречал этого русского, но счел неудобным расспрашивать его.

Это был Григорий Максимович Кузнецов, ссыльный большевик, с которым Аскар года два-три тому назад встречался в Омске.

Кузнецов был уроженцем Москвы, сыном рабочего с завода Гужона. С десяти лет Гришка тоже начал работать на заводе, но пятнадцатилетним юношей уехал в Петербург, устроился на работу на Путиловском заводе и больше в Москву уже не возвращался.

С 1902 года он участвовал в социал-демократических кружках и вскоре стал членом Российской социал-демократической рабочей партии. После раскола РСДРП на Втором съезде Григорий Максимович примкнул к большевикам.

В разгар декабрьского восстания в Москве он вместе с другими питерскими большевиками был арестован царской охранкой и, как один из активных участников рабочего движения, заточен в Петропавловскую крепость. После двухгодичного заключения Кузнецов был приговорен царским судом к трем годам каторжных работ. Когда он отбыл в тайге срок каторги, царское правительство сослало его в какую-то глухую дыру, но потом разрешило поселиться в Омске. В Омске Кузнецов поступил рабочим на Иртышское пароходство. Он снесся с омской подпольной большевистской организацией и повел среди рабочих пристани революционную пропаганду.

На этой-то пристани в 1910 году и встретился Аскар впервые с Кузнецовым. Кроме небольшого пособия, которое Аскар получал в числе немногих казахов, учившихся в семинарии, никаких средств у него не было. И он время от времени работал чернорабочим в омском порту. Устав за день, Аскар иногда, в особенности по воскресным дням, не возвращался на квартиру, а оставался ночевать на пристани. Кузнецов, интересуясь каждым новым рабочим, скоро, конечно, заметил и Аскара, который всем своим видом выделялся среди других рабочих-казахов. В начале Кузнецов осторожно прощупывал его, проверяя, не провокатор ли он, подосланный полицией, но после двух-трех бесед убедился в том, что этот бедный молодой семинарист и будущий учитель действительно стремится стать полезным для своего народа человеком. Из этих же бесед Кузнецов понял, что молодой казах не видит еще прямого пути к служению своему народу, что в нем сильны еще многие предрассудки, что не свободен он и от националистических влияний. Не открывая своей настоящей роли, Кузнецов стал разъяснять Аскару сущность классовой борьбы, рассказывал о революции 1905 года, приводил примеры из

социально-экономических отношений в казахском ауле, из жизни рабочих-казахов.

Вскоре, однако, Кузнецову поневоле пришлось прервать свою работу. Этой зимой рабочие пристани, доведенные нуждой до отчаяния, забастовали. Царские сатрапы сразу учуяли в этом влияние ссыльных революционеров и многих из них, в том числе и Кузнецова, посадили в тюрьму.

В тот же день, вечером, Аскар вместе с другими рабочими был вызван в полицию на допрос. В участке полицейский урядник потребовал, чтобы Аскар рассказал о подозрительных личностях, которых он встречал на пристани. Когда же Аскар ответил, что таких не знает и не видел, то урядник стал запугивать его ссылкой в Нарым. Аскар действительно не знал о существовании на пристани подпольной большевистской организации, но когда урядник прямо спросил его о Кузнецове, он понял, в чем дело, и уже на все вопросы полицейских упорно отнекивался. Ни уговоры, ни угрозы не сбили его с этой позиции. В конце концов, ничего не добившись от Аскара, его отпустили, пригрозив, что при малейшем подозрении в сношениях с «неблагонадежными элементами» или при участии в забастовке ему нечего ждать пощады.

Не угрозы эти волновали Аскара в ближайшие дни после допроса в участке. Он понял, что счастливый случай столкнул его с человеком, который мог передать ему драгоценные знания, что вряд ли так скоро встретит он подобного человека, от которого услышит вновь слова надежды и борьбы, столь близкие его сердцу. Он искал таких же людей, но не знал, где найти их.

Встречи с Кузнецовым не были забыты Аскаром. Как ни общи были те знания, которые ему удалось почерпнуть в нескольких беседах с питерским большевиком, они очень помогали ему разбираться и в том, что происходило на его глазах в казахском ауле Итбая, где он учительствовал.

Вот почему Аскар так разозлился на самого себя, когда, уже выехав из поселка, вдруг вспомнил, кто этот кузнец, встреченный им в кузнице Балтабека.

«Ведь это же Кузнецов! Конечно, он... Как же я мог не узнать его?»

Было уже поздно возвращаться в Бурабай, но Аскар твердо решил в первую же поездку в поселок снова разыскать Кузнецова.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПАКЕТ

I

В один из обычных для Кокшетау холодных и буранных ноябрьских дней полицейский урядник Кошкин выехал из поселка Бурабай, направляясь в аул волостного Итбая. Вез его Кенжетай.

Буран безостановочно дул вторые сутки, и мороз стоял такой, что колол лицо, словно иглами, обжигал, как каленое железо, а плевок замерзал на лету. На занесенной дороге не было видно ни единого следа,— степь лежала сплошным белым саваном.

Умная и привычная к условиям зимнего пути да к тому же не раз пробегавшая по этой самой дороге в разное время года, лошадь Кенжетая хоть и вязла по колено в рыхлом снегу, но все-таки не сбивалась с пути, ощупью находя утоптанный твердый грунт. Нередко ноги лошади срывались с дороги и уходили в глубокий сугроб, и она вытаскивала их с трудом. Кенжетаю поневоле приходилось ехать медленно. Но урядник не считался с этим, и почти ежеминутно осыпая Кенжетая подзатыльниками, сердито кричал:

— Гони же, сволочь!

Кошкин был сурового вида здоровенный мужчина с длинными усами и густыми бровями. Поверх шинели на нем был еще черный бараний тулуп, на голове красовалась высокая косматая папаха. На усах у него образовались ледяные сосульки, ресницы и брови покрылись инеем, от чего взгляд его казался еще суровее.

Кошкин спешил. Он вез срочный пакет, доставленный ему из Алексеевки другим урядником. Вместе с пакетом, запечатанным сургучной печатью, урядник вручил Кошкину записку пристава. Пристав наказывал ему — собственноручно, никому не доверяя, вручить пакет волостному управителю Итбаю Байсакалову. Поручение это сопровождалось угрозой отдать Кошкина под суд, если он потеряет пакет.

Судя по штампу на конверте, пакет был от омского генерал-губернатора.

— Гони, сволочь!— крикнул опять урядник и так ткнул Кенжетая в спину, что тот чуть не свалился с козел.

Взбешенный Кенжетай обернулся назад и, не найдя слов, только зло посмотрел на седока.

— Ты что, подлец, глаза вытаращил?!— закричал урядник, встал в санях во весь рост и по-собачьи оскалил зубы.

Растерявшийся Кенжетай воскликнул:

— Что прикажете, ваше благородие?!

— Вот что приказываю!— и Кошкин, откинув правую руку назад, со всей силой замахнулся на ямщика, но промахнулся, и кулак его угодил в козлы саней. Еще более озлобленный тем, что ушиб руку, урядник зарычал, как медведь:— Останови лошадь!

Пока Кенжетай натягивал вожжи, Кошкин опять занес над ним кулачище. От резкого движения урядника сани наклонились набок, и оба — и ямщик, и седок,— барахтаясь, вывалились в глубокий снег. При падении урядник случайно оказался под Кенжетаем, который не мог сразу подняться, так как руки и ноги его вязли в глубоком снегу, не находя опоры. Кошкин заподозрил, что Кенжетай собирается побить или даже убить его: он вспомнил, что прошлой зимой нашли в поле одного урядника убитым, а убийцу так и не разыскали.

— Пусти!— крикнул Кошкин, толкнув Кенжетая в грудь.

Они с трудом поднялись. И пока они не сели в сани, Кошкин, чтобы скрыть свой страх, все грозил Кенжетаю:

— Погоди... Я тебе... еще покажу... покажу!.. Погоняй лошадь!

Лошадь Кенжетая, бороздя рыхлый снег санями, как плугом, довезла своих седоков в аул Итбая только к закату солнца. К этому времени ветер несколько ослаб, буран начал стихать, но мороз усилился.

Когда, понукая и дергая вожжами свою усталую рыжку, Кенжетай подъехал к загону для лошадей, у ворот стоял сам Итбай в лисьем треухе и в волчьей шубе с широким откидным воротником. Услышав звон колокольчиков, он сначала оглянулся, повернув голову с заплывшим от жира затылком, а потом повернулся и всем корпусом. Волостному не в диковину был приезд чиновников. Представители власти часто наезжали к нему, и он принимал их соответственно чинам и положению. Положение и звание чиновников определялись им по тому, как и на чем они приезжали: если летом — в экипаже и на паре, а зимой в крытых санях и на лошадях, запряженных гусем,— значит приехал большой человек; если же на одной лошади и в открытой тележке или в простых санях — значит какой-нибудь урядник или иной малый чин. Были волостные управители, которые боялись и урядников, но Итбай был не из таких. Он был в хороших отношениях с губернатором и с уездным начальником. Об этом знали урядники и не особенно хорохорились перед ним. Урядникам, которые не нравились ему, Итбай иногда не оказывал даже обычного гостеприимства.

Итбай имел сильную руку у высшего начальства. При перевыборах волостных управителей, происходивших за несколько месяцев до приезда Кошкина, большинством голосов был выбран некто Агайдар. Итбай же получил лишь четыре избирательных голоса и был забаллотирован. Тогда он спешно поехал в Омск, был принят самим степным генерал-губернатором Сухомлиновым, который, на основании действовавшего тогда «Поло-

жения по Управлению степными областями», отказался утвердить выборы Агайдара и приказал назначить Итбая волостным без всяких выборов. Кошкин хорошо знал это, а потому, увидав Итбая, спрыгнул с саней, сам подошел к нему и поздоровался за руку.

— Я приехал к вам по важному делу,— сказал Кошкин.

— Слушаю. В чем дело?

— Зайдем в комнату... Эх, замерз же! Водка есть?

Видя, как урядник потирает руки и бьет ногу об ногу, Итбай указал на свой дом:

— Зайдите туда, в этот дом, а я скоро приду, только управлюсь с лошадьми. У Горбунова водка есть...

Кенжетай, дрожа от холода, все еще стоял у ворот загона, боясь, как бы его не заставили ехать еще куда-нибудь. Направляясь в дом Итбая, Кошкин бросил ему на ходу:

— Свободен, поезжай!— И не забыл при этом пригрозить:— Я тебе...

В доме Итбая было шесть комнат. Одна была отведена под канцелярию волостного управления, и там же жил волостной писарь Горбунов.

Когда урядник, весь в снегу, вошел в комнату, писарь лежал на кровати и курил. Увидев постороннего человека, он соскочил с постели.

— Здравия желаем, Гаврила Гаврилович!— с трудом произнес Кошкин, еле владея замерзшими губами.

В комнате стоял полумрак, и Горбунов не сразу узнал Кошкина.

— Не узнали, Гаврила Гаврилович?..

— Темно, никак не признаю.

— Как же так, дорогой мой?.. Платона Трофимовича да не узнали? Может, слыхали про такого?

— А-а-а!.. Очень рад и счастлив видеть вас!.. Замерзли?.. Разоблачайтесь, Платон Трофимович!

Горбунов снял с урядника тулуп, а сам Кошкин окоченевшими пальцами с трудом расстегивал пуговицы шинели.

— Шагайте к печке поближе, Платон Трофимович... Погрейтесь...— любезно ухаживал за гостем Горбунов.— Может, водочка согреет вас?

— Ежели таковая имеется...

— О, для вас из-под земли выкопаю...

Горбунов достал из шкафа полбутылки водки и налил полный стакан.

Кошкин залпом выпил и крякнул от удовольствия.

— Благодарю, Гаврила Гаврилович, благодарю... Я прибыл к вам с чрезвычайным поручением.

— Ну, дорогой, выкладывайте!

Горбунов уже семь лет служил писарем у Итбая. Он хотя и плохо говорил на казахском языке, но хорошо знал быт и тра-

диции казахов, знал все интриги аульных заправил и всю подноготную их подчас запутанной и сложной политики.

— Вот оно!— сказал урядник, засунув руку во внутренний карман, куда он положил пакет.

Но пакета там не оказалось. Кошкин побледнел.

— Потерял, Гаврила Гаврилович!— воскликнул он в ужасе.

— Что случилось, Платон Трофимович? Что вы потеряли?

— Пакет!

— Какой пакет!..

— Ах, пропал я!.. Пропала моя головушка!..

На уряднике лица не было, и Горбунов понял, что случилось что-то очень серьезное.

— Пакет... от губернатора... потерял...— прошептал Кошкин на ухо писарю.

— Где же?

— Не знаю, в поле или в санях...

Со страха ли, оттого ли, что он еще не отогрелся, у урядника тряслась челюсть и стучали зубы.

— Да вы не беспокойтесь. Поищем, пошлем к саням человека,— сказал Горбунов.

— Н-н-ет... Сам пойду... Нельзя доверять... Только бы не уничтожил этот подлец.

— О ком это вы говорите?

— О ямщике.

В состоянии полной растерянности застал урядника Итбай, зайдя в волостную канцелярию. Собственно, и в момент приезда урядника Итбаю нечего было делать в загоне, но он остался там и не пошел в дом вместе с Кошкиным нарочно, чтобы дать понять ему, что не особенно считается с таким начальством. Горбунов объяснил, что случилось с Кошкиным, и Итбай с достоинством сказал:

— Ямщик не тронет и не украдет пакета. Скорее всего, вы потеряли его в поле...

— Нет, пакет, верно, у этого сукина сына... Он мне и в пути не нравился!— в отчаянии воскликнул Кошкин.

«Что же может быть в этом пакете?»— подумал Итбай, видя как трясется урядник.

II

Кенжетай жил в той части аула Итбая, где ютились батраки и бедные родственники бая, но это не мешало ему часто бывать у Аскара, который жил рядом со школой, в двухкомнатном доме, выстроенном специально под квартиру учителя.

— Ты знаешь казахскую грамоту. Заходи в свободное время ко мне и учись русской грамоте. Быстро усвоишь,— сказал ему как-то Аскар.

С тех пор Кенжетай и стал заходить к Аскару в свободные

от ямщины дни. Быстро повторив знакомые ему четыре действия арифметики, он уже успешно проходил дроби. Но больше всего Кенжетай любил заниматься русским языком. Он легко усваивал русскую грамматику, особенно трудную для казахов. Правда, запас русских слов у него все еще был невелик, но и в этом отношении он делал быстрые успехи. Аскар охотно занимался с Кенжетаем. Он полюбил молодого ямщика за ум и часто подолгу разговаривал с ним.

И в этот раз Кенжетай заехал к учителю, несмотря на то, что сам сильно замерз и лошадь очень устала. Он застал Аскара у школы и пригласил к себе. Аскар согласился и сел в сани.

Рыжка Кенжетая, оттого ли, что сильно замерзла, оттого ли, что почувствовала близость дома, бодро рванулась вперед и, забыв про усталость, быстро побежала. Кенжетай по дороге рассказал о том, как вел себя урядник. Аскар едва сдерживал свое возмущение.

Уже подъезжая к дому, Кенжетай, заканчивая разговор об уряднике, сказал:

— И раньше он был груб в поездках, а в этот раз как будто совсем ошалел. Видно, по важному делу едет, а по какому — кто его знает?

Хотя по бедности часть посуды и утвари в доме Туяковых была чиненная, одежда в заплатах, но Улберген умела держать дом в чистоте. Пустой чай в этой семье казался Аскару более приятным, чем обильное угощение в байских домах.

Когда Кенжетай и учитель вошли в убогий дом, Улберген растапливала печь. В комнате царил полумрак, лампа еще не была зажжена.

— Апа!— обратился Кенжетай к матери.— Пока я буду распрягать, поставь нам самовар.

— Хорошо, светик мой.

Кенжетай вышел во двор. Не узнав в темноте Аскара, Улберген спросила его:

— А это кто? Аскар?

— Я, апа, Аскар.

— Ну, садись, садись, дорогой!

Он снял пальто, разулся и сел на торь[1]. Улберген налила в самовар воды, положила угли, вынутые из печи, и хотела зажечь лампу, но фитиль не загорался.

— Кажется, кончился у нас керосин,— сказала она, поднеся к огню трехлинейную лампу и взбалтывая ее против света, чтобы посмотреть, не остался ли керосин хоть на дне. Но лампа оказалась совершенно пустой.

— Пойду спрошу, не привез ли керосину Кенжетай,— пробормотала она и вышла из дому.

---

[1] Торь — место для почетных гостей.

Аскар спокойно полулежал, опираясь на локоть, как вдруг снаружи донесся отчаянный женский вопль:

— Ойбай, ойбай!..

Аскар, как ужаленный, вскочил на ноги. Улберген, все еще крича, открыла дверь, перешагнула порог и грохнулась на пол.

— Апа, что случилось?— взволнованно спросил Аскар и, подбежав к ней, приподнял ее голову.

— У-у-би-ли!

— Кого?

— Кенжетая.

— Что?! Что вы говорите, апа?

— Ойбай... милый... беги туда!

Выбежав из дому, Аскар услышал глухое рычание, похожее на рев неизвестного зверя. В ночной темноте он еле смог различить, что какой-то рослый человек,— как он догадался — урядник,— с остервенением колотил палкой другого, лежавшего на земле. Тут же рядом спокойно стоял еще кто-то и равнодушно смотрел на происходящее. Аскар подбежал и схватил урядника за руки. Тот заорал:

— Это кто?— и набросился было на него, но Аскар осадил его, сердито крикнув:

— Поосторожней! Я — народный учитель! Меня-то вы не посмеете бить!

Урядник снова закричал:

— Скорей найди, подлец!— и рванулся к Кенжетаю, однако Аскар опять удержал его и спросил:

— В чем дело?

— А этот мерзавец в пути у меня пакет украл!..

— Украл?! Этого быть не может!

— Вы что же, заступаться за него хотите? Его превосходительство господин генерал-губернатор с нарочным, со мною... отправил пакет важнейшего значения волостному управителю, а этот сукин сын в пути украл его...

— Поищите хорошенько.

— Где же еще искать?

Лежавший почти без движения Кенжетай поднялся, и, с трудом удерживаясь на ногах, со слезами в голосе простонал:

— Зачем мне его пакет?.. За что так бить?..

В эту минуту человек, который приехал с Кошкиным и уже некоторое время усердно шарил в санях, крикнул уряднику:

— Поглядите, Платон Трофимович, не это ли?

По голосу Аскар узнал Горбунова и спросил его:

— Что? Нашли? Пакет?

— Да, кажется, он.

Кошкин, все еще норовивший ударить Кенжетая, услышав это, быстро подбежал к Горбунову, вырвал пакет из его рук и прижал к груди.

III

— Нашли? — спросил Итбай, когда урядник и Горбунов вошли к нему, и подумал при этом: «Верно, ничего важного в этом «важном» пакете нет. Какое-нибудь обычное распоряжение...»

— Нашли...— в один голос ответили писарь и урядник.

— А где нашли?

— Оказывается, спрятал, подлец,— ответил Кошкин.

— Неужели?!

Сургучная печать на пакете оказалась поврежденной. Очевидно, Кошкин сам сел на пакет, случайно упавший в сани, и сломал сургуч. Однако поврежденная печать обеспокоила урядника, и он воскликнул:

— А быть может, он вскрыл пакет и прочел содержание бумаги?

— Мог и прочесть,— поддержал его Горбунов.

— Нет, наверное, не трогал,— спокойно возразил им Итбай.

Но уряднику хотелось, чтобы до вскрытия пакета потеря и находка были засвидетельствованы официальным актом. По просьбе Кошкина, Горбунов приготовился писать, а сам урядник стал диктовать:

«Тысяча девятьсот двенадцатого года, сего ноября восемнадцатого дня, у полицейского урядника Платона Трофимовича Кошкина выроненный им из пазухи пакет, ямщиком-киргизом...»— Урядник остановился и спросил:— А как звать его?

— Кенжетай Туякбаев.

— Так, так, запишите,— сказал урядник и продолжал диктовать:— «Был украден им...» Нет, нет... не так... Слово «выроненный» не надо... Пишите: «был умышленно похищен из пазухи...»

Видя, что урядник начал путаться, Горбунов улыбнулся и сказал:

— Давайте сначала вскроем пакет и прочитаем бумагу, а потом уже закончим акт.

— Нет, сначала нужно оформить.

— Ну, воля ваша.

Уряднику очень хотелось на всякий случай иметь официальный документ, оправдывающий его в случае пропажи самой бумаги, но он не знал, как составить акт. «Если записать, что пакет сначала выпал из-за пазухи, а потом был похищен, то могут обвинить в нерадении и сказать: «Зачем теряешь?», если же указать просто: «Был похищен», то и того хуже,— скажут: «А где был сам, отчего не уберег?» Можно было бы бросить эту затею с актом и обо всем умолчать. Тогда как быть, если окажется, что пакет был вскрыт ямщиком, нужная бумага изъята им и заменена другой, а пакет потом заклеен вновь? Печати-то ведь нет, она вся рассыпалась»,— думал урядник. Он даже вспотел

от волнения, не зная, как поступить. «Господи, спаси!»— помолился он в душе и незаметно перекрестился.

— Ну что же, писать дальше?— спросил Горбунов.

— Ведь пакет этот адресован мне,— вмешался Итбай,— за все отвечу я сам, вскройте скорее.

— Ладно,— ответил Горбунов и распечатал пакет.

Обычно всю поступающую почту, в том числе и распоряжения от высшего начальства, вскрывал и не торопясь прочитывал сначала сам Горбунов и лишь потом кратко излагал их содержание Итбаю. Хотя урядник и волновался, писарь как и Итбай, не придавал особенного значения пакету и извлеченную из конверта бумагу начал медленно читать про себя. Вдруг выражение его лица изменилось, глаза забегали по бумаге; он вскочил со стула и, радостно возбужденный, обратился к Итбаю:

— Итбай Байсакалович!

— Ну что, Гаврила?

Горбунов хотел спросить у Итбая «суюнши»[1], но второпях не мог вспомнить это слово.

— Мне ты деньги давай!— перешел Горбунов на казахский язык.

— Что?.. Какие деньги?— спросил Итбай.

— Тебе дал бог...

— Да скажи же, что?

— Царю императору исполнилось триста лет, я тебе говорил?

— Да, говорил.

— Вот юбилей, ты съездишь, говорит бумага...

— Куда это?

— Торжество, говорит...

— Что за торжество?

— Я тебе говорил. Царю исполнилось триста лет, триста лет как он царем стал... Будет большой той[2]... Жениться — той, это — тоже той... А губернатор приедет к тебе...

— Что он мелет?— сказал про себя Итбай, не понимая, чего хочет Горбунов.

— На торжества ты поедешь, пишет господин губернатор...

— В аулах, что ли, устраивать торжества требует бумага?

— Что с тобою, Итбай Байсакалович?.. Как ты не поймешь! Я говорил тебе... губернатор говорит, ты поедешь на торжества к царю, в Петербург...

Только теперь Итбай начал догадываться, что хочет объяснить Горбунов, и сказал ему:

— Ты, видимо, говоришь о том, что исполняется трехсотлетие царскому дому.

— Так точно.

---

[1] Суюнши — награда за добрую весть.
[2] Той — пир.

— Мне, что ли, говорит губернатор, ехать в Петербург на торжества по этсму поводу?

— Так точно.

Итбай радостно засмеялся. Засмеялся и Горбунов.

Урядник, который, заглядывая через плечо Горбунова, успел прочитать содержание бумаги, тоже улыбнулся.

— Суюнши получишь,— сказал Итбай, хлопнув Горбунова по спине.— Прочитай-ка мне теперь всю бумагу!

Горбунов прочитал. Но Итбай, претендовавший на знание русского языка, добрую половину прочитанного не понял. Малопонятное объяснение писаря на ломаном казахском языке тоже не дало Итбаю полного представления о содержании бумаги. Поэтому он приказал одному из живших у него жигитов, Буркутбаю, позвать для перевода Аскара.

— Аскар у Кенжетая,— ответил тот.

— Немедленно поезжай за ним!

После того, как Буркутбай запряг лошадь и уехал за Аскаром, Итбай удалился к себе.

Хотя Итбай и не все понял в присланной ему бумаге, он кое-как уразумел, что в Петербурге предстоят торжества, на которые посылают и его, Итбая. Радостью наполнилось его сердце. Довольный жизнью и судьбой, он лег на кровать, закрыл глаза и предался сладким мечтам...

Николая Второго он видел ровно двадцать лет тому назад. В 1892 году, будучи еще наследником, Николай приезжал в Омск. В ожидании его приезда, желая ознакомить будущего царя с бытом казахского народа, омский губернатор вызвал всех волостных управителей и приказал им поставить юрты на берегу Иртыша, против города, приготовить побольше кумыса, привезти самых красивых девушек и молодых женщин, собрать лучших скакунов, беркутов, соколов, кречетов и ястребов, лучших борзых и т. д.

В Акмолинской области того времени насчитывалось более восьмидесяти волостей. От каждой из этих волостей привезли в Омск и поставили на берегу Иртыша по одной юрте, специально предназначенной для наследника. Все они поражали богатством и красотой убранства. Но лучше всех была юрта Итбая.

Итбай заранее знал о предстоящем приезде наследника. Он собрал всех лучших мастеров в области и велел им остов юрты, обычно деревянный, сделать сплошь из кости с серебряными инкрустациями. Ковры для украшения юрты были специально выписаны им из Ташкента. В то время, когда лучшая лошадь в степи стоила двадцать рублей, а самая жирная овца — рубль, юрта обошлась Итбаю в восемь с половиной тысяч рублей. Но из собственного кармана Итбай не истратил ни одной копейки, он даже

заработал на этом деле. Правда, «Степное положение» запрещало волостным управителям производить самовольные сборы с населения, кроме покибиточного — в четыре рубля, восемьдесят процентов которого шли в общегосударственную казну, а остальные двадцать — на содержание волостных управителей и аульных старшин. Но то же положение предоставляло губернаторам право обязывать казахов выставлять юрты и доставлять баранов. Опираясь на эту статью закона, Итбай не только возместил полностью свои расходы на встречу наследника, но собрал их с населения волости в двойном размере.

Юрта Итбая, единственная из всех, стоявших на берегу Иртыша, удостоилась внимания Николая. Наследник зашел в нее, полюбовался ею и спросил:

— А кто хозяин юрты?

Губернатор представил ему еще совсем юного, расторопного волостного, которому едва исполнилось двадцать лет. Николай потрепал Итбая по плечу и сказал:

— Молодец!.. Но только еще очень молод.

Итбай смутился, так как знал, что по закону лица моложе двадцати пяти лет на должность волостного управителя не допускаются.

— Мне двадцать семь лет, ваше высочество,— сказал он Николаю.

Когда пароход, на котором находился Николай, поплыл по Иртышу к юртам, с приветствием от собравшихся на берегу биев, волостных и аксакалов выступил сын Валихана и внук Аблайхана[1], престарелый Чингиз. Губернатор докладывал наследнику, что отец Чингиза — Вали — был инициатором принятия русского подданства казахами Средней Орды. Несмотря на это, Николай только поздоровался с Чингизом за руку и никакой особой благосклонности к нему в дальнейшем не проявил. Итбая же, молодого и энергичного, Николай не отпускал от себя до самого конца устроенной казахами торжественной встречи. Уловив удобный момент, Итбай показал Николаю грамоту, полученную его предками от Анны Иоанновны. Отъезжая после торжеств, Николай тепло пожал Итбаю руку и в присутствии всех во всеуслышание поручил губернатору оказывать Итбаю всякую поддержку. С тех пор губернаторы не оставляли Итбая своим вниманием, и он ни разу не был лишен должности волостного управителя. Особенно покровительствовал ему уездный начальник Кривоносов.

Итбай с удовольствием рисовал себе предстоящее вторичное свидание с царем, который двадцать лет тому назад вручил ему «ключи к вечному счастью». Чего еще мог пожелать Итбай от своего бога?..

---

[1] Аблай-хан — хан казахской Средней Орды во второй половине XVIII века.

IV

Когда урядник и Горбунов нашли пакет и, как бы устыдившись, спешно сели в сани и уехали, избитый, обессиленный Кенжетай поплелся было в дом, но, сделав несколько шагов, зашатался и упал.

— Еще какая беда стряслась над нами, мой родной?— дрожа от страха, спросила его подбежавшая мать. Она хотела было поднять Кенжетая, но, поскользнувшись, упала сама.

Аскар бросился поднимать Улберген.

— Что с вами, апа? Встаньте, поднимем и поведем домой Кенжетая,— сказал он, помогая ей встать.

— Сейчас, сейчас, родной...

При помощи Улберген Аскар поднял Кенжетая и поставил его на ноги.

— Ну-ка, попробуй идти. Можешь?— спросил он, поддерживая его.

К этому моменту около них собралась небольшая толпа. Прибежавшие соседи с тревогой спрашивали, что случилось.

— Узна́ете там, дома. Давайте отведем Кенжетая домой,— ответил Аскар.

Не дожидаясь объяснений Аскара, соседи стали делиться своими догадками.

— Не рук ли нечистого духа это дело? Верно, Кенжетай не вовремя выбежал во двор,— шептали одни.

— Да, это возможно. Сейчас как раз грань меж сумерками и ночью,— соглашались многие, читая про себя предохранительную молитву.

Эти разговоры вызваны были ходившей в ауле молвой, будто в зимовке Кенжетая водились духи.

— Надо бы послать сейчас же за муллой Алдам-жаром, пусть полечит его молитвами и заклинаниями,— громко посоветовал кто-то.

Аскар разозлился:

— Его поразил нечистый дух человеческой породы!..— крикнул он соседям.— Тут молитвы не помогут!..

Окружавшие поняли это слово «человеческий» так, будто Аскар говорил о духе, поражающем только людей.

Когда соседи вошли в темную избу Кенжетая, кто-то побежал за керосином, а Улберген вновь растопила погасшую печку.

Кенжетай, которого уложили на торь, болезненно стонал, а Аскар рассказал о случившемся, и только тогда стало всем ясно, какой «дух» выместил свой гнев на Кенжетае. Возмущенные соседи, перебивая друг друга, стали вспоминать о многих случаях избиения простых людей разным начальством.

Аскар не вмешивался в эти разговоры. Не отрывая глаз, он смотрел на скудный свет от печи, тускло освещавший комнату и

бросавший на бледное лицо Кенжетая, казалось, мертвенный отсвет.

Кенжетай был не первый, кто безвинно пострадал. Урядники, волостные управители, аульные старшины и другие царские чиновники часто без всякого повода избивали совершенно неповинных людей. С тех пор, как Аскар жил в ауле Итбая, он не однажды был свидетелем, как Итбай избивал бедняков, глумился над простым народом. Он пытался пристыдить волостного, но это, конечно, ни к чему не приводило. Итбай, вообще неплохо относившийся к учителю, только усмехался в ответ на его упреки и продолжал поступать так, как ему заблагорассудится.

Тяжелые думы Аскара прервал сосед, который принес керосин и попросил лампу. Керосин был налит, лампа зажжена. Кто-то поднес лампу к лицу стонавшего Кенжетая.

— Япрай![1] Целы ли твои кости, дорогой?— жалостливо спросил он.

— Не зна-аю... Не могу пошевелиться.

Спина Кенжетая была вся исполосована, одна щека опухла, нос разбит.

— Как бы опухоль не пошла во внутрь. Надо приложить к ней казы[2]— он вытянет опухоль наружу,— сказал кто-то.

— Казы ни у кого здесь нет!..

— Надо послать к баю.

— Дожидайся, даст тебе бай!

— Если и при таком случае не даст, то какого же ждать от него добра!

В тот момент, когда соседи с особым возмущением и горечью обсуждали самоуправство урядника, в комнату вошел какой-то человек и весело произнес обычные слова приветствия:

— Полноты и благоденствия вам!

Взоры всех обратились на вошедшего, остановившегося в дверях, куда не доходил свет лампы.

— Кто это так весело разгуливает в такую позднюю пору? На пир, что ли, пришел? Закрой как следует дверь, а то напустишь холоду,— заметил кто-то.

— А что случилось? Кровь, что ли, идет с неба вместо дождя?— возразил пришедший.

— Кто это?— раздалось с разных сторон.

— Да что, не признаете меня? Буркутбай.

Появление Буркутбая в такой поздний час озадачило собравшихся. Все замолчали, ожидая, что скажет он.

— А этот чего лежит?— спросил Буркутбай, указывая на Кенжетая.

— Побил урядник,— ответил кто-то.

— Эх, ты, тряпка... гниль!.. Есть от чего лежать!.. А что бы-

---

[1] Япрай — выражение удивления.
[2] Казы — брюшной жир лошади, а также конская колбаса.

ло б с тобой, если бы кто-нибудь отдубасил посерьезнее?! Подумаешь, какие нежности!..— презрительно хмыкнул Буркутбай.

— Да что ты мелешь?!— возмущенно воскликнул пожилой казах, один из тех, кто вместе с Кенжетаем держал ямщину. Он поднялся было с места, собираясь ссориться, но Буркутбай, отмахнувшись от него, обратился к Аскару:

— Тебя зовет Итеке[1], просил сейчас приехать.

— А для чего я ему?

— Хочет, чтобы ты прочитал ему какую-то бумагу.

— А что же Горбунов?! Разве он не писарь?!

— Кажется, не мог объяснить как следует.

— Приеду завтра.

— Нет, нет! Он просил непременно сейчас же.

— Почему такая спешка? Что случилось?— раздались голоса.

— Да либо царь сам едет сюда, в наши края, либо от населения требует людей. Словом, вроде этого... Какое-то большое дело... Бумага, кажется, об этом...

Аскару не хотелось ехать к Итбаю. Но, подумав, он решил: не лучше ли своими глазами прочесть и узнать содержание полученной бумаги и, во-вторых, не следует ли рассказать Итбаю о самоуправстве урядника над Кенжетаем?

— Я поеду,— сказал Аскар, обращаясь к присутствовавшим,— но скоро вернусь, а вы освободите комнату, а то больному трудно дышать.

Большинство соседей вышло за Аскаром. С больным остались лишь три-четыре человека.

V

Всю дорогу до дома Итбая у Аскара из головы не шел избитый Кенжетай. Приехав, он направился прямо в канцелярию, полагая, что бумага находится там, и застал Горбунова и урядника навеселе.

— Айда, выпьем за царя!— сразу же начал приставать к Аскару еле державшийся на ногах урядник, поднося ему рюмку водки.

— Нет, не могу.

— Охо-хо!..— воскликнул Кошкин, вытаращив глаза.— Во-он оно что! Не могу... Как то есть не могу?.. Не мож-жешь за царя?.. Это, брат...

Урядник, икнув, прервал фразу.

Аскар, отстранив его руку, быстро вышел из комнаты.

— Где волостной?— спросил он Буркутбая, которого встретил во дворе.

---

[1] **Итеке** — измененное, почетное имя Итбая.

— Давеча был здесь, наверное, в «улкен-уй»[1]— ответил Буркутбай.

Войдя в дом Байсакала, Аскар увидел, что передняя комната полна женщин. В комнате самого Байсакала собралось почти все его потомство. Не раздеваясь, Аскар сел на сундук, стоявший у боковой стены.

— Поднимайся выше, на торь, дорогой!— приветливо пригласил его старик Байсакал.

— А почему не раздеваешься?— спросил Итбай.

— Очень спешу,— ответил Аскар,— зашел только по вашей просьбе и должен сейчас же уйти. У меня есть неотложное дело.

— Что, что ты говоришь? Не пущу! Ты пришел как нельзя кстати, прямо на той. Раздевайся!— настаивал Байсакал.

— А какое дело у тебя, нельзя ли узнать?— поинтересовался Итбай, которому не понравилось поведение Аскара.

— Я должен вернуться к Кенжетаю. Он в тяжелом состоянии.

— Какой Кенжетай?

— Сын Туякбая.

— Да ведь только недавно он был здоров, что же с ним случилось?

— Его избил палкой урядник...

— Э, только-то!— почти в один голос воскликнули несколько человек, и все стали осуждать Кенжетая.

— Быть может, урядник действительно ткнул его раза два, а он обиделся и лежит теперь, верно, больше от злости, чем от боли. Подумаешь, какие нежности у всякой голи!

— Нет, я сам был при этом. Кошкин бил нещадно, побои серьезные,— сказал Аскар, зло посмотрев на Итбая.

— Очень уж самолюбив и не к лицу горд этот Кенжетай,— ввернул свое слово и Байсакал.— Верно, сам задел дерзким словом урядника, а тот рассердился и побил его.

— Ах, отец, оставьте,— сказал Итбай, поморщившись.— Недаром говорят: «У бая скот в почете, а у бедняка — душа!..» А если Аскар торопится, не задерживай его. Бумагу он прочтет нам в другой раз, а если не хочет,— что же, может и не читать. Мы ведь знаем ее содержание. Из уважения пригласили мы его порадоваться нашей радости, но заставить чужого человека мы не можем. Пусть идет!

Байсакал недоуменно посмотрел на сына, потом перевел глаза на Аскара и не нашелся, что сказать. Впервые он видел такое враждебное отношение между учителем и Итбаем.

Байсакал боялся Аскара. Он боялся вообще всех людей, знающих русский язык. По его понятиям, все они обязательно законники, люди опасные, а потому обижать Аскара не следует,

---

[1] Улкен-уй — название дома, откуда дети выделены в самостоятельное хозяйство: в данном случае подразумевается дом отца Итбая — Байсакала.

иначе он как-нибудь повредит его сыну — Итбаю... Убежденный в этом, старик всегда старался быть приветливым с Аскаром. Да и за все время, пока Аскар учительствовал в ауле, Байсакал не видел от него никакого вреда, а одну только пользу, и это расположило его к Аскару. Он даже полюбил его, насколько он мог полюбить чужака и бедняка.

Бумага, полученная от губернатора, лежала во внутреннем кармане у Байсакала. У него вообще была слабость — хранить бумаги и письма высокопоставленных лиц. Все похвальные и иные грамоты, которыми царское правительство удостоило его предков, хранились им в кожаном бумажнике и тщательно оберегались. Он не доверял их никому, кроме сына, Итбая. Камзол, в кармане которого лежал бумажник, Байсакал днем никогда не снимал, а ночью бережно укладывал под подушку, под самую голову... Эти бумаги казались старому баю драгоценным талисманом, вроде стихов Корана. Сколько бы раз он ни просыпался ночью, он нащупывал камзол с драгоценным бумажником...

Заметив по лицу учителя, что он недоволен Итбаем, и стараясь смягчить его, Байсакал вытащил из кармана камзола заветный бумажник, вынул из него и подал Аскару отношение губернатора. Аскар прочел и понятным языком передал по-казахски его содержание:

— Двадцать первого февраля тринадцатого года исполняется трехсотлетие со дня воцарения дома Романовых. По этому случаю царь Николай Второй устраивает в Петербурге большие торжества. Омский губернатор извещает Итбая, что посылает последнего на эти торжества, как представителя от казахов Акмолинской области...

— Мы уже слышали это, сынок,— сказал Байсакал.— Мы позвали тебя не для того, чтобы ты прочел эту бумагу, но хотим, чтобы ты принял участие в нашем празднике... Раздевайся и будь нашим гостем!

— Спасибо, аксакал, но я должен уйти,— ответил Аскар.

Байсакал хотел еще что-то сказать, но, заметив недобрый взгляд Итбая, осекся и заморгал глазами. Аскар ушел.

— Нет, он не достигнет своей цели!— буркнул Итбай, когда за Аскаром захлопнулась дверь.

О какой «цели» говорил Итбай — никто из присутствовавших не догадался. Итбай же решил отомстить Аскару. Он слышал, что учитель, приезжая в Боровое, останавливается у Балтабека, и заключил из этого, что Аскар хочет сватать его сестру. Теперь, увидев, как глубоко Аскар сострадает Кенжетаю, Итбай сообразил, что его предположение правильно, и, злясь на Аскара, задумал помешать ему в этом деле. Он гневно думал:

«Моей радости не радуешься, так и своей не увидишь...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НЕРАЗГАДАННАЯ ЗАГАДКА

I

Среди перемежающихся буранов и морозов студеной сибирской зимы нередко выпадают чудные солнечные дни, которые казахи называют «май тонгысыз», то есть «когда не застывает даже сало». В такие дни ветра нет и в помине. Чистая, как зеркало, небесная лазурь переливает синим бархатом. Больно смотреть глазам. Волнистая рябь снежных сугробов, опушенных свежим инеем, напоминает распростертые крылья лебедя, как бы обнявшего землю. Над снежным настом колышется нежными облачками почти невесомый белый пух, и его звездчатые кристаллы, отражая ослепительные лучи зимнего солнца, горят разноцветными огнями. Кругом все в блестках; сверкает даже воздух, наполненный незримой, мельчайшей снежной пылью, и вам кажется, что вся вселенная обильно посыпана серебряной пудрой.

Такие чудные зимние дни, какие бывают на моей родине, в Северном Казахстане, вы, дорогие читатели, редко встретите в другом месте. Попадая в края, где всю зиму оттепель чередуется с заморозками и воздух насыщен влажными испарениями, я всегда тоскую по зиме Кокшетау, петропавловских степей и по тем дням «май тонгысыз», когда лицо твое, обращенное к солнцу, щиплет легкий морозец и чистый, ароматный воздух наполняет твою грудь.

В один из таких ясных, солнечных дней по наезженной дороге размашисто, сайгачьей[1] рысью, бежал, поводя ушами, запряженный в сани Акбоз — Беляк Итбая. В санях сидели два человека, но Беляк, казалось, не чувствовал тяжести седоков. Из его широких ноздрей валили, как из паровоза, клубы белого пара. Беляком называли его неспроста. Мастью он был настолько бел, что его почти невозможно было увидеть на фоне снежных полей. Беляк был известен всему округу. На летних скачках ни один конь не опережал его, а зимою на охоте ни один волк не уходил от него. В последнее лето Итбай лишь два раза пускал его на скачки и осенью откормил для зимней охоты на волков. Узнав из письма губернатора о его приезде, Итбай подтянул Беляка, усилив порцию овса и уменьшив дачу объемистого корма. Посылая Буркутбая по делу в поселок Бурабай, Итбай велел ему запрячь Беляка, чтобы размять его и, как говорят казахи, «снять с него пот».

Вторым седоком в санях был Аскар. Наслаждаясь хорошей

---

[1] Сайгак — род антилопы, водящейся в казахских степях. Сайгачья рысь считается самой быстрой.

погодой, он откинул воротник тулупа и, обратив внимание на бег коня, воскликнул:

— Буркутбай! Посмотри, какая у него рысь: чем больше горячится, тем больше прибавляет ходу!

— Такая уж лошадь,— ответил Буркутбай.

— А правду ли говорит Кенжетай, что Итбай лошадь эту взял у них двухлеткой?

— Правда. Балтабек как-то был на станции Москаленко возле Омска, и там у русских купил ее годовалым жеребенком. Через год Итеке выпросил ее у Балтабека.

— Кажется, не выпросил, а отнял.

— Э, откуда мне знать, как он взял! Словом, взял. Не думаю, чтобы отнял: если Итеке попросил, разве сын ничтожных Туякбаевых мог отказать ему? А впрочем, если бы и отнял, разве они могли противиться?

— Нет, кажется, действительно отнял. Говорят, что из-за этого Балтабек с горя откочевал в поселок.

— Я не слышал. Быть может, и так. Ты ведь более близок к этому дому и, наверное, знаешь больше меня,— ответил Буркутбай, улыбаясь.

— Что? Чего улыбаешься?

— Да так,— ответил Буркутбай, еще шире улыбаясь, и после короткой паузы добавил:— Ну и лукавый же ты! А я принимал тебя за простого и откровенного жигита. Оказывается, правду говорят, что у образованных людей нутро такое же извилистое, как у коровы желудок.

— Да в чем дело?

— Скажу, если ты ответишь на мой вопрос.

— А что скрывать мне от тебя?

Буркутбай, хитро улыбаясь, забегал глазами.

— Скажи, Аскар, у тебя есть сосватанная невеста?

— Нету.

— Не-ет, наверное, есть.

— А что мне скрывать от тебя?

— Думаю, все же скрываешь. Разве не посматриваешь на дочь Туякбая? Не засватал ее?

— Нет, не засватал. А что, только ты один думаешь так или и другие?

— И сам, и другие.

— Оказывается, всякая глупость может питать сплетни!

— Почему глупости? Без ветра трава не колышется!

— Да ведь она еще ребенок!

— Хорош ребенок! «Девушка в тринадцать лет — уже хозяйка дома»...

— Это же вредная староказахская поговорка!

— Ну, будь ты «молодым» казахом. Разве не видишь, какая она рослая и грудь у нее какая?

— Дело не в развитой груди, а в возрасте.

— Сколько же, по-твоему, ей лет?
— Кажется, пятнадцатый.
— Рассказывай! Нашел кого обмануть! Девице этой, самое меньшее, уже шестнадцать... Ну... не будем спорить о ее летах. А все же ты жигит одинокий, не собираешься ли ты жениться на ней?
— Я?!
— Нет, погоди... Не подумай, что я ревную к тебе эту девушку. С нею у меня нет ничего общего. Не засватана же она за меня. Кажется, вообще ни за кого не засватана и пока еще свободная. «Кто же не зарится на девицу и кто не пьет кумыс!»[1]

Буркутбай так приставал, что Аскар, в конце концов, рассказал ему о своих отношениях с Ботагоз. Он не стал скрывать, что девушка ему нравится, но что с женитьбой он хочет обождать. Пусть она сначала закончит образование, а пока он не намерен даже открываться ей в своих чувствах.

— Вот где, оказывается, доморощенные Юсуф и Зулейка!— иронически улыбаясь, воскликнул Буркутбай.— Но кто же тебе поверит?
— Не веришь — твое дело, но я сказал правду,— закончил Аскар.

Буркутбай опять было посмотрел на Аскара с той же иронической улыбкой, собираясь продолжать разговор, но, встретив холодный взгляд, повернулся к лошади и задергал вожжами.

II

— Ну, у кого остановимся?— спросил Буркутбай Аскара, когда они въезжали в поселок.
— А как ты думаешь?
— Я могу остановиться у любого русского, кто не откажется приготовить чай.
— Я тоже.
— Ну и хитрец же ты! Как будто я не знаю, куда тянет тебя? Заедем к Балтабеку!

Аскар ничего не ответил.

Аскар знал Буркутбая давно, но в дружеских отношениях с ним не был. Родился Буркутбай в Кокшетауской волости. Родители его, по слухам, были люди бедные, из отделения Данкой, рода Койлы-Атыгай.

В старом ауле можно было встретить два особых типа жигитов, резко отличавшихся друг от друга и от окружающих. Казахи называли их «ер жигит» и «ети три-жигит»[2].

«Ер жигит», независимо от того, каким достатком обладал

---

[1] Казахская поговорка.
[2] «Ер жигит»— жигит смелый, храбрый. «Ети три-жигит»— жигит изворотливый, предприимчивый, шустрый.

он — большим или малым, всегда ездил на хорошей лошади и хорошо одевался. Щедрый, он любил одаривать других и получать подарки сам. Слову своему такой жигит никогда не изменял. Горе переносил стойко. Всегда в хорошем настроении, он всюду, куда б ни являлся, вносил веселье и везде встречал радушный прием.

«Ети три-жигит» сам себя причислял к «ер-жигитам», но в сравнении с ними казался мелким. «Его коротенькая нитка не увязывалась в узел», «недостаток и щедрому связывает руки», «волк скрывает свою худобу, нарочно щетиня шерсть»,— говорят казахские пословицы, как бы и сложенные про «ети три-жигита». Он по-своему отчаянно боролся с судьбой, изо всех сил стремясь занять положение «ер жигита». Но увы, жизнь иногда жестока и судьба изменчива! Он походил на незадачливого охотника, что, преследуя убегающую лису, мчится за ней, но видит ее только на гребнях увалов, а полюбоваться огненно-красным мехом пойманного зверька ему никак не удается.

Буркутбай наш и принадлежал к «ети три-жигитам». Если судить со стороны, он был рабом Итбая, его имуществом. Все для Итбая. От личного «я» у него как будто не осталось и помина,— просто ходячая тень Итбая. Но если заглянуть ему в душу, то можно было видеть, что это далеко не так.

Вначале, когда Буркутбай только приехал к Итбаю, ему показалось, что он очутился в раю. Но потом положение его резко изменилось. Его начала использовать вся Байсакалова порода. Одни посылали его куда-нибудь по личным делам, другие требовали от него мелких хозяйственных услуг. Буркутбая заставляли ловить жеребят и отделять их от маток, придерживать жеребят во время дойки кобылиц, помогать пастухам очищать хлев и даже выносить помои. Буркутбай безропотно, внешне не проявляя и тени недовольства, выполнял без отказа все, хотя душа его горела от обиды. Посторонние люди осуждали его — одни называли просто дураком, а другие говорили: «Потерявшему совесть всегда весело».

Иногда Буркутбаю хотелось уйти от Итбая, но его удерживала мысль: «А куда?.. Куда пойти?» Хоть он работал как батрак, но считать себя батраком упорно отказывался и продолжал оставаться у Итбая, кормиться около него, довольствуясь прозвищем «ети три-жигита».

Буркутбай схитрил, сказав Аскару, что может остановиться у любого русского, кто приготовит чай. Обычно он останавливался у Кулаковых. В других местах у него требовали плату за постой, а у Буркутбая денег не водилось. Продавать ему было нечего, а Итбай ему ничего не платил. Единственной его доходной статьей была игра в карты. Да и то приходилось собирать медные гроши у детей и женщин, не научившихся еще как следует играть,— в игре со взрослыми он всегда проигрывал. В этот раз у Буркутбая в кармане, кроме итбаевских ста рублей, было все-

го лишь тридцать семь копеек собственных денег. Кулаков же знал Буркутбая, знал, что он жигит Итбая, а с последним Кулаков был в приятельских отношениях,— как говорят в народе: «одна чашка, одна ложка». Для людей, приезжавших из дома Итбая, двери Кулакова всегда были открыты.

Буркутбай ни словом не обмолвился Аскару про Кулакова. Он направил лошадь к дому кузнеца, на самом деле намереваясь повернуть к Кулакову у самого дома Балтабека, чтобы подразнить скрытного, по его мнению, учителя. Отлично правя лошадьми, Буркутбай особенно любил щегольнуть своей ездой, проезжая мимо аула или поселка. И, въезжая в Бурабай, он не изменил своему обыкновению. Подобрав вожжи и ударив ими по бокам лошади, он гикнул: «Айт!» Разгоряченная лошадь, закусив удила, понеслась размашистой рысью. Буркутбай так увлекся ездой, что и думать забыл про дом Балтабека, и предоставленная самой себе умная лошадь привезла их прямо ко двору Кулакова, куда не раз заезжала.

III

Перед домом Кулаковых расхаживал какой-то офицер в гусарской форме. Когда Буркутбай и Аскар подъехали, он внимательно посмотрел на их подтянутую, красивую белую лошадь и скрылся за углом дома.

— Кто этот долговязый офицер?— спросил Аскар.

— Слышал, что к Андрею приехал его старший сын с военной службы. Верно, он. Зовут его, если не ошибаюсь, Алексеем.

Сам Андрей Кулаков сидел на бревне в глубине двора, около полуоткрытой конюшни, и смотрел, как лошади едят овес, насыпанный перед ними в лодку.

— Пойдем, поздороваемся,— сказал Буркутбай.

Кулаков был широкоплечий, высокий плотный мужчина, лет около пятидесяти с мясистым румяным лицом и короткой, вьющейся рыжей бородой.

— Здрасти,— поздоровался с ним Буркутбай, подойдя поближе.

Буркутбай говорил по-русски плохо. Кроме названий некоторых предметов домашнего обихода, он знал лишь с десяток искаженных русских слов, особенно часто употребляя «гауарит», «мала-мала», «толда-колда», «атколи», «бойдит», «тащит». Несмотря на это, при встрече с любым русским, кто бы это ни был, Буркутбай всегда старался говорить по-русски, заменяя недостающие слова мимикой и жестикуляцией. Приятель Итбая Кулаков хорошо знал эту слабость Буркутбая и поэтому пытался говорить с ним по-казахски, хотя казахский он знал не лучше, чем Буркутбай русский. При этом Андрей во всех случаях заменял чистую букву «к» другой, гортанной казахской буквой «кх»,

от чего его ломаная казахская речь становилась еще менее понятной.

— Здравствуй, здравствуй, Буркутбай!— ответил Кулаков, поднявшись с бревна, и спросил по-казахски:— Итбай атай, баранчук аман?[1]

— Аман, аман...

Приезжие поздоровались с хозяином за руку.

— Зашем пришел?— спросил Кулаков Буркутбая подделываясь под ломаную речь Буркутбая и искажая русские слова.

Буркутбай хотел сказать о цели своего приезда позднее, но неожиданный вопрос Кулакова заставил его тут же рассказать, зачем послал его Итбай.

— Омба знаем,— начал он, махнув рукой на северо-восток,— губрнадыр гости Итбай бойдит. Толда ораднек мала-мала гауарит губрнадыр бойдит...

Кулаков скорее догадался, чем понял, о чем идет речь и кивнул головой.

— Итбай гауарит,— продолжал Буркутбай,— атколи губрнады бойдит, арак ашайт бойдит... мене Итбай гауарит: Буркитбай арак тащит Бурабай...

В общем, Кулаков понял, что к Итбаю из Омска должен приехать губернатор. Об этом волостному уже сообщил урядник. Для угощения губернатора Итбаю нужно вино, и за этим он послал Буркутбая.

Далее Буркутбаю нужно было слово «купить». Он знал это слово, но второпях забыл и стал объяснять:

— Мой лапке пойдем бойдит, мала-мала арак тащит бойдит,— и начал поочередно хлопать одну ладонь о другую.

Кулаков понял, что Буркутбаю нужно пойти в лавку покупать вино, и сказал:

— Вина много...

Аскар не вмешивался в этот разговор. В пути Буркутбай ничего не сказал ему о цели своей поездки. Вначале, когда он заговорил, Аскар хотел было помочь ему, но потом раздумал. Его забавляло, как объяснялись Кулаков и Буркутбай.

— Кумаги, кумаги,— сказал вдруг Буркутбай, засунув руку в карман.

Вынув из кармана какую-то бумагу, он передал ее Кулакову. Тот прочитал бумагу и сказал:

— Хорошо, Буркутбай! Митрофан кабачок знайт?

— Знайт.

— Погреб видел?

Буркутбай отрицательно покачал головой. Тут уже в разговор вмешался Аскар.

— У русских под домами устраивают такие глубокие ямы, по-

---

[1] Дословно: «Дядя Итбай, дитя здорово?» т. е. «Все ли здоровы в семье Итбая?»

греба, в которых хранятся продукты. Верно, Кулаков говорит о подвале Митрофана, что там вина и водки много,— объяснил он Буркутбаю.

IV

Аскар хотел было уйти к Балтабеку сразу же, до чая, но постеснялся Буркутбая. Впрочем, чай не особенно долго задержал его. Самовар, поставленный женой Кулакова, вскипел быстро. Она подала на стол яйца, масло, молоко и только что вынутые из печи свежие шаньги. Когда приезжие перекусили и напились чаю, Кулаков отправил батрака Антона проводить Буркутбая в винный погреб Митрофана и помочь ему купить хорошие вина разных сортов.

Выждав короткое время после ухода Буркутбая, Аскар направился к Балтабеку. Дома оказалась одна Айбала, которая готовила дратву из высушенных сухожилий.

— Идите на торь,— сказала она, встав с места и отряхивая подол платья.

— Как здоровье?

— Слава...

— Все ли благополучно у вас в доме?

— Слава... Как мырза-жигит?— (так Айбала, по обычаю казахских женщин, называла своего деверя Кенжетая).

— Стал ходить понемногу. Но до сих пор еще весь в синяках. Ну и собака же этот урядник.

— Он и в поселке буйствует, орет на всех и грозится.

— А где ерке[1]?

— Недавно вернулась из школы и ушла с Лизой.

— Куда?

— На озеро, кататься на железинах, которые привязываются к ботинкам,— не знаю, как они зовутся.

— Коньки, что ли?

— Да, да, так! Лиза выписала из Петропавловска одну пару себе, другую — для ерке... Теперь она все и катается. Ходит на озеро каждый день.

— Схожу посмотрю на них.

С осени Аскар уже несколько раз бывал в этом доме, и хотя их беседы с Айбалой никогда не выходили за рамки разговора об обыденных вещах, Айбала поняла, почему он зачастил к ним... Души не чая в Ботагоз, любя ее безгранично, она ревновала ее ко всем, но со старым законом, что «девушка рождена для чужого дома», мирилась и желала лишь одного: чтобы ее юная золовка нашла себе равного и была счастлива. Аскар, по мнению Айбалы, был подходящей парой для Ботагоз.

---

[1] Подразумевается Ботагоз, которую, как было выяснено раньше, Айбала называла «еркем», т. е. баловень.

Уже после первых посещений учителя Айбала стала ждать его сватов, думала, что он и сам поговорит с Кенжетаем и попросит себе в жены Ботагоз. Но сватов все не было, Аскар молчал, и когда это неопределенное положение затянулось, по ее мнению, слишком долго, она даже стала сомневаться в честности намерений Аскара, но сама испугалась этой мысли: он никак не похож был на пройдоху и соблазнителя.

Женским чутьем она чувствовала влечение Аскара к Ботагоз и не понимала, почему он тянет со сватовством. Как-то, оставшись с ним наедине, она даже собралась заговорить об этом, но не решилась. Она искренне хотела видеть Аскара мужем своей «ерке» Ботагоз. Его молчание было для нее загадкой, которая должна быть скоро разгадана и, по убеждению Айбалы, разгадана на радость всем.

Пробираясь между высокими соснами, верхушки которых казались закутанными в темно-зеленую шаль, Аскар вышел к берегу. Солнце низко склонилось к вершинам гор, но в воздухе еще не чувствовалось вечера. Сверкающая белизна макушки Кокше, отражая солнечные лучи, ослепляла взор. Лишь по бокам горы темнели свинцово-серые отвесные обрывы, выветрившиеся от частых буранов. Высокие сосны на склонах Кокше чуть-чуть виднелись из-под снега и издали напоминали первые темные волоски на белом пуху только что начавшего линять весеннего зайца. Один только Ок-жетпес, не сдаваясь зиме и не меняя обычного облика, горделиво, как горб лежащего на снегу верблюда, высился под самым небом, среди сугробов, заполнивших все горные проходы.

Еще раз окинув взором дальние горы, Аскар осторожно спустился с крутого берега к кромке льда. Прозрачный, голубовато-зеленый, как аквамарин, лед казался настолько тонким, что будто рискуешь провалиться сквозь него, и только глубокие трещины обнаруживали настоящую его толщину. Аскар подосадовал, что не захватил коньков: он любил кататься, и дома, в сундуке, у него хранились коньки, на которых он катался по Иртышу еще семинаристом. Идти по гладкому, чистому льду было невозможно, и Аскар остался ждать, пока толпа катающихся сделает круг и приблизится к месту, где он стоял.

Наконец он заметил вдали двух девушек и мужчину, державшихся под руки. Одна из девушек показалась ему похожей на Ботагоз. «Если это она,— то тот высокий, в середине, должно быть, Алексей Кулаков»,— ревниво подумал он. Когда толпа приблизилась, он увидел, что не ошибся: это действительно были Кулаков, Лиза и Ботагоз.

— Ботагоз!— громко крикнул Аскар, но тройка быстро промчалась мимо него.

Увлеченная катаньем, Ботагоз не заметила Аскара, но, услы-

шав знакомый голос, оглянулась. Узнав учителя, она сказала Лизе:

— Мне нужно вернуться домой.

Когда девушки, не снимая коньков, пошли к стоявшему в отдалении учителю, Кулаков посмотрел вслед Ботагоз и подумал:

«Хорошенькая киргизка!»[1]

Аскар холодно поздоровался с девушками и пошел вместе с ними в поселок. Вскоре их обогнал Алексей.

— «Судя по одежде, должно быть, учителишка,— решил Кулаков.— А какое ему дело до этой киргизки?..»

«Знаю тебя, серого волка... Знаю, на какого ягненка скалишь ты зубы!— в свою очередь подумал Аскар, провожая Кулакова взглядом.— Но не на такого пастуха нарвался, едва ли что-нибудь попадет тебе в зубы!..»

Недружелюбные взгляды, которыми они мимоходом обменялись, красноречиво говорили об их чувствах друг к другу.

V

У Митрофана нужных вин не оказалось, но он уверил Буркутбая, что той же ночью или утром непременно вернется из Петропавловска посланная за вином подвода. Буркутбаю пришлось остаться на ночь в поселке. Узнав об этом, Аскар ушел к Балтабеку. Он был не в духе и, против обыкновения, почти весь вечер просидел молча, мало участвуя в разговоре.

Было уже довольно поздно, когда на крыльце послышался звук шагов и в комнату вошел Кузнецов с заиндевевшими усами и бородой. Он был в серых пимах, в заплатанном желтом полушубке и в треухе.

— Здравствуйте, Бота!— сказал он, закрыв за собой дверь.

— Здравствуйте, дядя!— ответила Ботагоз.

Аскар быстро встал с места и обменялся с Кузнецовым крепким рукопожатием.

Аскар и Кузнецов уже не впервые встречались в доме Балтабека. При каждом свидании они вели беседу о чем-то непонятном для Ботагоз. Иной раз она замечала, что они чего-то не договаривают, как будто остерегаются ее. И тогда Ботагоз оставляла их наедине. Так она сделала и сейчас. После того, как Кузнецов сел на сундук и расстегнул пуговицы своего полушубка, Ботагоз встала и обратилась к Аскару:

— Агай, разреши мне сходить к подруге за учебником!

— Что же, сходи,— ответил тот.

Она оделась и ушла.

Прошло несколько месяцев с того дня, как Аскар и Кузнецов

---

[1] «Киргизами» в царской России именовали и казахов.

неожиданно столкнулись в Бурабае, в кузнице Балтабека. За это время они хорошо узнали друг друга.

Многие вопросы, волновавшие Аскара, он выяснял при встречах с Кузнецовым. Подробно обсуждали они события, связанные с Ленским расстрелом. Кузнецов разъяснял Аскару задачи борьбы рабочего класса, делился знаниями, которые он получил во время своей деятельности в Петербурге, передавал ему свой личный опыт подпольной большевистской работы.

В беседах же с Кузнецовым Аскар впервые познакомился с русскими политическими партиями, с основами их программы. Узнал и понял, кто такие социал-демократы, большевики, чего они хотят, какие политические цели и задачи ставят перед собой.

И Аскара, и Кузнецова огорчало то, что в Боровом не было нужных книг. Еще беллетристику они кое-как доставали, но о политической литературе в этом глухом казачьем поселке не приходилось даже и мечтать. С сожалением вспоминал Кузнецов свое питерское житье, жаркие дебаты в рабочих кружках, поздние ночные часы, которые, даже после изнурительной работы на заводе, пролетали незаметно за чтением запретной, из-под полы передаваемой политической брошюры.

Рассказы Кузнецова разожгли в Аскаре интерес к Петербургу. Еще в семинарии он мечтал о том, чтобы увидеть этот город, и строил всякие планы, как раздобыть средства на поездку туда, даже наводил справки об экскурсионном обществе, которое, как он слышал, существовало не то в Москве, не то в Петербурге и устраивало дешевые экскурсии для учителей. А из рассказов Кузнецова он узнал другой Петербург — Питер передовых рабочих, Питер революционных замыслов и действий.

Когда Итбай окончательно выяснил, что он поедет в столицу, на юбилейные торжества дома Романовых, то решил взять с собой в качестве переводчика Аскара, который хорошо знал русский язык и свободно изъяснялся на нем. Сам Итбай понимал язык плохо, а говорил на нем и того хуже. Итбай отлично представлял себе, что и в пути, и в самой столице он встретится с видными царскими сановниками, а может быть, и с самим царем, и ему придется говорить о своих делах. Незнание русского языка сильно помешает ему. Если же поедет с ним Аскар, то он правильно передаст его мысли всем, с кем ему, Итбаю, придется разговаривать. Да и то, что у него будет свой собственный, да еще такой хороший переводчик, должно выделить его среди других делегатов, придать ему особый вес.

Однако, когда Итбай предложил Аскару поехать с ним в Петербург, Аскар не сразу дал согласие. Он заявил волостному, что должен подумать, якобы, о том, как уладить дела со школой, чтобы не прерывать на долгое время занятий. На самом же деле Аскар не решался ехать потому, что в последнее время, особенно после избиения Кенжетая урядником, он возненавидел Итбая, который тоже начал враждебно относиться к учителю, хотя

и старался не показывать этого, по давно выработанной привычке скрывать свои чувства. Кроме того, Аскар не знал, насколько удобно ему ехать в Петербург с таким человеком, как Итбай, да еще на юбилей царского дома. Но ехать ему хотелось. Не зная, как поступить, Аскар и поехал в Боровое, чтобы посоветоваться с Кузнецовым.

Но домой к Григорию Максимовичу Аскар не пошел. Он знал уже, что Кузнецов находится под надзором полиции, о чем тот сказал ему при первой же встрече, предупредив, что свидания их у него дома могут подвести Аскара под подозрение полиции и вызвать нежелательные последствия. Они условились встречаться у Балтабека, что не могло казаться подозрительным, так как Балтабек и Кузнецов работали в одной кузнице. И в этот приезд Аскар через Балтабека передал Кузнецову просьбу зайти к нему попозже вечерком.

После ухода Ботагоз Аскар рассказал Григорию Максимовичу о цели своего приезда.

Кузнецов посоветовал своему молодому другу согласиться на предложение Итбая и обещал дать ему письма к своим петербургским друзьям. Долго беседовали они о том, что делать и как вести себя Аскару в Петербурге. Расставаясь, Григорий Максимович обещал еще раз поговорить об этом перед отъездом Аскара.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

АМАНТАЙ

I

Накануне вечером Кошкин напился почти до потери сознания в поселке, где он ночевал. Утром, до чая, опохмелился и, выехав из поселка, крепко заснул в санях. На козлах сидел казах, батрак крестьянина, лошадь которого в порядке гужевой повинности была запряжена уряднику. На дороге им встретилось стадо коров.

— Ок- ок-а, ок!— закричал ямщик, подъехав близко к стаду.

Стадо остановилось, но с дороги не сошло. Проснувшийся от крика ямщика Кошкин, с трудом приподняв опухшие веки, приоткрыл красные от вина глаза. Хмель еще не прошел, в голове что-то гудело, и Кошкин понял только то, что лошадь остановилась, и кучер почему-то угрожающе машет перед собой кнутом. Свинцово-тяжелую голову потянуло вниз, веки против его воли опустились. Он опять уткнулся носом в воротник тулупа, но окрики ямщика мешали ему спать.

— Что случилось?— сердито спросил он, вновь приподнимая голову.

— Да вот окаянные коровы загородили дорогу и не дают проехать.

— Это где же?— спросил Кошкин, кряхтя.— Ах, трещит башка! Опохмелиться бы!..

Коровы не были видны ему — их заслоняли от него лошадь и ямщик. Пошатываясь, урядник вылез из саней, крепко сжал руками виски и, спотыкаясь, пошел вперед. На узкой зимней дороге, только что утоптанной после бурана, дрожа и мотая головами от холода, вереницей, одна за другой, стояло десятка два коров.

— Гони с дороги!— закричал ямщику Кошкин.

Кучер слез с саней и попробовал кнутом отогнать коров с дороги. Передние коровы попытались сойти, но увязнув в сугробе, быстро поднялись назад, на твердый грунт, и больше уже никакими силами нельзя было сдвинуть их с места.

— А где хозяин?— крикнул Кошкин ямщику.

— Вон, стоит позади коров.

— Позови его.

— Эй, подойди сюда!— позвал ямщик.

Погонщик стада, ведя в поводу рыжую верховую лошадь, с трудом протолкался между коровами и подошел к саням.

— Ты кто?— сердито спросил Кошкин охрипшим голосом, сжимая кулаки и свирепо тараща глаза.

— Я казах.

— Какой ты казак?— насмешливо спросил Кошкин.— Где твой чуб? Где шашка? Как звать тебя?

— Зовут меня Амантай.

— Зачем загородил дорогу?— петушился Кошкин, замахиваясь на Амантая.— По этой самой дороге должен генерал-губернатор проехать! Из Акмолинска он будет по этой дороге возвращаться в Петропавловск, а ты путь загородил!

Амантай хоть и слышал, что Итбай ожидает губернатора, но не знал, что губернатор уже проехал в Акмолинск. На крики урядника он отмалчивался.

— Аульный старшина был у вас в ауле?— спросил Кошкин.

— Нет.

— Ах, подлец!.. Это что же он?! Давно было приказано собрать лошадей, почему не собирает?

— Не знаю.

Кошкин случайно посмотрел на лошадь Амантая:

— Хорошая лошадь. Твоя? Веди-ка ее сюда!.. Ну, живо!

Амантай не тронулся с места.

— Тебе говорят, веди сюда лошадь!— заорал урядник и, спотыкаясь и увязая в снегу, подошел к Амантаю и ухватился за повод.

— Для чего?— спросил Амантай, не отпуская повода.

— Губернатору запрягать. Пусти!

— Да губернатора еще нет! Когда нужно будет, тогда и отдам.

— Молчать, сволочь! Отпусти!— заорал Кошкин, но Амантай все-таки не выпустил повода из рук.

Кошкин замахнулся, но Амантай успел отскочить, и урядник, потеряв равновесие, упал в снег.

— Хоть в Сибирь сошлешь — не отдам!— крикнул Амантай, вырвал из рук урядника повод, вскочил на лошадь и поскакал назад.

Пока Кошкин поднимался и стряхивал с себя снег, Амантай был уже далеко.

— Стой! Вернись, подлец!— закричал ему вслед Кошкин.

Амантай все удалялся. Он боялся лишь того, как бы урядник не выстрелил в него, но решил: «Будь, что будет, а лошадь не отдам».

Взбешенный Кошкин не знал, что делать.

— Эй!— приказал он ямщику.— Гони коров в аул. Посмотрим, как он расстанется с ними! Если его не найдем, коров угоним в поселок.

Ямщик с трудом повернул коров на дорогу в аул, до которого было с версту.

В ауле урядник ничего не добился. Как ни кричал он, как ни грозился, никто не выдал Амантая. Пригрозив еще раз и ругаясь на чем свет стоит, Кошкин поскакал дальше.

II

Наступили теплые солнечные дни. Выгнав на тебеневку[1] истощенных лошадей, Итбай вернулся в свой аул. Слезая с коня, он увидел, что по дороге к аулу подъезжает какой-то всадник.

— Не узнаешь, кто это едет?— спросил он возвращающегося от стогов Буркутбая.

— Это, кажется, Амантай. Да, он, он! Точно.

— Вот что, Буркутбай: я пойду домой, и если это действительно он, Амантай, скажи, что меня нет дома, что у нас гости и устрой его в другое место.

Скоро на разгоряченной потной лошади, от которой валил пар, к дому волостного подъехал путник, оказавшийся действительно Амантаем. Выполняя приказ Итбая, Буркутбай заявил, что хозяина нет дома. Но Амантай не стал его слушать и направился в дом.

— Я ведь сказал — не велено пускать!— бросился за ним Буркутбай, пытаясь удержать его.— Что же, насильно хочешь ворваться в чужой дом?

— Наверное, у тебя чешется морда!— гневно крикнул Аман-

[1] Тебеневка — зимнее пастбище и пастьба скота.

тай, угрожая ему кулаком.— Над кем хочешь издеваться ты, разбойник?!

— Эге!.. Посмотри-ка, как разошелся старичок!..

Не слушая Буркутбая, Амантай быстро прошел в калитку двора. Во дворе стояло два одинаковых деревянных дома.

«В котором же может быть Итбай?»— подумал Амантай и наугад зашел в один из них.

В передней, у печки, какая-то женщина приготовляла баурсаки[1].

— Нет, он в том доме.

— Кто там? Заходи сюда!— крикнул кто-то из дальней комнаты.

Сняв сапоги, Амантай вошел в ту комнату и увидел Горбунова, что-то писавшего за столом.

— А-а, Амантайка[2]! Аман?

— Слава богу,— ответил Амантай, здороваясь с ним за руку,— здравствуй!— и сел на сундук, стоявший возле стола.

— Плохи дела, Амантайка!— заговорил Горбунов по-казахски.— Твои дела плохи, говорит бумага. Урядник писал, очень плохо писал.

— Что за бумага?

— Губернатору ты, говорил, лошадь не дашь. А это нехорошо... Башка долой будет за такое дело, говорю тебе я, ей-богу, плохо... Ты сопротивлялся уряднику... По этапу в Сибирь отправят. Понимаешь?

— Если пострадаю без вины, буду надеяться на милость божью.

— Какой тебе бог! Бог — царь, начальник — бог, говорю тебе я... Быть против начальника — значит стать слугой шайтана, говорю тебе я. Я тебе говорю, урядник протокол написал... о тебе пакет в Омск пойдет.

«Не стращает ли нарочно, чтобы выудить взятку?»— подумал Амантай, но потом какое-то чувство подсказало ему: «Кто его знает, быть может, на самом деле он решил напакостить»,— и забеспокоился.

После короткого раздумья Амантай спросил писаря:

— А где же пакет?

— Пока в моих руках,— Горбунов, открыв ящик стола, вынул оттуда какой-то конверт и, издали показав его Амантаю, положил обратно.— Твоя голова здесь,— добавил он.

Беспокойство Амантая усилилось. Горбунов уловил тревогу Амантая и, чтоб еще больше напугать его, сказал:

— Я тебя пожалел, грех будет, думал... Глаза видели, теперь сам знаешь...

---

[1] Баурсак — печенье из пресного теста, поджаренное в сале.
[2] Амантайка — пренебрежительное от Амантай.

Амантай хорошо понял, что слова писаря: «теперь сам знаешь»— означают: «Дашь взятку — разорву пакет, не дашь — пошлю в Омск». Он пристально посмотрел Горбунову в глаза и твердо решил взятки не давать.

«Если дать, пожалуй, разгневаешь бога — и отвернется счастье»,— подумал он.

В пакете, который показал писарь, никакого протокола не было. Урядник и не составлял его, он лишь рассказал Горбунову о стычке с Амантаем. А у Горбунова мысль о протоколе и пакете возникла только теперь, когда зашел Амантай.

Амантай выдержал характер и не поддался уловкам писаря.

— У меня дело к волостному,— сказал он и направился к двери.

Злым взглядом проводил его Горбунов до порога.

Амантай давно не ладил с Итбаем. Хотя Амантай не был зажиточным, он считал себя ничем не хуже других и смолоду никому не давался в обиду. Волостной, державший народ в ежовых рукавицах, попытался было и его держать в надлежащем страхе, но тот не смирился. Тогда Итбай принял против него меры, которые он привык пускать в ход против «непочтительных». Он насильно отобрал у Амантая хорошую верховую лошадь и охотничьего беркута, а потом через своих аульных старшин и баев ложно обвинил его в конокрадстве. Но Амантай сумел найти выход из ловушек, которые расставлял ему волостной управитель. Последняя каверза, устроенная Итбаем, очень ожесточила Амантая. Пользуясь своей властью волостного, Итбай способствовал передаче земли Амантая и его родных в переселенческий фонд. По этому делу и приехал к волостному Амантай.

Сняв в передней сапоги, он в ичигах зашел в гостиную Итбая, где, теснясь и оживленно разговаривая, вдоль стен сидело много гостей. На самом почетном месте восседал какой-то старик с длинной белой бородой, в чалме и пестром халате. Когда Амантай с ним поздоровался, старик сунул ему лишь кончики пухлых и мягких, как вата, пальцев.

«Кто может быть этот незнакомый мулла?»— подумал Амантай, но никого не спросил. Обойдя всех, он сел на свободное место, рядом с крайним к порогу гостем, так как никто не потеснился и не предложил ему другого места.

Итбай только кивнул непрошеному гостю головой. Он сидел близ порога, с правой стороны от гостей, и взбалтывал кумыс. Перед ним стояла до краев полная громадная чаша, из которой он сам ковшом наливал напиток гостям. Позади него к деревянному колу у порога был привязан длинный кожаный бурдюк, также до горла полный кумыса.

Острый запах приготовленного в новой посуде кумыса защекотал Амантаю нос, и он, твердо веря в казахское гостеприимст-

во, приготовился напиться досыта. Однако Итбай налил ему только полковша — и то в старую деревянную чашку с отбитыми краями.

— Подай-ка это Амантаю!— сказал он Буркутбаю, обслуживавшему гостей.

Амантай сделал один глоток из поданной ему чашки и возвратил ее обратно. Итбай заметил это и, как бы давая понять, чтобы Амантай убрался поскорее, пренебрежительно бросил ему:

— Ну, говори!

— Хотел узнать у тебя, когда приедет губернатор.

— Зачем тебе знать?

— Хотел подать жалобу.

— Какую жалобу?

— Сам знаешь. Весной, как тебе известно, наш аул собираются выселить. Нам некуда деваться. Наше общество и поручило мне подать жалобу губернатору.

— Что же ты думаешь, губернатор будет разговаривать с тобой по такому важному вопросу?

— А почему бы ему и не разговаривать?! Разве не обязан он заботиться о нас?! К кому же еще идти с нашими горестями, как не к нему?

— Если ты уж такой записной ходатай, поезжай с жалобой в Омск. Я не позволю беспокоить своего гостя, не вздумай показываться!

— Не позволишь подать и письменную жалобу?

— Не позволю.

— А как назвать это?! Поступком казаха-сородича?!

— Э, родственные чувства твои я знаю! Испытал уже! У твоих танатарцев[1], мне кажется, нет причин обижаться на меня... Что ж вы вспомнили обо мне и запылали родственными чувствами, когда вас приперло к стене? А раньше где были?!

— Если так, нечего и разговаривать... Кончено...— сказал Амантай, вставая с места.— Стрелой, направленной в меня, ты хочешь пронзить грудь всем четырем аулам танатарцев. Мы тоже живые люди. Посмотрим, удастся ли тебе проглотить нас!

— Если вы уж такие твердые, попробуйте выдержать. Я не буду Итбаем, если не пущу вас по миру!

В этот момент два жигита внесли в комнату, держа за оба конца, астау[2], полное жирной вареной конины.

— О вашей тяжбе поговорите потом. Оставайся кушать, дорогой!— обратился к Амантаю один из гостей.

— Поперхнется он моим хлебом!— заметил Итбай гостю и злобно крикнул Амантаю:— Вон из моего дома, негодяй! Подумаешь, какой гордый! Нашел с кем тягаться!

---

[1] Танатарцы — название рода.

[2] Астау — продолговатое, больших размеров деревянное блюдо, в котором подают мясо. Употребляется, главным образом, в богатых домах.

— Посмотрим, как опрокинешь ты гору!

— Всех вас превращу в пепел и рассею по воздуху!

Амантай ушел.

III

Когда взбешенный Амантай вышел из дома и подошел к воротам, лошади его там не оказалось. Увидев над забором скотного двора длинные шеи и высокие горбы, Амантай вспомнил, что лошадь его пуглива и особенно боится верблюдов. Сначала он и подумал, что лошадь испугалась и ускакала, но следы у ворот показывали, что она была уведена пешим человеком, который, очевидно, и уехал на ней. Про Итбая ходила молва, что когда к нему приезжали его недруги, у них нередко бесследно исчезали кони. От этой догадки сердце у Амантая похолодело.

На скотном дворе стоял верблюд, запряженный в розвальни с высоким плетеным коробом, и какой-то парень, должно быть, батрак Итбая, размахивая широкой деревянной лопатой, наполнял короб снегом.

— Эй, жигит, подойди сюда!— позвал его Амантай, собираясь расспросить его о лошади.

Парень только посмотрел и, ничего не ответив, стал продолжать свою работу.

«Не глухой ли?»— подумал Амантай, когда тот не отозвался на его повторный оклик.

Наполнив короб до отказа, жигит подошел к верблюду, взял его за повод и потянул вперед. Верблюд тронулся, но сани почему-то повернулись поперек оглобель и наклонились набок; короб упал, и весь снег вывалился на землю. Оказалось, что у одной оглобли лопнула завертка.

Парень разразился потоком богохульств, потом перенес весь свой гнев на верблюда:

— Ах ты, падаль поганая! Чтобы сдохнуть тебе! Хоть бы черви изгрызли твои ноздри, скотина собачья! Волосы поседеют от тебя!

В озлоблении он замахнулся концом повода, чтобы ударить верблюда по голове, но верблюд поднял голову, и веревка, свистнув в воздухе, ударила самого жигита по плечу. Когда батрак замахнулся вторично, верблюд испустил крик и выплюнул в лицо обидчику жвачку.

— Чтобы хватила тебя катпа[1]!— крикнул жигит и стал обтирать лицо.

Он хотел привязать оглоблю, но напуганный верблюд бросался из стороны в сторону и дергал сани, увлекая их за собой.

— Ойбай-ай, как же теперь быть?!— воскликнул жигит, снова раздражаясь.

[1] Катпа — болезнь, от которой верблюды чахнут и подыхают.

Наблюдавший за этим Амантай схватил верблюда за повод. Жигит обернулся к нему, пристально посмотрел в лицо и, распластавшись на снегу, начал привязывать оглоблю.

У жигита сквозь рваные овчинные шаровары выглядывало голое тело. Верх купе[1] на нем весь изорвался. Истоптанные черные валенки с починенной, подшитой подошвой у задников продырявились.

Прикрепив, наконец, оглоблю, парень встал.

— Как тебя звать, друг?— спросил Амантай, как будто узнавая его.

— Темирбек.

— Не сын ли ты Туякбая?

— Да.

— А, да ведь ты мой племянник!— воскликнул Амантай и поздоровался с жигитом.

Туякбай был сыном родной сестры Амантая, и в молодые годы они поддерживали близкие отношения. Но с тех пор, как Туякбай откочевал в аул Итбая, семейная связь ослабла, и Амантай перестал бывать у них. Сыновья Туякбая в то время были еще малы: Темирбеку было лет восемь-девять.

Из полуоткрытого ворота Темирбека виднелась верхняя часть его груди багрово-красного цвета и в пупырышках, как у ощипанного гуся. Обмороженная и обветренная кожа на лице сморщилась от холода и казалась почти черной.

— Нет ли насыбая[2], дядя?— спросил Темирбек, довольно равнодушно отнесясь к неожиданной встрече.

Амантай протянул ему табакерку.

— Прямо подыхаю от работы,— сказал Темирбек, положив под язык щепотку насыбая,— от зари до зари не знаю ни минуты отдыха и покоя, сегодня вот до сих пор во рту ничего еще не было. Нынче и зима какая-то бешеная: почти ежедневно бураны. И раньше еле-еле успевал за день очищать от навоза хлева, давать скотине сено, поить ее, а теперь вдобавок приходится снег вывозить.

— А давно работаешь у Итбая?

— Да вот пятый год.

— Что платят тебе за зиму?

— Одного двухгодовалого быка.

— Ведь это же очень мало!

— Что же делать, если мало! Нельзя же сидеть дома сложа руки. Другой работы ведь нет!

Амантай слышал, что из сыновей Туякбая Темирбек самый простоватый. Теперь из разговора с племянником он вовсе не вынес такого впечатления. «Парень не так уж глуп, как говорили!» — подумал он и спросил:

---

[1] Купе — стеганая, на шерсти, шуба.
[2] Насыбай — жевательный табак.

— Не видел ли ты лошадь, стоявшую у ворот дома?

— Видел. На ней только что уехал один из сыновей хозяина.

— А каков он из себя?

— Жигит, лет семнадцати-восемнадцати.

— Куда же он уехал?

— Направление взял вон на тот аул,— указал Темирбек,— а куда поехал — не знаю.

— В своем ли он уме?! Как же так, брать чужую лошадь без спроса!

— За ними это водится. Дети этого дома не стесняются таких дел.

— Вот собачий сын! Какое нахальство!

Темирбек оглянулся на кучи собранного снега, как бы намекая, что ему пора продолжать свою работу. Амантай понял это и, сказав «хош»[1], пошел обратно в дом Итбая, чтобы пожаловаться ему на сына, самовольно взявшего его лошадь.

В передней Амантай услышал доносившиеся из гостиной протяжные звуки молитвы.

«Агузо беллахи менаш-шайтан ерражим»[2],— пробормотал Амантай, снимая сапоги.

Открыв дверь в гостиную, он увидел, что дастархан перед гостями после еды еще не убран и все сидят с поднятыми руками в заключительной молитве. Понуро опустив голову, Амантай тоже поднял руки. Приезжий мулла в белой чалме, читая молитву, долго шевелил губами, и только когда у всех порядком устали руки, он медленно и важно прикоснулся гибкими ладонями к лицу и погладил бороду.

Амантай собирался при всех устыдить и обругать Итбая, чем бы это ни грозило ему. Однако присутствие приезжего муллы удержало его от резкостей, и он почти спокойно обратился к хозяину:

— У меня к вам маленькое дело.

— Некогда. Ведь я сказал, придешь в другой раз,— ответил Итбай резко.

— У меня исчезла лошадь.

— А мне что до этого?! Я не караулил твою лошадь! Привязал бы как следует! Наверное, ушла сама.

— Говорят, сын твой уехал на ней.

— Не клевещи! У детей этого дома достаточно и своих лошадей. О господи, вот наказание! Как репей прицепился! Если у тебя нет долга за мной, не беспокой, пожалуйста, гостей моих, отвяжись и оставь мой дом! Когда гонят — уходит и собака. Уходи из моего дома.

Крупно поругавшись с Итбаем, Амантай вышел во двор.

---

[1] Хош — до свиданья.

[2] «Умоляю бога, чтобы он сохранил меня от искушений шайтана»— начало молитвы у мусульман.

Темирбек, свалив снег с короба далеко от дома, возвращался опять на скотный двор.

— Скажи, пожалуйста, кто этот старик в чалме, что гостит у Итбая?— спросил его Амантай.

— Ишан[1] Гайнулла.

— Когда же он приехал?

— Третьего дня.

— Сам приехал или же пригласили?

— Говорят, пригласили благословить Итбая на дальний путь в Петербург. Кажется, ишан и больных здесь лечить будет.

Про ишана Гайнуллу рассказывали, что он чудотворец и исцелитель. Мюриды[2] ишана распространяли всякие легенды о чудесах, творимых им. Наслышавшись таких рассказов о Гайнулле, Амантай, часто страдавший головными болями, давно хотел посетить его, но ему все не удавалось съездить. Теперь же представлялся удобный случай близко посмотреть на ишана и воспользоваться благами его святости. Амантай был глубоко уверен, что обязательно исцелится, если побудет хотя бы на одном зикре[3] Гайнуллы. Правда, после всего случившегося как будто и стыдно в третий раз заходить в дом этого проклятого Итбая, но Амантай все же решил пойти.

— Не знаешь, когда состоится зикр?— спросил он Темирбека.

— Говорят, что сегодня вечером.

— А как же мне быть с лошадью?

— Да вон, кажется, сын Итбая возвращается на ней,— указал Темирбек на показавшегося вдали всадника.

Амантай подождал, пока тот подъехал, а потом отправился к Туякам, надеясь найти у них ночлег.

IV

— Эй, Аскар!— позвал Темирбек учителя, проходившего мимо школы, и остановил верблюда, которого вел за повод.— Давеча к тебе приезжал Кенжетай, но ты был занят в школе. Он просил передать тебе приглашение на той, который мать устраивает по случаю его выздоровления.

— А сам ты поедешь?

— Нет, еще не успел дать корма лошадям. До сумерек буду таскать сено, а потом — опять вывозить снег.

— А разве нельзя вывезти снег завтра?

— А может, завтра опять будет буран?!

---

[1] Ишан — духовный сан у мусульман, приблизительно соответствующий сану архиерея у православных.

[2] Мюрид — последователь, приверженец.

[3] Зикр — лечение молитвой, заклинанием, обычно практикуемое лицами духовного звания.

Аскар пешком отправился к Кенжетаю. Поздоровавшись с хозяевами и гостями, он занял место на торе. Оказалось, что Улберген только его и ждала. Она обратилась к сыну:

— У меня, милый, чай готов. Подай гостям вымыть руки и расстилай дастархан.

Кенжетай нарезал на дастархане желтые лепешки, испеченные на сковороде. Улберген принесла вскипевший медный самовар — помятый, с одной ручкой и деревянным краном — и начала разливать чай.

— Не осудите за скромное угощение,— обратилась она к гостям,— живем только на скудные заработки детей. Были б лишь они живы и здоровы. Радость моя — дети, на бедность не жалуюсь. Слава богу, все прошло благополучно — сын поправился. На радостях и решилась я позвать вас и попотчевать хотя бы этим пустым чаем...

— Мать скромничает,— смеясь, сказал Кенжетай.— Будет и мясо.

— Ну, какое мясо — телятина?!

— Почему телятина? Мясо телки — вот, на большой палец, жирной!

— Во время болезни Кенжетая,— сказала Улберген,— я решилась зарезать нашу единственную телку. Одну бедерную кость оставила для моей Бота-жан, а остальное варю сегодня. Хотелось чем-нибудь да угостить вас. Какое же это мясо — одно название...

— Не беспокойся, мы и чаем довольны!— успокаивали гости.— Нас не менее тебя радует выздоровление Кенжетая.

Когда чаепитие кончилось и Улберген стала убирать посуду, в дверях раздалось приветствие: «Кеш жарык!»[1]— и в комнату вошел новый гость.

Он подошел к столбу, подпиравшему потолок посредине избы, и произнес обычный «ассалам-алейкум»[2].

— Огалайкум-ассалам[3],— ответили ему сидевшие и пригласили на торь.

Человек сбросил сапоги, снял верхнюю одежду и занял освобожденное для него место. Кивком головы отвечая на приветствия, он обратился к хозяйке дома:

— Как здоровье, Улберген?!

При тусклом огоньке светильника Улберген не смогла как следует разглядеть гостя, не узнала его и, по манере казахских женщин, еле слышно произнесла:

— Слава богу.

Взглянуть вторично в лицо пришедшего она сочла неудобным. Выждав некоторое время, она внимательнее посмотрела на него. Ей показалось, что это Амантай.

---

[1] Кеш жарык!— Добрый вечер!
[2] Приветствие: «Мир вам».
[3] Ответ на приветствие: «И вам мир».

— Не нағашы[1] ли ты?— спросила Улберген.

— Да, я Амантай. Как живешь? Все ли благополучно у вас?

Вспомнив доброе старое время и то, что Амантай был участником ее свадьбы — вместе с Туякбаем увозил ее из родительского дома, Улберген прослезилась и вытерла глаза краешком своего жаулыка[2]. Понимая переживания Улберген, Амантай несколько раз грустно вздохнул.

Первой мыслью Кенжетая было: «Чем же угощать такого редкого и уважаемого гостя?» Обычай требовал оказать ему особое внимание, угостить особыми, отборными кусками мяса. Покойный отец Кенжетая, несмотря на ограниченный достаток, всегда умел принимать гостей, не показывая своей бедности, и Кенжетай боялся, как бы его не сочли скупым и не прославили как сына, недостойного своего отца. Но... «на нет и суда нет»,— решил Кенжетай и вместе с другими стал расспрашивать Амантая о здоровье, о делах, чтобы хоть любезностью сгладить скудость угощения. Улберген снова разогрела самовар и предложила Амантаю чаю.

Когда стали убирать дастархан, явился еще гость. Из вежливости и ему сказали: «Пожалуйте на торь», но там уже не было места, и вошедший, не раздеваясь, сел на корточки у подпорки.

— Познакомимся! Да будет счастлив ваш путь!

— Благодарю! Я атыгеец[3], ездил по делам, теперь возвращаюсь домой.

— Раздевайся. Если путник, принимай участие в трапезе!

— Спасибо, я спешу; у меня дело к этому жигиту,— сказал он, кивком головы указывая на Аскара.

— Наедине, что ли?— спросил Аскар.

— Нет, могу сказать и при всех. Нас у отца двое. Брат у меня еще холостой. Я сосватал ему в этих краях девушку, почти весь калым уже уплатил и поехал к свату договориться о дне свадьбы. Когда я ночевал у сватьев, к ним ворвалась толпа каких-то жигитов. Они связали нас всех и насильно увезли мою невестку. Мне удалось узнать, что это насилие совершили родственники Итбая. Я поехал к нему с жалобой. И что же вы думаете?! Итбай, не стесняясь, сказал мне, что похищение состоялось по его, Итбая, совету. На мой вопрос: «Почему?»— он заносчиво заявил: «В прошлом году ты отказался подарить мне своего сокола; вот за это самое!» Я ему и так, и сяк, а он и слушать не захотел, выгнал из дому. Теперь хочу искать на него управу, сколько бы мне это ни стоило. Очень прошу тебя, дорогой, возьми с меня за труд сколько хочешь, только напиши мне жалобу. Хочу подать губернатору; говорят, он скоро будет в этих краях...

В это время скрипнула дверь, опять послышался «кеш

[1] Нагашы — родственник со стороны матери.
[2] Жаулык — женский головной платок из легкой белой материи.
[3] Атыгейцы — один из подродов основного рода.

жарык», и в комнату вошел еще один человек. Приглашать этого на торь было явно бессмысленно. Вошедший, поздоровавшись, сразу же стал объяснять причину своего прихода.

— Мой старший брат умер в прошлом году,— начал он.— Тридцатилетняя вдова его, у которой трое детей, не захотела больше выходить замуж и осталась жить вместе со мной. Хотя у меня отдельное хозяйство, но, из уважения к памяти брата, я помогал им. На днях приехал к нам аульный старшина и, по приказу волостного Итбая, насильно отдал невестку мою замуж за какого-то аткаминера из соседнего аула. Я поехал к Итбаю, а он поднял меня на смех, говорит: «Зачем тебе задарма кормить вдову, на согум[1], что ли, держишь ее?» Говорят, скоро приедет большой начальник. Хочу подать на Итбая жалобу.

— Невестка что! У меня мать родную выдали насильно — и то приходится молчать!— заметил один из гостей.

Вслед за этим жалобы на Итбая посыпались со всех сторон:

— У меня украли откормленную на согум кобылу. Свежие следы привели прямо к Итбаю. И все же ничего я от него добиться не мог.

— А у меня Итбай отнял пойманную в капкан лисицу, будто лисицу эту где-то спугнул он.

— Если уж говорить о проделках Итбая, то разве не он отнял у меня беркута, заявив, что это его беркут, улетевший еще год тому назад? А ведь за беркута этого я отдал лучшую лошадь!— сказал взволнованно четвертый.

— Я побоялся даже пойти и сказать, когда у меня единственного ягненка украли и зарезали для косарей Итбая,— вспомнил свое еще один.

— Кто не знает, как сын Итбая, Ергазы, избил нагайкой моего сына-школьника за то, что он, якобы, отравил их собаку! И мой мальчик через полтора месяца умер. Получил ли я кун[2]?!— воскликнул шестой.

— А ко мне Ергазы подослал своих воров, и они увели единственного двухгодовалого быка. А все за то, что я отказался быть сводником между своей родной сестрой и им, Ергазы. Конечно, быка своего я так и не получил!— сказал пожилой казах, державший ямщину вместе с Кенжетаем.

— А мне за трехлетнюю работу ни гроша не заплатил и выгнал со двора, как собаку,— вспомнил свою обиду бывший батрак Итбая.

Сетования на волостного продолжались без конца.

Не впервые приходилось Аскару слышать такие речи. Немало он сам написал заявлений по просьбе обиженных Итбаем людей. А какой из этого толк? Никакого. Из десятков жалоб начальству на Итбая и на близких к нему людей ни одна не

---

[1] Согум — убой откормленного скота.
[2] Кун — пени за убийство, за увечье.

принесла пользы. Многие и вовсе оставались без ответа, а другие пересылались на разбор местным биям. А повадки биев известны: по их мнению, правда на стороне того, кто им даст большую мзду. «Не ходи к бию, пошли взятку»,— говорили в народе. Бывало, что жалобы оборачивались против самих жалобщиков. Уездный начальник Кривоносов, приятель Итбая, пересылал наиболее вопиющие жалобы самому волостному, а тот не оставался в долгу у таких жалобщиков. Итбай вызывал их к себе, вначале читал им их жалобы, а потом напускал на них такого страху, что те именем аллаха молили о пощаде. Одних Итбай «щадил», взимая с них большой штраф, а других преследовал до могилы. Недаром в народе говорят: «У кого клыки — у того и правда».

Итбая очень интересовало, кто составляет эти жалобы. Сильное подозрение падало и на Аскара, но жалобщики не выдавали его. Заявление составлял Аскар, а потом его переписывал кто-нибудь другой, в поселке или в городе. Оригинал же сжигали. Благодаря таким уловкам жалобщиков Итбаю не удавалось найти прямых улик против Аскара.

Со временем Аскар убедился, что жалобы никому не помогают, что ими не искоренить зла, не предотвратить насилия со стороны волостного управителя и баев. Он понял, что при царском режиме, пока народом управляют безответственные чиновники, неизбежно будет процветать насилие, издевательство сильного над слабым, бесчестного над честным. Все меньше значения стал придавать он этим жалобам, менее охотно писал их, а кое-кому и вовсе отказывал, подозревая, что они подосланы к нему Итбаем.

Исподволь он стал вести среди жалобщиков агитацию против царской власти, против баев, разъясняя, что жаловаться бесполезно при существующем порядке. Одни живо воспринимали его слова, а другие по-своему понимали отказ Аскара написать жалобу и, уходя от него, безнадежно махали рукой:

— И этот продался Итбаю!

Появление такого большого числа недовольных Итбаем на тое у Улберген не было случайностью. Население окрестных аулов, узнав о предстоящем приезде губернатора, готовилось подать ему жалобы на притеснения Итбая и его подручных, на беззастенчивый захват земель у слабых родов для передачи в переселенческий фонд, тогда как земли богатых оставались нетронутыми. Аскару приходилось быть особенно начеку, так как Итбай, конечно, знал о начавшемся в народе брожении и ревниво следил за тем, чтобы в подвластной ему волости не вынесли сора из избы, чтоб к губернатору не дошло ни одно слово недовольства. Случай с Амантаем явно показывал, до какой степени раздражения дошел Итбай, если отказал в гостеприимстве пусть враждебному, но все же почтенному человеку.

V

Когда Амантай собрался уходить, Улберген попробовала удержать его, опасаясь, не обиделся ли нагашы на скромное угощение:

— Куда же ночью собрался, нагашы? Оставайся ночевать.

— Хочу съездить к Итбаю на зикр ишана,— ответил Амантай.— Мои головные боли не прошли до сих пор. Быть может, ишан вылечит. Потом приеду ночевать.

По дороге Амантая посадил к себе в сани больной, также ехавший лечиться к ишану. Больной этот все время надрывно кашлял.

— Прошлой зимой,— стал рассказывать он,— я заблудился в степи, и пришлось мне ночевать под открытым небом. С тех пор у меня болит грудь. Побывал почти у всех известных бахсы[1], принимал всякие лекарства, лечился и скотом[2], но из всего этого ничего не вышло. Теперь только одна-единственная надежда — на ишана.

Аскар тоже решил побывать на бдении ишана,— он никогда ранее не видел этого обряда и имел о нем лишь отдаленное представление.

Было часов девять вечера, когда Аскар медленно дошел до дома, где предполагался зикр. Небо было окутано тучами, дул холодный ветер, хлопьями падал редкий снег. Весь двор был заставлен санями и верховыми лошадьми, а дом набит людьми, чаявшими получить исцеление. Пройдя кухню, Аскар вошел в следующую комнату и, сев на сундук, стоявший у двери, стал внимательно вслушиваться в разговор людей, заполнивших все четыре комнаты дома.

— Ревматизм у меня: хрустят колени, почти отнялись ноги. Хочу показать ишану,— говорил один из больных.

— А меня поясница доняла. Как что-нибудь подниму или напрягусь, начинается такая боль, что темнеет в глазах, все валится из рук. А дети еще малы, ничем в хозяйстве помочь не могут,— печалился другой.

— И скажите, откуда такое несчастье взялось?— пожаловался третий.— Бельмо на глазу появилось, на свет божий смотреть больно, режет...

— Был ребенок как ребенок, здоровехонький,— вмешалась в разговор какая-то старуха, прижимая к своей груди голову мальчика лет семи-восьми,— и вдруг заболело ухо. Все течет и течет из него гной...

В дальнем углу комнаты, скорчившись, сидел хмурый человек, держась ладонью за распухшую щеку.

---

[1] Бахсы — знахарь.
[2] Приношение в жертву скота для избавления от болезней.

— Зубы, что ли, болят?— посочувствовал кто-то, но тот в ответ только злобно глянул.

В другом конце комнаты раздались громкие голоса:

— Ты бы, дорогой, хоть не на людях делал это; а то ведь смотреть тошно!— брезгливо выговаривали коренастому чернобородому мужчине, который, обнажив правую ногу выше колена, выдавливал гной из многочисленных язв.

— Сам я, что ли, выпросил их у бога?!— огрызнулся тот.— Восемнадцать лет все изводят меня. Хотел поехать к ишану, а тут, на мое счастье, он сам приехал.

— А у тебя какая болезнь?— шутливо обратился какой-то жигит к молодухе.— Кажется, пышешь здоровьем; вишь, лицо как налитое яблочко...

Молодуха смущенно потупила взор:

— Э, мало ли какие у кого бывают огорчения!— ответила за нее мать золотушного мальчика.— Она то здоровая, да бог ребенка не дает ей. Вот уже десятый год. И на могилах святых ночевала не раз, и знахари знаменитые пользовали, а никакого толку. Теперь вся надежда на ишана.

— Ой, ой... Ой, алла!.. Осторожнее, а то душа вылетит!..— послышался стон из раскрывшейся двери.

Все замолчали и обратили взоры в ту сторону: четыре человека вносили лежавшего на кошме больного.

— Вот поехал человек на озеро поить лошадей, а она поскользнулась, навалилась ему на ногу и раздробила кость. Костоправ вправил, но нога у него беспрестанно ноет,— объяснил один из тех, кто вносил этого больного.

Жалобы и стоны калеки скоро стали беспокоить собравшихся, но он не обращал на это внимания.

Вдруг у порога послышались крики:

— Дайте дорогу, Азнабая несут!

Все всполошились.

«Чего они испугались?»— подумал Аскар и обернулся к двери. Два человека вносили связанного мальчика лет тринадцати-четырнадцати, что-то невнятно бормотавшего.

— Он сумасшедший,— прошептал один своему соседу.— Паренек и раньше был буйный, а с приездом ишана стал еще беспокойнее.

— А как же иначе?! Шайтан, что сидит в нем, не хочет покинуть его без сопротивления!

Сумасшедший мальчик сначала был спокоен, но потом поднял такой крик и вой, что от ужаса у людей мороз пробежал по коже. Даже человек со сломанной ногой и тот перестал стонать и испуганными глазами озирался на сумасшедшего.

В это время вошел Амантай.

Смущенный всем, что пришлось ему увидеть здесь, он уже не рад был своему приходу и готов был благодарить бога, что

у него только головная боль Он собрался было уходить, но потом раздумал и решил остаться до конца.

Час за часом проходил в томительном ожидании, а ишан все не показывался. Приближалась полночь. Крики и стоны больных не давали покоя. Наконец кто-то не выдержал:

— Надо бы сходить посмотреть, что он делает, собирается ли к нам.

Несмотря на уговоры некоторых, что это неприлично, началась беготня на половину Итбая. Оттуда время от времени поступали сообщения:

— Сидят и беседуют...

— Молятся...

— Собираются кушать мясо...

— Пьют кумыс...

— Опять читают молитвы...

Уже за полночь послышались чьи-то приближающиеся шаги, открылась дверь. Все встрепенулись.

— Дайте дорогу!— крикнул кто-то, и в дверях показалась голова муллы, помощника ишана.

Мулла этот хотя был по происхождению казах, но говорил на ломаном татарском языке. На таком жаргоне он и обратился к ожидавшим:

— Җамагат![1] Все ли вы чисты? Совершили ли омовение? Нет ли у кого в кармане насыбая, папирос или иной погани? Если узнает ишан, будет плохо.

— Чисты,— ответили все.

Мулла рассадил всех полукругом вдоль стен. В середине круга разостлал привезенный из Мекки жайнамаз[2] с изображением мечети, на жайнамаз поставил медный кумган[3] с водою.

— Җамагат!— сказал он, став на колени на жайнамаз.— Когда ишан начнет зикр, вы должны повторять за ним слова молитвы. Я три раза прочту вам эти молитвы, а вы повторяйте за мной и заучите: «Аспи раббим жалла алла, мауфи халби хайролла, Нурмехаммед салла алла, ла илага елла алла». После этого следует три раза подряд произнести «Ух-ху-у, ух-ху-у елла алла!»

Все шумно повторяли за муллой эти слова, но многих затрудняло арабское произношение, языки не повиновались им, и арабские слова выходили у них на манер казахских.

— Җамагат! Порядок таков. Свет будет потушен. Если во время зикра ишан будет летать над вами, вы не бойтесь... Теперь я пойду и приведу ишана.

---

[1] Җамагат — на арабском языке — обращение, вроде русского «почтеннейшее собрание».

[2] Жайнамаз — подстилка при совершении намаза.

[3] Кумган — медный кувшин с узким горлом.

Многим предстояло видеть ишана впервые. Они были в полной уверенности, что зикр исцелит их. У тех же, что лечились раньше у ишана, в душу вкрадывалось сомнение, однако все с нетерпением ждали прихода ишана.

Аскар по-прежнему внимательно наблюдал за больными.

«Несчастный аул!— горестно думал он.— Сколько болезней гнездится в тебе! И от ишана ты ожидаешь исцеления! Он лишь разбередит твои раны, умножит твои страдания... Когда же настанет для тебя день подлинного исцеления, день настоящей радости, мой родной аул?»

Ишан вошел неожиданно, лисьим шагом прошел среди расступившихся, почтительно склоненных людей и встал на жайнамаз, молитвенно склонив колени. Суровым взглядом из-под густых насупленных бровей окинув окружающих, глядевших на него с трепетом, он вынул из кармана длинные четки и, опустив глаза, стал быстро перебирать их. Перебирал он довольно долго. Потом сложил четки на ладони, провел ими по лицу, пробормотал молитву, еле разжимая губы, и погладил бороду.

Все смотрели на него с почтительным страхом и с тайной надеждой на чудо. Вот ишан особым взглядом посмотрел на муллу — своего помощника. Тот понимающе закрыл глаза и голосом мычащей телки, завывая и раскачиваясь, начал читать длиннейшую главу из Корана —«Табарак». Люди, утомленные долгим ожиданием, в душе проклинали муллу, а заодно с ним и «Табарак».

Кончив, наконец, читать, мулла после общей молитвы, стал снова объяснять правила зикра.

— Знаем!.. Поняли!..— раздалось со всех сторон; взоры больных снова устремились на ишана...

Закрыли ставни на окнах, погасили свет. В душной темноте у людей кружилась голова. И тогда то ли сам ишан, то ли опять мулла (в темноте нельзя было разобрать) начал нараспев читать те самые молитвы, которым раньше мулла учил больных. Изредка чтение прерывалось: читавший набирал в рот воды и брызгал по сторонам. Больные, кто как мог, повторяли слова молитвы. Комната наполнилась сплошным гулом.

От темноты, шума и духоты у Аскара закружилась голова, его затошнило. Дольше сидеть он был не в силах. Спотыкаясь в темноте, он добрался до двери, вышел во двор и глубоко, всей грудью, вдохнул свежий морозный воздух. Уже не кружил медленно падавший снег,— слабый с вечера ветер окреп, в степи бушевала метель.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В ОЖИДАНИИ ГУБЕРНАТОРА

I

Амантай выехал из своего аула на охоту, как только забрезжил рассвет.

С вечера ветер упал, тихо посыпал густой, пушистый снег. Ночью небо прояснилось совсем. И утром выдался чудный сонар[1].

В поисках зверя Амантай объехал все ближайшие отроги Кокшетау, но попадались только зайцы. Ни одного из поднятых зайцев не упустил его беркут.

Когда короткий зимний день стал клониться к вечеру, Амантай шажком возвращался на своей приставшей рыжке домой, направляясь по целине к проходящей невдалеке дороге. За седлом у него висело головами вниз несколько зайцев. Беркут летал над его головой, зорко оглядывая окрестности. Вдали, на дороге, показались быстро катившие сани.

«Кто же это может быть?»— подумал Амантай и решил пересечь дорогу, чтоб успеть встретить путников.

Ударами каблуков заставив коня прибавить ходу, он защелкал языком, призывая беркута к себе на руку. Но беркут почему-то не послушался. Он отлетел в сторону, мигом взвился черной точкой под самые облака и камнем бросился вниз, упав примерно в версте от охотника.

— Тьфа! Тьфа!— понукал Амантай свою усталую лошадь и поскакал к беркуту.

Рыжка, несмотря на подхлестывания Амантая, еле бежала. Когда сгоравший от нетерпения Амантай подъехал к беркуту, он увидел в когтях у него скорченную желтовато-бурую лису — корсака.

Как только хозяин спрыгнул с лошади, беркут разжал когти, бросил корсака и, удалившись прыжками на несколько шагов, уселся на кочке, с довольным видом, поглядывая на свою жертву. Амантай приподнял лисицу за задние ноги. Один глаз ее вытек, а спинной хребет оказался перебитым. Охота была окончена, и Амантай, по обыкновению, стал кормить своего беркута. Сделав надрезы на передних ногах и на груди корсака, он наполовину отодрал шкуру и, распоров грудную клетку, вынул еще теплое сердце и печенку, которые хищник с жадностью разом проглотил. Потом Амантай отрезал и дал ему несколько кусков мяса. Наевшись, беркут спокойно сидел, пока Амантай снимал с корсака шкуру и привязывал ее к седлу.

---

[1] Сонар — первый глубокий снег, на котором отпечатываются и ясно бывают видны следы всех бродивших ночью зверей.

Садясь на лошадь, Амантай заметил, что проезжие остановились на дороге и машут руками, подзывая его к себе. Он позвал беркута, посадил его на толстый сучок, прикрепленный к передней луке седла, и потихоньку поехал к путникам.

— Аман!— сказал один из проезжих, стоявший в санях.— Из какого аула будешь?

— Во-он из того!— протянул Амантай руку в сторону своего аула.

В этот момент беркут отчего-то встревожился и замахал крыльями. Путник испуганно крикнул:

— Держи!..

— Нет, он людей не трогает,— успокоил Амантай.

— Кого же он поймал сейчас?

— Корсака.

— Покажи!

Амантай, не слезая с коня, нагайкой приподнял привязанную к седлу шкуру.

— А сколько зайцев он поймал?

— Девять.

— А кто разрешил тебе охотиться с беркутом?

— Никто, охочусь сам!

— На право охоты надо иметь разрешение. Есть у тебя такое разрешение?

— Нет.

Амантай чуть наклонился с седла, всмотрелся в говорившего и узнал в нем Кошкина. На уряднике был волчий тулуп, крытый синим сукном. Амантай тут же вспомнил, как этот Кошкин в прошлом году получил у одного его знакомого взятку — шесть волчьих шкур, сто рублей деньгами и золотое кольцо — и подумал:

«Тулуп-то, наверное, из тех шкур...»

Интерес урядника к беркуту серьезно встревожил Амантая. Меж тем беркут снова встрепенулся и стал махать крыльями. Кошкин до смерти испугался и закричал:

— Держи!.. Держи!.. Не пускай..

Амантай отъехал немного в сторону.

— А почему он машет крыльями?

— Сердится, что ругают хозяина!

— А он понимает, что ему говорят?

— Понимает.

— И по-русски понимает?

— Понимает,— сказал, улыбаясь, Амантай.— Если скажу — не тронет!

— Тогда скажи, пусть успокоится!

Амантай для видимости что-то пробормотал и, погладив беркута по голове и икрам ног, надел ему на голову томагу[1].

---

[1] Томага — кожаный колпачок для охотничьих птиц.

— А интересная это штука — охота с беркутом!— сказал спутник Кошкина.— Вот бы показать губернатору!

— Что же, можно устроить. Губернатор денька на два остановится в Боровом, вот и позвать туда этого киргиза,— ответил Кошкин и обратился к Амантаю:— Эй, киргиз!.. Как зовут тебя?

— Амантай.

— Ну вот, Амантайка, приедешь показать губернатору охоту с беркутом?

— Приеду, если прикажешь.

Кошкин, переговорив о чем-то со своим спутником, повернулся к Амантаю:

— Вот что, Амантайка. Это — сам становой пристав. Мы оба говорим тебе: в тот день, как здесь будет проезжать губернатор, будь со своим беркутом в Боровом. Там спросишь меня, Кошкина, урядника.

— Хорошо!

Жадный взгляд урядника упал на шкуру корсака, но просить ее у Амантая при становом он не посмел. Амантай заметил взгляд урядника. «Кошкин, видно, не знает казахского обычая, что всякий встречный может попросить у охотника подарок от его добычи»,— подумал он и решил, что лучше самому подарить корсака. Он слез с коня, отвязал шкуру и бросил в сани перед урядником. Тот, любуясь, погладил пушистый серовато-желтый мех.

Когда Амантай несколько отъехал и сани тронулись, пристав спросил урядника:

— А привезет киргиз своего беркута?

— Привезет!

— А что за человек этот киргиз, знаешь?

— Нет, не знаю.

— Смотри, как бы беды не вышло. Направит своего беркута на губернатора, а потом скажет — виноват, мол, не я, а птица!

— Вряд ли, но подумать надо!..

II

Пристав и урядник переночевали в одном из попутных казахских аулов. К аулу Итбая они подъехали лишь на другой день к полудню.

Один из жигитов, которых Итбай расставил по северной и восточной дорогам, идущим к его аулу, чтобы губернатор не застал его врасплох, во весь дух подскакал к дому Итбая, кубарем скатился с лошади, вбежал в дом и, задыхаясь, закричал:

— Едут!..

— Кто?— спросил Итбай, только что приступивший к утреннему чаю.

— Не знаю. Едут на паре гусем и очень быстро.

— А сани одни?

— Да, одни.

— Ну, тогда можешь не пыхтеть.

Итбаю уже известно было, что кортеж генерал-губернатора состоит из десяти саней не менее. Об этом сообщил особым письмом кокшетауский уездный начальник Кривоносов. Кривоносов писал, что вместе с акмолинским уездным начальником он сопровождает степного генерал-губернатора Сухомлинова в Акмолинск. В свите генерал-губернатора находятся гражданский губернатор Акмолинской области, прокурор, чиновник особых поручений, лакей и повар. Всех сопровождающих Сухомлинова вместе с уездными начальниками было, по словам Кривоносова, человек двадцать пять на десяти санях. Из Акмолинска генерал-губернатор поедет в Петропавловск.

«Я сделаю все от меня зависящее, чтобы генерал-губернатор заехал к Вам,— писал Кривоносов Итбаю.— Вы, конечно, понимаете, что это — гость особенный. Думаю, что Вам следует совершенно освободить один из Ваших домов и парадно обставить его для приема».

Посоветовав волостному пригласить из соседних казачьих станиц людей, осведомленных в городских порядках и могущих помочь ему как следует обставить дом и приготовить угощение, Кривоносов продолжал:

«Вашу кандидатуру для поездки в Петербург выдвигал перед генерал-губернатором я. Надеюсь, что Вы не ударите лицом в грязь и не посрамите меня. Следует подумать и о преподношении губернатору ценных вещей, вроде соболей, шуб и т. д.»

Уверенный, что едет не губернатор, а какой-то низший чин, вроде Кошкина-Мошкина, Итбай продолжал чаепитие. Но вдруг его обожгла мысль: «А может, это сам уездный Кривоносов опередил губернатора, чтобы предупредить меня?» Он торопливо выбежал во двор — как раз к моменту, когда пристав и Кошкин вылезали из саней.

— Готовы лошади?— спросил пристав Итбая, поздоровавшись с ним.

— Готовы, таксыр[1].

— Сколько лошадей приготовили?

— Сорок.

— Каких мастей?

— Рассчитал на десять повозок по четыре на каждую; каждые четыре лошади одной масти и одного роста.

— Давайте посмотрим.

Пристав и урядник скинули тулупы и, оставшись в меховых поддевках, последовали за Итбаем. В длинной и просторной конюшне сорок лошадей лениво жевали сено. Недолюбливавший Итбая пристав искал повода придраться к чему-нибудь, но лошади оказались безупречными.

---

[1] Таксы́р — господин.

— А почему кормите сеном, растягиваете лошадям живот?— все же заметил он.

— Кормить лошадей одним овсом нельзя,— ответил Итбай,— надо давать сено. Это не зеленая трава, которая пучит лошадям живот, а сухое прошлогоднее сено. Для желудка лошади оно не вредно.

На всякого другого пристав, в ответ на такую отповедь, заорал бы: «Молчать!», но с Итбаем он был сдержаннее, зная, что не только уездный — приятель Итбая, но и сам губернатор поддерживает его. Он лишь зло глянул на Итбая и заметил:

— Ну что ж, господин управитель, посмотрим, что скажет высшее начальство! Хвалиться пока еще рано. Приглядите, чтобы за лошадьми ухаживали получше... А помещение готово?

— Как же, давно! Желаете посмотреть?

Итбай повел их в дом, приготовленный для приема генерал-губернатора. Шесть просторных комнат этого дома поражали убранством. Везде — на стенах и на полу — дорогие ковры, переливавшие разноцветными узорами; белоснежные и тонкие, как сукно, кошмы с оригинальными орнаментами, окаймленные волосяной бахромою; свисавшие с потолка до пола бархатные и шелковые дорожки, осыпанные блестками и расшитые золотом и серебром; в простенках между окнами — дорогие меха и ценные шубы, серебряные пояса ажурной работы с золотой чеканкой, унизанные драгоценными камнями; у косяков дверей — развешанные на толстых гвоздях седла с полным набором, изукрашенным костяной резьбой и черненым серебром с позолотой, и т. д.

— Вот это богатство!— восхищенно воскликнул пристав, осматривая убранство комнат.

Особенно заинтересовал его удивительно красочный шелковый ковер, который занимал весь пол и обе противоположные стены.

— Сколько аршин?— спросил пристав, отроду не видавший такого богатого ковра.

— В длину шестнадцать, в ширину восемь.

— Д-д-а-а-а!..

Проходя мимо, он завистливо погладил мех седого камчатского бобра.

Внимание пристава привлекла и висевшая в простенке меж окнами роскошная, украшенная позолотой рама, обвитая красным шелковым кушаком с длинными кистями. В раме под стеклом висела «Жалованная грамота почтеннейшему аксакалу, бию Киргиз-Кайсацкой Средней Орды Байкадаму Худайбергенову, о принятии им в числе 75 аксакалов Российского подданства».

В грамоте этой, дарованной в 1739 году, императрица Анна Иоанновна благодарила Худайбергенова за принятие верноподданства, жаловала его потомственным почетным дворянством и

обещала ему и всему его потомству различные дворянские привилегии.

Пока пристав с удивлением рассматривал грамоту, Итбай стоял около, улыбаясь и словно говоря:

— Ну, теперь знаешь, с кем имеешь дело?..

Горделивая улыбка Итбая не понравилась приставу, он не считал казахов полноценными «подданными» и относился к ним презрительно. Ему даже досадно стало, зачем царская грамота попала к «киргизу» Итбаю.

Итбай и виду не подавал, что понял чувства пристава, но, когда они остановились у одного из наиболее богато украшенных седел, важно заметил, как бы поддразнивая пристава:

— Когда его величество еще наследником приезжали в в Омск и вызвали меня, я ездил к нему на этом самом седле.

— А кто вам сделал его?— спросил пристав.

— Какой-то черкес с Кавказа, высланный в наши края. Он работал целый год, живя у меня. За работу я подарил ему лошадь и шубу из лисьих лапок.

— Сколько же серебра пошло на седло?

— Помнится, больше ста рублей.

— А золота?

— На одно золочение по серебру пошло пятьдесят рублей, а вот те золотые кисточки и бахрома для потников были приобретены особо на ирбитской ярмарке.

«Эх, выпади счастливый случай, здесь было бы чем поживиться!»— подумал пристав.

Зная особое пристрастие богатых казахов к коврам, шелковым одеялам и конскому снаряжению, пристав понял, что здесь придраться к Итбаю не удастся, и попросил показать посуду, которой будет сервирован стол губернатора. Итбай повел их в следующую комнату и там раскрыл дверцы большого дубового буфета с толстыми цветными стеклами. Полки буфета сплошь были заставлены хрусталем, фарфором и фаянсом.

Тут же, как солдаты в строю, стояли бутылки всевозможных вин: портвейн, мускат, кагор, шампанское, ликеры, коньяк, разные сорта водки...

— Может, хотите согреться?— спросил Итбай, видя, что у пристава загорелись глаза.

— Нет, уж потом, с закуской,— ответил тот.

Как раз в это время вошел Буркутбай и доложил:

— Ас даяр![1]

Итбай повел гостей в комнату, где на столе дымился горячий жирный куырдак[2] и стояла бутылка коньяку.

— Присаживайтесь!— предложил Итбай, и гости сели за стол.

---

[1] Ас даяр — пожалуйте к столу! (буквально: «Пища подана»).

[2] Куырдак — казахское блюдо из мелко нарезанного мяса.

Итбая потешало, что обычно шумливый Кошкин все время молчал и на все обращения пристава отвечал ему неизменным: «Слушаюсь, ваше благородие!» Но когда сели за стол, Кошкин сразу переменился.

— Семен Семенович, выпьем за ваше здоровье!— сказал он, наливая в рюмки коньяк.

Пристав улыбнулся, взял рюмку, приподнялся со стула и сказал:

— За здоровье волостного управителя Итбая Байсакалова, так хорошо подготовившего все для приема генерал-губернатора. Ура!..

За выпивкой пристав забыл, что он в гостях у «киргиза»...

III

Оставшись один в классе после уроков, Аскар вынул из стола два номера журнала «Айкап», почему-то задержанных доставкой. Он еще не успел просмотреть их. «Айкап» был единственный журнал на казахском языке, выходивший в те годы, и Аскар всегда прочитывал его, что называется, от корки до корки. В полученных номерах много внимания было уделено предстоящим торжествам по случаю трехсотлетия дома Романовых. В статьях по этому поводу давались наставления и советы казахской делегации, которая должна была поехать на эти торжества в Петербург.

В журнале Аскар неожиданно нашел две статьи, в которых требовалось, чтобы казахская делегация на юбилее добилась разрешения проблемы национальных школ и оседлости.

Размышления Аскара по поводу этих статей были прерваны стуком в дверь.

— Здравствуйте! Если не ошибаюсь, вы Аскар Досанов?— спросил вошедший.

— Да, я Аскар Досанов.

— Мадияр,— представился вошедший.— Давно хотел познакомиться с вами, а теперь приехал к вам по делу.

— И я, агай[1], очень рад познакомиться с вами и видеть вас у себя. Садитесь, пожалуйста. Может быть, к печке?— добавил Аскар, заметив, что гость зябко поеживается.

— Благодарю. Я, правда, немного озяб, но люблю сибирские холода, хотя сам я из Тургайской степи. Лучше похожу, если разрешите.

— Пожалуйста, располагайтесь, как вам удобнее.

Расхаживая по комнате, Мадияр стал говорить:

— Получено разрешение правительства на издание в Оренбурге казахской газеты под названием «Казак». Теперь я разъезжаю по аулам, собираю средства на нее. Нами организовано акцио-

[1] Агай — старший: обращение к более пожилому или старшему человеку.

нерное общество «Азамат», и газета будет издаваться на капитал, образованный паевыми взносами. Необходимо привлечь как можно больше пайщиков. Рассчитываю на вашу помощь. Об издании такого периодического органа говорилось давно. Еще в 1906 году, во время выборов в Государственную думу, аксакалы Тургайской области, собравшись в Оренбурге, решили издавать казахскую газету. Организовать сбор средств для этого съезд поручил известному кустанайскому баю Смаил-хажи[1] Жаманшалову. Там же, на съезде, было собрано около полутора тысяч рублей. Но Смаил-хажи присвоил эти деньги, а газета так и не вышла. Теперь мы снова взялись за это дело...

— Вы уже остановились у кого-нибудь? Может, перекусите?— спросил Аскар.

— Благодарю. Я остановился у Итбая. Я его и раньше знал, как-то встречался с ним раза два. У него же почаевничал, так что вполне сыт. Вечером он собирает людей, чтобы поговорить о подписке и о сборе паев. Приходите, друг Аскар. Поможете мне в этом святом деле.

— Помочь, верно, мало чем могу. Но приду, конечно.

Мадияр ушел, при прощании еще раз взяв с Аскара слово, что он придет на собрание к Итбаю.

Аскар давно мечтал о газете на казахском языке. Теперь эта его давнишняя мечта, казалось, близка была к осуществлению. Но когда он поразмыслил и поглубже вник в план издания, сообщенный Мадияром, его стали одолевать сомнения. Конечно, газета на родном языке — вещь хорошая, что говорить! Но кто будет хозяином этой газеты? Очевидно, пайщики акционерного общества. А пайщиками кто будет? Предположим, что он внесет свой пай. Но много ли найдется таких, как он, Аскар? Нет. Большинство пайщиков будут баи, вроде Итбая. Они и их подручные станут хозяевами газеты. А какого направления она будет? Кто будет определять его? Мадияр и его единомышленники? Стоит ли тогда радоваться этому изданию? Принесет ли эта газета пользу народу?

Мадияра Аскар знал по его статьям и стихам, напечатанным в «Айкапе» и в некоторых татарских газетах. Судя по ним, Мадияр выражал настроения более консервативной реакционной части интеллигенции и выступал в печати не только как националист, но как пантюркист и панисламист. Он придерживался патриархально-родовых взглядов на казахскую культуру и быт, восхваляя ханско-байский строй в своих стихах и отстаивая его в статьях. По вопросу о переходе казахов на оседлость Аскару уже пришлось столкнуться с Мадияром на страницах журнала «Айкап».

Вот с какими мыслями Аскар отправился вечером в дом Итбая, где должен был обсуждаться вопрос о новой газете...

---

[1] Хажи — титул человека, посетившего Мекку.

IV

В тот вечер дом Итбая был полон аксакалами и другими почтенными людьми, вызванными Итбаем из ближайших аулов, чтобы послушать сообщение Мадияра. Большинство приглашенных прежде всего интересовалось городскими новостями, что дешево и что дорого в городе, нет ли слухов о войне и т. д.

Удовлетворив любопытство собравшихся, Мадияр перешел к делу. Он рассказал о плане издания газеты на казахском языке, об образовании для этой цели акционерного общества и предложил оказать поддержку этому начинанию, внести паи и подписаться на газету.

— Я завтра утром уезжаю,— закончил он свою речь.— Меня уже ждут в других аулах. Ну, кто желает стать пайщиком и подписаться на газету? С кого начать?

— Запишите меня годовым подписчиком, деньги уплачу сейчас,— сказал Итбай.— А в пай даю стоимость одного вола — тридцать пять рублей.

— Запишите и меня,— выступил Аскар, решив все-таки поддержать инициативу Мадияра.— Подписчиком на год, а в пай вношу двадцать пять рублей.

— Запишите, агай, и меня на полгода,— сказал Кенжетай, сидевший у порога, видя, что кроме Аскара подписались только пять-шесть человек.

Мадияр оглянулся на Кенжетая и удивленно посмотрел ему в лицо, но заполнил и передал квитанцию.

— Зачем тебе газета?! Лучше бы купил на эти деньги муки,— заметил кто-то Кенжетаю.

— А что ему стоит быть щедрым! Их три брата, все — кровь с молоком, заработков некуда девать. Стыдно ему отставать от других!— с явной насмешкой сказал Буркутбай.

— Ты чего насмехаешься?— вступился за Кенжетая один из гостей.— В нем, видно, есть живая жилка, выйдет из него человек. Недаром народ говорит: «Стригун, подающий надежду стать хорошим конем, не бежит от саяка[1], а жигит, подающий надежду стать человеком, не бежит от кунака[2]». Правильно сделал он, можно только похвалить.

— Еще кого записать?— спросил Мадияр.

Но больше никто не вызвался.

— Так не годится,— сказал Итбай,— человек специально приехал к народу, нужно поддержать. Записывайтесь.

Устыдившись Итбая, подписались еще пять-шесть человек. Остальные молчали.

Среди присутствующих был скупщик кожсырья Базарбай.

— Базеке!— обратился к нему Мадияр.

---

[1] Саяк — отдельный табун конского молодняка.
[2] Кунак — гость.

— Ой, милый! Я ведь неграмотный, зачем мне газета?

— Кто-нибудь грамотный прочтет вам.

— Еще ходить и искать! Я, как сам видишь, человек пожилой.

— Прочесть может всякий. А вашей торговле это будет полезно. В газете будет сообщаться, где и что можно дешево купить и дорого продать. Вы всегда будете в курсе.

Базарбай был своеобразный торговец. Весь оборотный капитал его не превышал ста рублей и то наполовину заемных. Он торговал мелочью вроде гребешков, кривых зеркалец, иголок, мыла. В конце года, когда он сводил баланс своим торговым оборотам, у него как-то всегда получался убыток, и две коровы и одна лошадь, которые ему выделил еще отец, всегда оставались неизменной величиной. Базарбая, конечно, огорчал такой результат его торговли, но привычка бродить, чувствовать себя занятым человеком и вера в будущую удачу заставляли его продолжать малоприбыльное дело.

Базарбай не особенно доверял чужим советам, так как его уже раз обманули. Ему сказали, что есть молитвенник «Исмиагазам», в котором помещено несколько молитв, относящихся к торговле. Кто, мол, заучит эти молитвы и будет ежедневно повторять их перед сном, тот обязательно преуспеет в торговле. Базарбай разыскал этот молитвенник, с превеликим трудом выучил указанные молитвы и долгое время повторял их, но пользы это ему не принесло. С тех пор у Базарбая появилось отвращение к печатному слову.

— Не могу, милый, не проси. Да, к тому же, я человек темный... памяти нет...— ответил Мадияру Базарбай и поспешил выйти.

За Базарбаем потянулись и все те, кому не хотелось подписываться на газету.

— Оставайтесь,— предложил Итбай наиболее почтенным аксакалам,— разделите трапезу с Мадияром...

Остальные, поняв намек Итбая, стали расходиться. Собрался и Аскар. Итбай холодно предложил ему остаться, но Аскар отказался. Итбай не стал настаивать.

— Погодите, я провожу вас немного,— сказал Мадияр Аскару, а потом обратился к Итбаю:— Надеюсь, Итеке, вы разрешите мне отлучиться ненадолго. Я скоро вернусь.

— Ну и народ!— сказал Мадияр обиженным тоном, когда они с Аскаром вышли из дома.— Собственной пользы не понимает. Ничего не выйдет с этим несчастным народом.

— А по-моему, плохого народа на свете нет,— возразил Аскар.— А вот условия жизни у него плохие.

— Какие условия?

— А сами разве вы не знаете? Прежде всего, бедность: посмотрите, как живет аул,— постоянно на бая работает и вечно в долгу у него же. А потом темнота. Школ почти нет. Болезни

одолевают людей, а они у ишана лечатся молитвами. Недавно был у нас такой, народ обирал. И зачем неграмотному газета? Да и денег у него нет на подписку.

— Да разве это народ?— презрительно заметил Мадияр.

— А кто, по-вашему, народ?— уже возмущенно спросил Аскар.— Уж не баи ли? Может быть, муллы и бии?

— А кто ж такой бай? Чего слова-то пугаться? Есть у нас мудрая пословица: «народ не может быть без ага[1], а шуба — без жага»[2]. Ага всегда был и остается стержнем народа, вокруг которого держатся остальные, как вокруг кола привязанные к нему лошади. А разве баи не наиболее почтенный, наиболее богатый и культурный слой народа?

— Так, по-вашему, это бай-то и есть стержень народа?

— Конечно. И баи, и аксакалы, и аткаминеры — это лучшие люди народа...

— А мне кажется,— перебил его Аскар,— ваш ага не стержень, а колотушка для народа. Вот такой, как например, Итбай.

— А чем не угодил вам Итбай? Прекрасный казах, достойно представляет наш народ перед властью, хранит вековые его традиции. Не достойно разве похвалы широкое его гостеприимство?

— Конечно, у таких, как Итбай, еды много. Плохо только то, что на еду эту другие глядят сквозь слезы.

— Это кто же?

— Да народ, тот самый народ, которого вы укоряете, все те, кто живет честным трудом. Разве богатство Итбая, и отцов, и дедов его не на труде и крови бедняков покоится? Поколениями их род обирал народ! Да и теперь Итбай — бич для всей волости.

— Ну, да так ли уж страшно?

Аскар рассказал Мадияру о методах управления Итбая, об эксплуатации и открытом грабеже подвластного ему населения.

— Не верится мне,— возразил Мадияр, выслушав Аскара.— Со злобы или по зависти плетут и выдумывают люди.

— Какие там выдумки! Вот вы проезжали через аулы. Неужели вы не слышали в народе о черных делах Итбая?

— Некогда мне было всякие сплетни собирать. У меня и без сплетен работы по горло. Да и кому верить — всякому темному люду? Нет, что ни говори, а почтенные, знатные люди — костяк народа. «Из песка не сделаешь камня, из раба — вождя»,— знаете?

— Знаю. Как не знать: эту пословицу выдумали аткаминеры. Но знаю и то, что «из плевка народа образуется море»...

— Не могу согласиться. Вы представляете бая каким-то врагом народа, а между тем бай, как и почтенные наши аксака-

---

[1] Ага — в данном случае начальник.
[2] Жага — воротник.

лы,— хранитель вековых наших традиций и обычаев... А настоящего врага вы и не видите!

— Это кто же?

— Русские,— жестко ответил Мадияр.

— Не русские, а царь. И чиновники его, и весь режим самодержавия, под гнетом которого русский народ стонет так же, как и наш. А баи поддерживают царя, они — его ставленники, с чиновниками его дружат — водой не разольешь, вот как нашего Итбая с уездным начальником Кривоносовым... А с народом русским нам по пути, с ним надо вместе идти, против царя, против помещиков и капиталистов, да против наших баев...

— Эге... Вон куда загибаете?!— протянул Мадияр.— Уж не записались ли вы в социал-демократы?

— А хотя бы и так...

— Вижу, не по пути нам... Я вышел с вами, поговорить хотел, предложить вам быть уполномоченным нашей газеты в этом районе. Думал, вы человек просвещенный, казахские интересы понимаете. Нет, ошибся я...

— А я не ошибся... Хотя... думал, может быть, ошибаюсь. Но вижу: нечего ждать добра от вашей газеты ни мне, ни народу.

Расстались они холодно.

...На следующий день Мадияр уехал, не попрощавшись с Аскаром.

V

Итбай и Горбунов после утреннего чая от нечего делать играли в шашки. Вдруг кто-то постучал снаружи в окно и крикнул. Горбунов оторвался от игры и подошел к окну, но ничего не мог разглядеть — замерзшие стекла были покрыты густым слоем снега. Крик за окном повторился еще громче. Горбунов подышал на стекло и, очистив небольшой кружок, глянул туда.

— Вот тебе и раз!— воскликнул он.— Поднялся буран, все крутит. А ведь было совсем тихо. Не видать, кто кричал...

— Да оставь, Гаврила! Это, верно, кто-нибудь из батраков. Давай играть!

Они вернулись к шашкам. Несколько минут спустя, в комнату вошел человек, весь в снегу. Оказалось, что это Кошкин, сильно продрогший и раздраженный тем, что его никто не встретил и даже не вышел на его крики. Разоблачившись, Кошкин, ища на ком выместить свою досаду, ехидно спросил Горбунова:

— Гаврила Гаврилович! Так-то вы, милейший, распоряжения пристава выполняете? Вешки-то по дороге, где должен проехать губернатор, до сих пор не расставлены, а я ведь вам распоряжение привозил...

— Привозили, Платон Трофимович...

— А почему не выполнили?

Горбунов молчал, смущенно опустив голову.

— А теперь что делать? Забушевала метель, губернатор должен приехать сюда сегодня после полудня,— продолжал Кошкин, зло усмехаясь.— Кто же будет отвечать, если он собьется с дороги?

Горбунов молчал.

— А я и не слыхал о таком распоряжении,— заметил Итбай.— Действительно, получается плохо.

— Хорош управитель: делает только то, что приказывают, а сам не догадывается!— набросился Кошкин на Итбая.

Итбай хотел осадить его, но Кошкин вскипел:

— Разговор тут короткий, пререкаться не о чем. Распоряжение вашему писарю я вручил, расписка у меня в кармане. Теперь за все отвечаете вы. Вы волостной управитель и должны были подумать о дороге.

«Ах собака! Все искал повода придраться, рад теперь, что наконец, зацепил меня»,— подумал Итбай и обратился к уряднику:

— Что было, то прошло. Виноваты. Но что делать теперь?

— Немедленно гоните жигитов в сторону Борового и в сторону Макинки с приказом всем аулом незамедлительно расставить вехи из камыша вдоль обеих сторон дороги в своем районе. Поняли?

Итбай тут же послал за Буркутбаем.

— А что это столько саней стоит у вашего дома?— спросил урядник.

— Гости...

— Что за гости?

— Приезжие из аулов.

— Сейчас же гоните всех прочь да предупредите, чтобы они разъезжались не по той дороге, по которой едет губернатор!

— Гости — все свои люди, они не могут помешать...

— По долгу службы обязан разогнать их: не могу поручиться, что среди них нет злоумышленников, и не желаю быть в ответе за них.

— За что же отвечать?

— А вдруг среди гостей ваших окажутся лица, злоумышляющие против губернатора!

Зная своих гостей, Итбай попытался было успокоить урядника, но тот сердито заявил:

— У меня одна голова. Пререкаться тут нечего. Прошу вас не спорить со мною. Если вы не выполните моего распоряжения, вынужден буду поставить об этом в известность господина губернатора, тогда на меня не пеняйте.

Гостями Итбая были знатные баи, аксакалы, аткаминеры — все те, на кого он опирался при разрешении важных родовых дел своей волости. Он созвал их для того, чтобы сделать более пышной встречу губернатора, а потом представить их ему. Итбай отлично знал, что присутствие его гостей ничем губернатору не угро-

жает. Но урядник настаивал, а его требование ставило волостного в трудное положение.

Итбай иногда позволял себе смелые и решительные поступки, удивлявшие всю округу. В межродовых тяжбах он никогда ни перед кем голову не склонял и ни перед чем не останавливался. Такой Итбай не мог подчиниться требованию урядника: разогнав аксакалов, он рисковал навсегда потерять свой авторитет.

«Урядники и губернаторы не всегда будут со мной; сегодня они здесь, а завтра их нет. А с аксакалами мне придется иметь дело всю жизнь. «Дочери выйдут замуж, сыновья уйдут своей дорогой, лишь верные друзья останутся с тобой»,— говорят в народе. Нет, нельзя прогнать аксакалов»,— решил Итбай после длительного раздумья.

В этот момент прибежал запыхавшийся Буркутбай.

— Из аульных старшин кто-нибудь есть?— спросил его Итбай.

— Четверо здесь.

— Возьми их, возьми еще жигитов. Одни пусть скачут по дороге на Бурабай, а другие — на Макинку! По всей дороге расставьте камышовые вехи.

Буркутбай ушел выполнять приказ.

— А с гостями как?— спросил опять урядник.

— Не могу их прогнать.

— Вы хотите играть с огнем? Я вам не разрешаю.

— А я и не нуждаюсь в вашем разрешении. За моих гостей я ручаюсь.

Урядник, вне себя от злости, крикнул:

— Мне спорить больше некогда. Сейчас уезжаю в Боровое. Вот при Горбунове заявляю вам, что по закону вы обязаны распустить ваших гостей. Поняли?

Итбай промолчал.

Урядник выбежал из комнаты, вконец взбешенный.

VI

Итбай верил всяким приметам. Вот уже второй день у него чесался левый глаз, и прошлую ночь он видел нехороший сон. «Какая же неприятность ожидает меня?»— подумал он. Столкновение с урядником огорчило его. Он послал во двор человека — вернуть Кошкина в дом. Чтоб несколько смягчить урядника, он решил угостить его вином. Но оказалось, что Кошкин уже уехал.

«Пускай едет! Черт с ним! Лишь бы удачно прошла встреча губернатора!»— подумал Итбай и, проводив Буркутбая с аульными старшинами, зашел в дом отца.

Все гости, вместе с ишаном, находились там. Умолчав о

столкновении с урядником, волостной сообщил им о скором прибытии губернатора. Весть эта взволновала всех.

— Хазрет![1] — обратился Итбай к ишану.— Если я не ошибаюсь, шариату не противоречит оказание почести начальству.

— Безусловно.

— Мне в голову пришла одна мысль, не одобрите ли вы ее?

— Пожалуйста, скажите!

— Когда государь, еще наследником, приезжал в Омск, казахи устроили ему встречу в юртах, поставленных на берегу Иртыша. Когда наследник спустился к нам с парохода на берег, один из ишанов построил в ряды всех встречающих, как на молитву, и провозгласил азан[2], после чего все запели многолетие. Не устроить ли и нам такую же встречу губернатору?

— Эта мысль мне по душе, сам бог внушил вам ее,— подхватил это предложение ишан. Он сразу смекнул, что оно выдвигает его на первый план при встрече с губернатором.

После полудня буран еще усилился, и Итбай распорядился, чтоб ишана и аксакалов перевезли к мечети на санях. Сам же он в мечеть не поехал, а решил поджидать известие о приближении губернатора дома. Когда время уже перевалило за три часа дня, Итбая стало беспокоить запоздание губернаторского поезда. «Не заблудились ли они в самом деле?»— подумал он. Он вышел во двор и долго смотрел в сторону дороги. Наконец из бурана со стороны мечети выскочил всадник. Это был Буркутбай.

— Ну, говори скорее!— крикнул Итбай, когда тот подскакал к нему.

— Подъезжает!

— А далеко еще?

— Наверное, уже выехал из соседнего аула.

Не сообразив от волнения, что до «соседнего аула» только три версты, Итбай приказал Буркутбаю:

— Беги скорей к Аскару и скажи, чтобы он побыстрее оделся и пришел. А я поеду в мечеть предупредить аксакалов. Потом собери жигитов, они будут придерживать лошадей и стряхивать снег с приезжих. Смотри, чтобы не осрамиться. А жигитов собери побольше...

Подскакав к мечети, Итбай наспех привязал лошадь к ограде и быстро распахнул дверь.

— Подъезжают!— крикнул он спокойно расположившимся в мечети аксакалам.

Все вскочили с мест и, толкая друг друга, начали поспешно одеваться и выходить во двор.

Итбай хотел было поторопиться, но, из вежливости, не решился опередить ишана и вышел из мечети вслед за ним вместе с остальными аксакалами.

---

[1] Хазрет — ваше преподобие.
[2] Азан — призыв на молитву.

Мимо мечети одни за другими вереницей проносились наглухо застегнутые крытые сани. Запыхавшись, Итбай подбежал к своей лошади, вскочил на нее и, полагая, что губернатор едет впереди, поскакал к своему дому. Неподалеку от школы он увидел ряд остановившихся заснеженных саней, около которых топтался лишь один человек в черном тулупе, с виду не из больших чинов. Итбай подъехал к нему и спрыгнул с коня.

— Ты кто?— обратился он к Итбаю.

— Я волостной управитель.

— Лошади готовы?

— Готовы.

— Распорядитесь, чтобы скорее закладывали.

— Разве не остановитесь?

— Запрягайте скорее!— махнув рукой, уже сердито распорядился человек в черном тулупе и, забравшись в свои сани, застегнул изнутри фартук.

Итбай растерялся и не знал, как ему быть. Он заметался от одних саней к другим в тщетной надежде узнать, где находится губернатор и где Кривоносов. Однако узнать это было невозможно: сани были наглухо застегнуты, никто даже ни разу не высунул головы.

В этот момент кто-то дернул его сзади. Оглянувшись, он увидел, что это отец его, Байсакал. Со стороны мечети, спотыкаясь и падая, еле плелись врассыпную старики, гонимые ветром.

— Давайте азан, азан!— закричал Байсакал, еле держась на ногах под напором бурана.

— К черту азан! Уходите все скорее!— крикнул ему Итбай.

— А что случилось?— спросил Байсакал.

Но сын ничего ему не ответил.

Подбежал с жигитами Буркутбай.

— В чем дело, Итеке? Почему они остановились тут?— спросил он.

— Требуют запрягать.

— Как же так?!

Итбай и ему не ответил. Заметив, что его подзывает к себе один из сидевших на козлах ямщиков, он подошел к нему и спросил:

— В чем дело?

— Пьяные. Отправляй скорее,— тихо посоветовал тот, наклонившись.

— А не знаешь, где уездный начальник Кривоносов?

— Он в этих самых санях.

Итбай отстегнул фартук и всунул голову. В санях, склонив голову набок, дремал пьяный Кривоносов.

— Кто такой?— спросил он.

— Я, ваше высокородие, Итбай Байсакалович.

— А-а!.. Так-так!.. А лошади готовы?..

— Как же это выходит, ваше высокородие?! — сказал Итбай со слезами в голосе.— Целый месяц готовился, ждал...

— Ничего... В другой раз...

— Когда в другой раз? Прошу уговорить его превосходительство сделать остановку.

— Не спорь, вели закладывать лошадей... да поживей!..

— Ваше высокоблагородие?!

— Не проси, ничего не выйдет,— сказал Кривоносов. Он оперся головой на свой кулак и пробормотал заплетающимся языком.— Тошнит!..

— А куда делся этот волостной?— послышался чей-то голос сзади.

Итбай вытащил из саней голову и оглянулся. Спрашивал тот же человек в черном тулупе, который давал распоряжение закладывать лошадей. Ямщики успели уже выпрячь своих лошадей, и оглобли саней лежали на снегу.

— Я здесь, ваше высокородие!

— А лошади где?

— Сейчас запрягут. Я думал, остановитесь и погостите у меня... приготовился к приему...

— Убирайся к черту! Что тебе было сказано?! Где лошади? Почему он не запряг до сих пор, сволочь?— и он ударил Итбая кулаком по лицу.

Итбай остолбенел. Вся кровь хлынула к голове; в глазах потемнело.

«Лучше бы умереть!— подумал он.— Как смотреть буду людям в глаза?!»

О предстоящей поездке Итбая в Петербург и об ожидаемом приезде к нему в гости губернатора знала вся степь. Итбай гордился этим и многим даже угрожал именем губернатора. А теперь не только этот губернатор не остановился у него, а он, Итбай, оказался еще битым. Он чувствовал себя настолько пришибленным, что даже не заметил, как перепрягли лошадей.

— Поехали!— раздалась команда человека в черном тулупе. Застоявшиеся лошади нетерпеливо рванулись вперед. Колокольчики на дугах зазвенели. Сани тронулись.

Но уже скоро звон колокольцев стал таять в реве и свисте бушевавшей вьюги, и сани скрылись за белой завесой бурана.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОКУШЕНИЕ

I

Алексей Кулаков не мог похвалиться знатностью своего происхождения. Его дед Андрей, рядовой казак сибирского казачьего войска, одним из первых русских пришельцев стал заниматься

рыболовством на озере Бурабай. Он, кажется, так и умер, не сделав никаких сбережений. По крайней мере, о них ничего не было известно. Сын его, Андрей Андреевич, сначала тоже занимался рыбным промыслом, а потом перешел на торговлю скотом и как-то незаметно для окружающих быстро разбогател. Став состоятельным человеком, он позаботился об образовании своих детей. Сына Алексея, после трехлетнего обучения в местной поселковой школе, он отправил в Омск, где тот и окончил классическую гимназию.

В гимназические годы Алексей Кулаков дружил с сыном губернатора. Когда Кулаков был в последнем классе гимназии, губернатора перевели в Петербург, на службу в военное министерство. Перед отъездом он дал совет Алексею приехать к нему по окончании гимназии и обещал определить его на военную службу. А молодого Кулакова давно уже тянуло к этому. Носить погоны, а потом и... эполеты, украсить грудь орденами, позванивать шпорами,— ничего заманчивее он не мог себе представить.

Окончив гимназию, Алексей, с согласия отца, уехал в Петербург. Бывший губернатор легко устроил его в юнкерское училище, которое Кулаков закончил с отличием.

При содействии того же сановника Алексей был зачислен в гусарский полк.

Фамилия Сухомлиновых также была знакома Алексею. Один из братьев Сухомлиновых — военный министр — жил в Петербурге, другой был генерал-губернатором в Омске. Первого Алексей знал лично, а про другого только слышал, но знаком с ним не был.

Узнав, что генерал-губернатор Сухомлинов через Петропавловск и Кокшетау проедет в Акмолинск и на обратном пути заедет в Боровое, Кулаковы стали заранее готовиться к встрече. Они послали в аул Итбая своего батрака Антона с наказом немедленно мчаться обратно в Боровое, как только губернатор заедет к Итбаю.

В ауле Антон остановился в одной из крайних изб. Услышав крики: «Приехал!», он выскочил на улицу и вместе с другими бегом направился к дому Итбая. Но узнав, что губернатор не остановится здесь, а проедет прямо в Боровое, он вскочил на коня и как бешеный поскакал к своему хозяину.

Высокопоставленные чины поехали по столбовой дороге, которая проходила мимо горы Торы-айгыр, а Антон свернул на проселочную, более прямую.

Несмотря на разыгравшийся буран, Антон, обвязанный по глаза пуховым шарфом, прискакал в Боровое задолго до приезда губернатора.

Когда он сообщил, что губернатор не остановился в ауле Итбая, Алексей захохотал:

— Не могло быть иначе! Станет Сухомлинов гостить у киргиза!

Алексей заранее договорился со станичным атаманом, и они решили встретить губернатора с сотней казаков и духовым оркестром у заставы поселка. К этой же заставе они решили согнать население поселка, которое должно было приветствовать губернатора криками «ура».

План этот был выполнен.

Атаман и Алексей Кулаков во главе сотни выехали навстречу губернатору. Скоро на дороге к поселку показался длинный кортеж.

— Едут!— закричал кто-то в толпе.

По дороге мчались сани, запряженные четверками лошадей. Оркестр грянул марш. Раздались возгласы «ура». Сквозь нестройный гул толпы наглухо застегнутые сани быстро промчали высокое начальство к дому Кулакова.

II

После отъезда губернатора и его свиты Итбай, не вымолвив ни с кем ни слова, отправился в дом, приготовленный для приема гостей, и, не раздеваясь, растянулся на роскошной постели, предназначенной для высокого гостя, столь жестоко обманувшего ожидания самолюбивого бая. Еще входя в комнату, он предупредил Буркутбая, чтобы тот никого не допускал к нему.

— Кто бы там ни был, гони в шею!— приказал он и тут же запер дверь на крючок.

«Как же так случилось?— думал он, лежа на кровати.— Решили, что ли, послать другого на царский праздник? Если меня считают почтенным, достойным доверия человеком и хотят послать в Петербург, то почему губернатор побрезговал моим гостеприимством? Может быть, кто-нибудь из моих врагов подал ему по дороге жалобу на меня и он был сердит?.. Неужели счастье, столько поколений сопутствовавшее нашему роду, теперь решило покинуть меня?»

— Ит-жан, открой, это я!— раздался за дверью голос отца.

Итбай не ответил.

Постепенно гнев его стал утихать и здравый смысл начал вступать в свои права.

«Что теперь делать, как быть?— думал он.— Нужно на что-нибудь решиться».

Итбаю ясно было, что нечего думать о борьбе с губернатором. Да, может быть, ямщик и не врал — все были пьяны и с пьяных глаз совершенно забыли о намерении заехать к нему? Это было бы приятнее всего. Тогда оскорбление теряло свою остроту: чего не позволит себе в пьяном виде человек! Хуже, конечно, если отношение губернатора вызвано какой-нибудь серьезной жалобой на него, Итбая. Нужно прощупать этого учителя: не его ли рук это дело? Если с этой стороны благополучно, то,

может быть, стоит поехать в Боровое, повидаться с Кривоносовым и выяснить истинное положение дел.

Решив это, он послал Буркутбая за Аскаром.

Аскар видел, как оскорбил Итбая один из приспешников губернатора. Как раз в этот момент он, предупрежденный Буркутбаем, вышел из школы, чтоб направиться к Итбаю.

Когда Аскар пришел, волостной, впустив в комнату его одного, снова запер дверь на крючок.

— Если бы даже ключи моего счастья находились в кармане у этого губернатора, я бы не подумал тронуться с места,— заявил Итбай Аскару, после того как дверь была заперта.— И, с другой стороны, есть поговорка наших отцов: «С сильным не борись, с начальством не судись». Ты свой человек, я тебе верю, что ты скажешь?

— А куда они поехали отсюда?

— Поехали на Боровое. Мне передавали, будто Андрей Кулаков и его сын-офицер, приехавший из Петербурга, готовятся принять губернатора. Губернатор сегодня, верно, находится уже у них.

— Если хотите, вы можете поехать следом и подать губернатору жалобу на обидчика.

— Что же, ехать — так ехать! Прошу и тебя поехать со мной, будешь переводить. Иди, соберись, а я прикажу Буркутбаю запрячь лошадей.

Посадив на козлы Буркутбая, Итбай вместе с Аскаром на паре сытых коней отправился в Боровое.

Приехав туда, они узнали, что губернатор действительно в поселке и остановился у Кулаковых.

— У кого остановимся?— спросил Итбай у Аскара.— Обычно я останавливаюсь у Андрея, но сегодня остановиться у него мне неудобно.

— Не знаю, здесь у меня знакомых нет,— коротко ответил Аскар.

— Ишь ты! Даже ученые врут, а нам-то и сам аллах велел!— вмешался в их разговор Буркутбай.— А про Балтабека ты что же забыл?

— Балтабек слишком беден, чтобы принять нас как подобает. Можем смутить человека.

— Знаю, почему ты ограждаешь этот дом, но мы им в тягость не будем. Слава богу, в поселке есть мясник,— возразил Буркутбай.

— Это какой Балтабек? Брат Кенжетая?— как будто не зная, о ком идет речь, спросил Итбай.— Далеко ли до него?

— Нет не далеко.

— Тогда, если он позволит, остановимся у него. Сегодня нам и некогда будет кушать; дадут ночлег — и хорошо,— решил Итбай, желая посмотреть на Ботагоз.— А расходоваться ему мы не разрешим. Вези, Буркутбай.

Хотя у Балтабека не было ни подходящего угощения, ни денег, он все же любезно пригласил гостей в дом. Итбай пренебрежительно оглядел бедную обстановку и сел на постланное ему одеяло из лоскутков. Увидев девушку, сидевшую у печки с книжкой в руках, он догадался, что это и есть сестра Балтабека, о которой раньше слышал. Он не знал только, что она такая взрослая. Девушка понравилась Итбаю, и он время от времени взглядывал на нее.

Посидев немного, Аскар позвал Балтабека и вышел с ним во двор.

— Итбая завез к тебе я. Знаю, что тебе нечем угостить. Ты не стесняйся, вот деньги, сходи и купи мяса на ужин,— сказал ему Аскар.

Балтабек стал было отказываться, но Аскар уговорил его. Он взял деньги и пошел искать мяса.

Когда Аскар направился к дому, навстречу ему вышел Итбай и спросил:

— Где Буркутбай?

— Кажется, ушел в поселок искать махорку на насыбай.

— А хозяин куда делся?

— Пошел, верно, достать что-нибудь на ужин. Они скоро вернутся.

— А не пройтись ли и нам?

Они молча пошли по направлению к озеру.

Буран прекратился, ветер стих, на прояснившемся звездном небе поднималась полная луна. В поселке царила мертвая тишина. Только где-то вдали громко лаяла собака. Горы отзывались ей эхом, и отзвук его длился еще долго и после того, как собака перестала лаять. Затем послышался скрип снега. Через несколько минут из-за поворота дороги показался Буркутбай.

— А что, в семье этого Балтабека только трое и есть?— спросил Итбай, когда Буркутбай присоединился к ним и они повернули назад.

— Да, всего трое — сам, жена и эта сестра,— ответил Буркутбай.

— Хорошенькая сестра у него,— как бы невзначай заметил Итбай.

— Эге, агай! Да, вы, как зоркий беркут, все замечаете издалека,— шутя подхватил Буркутбай его слова.

— Не мели, черт!— осадил его Итбай.— Она действительно красивая девушка.

— Что говорить! Ровно молоденькая лиса-огневка, увидевшая первый снег!— продолжал Буркутбай в том же духе.

Аскару не понравился ни сам разговор, ни тон его, но он не стал вмешиваться.

— А что, она еще не засватана?— спросил Итбай.

— Кажется, нет,— отозвался Буркутбай.— Не правда ли, Аскар?

Аскар ничего не ответил. Но Буркутбай не унимался.

— Агай,— обратился он опять к Итбаю.— Вы иногда говорили: «Хорошо бы приобрести свежий запах»[1]. Вот подходящая для вас девушка!

— Что ты?!— как бы приличия ради возразил Итбай.— Я человек пожилой.

— Что значит пожилой? С успехом состарите еще не одну молодую. Говорят же: «И разрезанная натрое змея сильнее ящерицы»[2].

— Разве брат выдаст за меня такую молоденькую сестренку?!

— Если посватаетесь, думаю, не только выдаст, а сам с удовольствием привезет к вам в дом. Разве не счастье для него, человека порога, занять место на торе?! Не попробовать ли нам закинуть удочку?

Аскар не выдержал.

— Буркутбай!— сказал он, повысив голос.— Как тебе не стыдно говорить такие вещи про ребенка, который еще учится в школе?!

Итбай сразу понял, что устами Аскара говорит пословица: «Ругают доченьку, а думают — сношеньку», и махнул рукой Буркутбаю, чтобы тот прекратил разговор о девушке.

Буркутбай, может быть, и не угомонился бы, но они уже подошли к дому Балтабека и увидели всадника с беркутом в руках. В нем Буркутбай первый узнал Амантая. Они холодно поздоровались и не успели обменяться несколькими словами, как, запыхавшись, к ним подбежал Антон и обратился к Итбаю:

— Итбай Байсакалович, хозяин просил вас поскорее прийти к нему. Губернатор вызывает.

— Хорошо, сейчас приду,— обрадовался волостной.— Буркутбай, принеси тумак[3]!

— Пошли бы лучше после чая,— посоветовал Аскар, но Антон, знавший хорошо казахский язык, перебил:

— Там не только чай, но есть и арак[4], и май[5],— всего полно.— И добавил:— Чуть не забыл, просили прийти и учителя-казаха, который приехал вместе с волостным.

— Я лучше останусь, идите один,— сказал Аскар.

Но Итбай упросил его пойти с ним, так как он мог понадобиться там как переводчик. И Аскар, извинившись перед Амантаем, пошел вместе с Итбаем.

У Кулакова комнаты были битком набиты гостями. Все, теснясь, сидели за длинными столами и уже ели и пили. Итбая

---

[1] Подразумевается — молодую жену.

[2] Казахская поговорка.

[3] Т у м а к — казахский малахай, большая шапка на меху с широкими наушниками.

[4] А р а к — водка.

[5] М а й — масло, сало.

и Аскара Андрей Кулаков посадил за стол в комнате, где сидели гости чином пониже. Сам губернатор со своей свитой находился в большой гостиной. Скоро оттуда донесся густой бас — губернатор произносил тост. Разговоры прекратились.

— Господа атаманы и храбрые казаки!— начал губернатор.— Неисчислимы заслуги казачьих войск в создании мощи и величия России. Посмотрите на карту! Казачьи станицы тянутся вереницей, начиная от Астрахани, по всему Уралу и через оренбургские степи, через Троицк, Пресногорьковское, Петропавловск до Омска; оттуда по всему верхнему течению Иртыша до самого Зайсана. Степные города — Кокчетав, Акмолинск, Атбасар, Тургай, Каркаралинск — также населены казаками. Все это передовые форпосты нашей великой матушки России. В покорении Азии и создании среднеазиатских владений казаки сыграли исключительную роль, можно прямо сказать, что завоевание Азии — это дело их рук, дело храбрости казачьих войск. Вы, казаки,— надежда и опора России не только против врагов внешних, но и против внутренней крамолы. Поэтому его величество любит вас и часто носит вашу казачью форму. Вы, храбрые казаки, лучшие и достойные сыны своего отечества! За благополучие и процветание храбрых казачьих войск! Ура!..

«Ура» длилось долго; потом казаки, наскоро опрокинув рюмки, запели «Боже, царя храни».

Аскар стоя слушал гимн, но вина не пил и не присоединился к общему хору.

III

В комнату, где сидели Итбай и Аскар, заглянул уездный начальник Кривоносов. Заметив хмурого Итбая, он быстро подошел к нему, взял его под руку и увел с собою.

— Ты, наверно, обижен, что губернатор не заехал к тебе,— сказал Кривоносов.— Не беспокойся. У таких сановников иногда бывают свои капризы, у него тогда немного болела голова. Но он хорошо знает тебя, знает, что ты едешь в Петербург; человек он очень обходительный. Услышав, что ты приехал сюда, он велел мне позвать тебя. Он не хочет, чтобы ты затаил обиду на него.

— А-а... Это и есть наш почтенный волостной управитель Байсакалов?— сказал губернатор, увидев входящих Кривоносова и Итбая.— Знаю, знаю... Молодец!.. Налейте ему вина!..

Кривоносов налил Итбаю полный стакан.

— Ну, господа, за здоровье дельного волостного Байсакалова!— провозгласил губернатор и, приподнявшись с места, чокнулся с Итбаем.

Итбай выпил стакан залпом.

— Молодец!— повторил губернатор, похлопав его по плечу.

Вся горечь обиды мигом испарилась из души Итбая.

«Эх, был бы тут хоть один казах, который бы видел и рассказал в степи, как со мною обращался сам губернатор!».

К сидевшему на прежнем месте Аскару подошел Алексей Кулаков и, сказав, что и его зовет губернатор, почти насильно повел с собой. В действительности никто Аскара не звал. Это была выдумка самого Кулакова, который захотел вдрызг напоить учителя, чтобы у пьяного выведать об его отношениях с приглянувшейся Алексею красивой казашкой.

— Вот прекрасный кавалер, ваше высокопревосходительство,— сказал Алексей, подводя Аскара к губернатору,— учитель Досанов, семинарист по образованию. Школа его находится в ауле волостного управителя Байсакалова. Он жаждет видеть вас и выпить за здоровье вашего высокопревосходительства.

— Ну что же, налейте ему,— сказал губернатор.

Алексей поставил перед Аскаром полный стакан водки.

— За народное просвещение!— провозгласил губернатор и, подняв бокал, кивнул Аскару.

Все, в том числе и губернатор, опорожнили полные бокалы. Аскар же только пригубил из налитого ему стакана. К его счастью, Алексея отозвал зачем-то отец, а другие были навеселе и не обратили внимания на то, что Аскар не пьет.

— Ну, как ваш учитель?— обратился уже позже губернатор к Итбаю.

— Хороший человек,— ответил Итбай, у которого начал заплетаться язык.— Хочу взять его с собой в Петербург, сам я говорю по-русски плохо.

— Можно, можно...— сказал губернатор.— Давайте выпьем, молодой человек!— и губернатор опять опорожнил свой бокал.

Воспользовавшись тем, что многие встали из-за стола, чтобы покурить и проветриться, Аскар незаметно вышел из комнаты, пробрался в переднюю, с трудом нашел свое пальто, оделся и ушел к Балтабеку.

— Пожалуйте на торь,— сказал Балтабек, как только Аскар вошел, и обратился к Ботагоз:— Подай, милая, гостю помыть руки. Только его и ждали к ужину.

За ужином, кроме Амантая, посторонних не было.

— Мы полагали, что вы ранее полуночи не вернетесь,— сказал Балтабек.— Как бы не вышло неловкости, если скоро вернется и Итбай.

— Нет, он вернется не скоро. Казаки усиленно спаивали его. Уже при мне он был порядком навеселе,— ответил Аскар.

После ужина Балтабек, вспомнив, сказал:

— Чуть не забыл передать тебе, Аскар: тебя просил зайти к нему Кузнецов.

— Не поздно ли?

— Думаю, нет. Он просил зайти хотя бы и поздно. Пойдем вместе, я провожу тебя.

— И у меня, Аскар, есть к тебе небольшое дельце,— заявил

Амантай, приподнимаясь с места.— Хотел сказать потом, но не буду откладывать, раз ты уходишь. Наш пристав, как-то встретив меня на охоте, попросил показать губернатору, когда он приедет, беркутиную охоту. Хочу воспользоваться этим и подать губернатору жалобу на несправедливое изъятие наших земель для переселенцев. Один русский написал мне прошение. Не можешь ли прочесть мне его, правильно ли написано оно?

— С удовольствием, но завтра, агай!

Аскар и Балтабек вышли.

IV

Утомленный тряской ездой, Амантай проспал долго. Когда он проснулся, ни Балтабека, ни Аскара уже не было дома. Первый, напоив коня Амантая и дав ему овса, ушел к себе в кузницу, а Аскар — в лавку. Беркут, посаженный на чурбанчик, с томагой на голове, спокойно дремал, повернув голову назад, уткнувшись клювом в крыло. Но как только охотник начал одеваться, беркут учуял это, забеспокоился и захлопал крыльями. Амантай надел на руки толстые, из жеребячьей кожи, перчатки и с обычной лаской: «Ну, иди, дитя мое!»— подошел к беркуту и, посадив его на руку, вышел с ним во двор. Там он посадил его на бревно и снял томагу. Увидев свет, беркут обрадованно замахал могучими крыльями, вихрем крутя вокруг себя снег. Никогда не видевшая таких птиц Ботагоз из любопытства тоже вышла во двор. Всякий раз, как беркут делал резкое движение вперед, Ботагоз боязливо отбегала в сторону.

— Светик, принеси из дома его завтрак и, кстати, захвати кусочек сахара, если есть,— попросил Амантай.

Завтрак этот, приготовленный еще с вечера, состоял из куска баранины, всю ночь пролежавшего в холодной воде и таким образом совершенно обескровленного, величиной приблизительно в два кулака. Ботагоз принесла это мясо и кусок сахару. Амантай положил сахар в рот, разжевал его и сладкой слюной поплевал на мясо.

— Неужели не будете крошить мясо?— спросила Ботагоз.

— Нет. Он не только такой кусок, целую бедерную кость барана с мясом разом может проглотить.

— И не подавится?

— Нет.

«Шутит»,— подумала Ботагоз.

Но когда Амантай бросил на бревно приготовленный кусок баранины, беркут зажал его когтями, спокойно огляделся кругом, затем с силою вырвал клювом мясо из-под когтей и разом проглотил. Пораженная Ботагоз смотрела то на беркута, то на его хозяина.

— Дядя,— обратилась она потом к Амантаю,— давно эта птица у вас?

— Уже третий год.

— А долго они живут?

— Не знаю. Одна наседка, например, у меня пробыла целых двенадцать лет.

— Какая наседка?

— Беркутов-самцов называют «шаули», а самок — наседками.

— А кто из них лучше на охоте?

— У хищных птиц, светик, самцы обычно бывают меньше и ленивее самок. Поэтому мы предпочитаем беркутов-наседок.

— А как вы поймали этого беркута?

Амантай, видя загоревшиеся любознательностью глаза Ботагоз, не поленился и начал рассказывать:

— Беркутов ловят по-разному. Один из способов — это ловля сеткой. Сеть расставляют в виде шатра, вернее — полога, и внутри привязывают либо жирного зайца, либо сороку, словом какую-нибудь живность. Беркут набрасывается на нее, как на добычу, и запутывается в сети.

— А зайцев как ловят, живыми?

— Роют особые ямы с приманками, откуда они не могут выпрыгнуть назад.

— А-а!..

— Второй способ ловли беркута таков. На местах, где обычно летают беркуты, бросают свежую падаль,— скажем, зарезанную волками овцу. Беркуты — птицы жадные. Они садятся на падаль и наедаются мяса до того, что им становится тяжело лететь. Тогда их преследуют на хороших лошадях, не давая передышки. Верст через пять беркуты садятся, будучи не в состоянии больше подняться, и только шипят на людей, разинув клюв и расправив когти. Их тут и ловят, накрывая чем-нибудь.

— А если нет падали?

— Для охотника беркут очень дорог, вот за этого любой охотник даст хорошую лошадь. Поэтому, если нет падали, бросают свежее мясо. Есть еще и такой способ: когда мало мяса, берут тонкую волосяную веревочку, на один конец ее крепко привязывают кусок мяса, а другой прикрепляют к незаметно вбитому в землю колышку. При удаче беркут проглатывает мясо с веревкой и не может улететь, как привязанный.

Ботагоз этот способ особенно понравился. Она расхохоталась и спросила:

— А как же потом вытаскивают веревку из его желудка?

— У диких беркутов зоб почти всегда бывает засорен шерстью тех зверьков, которыми они питаются. Зоб пойманного беркута приходится прочищать. Мы вталкиваем в зоб старую вонючую кошму. Птицу начинает тошнить, и она выплевывает кошму, а вместе с нею — проглоченную веревку и вообще все, что осело в зобу.

— А почему не берете их из гнезда маленькими?— спросила Ботагоз.

— Не всегда найдешь гнездо беркута, они гнездятся на недоступных человеку отвесных скалах, в горах, а кроме того, выращенные в неволе беркуты бывают обычно ленивы и менее смелы, чем прирученные дикие.

— А как узнаете, какой из них сильнее и какой слабее?

— А по телосложению. Если сухожилья на ногах и икры толстые — значит ноги сильные. Хорошие, быстрые беркуты бывают обычно длиной до двенадцати четвертей, а ширина груди у них доходит до восьми четвертей. Те же, у кого грудь меньше шести четвертей, быстро задыхаются и далеко летать не могут. Короткие же беркуты не могут взвиваться высоко.

— С беркутом охотятся и летом и зимою?

— Нет. Летом не охотимся, даем как следует вылинять, то есть заставляем менять перья. Иначе остаются мертвые перья, которые зимою мешают летать.

— А как же это делаете?

— Сначала откармливаем, а потом даем тухлое мясо.

— Если летом откармливаете, то как же к зимней охоте заставляете худеть?

— Обескровленным мясом.

— Что это за обескровленное мясо?

— Мясо, которое долго вымачивается в воде; в нем очень мало остается крови, а от такого мяса птица всегда худеет.

Ботагоз, боясь быть надоедливой, перестала было задавать вопросы, но Амантай сказал:

— Что еще тебя интересует? Я не устал.

— Каких же зверей ловят беркуты?

— Зайца берет всякий беркут,— ответил Амантай.— Некоторые беркуты опасаются лисиц и на них не бросаются. А другие берут иногда даже волка. Вот этот мой беркут раз взял волка.

— А сколько поймал лисиц?

— Около двадцати пяти штук за три года. В этих краях лисиц мало. Зайцев он берет в день до десяти.

— Говорите, взял и волка?

— Да. Было это так. В прошлую зиму как-то выпал неудачный день. Не встретив ни одного зверя, я возвращался домой. Вижу — беркут мой недоволен, озлился. Вдруг смотрю — впереди, переваливая бугры, бежит волк. За буграми начинался лес. Беркут стал рваться вперед, чуть не оторвал мне руку. Э, думаю, была не была! Выпустил его. Он вмиг взвился под самые небеса и, держась в вышине, полетел за волком. Впереди, перед лесом, был последний холмик; как только волк перевалил этот холмик, я его потерял из виду. Беркут вдруг сделал в выси полукруг и стрелою бросился вниз, на землю. Я испугался, что волк загрызет его, и карьером понесся туда. Подскакал к лесу, а

дальше ехать нельзя,— лошадь по брюхо вязнет в снегу. Я спрыгнул с лошади и, сбросив на ходу тяжелую верхнюю одежду, спотыкаясь, побежал лесом. Вдруг слышу — заклекотал мой беркут. Подбегаю и вижу: одной ногой он вцепился в тоненькую березку, а другой — в самую макушку волка, между ушами. Волк вовсю тянет вперед. Вытащив на бегу из-за пояса нож, я схватил волка за заднюю ногу, потянул к себе и разом полоснул ножом по брюху. Кишки и желудок волка вывалились на снег, и он упал. Не понимаю, как только уцелел мой беркут. Мне стоило больших трудов вытащить его когти как из головы волка, так и из дерева.

Заинтересованная Ботагоз собралась было спросить, как беркут ловит других зверей, но в это время ее позвала Айбала.

Ботагоз благодарно посмотрела на Амантая и ушла в дом.

«Какое милое и общительное дитя! Жаль только — не родилась мальчиком»,— подумал Амантай, провожая Ботагоз теплым взглядом.

V

Приезжее начальство было удобно размещено в поселке. Уездный начальник Кривоносов занял один из просторных домов по соседству с Кулаковым. Под утро он привел к себе пьяного Итбая и уложил его спать. Проснулся Итбай около полудня с нестерпимой головной болью. Он вышел во двор и стал усиленно тереть снегом лоб и виски. Но головная боль не проходила. Он зажал виски руками и присел на опрокинутую во дворе лодку, тупо уставившись в землю. Через некоторое время, случайно подняв голову, он увидел за низким забором на улице Амантая, который давно бродил близ дома Кулакова, не зная, кому и как сообщить о своем приезде с беркутом для показательной охоты.

— Э, Амантай, зайди сюда!— крикнул ему Итбай.

После того как он повторил свой зов, Амантай зашел во двор.

— Ну, как идут дела? Куда идешь?— спросил его Итбай.

— А никуда, решил пройтись.

— Ты, кажется, вчера был с беркутом? Охотиться будешь?

— Попробую здесь поохотиться. Говорят, в ближних колках, у подножий гор, появилось много лисиц,— равнодушно сказал Амантай.

— Ты переночевал у Балтабека? Ты, кажется, родственник его?

— Да, я ему нагашы прихожусь.

— А я, знаешь, заехал к нему по просьбе Аскара, но подумал: стесню бедного, ему, верно, и угостить нечем. Хорошо, что выручил Андрей, позвал к себе. А чем Балтабек промышляет здесь?

— В кузнице работает.

— Сколько же зарабатывает он? Не много, верно. Отчего же не выдает за кого-нибудь свою взрослую сестру? Большой калым мог бы получить...

— Она еще учится.

— Учится?! Для чего это учиться девочке, да еще дочке бедных родителей?— презрительно расхохотался Итбай.— В чиновники все равно ее не возьмут. Не лучше ли за хороший калым выдать за человека, который будет кормить и поить, обувать и одевать ее?

Амантай и сам был против женского образования, но речь Итбая ему не понравилась.

— А кто это ему приготовил калым?— сказал он, пожав плечами.

— Как кто?! Мало ли богатых людей позарится на молодую девушку, а сестра у него хорошенькая,— значит товар ходкий.

— Да ее никто еще не сватал. Не будет же он по аулам ходить, родную сестру предлагать,— сказал Амантай с явной хитрецой, догадавшись, что волостной завел этот разговор неспроста.

— В старину говорили,— продолжал Итбай,— что «дело всегда на лад пойдет, если к началу его хороший человек придет»... Мне бы хотелось, чтобы этим хорошим человеком был ты. Мне уже перевалило за сорок, бог дал мне небольшое состояние. Я не из тех скупых баев, которые дрожат над каждой овцой и рады, что сыты айраном[1]. Короткий остаток своей жизни я хочу провести в довольстве, не жалея затрат. Человек, оказывается, бывает жаден к двум вещам — к детям и женам. Правда, и в отношении жен, и в отношении детей я не могу пожаловаться, но разве лишняя благодать не множит человеческое счастье?!

— Попросту говоря, хочешь завести молодую жену?— спросил Амантай.

— Как тебе известно, старшая жена моя уже состарилась, вторая все болеет, а младшая из бедной семьи и очень уж неаккуратна, да и взял я ее больше из соображений хозяйственных. Если угодно будет богу, я бы не отказался от новой спутницы жизни, которая посвятила бы себя уходу за мной на остатке, быть может, считанных дней моих. Лучше, думаю, взять молодую, которую можно скорее приучить к себе.

— У тебя кто-нибудь уж есть на примете?

— Нет. Все сосватаны чуть ли не с колыбели, редко встретишь свободную взрослую девушку, но надеюсь найти,— схитрил Итбай, рассчитывая, что Амантай сам понимает, о ком идет речь.

---

[1] Айран — напиток из кислого молока.

— Все ж, верно, имеешь кого-нибудь в виду, ведь много ездишь?— спросил Амантай.

Итбай пристально посмотрел на него и спросил:

— Эта девушка, которую я видел в доме Балтабека, его родная сестра?

— Да, родная.

— Чистенькая и хорошенькая.

— Да, славная.

— Какие отношения у тебя с Балтабеком?

— Неплохие.

— Как ты думаешь, послушает он тебя?

— Не знаю!..

— Наверное, послушает. Я хотел бы дать тебе первое в жизни и очень серьезное поручение. По старинной поговорке: «Послужи и обяжи».

— А что это за поручение?

— Поговори с Балтабеком... Посоветуй ему выдать за меня сестру. Если тебе удастся склонить его, все мое состояние в полном твоем распоряжении. Предложи сколько хочешь Балтабеку, бери сколько хочешь сам, я на все буду согласен.

Амантай пытливо посмотрел прямо в лицо Итбая.

— Что ты смотришь так?— спросил его Итбай.— Повторяю, всем моим состоянием можешь распоряжаться по своему усмотрению. Будем друзьями на всю жизнь, до самой смерти. А прошлое забудь, мало ли чего бывает... Ты, помню, хлопотал насчет ваших земель. Губернатор у нас в руках. Похлопочу, чтоб не тронули. Если выполнишь мое поручение, уладим все.

Амантай сидел грустный, опустив голову.

«Над бедным ребенком нависла черная туча,— думал он.— Змея эта уже разинула пасть. Он, конечно, не отступится и, пожалуй, добьется своего. Что станет с тобой тогда, бедное дитя? Кто заступится за тебя?! «Козленок в пасти волка — и тот кричит». Тебе же, бедной, пожалуй, и это не удастся!»

Ни слова не говоря, Амантай встал и направился к воротам.

— Эй, куда же ты уходишь?— крикнул ему Итбай.

— Домой.

— А что же с моим предложением?

Амантай, не ответив, пошел дальше.

— Подожди же!— раздраженно крикнул Итбай. И когда Амантай остановился, продолжал:— Я обратился к тебе как к серьезному человеку, а ты, ничего не говоря, встал да пошел. Хоть бы сказал, что не можешь или не хочешь.

— Я не могу вмешиваться в это дело.

— В таком случае я и не прошу тебя, можешь продолжать свой путь. Я хотел поговорить с тобой как с порядочным человеком, а ты ведешь себя непристойно. Ну, сказал бы, в крайнем случае, что это неудобно для тебя.

— Правду говоря, само твое сватовство неприлично.

— Почему?

— Она же почти ребенок, а ты, слава богу, человек пожилой.

— Во-он оно что! Где же ты нашел в шариате, что неприлично жениться на молодой?

— В шариате сказано, что нельзя жениться насильно, против воли.

— А разве я хочу насильно взять ее?! Выкуплю за честно приобретенное добро. Если ты не хочешь, выберу посредником кого-нибудь другого.

— Можно заранее сказать, что Балтабек откажет.

— Почему же откажет, если предложить большой калым? Кажется, по бедности он бы рад был и навозу!

— Увидишь, не соблазнится он калымом.

— А все же я возьму ее!

— Как же возьмешь? Насильно?

— А хотя бы и насильно. Что же будет мне за это?!

— Нет, едва ли удастся тебе сделать это!

— Увидишь!

— Ну что же, увидим!— сказал Амантай, уходя.

Ему стало жаль Ботагоз, как родную дочь.

«Нет,— сказал он сам себе,— пока я жив, Итбаю не видать Ботагоз, как своих ушей. Вторым отцом Ботагоз, ее хранителем, отныне буду я и от этого не отступлю никогда».

Занятый такими думами, Амантай удивился, как скоро ноги привели его к дому Балтабека.

— Дядя!— обратился к нему встретивший его во дворе Балтабек.— Уже несколько раз приходили за вами, вас зовет к себе приезжее начальство.

— А кто именно, не знаешь?

— Точно не знаю. Кажется, тот, что остановился у Андрея.

— А-а-а... Тогда, значит, сам губернатор.

— Может, и он. Сначала приходила Лиза, дочь Андрея. Увидев беркута, она со страхом долго смотрела на него и убежала, а вскоре пришел ее брат, офицер. Этот тоже долго ходил вокруг беркута, посылал разыскивать тебя... После него прибежал Антон и сказал, что тебя зовут туда с беркутом.

— А где Аскар?— спросил Амантай.

— Он дома.

— Позови его сюда...

— Меня зовут к губернатору,— сказал Амантай Аскару, когда его привел Балтабек.— Пойдем, дорогой, со мною, а то я по-русски плохо понимаю. Хочу улучить удобный момент и подать ему заявление о нашей земле.

Аскар согласился. Амантай посадил на руку беркута, и они ушли.

После их ухода Балтабек и Айбала отправились по своим

делам. Ботагоз стало скучно сидеть дома одной, и она пошла к Лизе.

Во дворе Кулакова она увидела, что все приезжее начальство разглядывает беркута Амантая. Сторонкой она прошла к черному ходу, но Сухомлинов заметил ее и обратился к Кулакову, легким кивком головы указывая на нее:

— Алексей Андреевич, это киргизка?

— Киргизка.

— Позовите ее сюда.

— Ботагоз!— окликнул Кулаков.

Аскар, не заметивший ее прихода, удивленно оглянулся и увидел, как Ботагоз добежала до маленького флигеля во дворе и скрылась за дверью.

— Приведите ее сюда,— сказал губернатор Кулакову.

— Слушаюсь.

Ботагоз и Лиза долго отказывались выйти к гостям, но Алексею, в конце концов, удалось уговорить их.

— Подойди ближе, дочка,— сказал губернатор смущенной Ботагоз, которая робко приближалась к нему.— Русский язык знаешь?

— Знаю.

— Молодец!.. Училась?

— Учусь сейчас.

— Где?

— Здесь, в школе.

— По-русски?

— Да, по-русски.

Губернатор задал Ботагоз несколько вопросов о ее школьных успехах, о семье и родственниках. Говоря о братьях, она вдруг заметила стоявшего чуть поодаль Кошкина. Ботагоз настолько возненавидела его, что последнее время, увидав его издали, сворачивала на другую улицу. Теперь представился самый удобный случай пожаловаться на Кошкина и отомстить ему. Может быть, единственный в жизни случай. И в этот момент она запнулась, горячие слова жалобы не приходили на язык. От волнения она оборвала свой рассказ на полуслове, глаза ее наполнились слезами.

— Что же ты остановилась?— спросил ее губернатор.

Чувствуя, что она закричит или заплачет, если проронит хоть одно слово, Ботагоз, закрыв лицо руками, убежала обратно в комнату Лизы.

— В чем дело? Что с ней?— недоуменно спросил губернатор.

— Я могу вам объяснить,— сказал Аскар и коротко рассказал, как Кошкин избил безвинного Кенжетая и как это повлияло на Ботагоз.

Губернатор слушал, грозно хмуря брови. Заканчивая рассказ, Аскар повернулся и показал рукой:

— Вот этот самый Кошкин!

— Я тебя!— крикнул губернатор, выкатив глаза, и погрозил уряднику пальцем.

Кошкин затрясся как в лихорадке. Что скрывалось за этим «я тебя!»— не знал ни Аскар, ни кто другой из присутствовавших.

— На охоту поедем завтра с рассветом,— объявил немного погодя губернатор.— Я сам охотник и хорошо знаю правила охоты. Народу брать особенно много не надо. От нас поедут человека четыре; верховых казаков надо взять человек пять-шесть да вот с беркутом его хозяина — и хватит. А вы, Алексей Андреевич,— обратился он к Кулакову,— наверное, позаботитесь о конях.

И, повернувшись, губернатор ушел в свои покои.

Итбаю опять стало не по себе. Губернатор не пригласил его на охоту, как будто забыв про него.

VI

И отец Сухомлинова и братья его, как и вся их родня, были завзятыми любителями охоты, конного спорта и других помещичьих забав. Лучшие своры борзых и гончих, выдающиеся экземпляры волкодавов, премированные лягавые чистых кровей, ружья знаменитых заграничных и русских мастеров, призовые скакуны и рысаки — все это было достоянием близкой и дальней родни Сухомлиновых, и всем этим еще с молодости был пресыщен генерал-губернатор степных областей. Поэтому, когда Алексей Кулаков спросил, какой еще охотой его высокопревосходительство пожелал бы позабавиться, Сухомлинов ответил:

— Ни собак, ни ружей — ничего, кроме беркута, не нужно. Все остальное давно уже испытано и неинтересно.

Амантай знал, что успех его дела в значительной степени будет зависеть от удачи завтрашней охоты. Он спал очень чутко и проснулся с первыми петухами. Еще не одевшись, он сам зажег лампу и попросил Айбалу, разбуженную его возней:

— Согрей мне коже[1], уже пора собираться на охоту.

Коже, вынутое из неостывшей печки, было достаточно горячим. Айбала налила доверху большую деревянную чашку. С аппетитом съев вкусное коже, в которое накрошил хлеба, Амантай вышел во двор вместе с Аскаром.

Балтабек, накинув на плечи старый тулуп и сунув ноги в истоптанные валенки, вышел за ними и стал седлать лошадь Амантая.

Стояла еще ночь, тихая и ясная.

— Погода благоприятная, сонар хороший, лишь бы посчастливилось на охоте,— сказал Амантай.

Оттого ли, что он недоспал, а быть может, от волнения, что

---

[1] Коже — кислый напиток вроде кваса, из муки, на дрожжах.

ему предстоит охота с таким знатным человеком, как губернатор, Амантая охватила странная тревога, которая немного утихла только тогда, когда он уже сел на коня.

Посаженный на руку беркут, за последние дни соскучившийся по охоте, радостно захлопал крыльями и даже раза два проклекотал.

— О создатель! Не откажи в милости своей, благослови мой путь!— громко воскликнул Амантай, поворачивая лошадь.

— Вы, агай, поезжайте дорогой, а я прямиком пройду тропочкой,— сказал Аскар.

Аскар подошел к дому Кулакова раньше Амантая. Дом был погружен в темноту, не заметно было и признака жизни в нем. Но когда подъехал Амантай, за ним начали стекаться к дому Кулакова все участники охоты.

Рассвет еще не наступил, когда охотники тронулись. В числе провожавших находился и Итбай. Он все еще надеялся, что губернатор заметит его и пригласит с собой на охоту. Но охотники уехали без него. Досада грызла его.

«Чтоб на пути твоем вырос чеснок!»—пожелал он в душе Амантаю, злясь и завидуя ему.

...Злое пожелание Итбая исполнилось. Амантая привезли с охоты уже под арестом. Кошкин, подсыпая ему подзатыльники, впихнул его в холодный сарай Кулакова, запер дверь на замок и поставил у сарая охрану...

«Так, так тебе... так тебе и надо!— злорадствовал в душе Итбай, видя несчастье Амантая.— О духи предков, хранители мои, как я благодарен вам! А то, казалось, забыли вы меня... Тоже вздумал равняться... когда сам бог создал его неравным... Кажется, добился своего — хребет твой переломлен, шея свернута. Так тебе и надо!..»

Услышав о постигшем Амантая несчастье, Аскар и Балтабек поспешили к дому Кулакова. Казаки, бывшие на охоте, рассказали им, как было дело.

Верстах в тридцати от Борового охотники свернули в предгорье, покрытое низкими кустарниками, и начали охоту. До полудня попадались только зайцы. Беркут, не пропустив ни одного, взял их штук десять.

После полудня им удалось поднять первую лисицу. Беркут сразу же заметил ее и быстро взвился ввысь. Однако лиса успела тем временем убежать далеко. Когда паривший в высоте беркут стремительно кинулся вниз и упал на землю, охотники врассыпную во весь дух помчались туда. Русские, прискакавшие первыми на своих хороших конях, в охотничьем азарте окружили беркута, но он не подпустил их к своей добыче. Наконец, похлестывая нагайкой лошадь, прискакал отставший Амантай. Подбежав к беркуту, он увидел, что в предсмертной борьбе лиса

изгрызла тому крайний палец, попавший ей в пасть. Амантай моментально перевязал этот палец и заявил охотникам, что накормит птицу мясом лисицы, так как с раненым беркутом охотиться нельзя. Но губернатор приказал беркута не кормить и продолжать охоту до заката солнца. Амантаю ничего не оставалось, как подчиниться.

Поехали дальше. Перед самым закатом увидали вторую лисицу, пробегавшую вдали. Амантай, используя все свое знание русского языка, объяснил, что лису надо опередить на лошадях и завернуть поближе, иначе она не дастся. Но губернатор приказал выпустить беркута, говоря, что птица летит быстро и сама догонит лису.

Однако у раненого и усталого беркута уже не было прежнего азарта и наблюдательности. Он не заметил лисицу и, отлетев немного в сторону, стал медленно подниматься ввысь.

Когда беркут случайно повернул в сторону лисицы, в страхе забившейся меж камнями, охотники, полагая, что он увидел лису, понеслись туда, а один из казаков-загонщиков, Дудкин, сорвал с головы свою папаху с красным верхом и стал размахивать ею, чтобы привлечь внимание беркута. Голодный беркут, заметивший движения Дудкина и принявший красный верх папахи за мясо, в уверенности, что его зовут кормить, камнем бросился сверху на казака. Тот растерялся и со страху надел папаху на голову. Беркут с налета запустил когти в папаху и, продрав ее верх, впился в голову Дудкина. Сжимая когти, он словно острым ножом разрезал кожу на черепе. Не будь на Дудкине папахи, ему не миновать бы смерти. На его безумный крик прискакали другие охотники. Пока подоспел Амантай, Алексей Кулаков выстрелом из револьвера в упор убил беркута и, перерезав сухожилья на его ногах, с трудом вытащил когти из головы Дудкина. Один из казаков тут же поскакал в ближайший поселок и привел подводу, на которой Дудкин был отправлен в станичную больницу.

Когда стали обсуждать, почему беркут так повел себя, Кошкин доложил, что, по словам самого Амантая, птица хорошо понимала его и без отказа выполняла все его приказания. Амантая заподозрили в злом умысле. Его обыскали и нашли при нем приготовленную на имя губернатора жалобу. Это навело на мысль, что он хотел натравить беркута на губернатора в отместку за отвод земельных угодий его аула русским переселенцам. Губернатор заметил, что незачем было казаху натравливать своего беркута на него, а тем более на Дудкина, но на всякий случай, «впредь до выяснения», приказал арестовать Амантая.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕТЕРБУРГ

I

Рано утром, когда Аскар был еще в постели, за ним пришли от Итбая звать к чаю. Среди гостей, приехавших провожать Итбая и заполнивших дом, он не сразу узнал самого хозяина,— настолько непривычно одет был Итбай.

В то время кокшетауские казахи не носили европейской одежды. О коротких пиджаках и узких брюках и говорить нечего. Не в ходу были даже шапки с ушами — муллы находили в них сходство с крестом и осуждали тех, кто носил их. Лишь один Итбай обычно носил костюм европейского покроя. Но осуждать его за это муллы не смели и оправдывали тем, что ему, мол, часто приходится встречаться с начальством и потому он носит русскую одежду.

Теперь же Итбай сидел разодетый, как китайский богдыхан, в высокой, с разрезами шляпе из белого тонкого войлока, расшитой золотом и серебром по бархату; в отороченном темным собольим воротником халате из тонкой мягкой желтой кожи, с полами, вышитыми разноцветным шелком, золотыми и серебряными нитями; в широких шароварах из такой же желтой кожи, с разрезами внизу и тоже расшитых разноцветными шелковыми узорами.

«Для чего понадобился ему этот маскарад?»— подумал Аскар, но вспомнил, что уездный Кривоносов советовал Итбаю прихватить с собой в Петербург старинный национальный костюм.

— Пожалуйста, садись, дорогой, сюда,— сказал Байсакал, указывая Аскару на свободное место.

Как только Аскар сел, со всех сторон посыпались пожелания счастливого пути ему. Гости уже знали, что он тоже едет в Петербург.

Из разговора с гостями Аскару стало ясно, что хотя это была вся знать населявших Кокшетау родов Атыгай и Керей, но никто из них не имеет никакого представления о Петербурге. Даже Омск, в котором они ни разу не были, казался им таким же далеким, как Мекка и Медина. Они только слышали, что в старину Шорман, Ибрай, Зильгара, Турлубек и другие казахские родоначальники ездили верхом на лошадях к царю в Петербург и вернулись оттуда более чем через год. За последнее время стало известно, что туда, в Государственную думу, ездит Шагимардан сын Кошугула. Ничего более о Петербурге они не слышали и не знали.

В перерыве между чаем и мясом гости стали говорить о предстоящей поездке Итбая.

— Говорят, этот Кетрампор[1] находится где-то на самом краю света,— начал один из баев.

— Кажется, наш мырза едет не в Кетрампор, а в Орымбор[2],— перебил его пожилых лет аульный старшина.

— Мырза едет не в Екатеринбург, и не в Оренбург, а в Петербург,— осторожно объяснил Аскар.

Сразу же посыпались вопросы:

— В какой же стороне будет он, если смотреть отсюда?

— А сколько же, любопытно, до него будет верст?

— А что, там живут одни лишь кафры или и мусульмане также?

— Наверное, все дома там такие же громадные, как магазин Ганшина в Петропавловске,— двухэтажный, под железной крышей?

— Что магазин Ганшина! Наверное, есть там дома из чистого золота: ведь сам царь живет там!

— В Шаме[3], говорят, улицы на ночь закрываются сверху и открываются лишь тогда, когда взойдет солнце. Вероятно, и там так же.

— Что ты, бог с тобой?! Разве можно сравнивать город кафров с Шамом — городом божьей благодати?! Сравнивай с чем хочешь, но священный Шам оставь в покое!

Итбай скучал, слушая все эти разговоры, и молчал. Аскар вначале попытался было кое-что объяснить, но когда вопросы посыпались, как из рога изобилия, один нелепее другого, он замолчал, предоставив беседующим довольствоваться своими собственными домыслами.

После того, как поели мяса, Итбай извинился перед гостями и ушел, ссылаясь на необходимость готовиться в путь, а вскоре позвал Буркутбая и Аскара.

— Тебе нужно получить паспорт, в пути он необходим. Потом пора нам уже выезжать,— сказал ему Итбай в канцелярии, где сидели также Горбунов и младший брат Итбая — Еликбай.

Рассматривая паспорт, Аскар почувствовал на себе чей-то неприятный взгляд и оторвался от бумаги. Глаза его встретились с устремленным на него взглядом Горбунова.

«Что он так смотрит?»— подумал Аскар, но спрашивать его не стал.

Аскар, конечно, не мог знать, что в один из своих последних приездов урядник Кошкин конфиденциально сказал Горбунову:

— В ту ночь, когда в Боровом ночевал губернатор, я — правда, сильно под хмельком — возвращался домой. Проходя мимо дома, где живет Кузнецов, я видел, как оттуда вышел человек, очень похожий на Досанова. Но точно сказать не могу. Понаблю-

---

[1] Кетрампор — искаженное Екатеринбург.
[2] Орымбор — искаженное Оренбург.
[3] Шам — Александрия.

дайте за ним и, если узнаете что-нибудь, незамедлительно сообщите мне.

Горбунов с того времени стал следить за учителем, но ничего предосудительного не замечал.

Получив паспорт, Аскар невольно прислушался к разговору Итбая с братом.

— Хоть и на короткое время, но волость остается на твоем попечении,— говорил Итбай.— Не думай, что управлять народом дело легкое. Народ — что лед: выпадает из рук, если держишь слабо, ломается, если жмешь слишком крепко. Время теперь такое — считаются и уважают, если боятся тебя. Но будь умным и не распускай народ, как кобылиц без косякового жеребца. С нужными людьми считайся, но остальных держи крепко в руках.

«Он наставляет его, как будто царство передает»,— подумал Аскар.

Его удивило, что Итбай решил именно Еликбаю поручить управление волостью на время своего отъезда. Еликбай по своему характеру и интересам совершенно не подходил к этой роли. Хотя ему было уже за тридцать и он был отцом семейства, никакого участия в аульных делах он не принимал и, как большинство байских сынков, вел беззаботную, веселую жизнь. Серьезный тон наставлений Итбая, видно, сразу напугал его.

— Нельзя ли, Итеке, поручить волость кому-нибудь другому, а меня освободить?— спросил он.

— Что ты мелешь!— раздраженно крикнул Итбай.— Ты что, мальчик?! В своем ли ты уме?! Счастье нашего дома передавать другому? Опомнись! Хорошо, если ангелы не услышали и не сказали «аминь!» словам твоим. Больше чтоб я таких слов не слышал!— И, вынув из кармана медную печать, передал ее Еликбаю, продолжая наставлять:— Как зеницу ока береги эту печать; будь осторожен, следи, чтобы кто-нибудь не приложил ее на чистый лист бумаги, не учинил подлога,— тогда пропала твоя голова.

После такой несложной сдачи дел Итбай распорядился, чтобы сборы в дорогу были закончены скорее и были поданы лошади.

Аскар отпросился у Итбая на час, на два — до отъезда ему нужно было устроить одно дело, которое касалось его любимого ученика Сагита.

Через несколько недель после того, как Аскар поступил учителем в аул Итбая, он обратил внимание на двенадцатилетнего пастушонка Сагита, пасущего стадо ягнят в ауле. Мальчик, круглый сирота, показался Аскару очень способным. Он хорошо рассказывал сказки, играл на домбре, пел песни и был коноводом во всех играх своих сверстников. Аскар скоро добился того, что Сагита освободили от пастушеской работы, и поселил его на своей квартире. Мальчик учился отлично. Его способностям зави-

довали не только его однокашники — дети баев, но даже их родные. Они ненавидели его и при каждом удобном случае готовы были обидеть. Сагит знал, что, если учитель уедет, ему, Сагиту, не жить в этом ауле. Аскар разделял его опасения и решил на время своего отъезда поместить мальчика у Балтабека.

В день отъезда Аскара занятий в школе не было. Сагит одиноко сидел в классе и читал книгу. Аскар подошел к нему, похлопал по плечу и сказал:

— Ну, Сагит, сегодня я уезжаю в Петербург. Что же привезти тебе в подарок?

— Привезите, агай, интересные книги... такие интересные, чтобы я выучил их наизусть.

— Хорошо, обязательно привезу.

— Агай...— начал было Сагит, но нахмурился, потупился и замолчал.

— Что же ты замолчал? Не стесняйся, говори,— подбодрил его Аскар, догадываясь, о чем мальчик хочет говорить с ним.

— Агай... я слышал, что в городе сиротам дают деньги на ученье... обучают их на казенный счет... Возьмите меня с собою и отдайте учиться,— сквозь слезы проговорил Сагит.

Аскар сочувственно посмотрел на Сагита:

— Я знаю, что у тебя нет ни родителей, ни братьев. Но, может быть, до моего приезда ты поживешь у кого-нибудь из своих замужних сестер? Их, кажется, три у тебя?

— К сестрам я не поеду.

— Почему?

— Я жил у них, но меня прогнали. Их мужья — баи и не считают меня за человека.

Аскар догадался, что сестры мальчика не избегли участи многих, вышедших из бедняцких семей девушек, которых баи покупали за калым во вторые или третьи жены и обращали в рабынь в прямом смысле этого слова.

Ничего не оставалось, как устроить Сагита у Балтабека.

— Сагит, ты ведь знаешь Кенжетая?— спросил Аскар.

— Да, знаю.

— А его старшего брата, Балтабека, который живет в Боровом, знаешь?

— Я не видел его, но понаслышке знаю.

— А что, если остаться тебе у него на время моего отъезда?

— Примет ли?

— Если я скажу, то примет. Оставлю денег на твои харчи до моего возвращения. Согласен на это?

— Конечно, согласен.

— Ну, решено. Сегодня вечером Кенжетай едет в Боровое, к брату. Ты поедешь с ним.

Прощальный обход всех старших родственников, как этого требовал обычай, с необходимостью угоститься чем-нибудь у каждого из них, отнял у Итбая довольно много времени. Только

когда зимнее солнце стало клониться к закату, наши путники сели в сани, но им еще предстояло заехать в мечеть, где ишан ожидал их, чтобы совершить напутственный намаз, и где для прощания с волостным собрались приехавшие проводить его баи, старшины, аксакалы и другие.

Впрочем, в мечеть вошел один Итбай, Аскар остался в санях.

II

Несмотря на поздний выезд, добрые кони примчали путешественников в Бурабай, когда еще не совсем угасла вечерняя заря. Узнав от Андрея Кулакова, что Алексей уже уехал в Омск, Итбай хотел было ехать дальше и переночевать в пути в каком-нибудь из казахских аулов, но Аскар стал уговаривать его заночевать в поселке, а на другой день выехать пораньше. Его поддержал и Андрей, приглашая погостить у него перед таким дальним путем. Итбай согласился и остался у Кулакова, а Аскар вскоре ушел к Балтабеку.

Итбай сразу догадался, почему Аскар так хлопочет, чтобы ночевать в поселке. Он давно понял отношение Аскара к Ботагоз. Может быть, если бы он не увидел Ботагоз, то не стал бы мешать намерениям Аскара, хотя в минуты злобы на учителя у него мелькала такая мысль. Но теперь, когда девушка так сильно понравилась ему, он решил посвататься за нее сам. Он понимал, конечно, что Аскар легко не уступит ее, что предстоит борьба. «Но,— думал он,— разве какой-нибудь учителишка может тягаться со мной? Ну, напишет жалобу на меня, но из этого, конечно, ничего не выйдет». Не говоря уже об его, Итбая, авторитете у начальников, он мог одолеть Аскара своей мошной.

А Аскар давно уже сидел в дружеском кругу семьи Балтабека. Кроме хозяина, дома были Айбала и Ботагоз, а также приехавшие в тот вечер Кенжетай и Сагит.

— От души желаю тебе, дорогой, счастливого пути,— сказал Балтабек, узнав, что Аскар едет в Петербург.— Хоть ты и не родной мне, но я полюбил тебя, как родного брата...

— Разве я не знаю?..

— Вот что еще хотел я сказать тебе, Аскар. Ты хорошо знаешь, какая беда стряслась над нашим дядей Амантаем. Без всякой вины несчастный попал в тюрьму. Все кипит во мне от возмущения, но бороться нет сил.

— А где он сейчас? Здесь?

— Нет, уже угнали по этапу в Омск. Сопровождал его сам Кошкин.

— Кто-нибудь хлопотал о нем здесь?

— Кому же и как хлопотать? Да и толк какой от таких хлопот, когда он в крепких лапах! Приезжали жена и сын. Распродали последнее добро, в надежде выкупить несчастного, но не

знали, кому дать взятку. Кажется, только Кошкин взял у них пятьдесят рублей, но ничего не сделал — то ли не мог, то ли просто надул.

— Давно отправили его?

— Нет, недавно. Передачу носила ему Ботагоз, а перед отправкой я был у него на свидании.

— Что же он говорил?

— Он рассказал кое-что... Ботажан! У меня, оказывается, кончился насыбай, сбегай вместе с Айбалой к соседу Степану и попросите у него пачку махорки. И ты, Сагит, иди с ними, они могут побояться.

Ботагоз и Айбала отлично поняли, что Балтабек хочет что-то сказать Аскару наедине. Они быстро оделись и ушли.

— У меня, Аскар, нет секретов от тебя,— начал Балтабек,— Речь идет о Ботагоз, о сестричке нашей. Хотя мы люди и небольшого достатка, но, как видишь, воспитывается она у нас неплохо. Соблазнись мы калымом и пожелай сбыть ее с рук, мы бы давно могли сделать это, но у нас этого и в помыслах нет. Когда подрастет, найдет себе спутника жизни без нашего вмешательства. По примеру русских девочек, она пошла учиться в школу. Говорят, она способная. Я, конечно, не надеюсь, что из нее выйдет какой-нибудь чиновник, но пускай, думаю, пока забавляется, а как надоест, сама бросит. Вот, касательно ее Амантай рассказал мне одну невероятную вещь.

— Какую же?

— Итбай просил Амантая сосватать за него Ботагоз. Какое бесстыдство! Подумать только!

— А что ответил на это Амантай!

— Амантай наотрез отказался, пристыдил Итбая, сказал, что он годится ей в отцы. Амантай уверен, что Итбай со злости примет все меры, чтобы его подольше гноили в тюрьме.

— Вот оно как, Балтеке!— тяжело вздохнул Аскар.— А как относитесь к этому вы сами?

— Ты всерьез спрашиваешь?! Никогда не соглашусь на такую гадость. Только перешагнув через мой труп, Итбай добьется своего, но умирать я пока что не собираюсь.

— Нас три брата,— вмешался Кенжетай,— и если хоть один будет жив, не отдадим ее Итбаю, в этом клянусь.

— И я клянусь!— невольно вырвалось у Аскара.— Если Итбай решится на такой поступок, то я буду с вами. Мы сумеем преградить ему путь.

Все замолчали. У Балтабека и Кенжетая возникла надежда, что с помощью Аскара им удастся расстроить козни врага. По их мнению, он лучше всех из казахов в их округе знал законы, и даже Итбай в этом зависит от него, почему и берет его с собой в Петербург. Кроме того, они полагали, что, защищая честь Ботагоз, Аскар защищает и свою честь, ибо были уверены, что он, хотя и не говорит этого, считает себя женихом их сестры. Прав-

да, они удивлялись, почему он ни словом не обмолвился о своем намерении жениться на ней, но ожидали, что скажет об этом перед самым отъездом своим в Петербург.

Аскар думал о другом. Узнав об опасности, которая нависла над Ботагоз, он стал сомневаться, ехать ли ему в Петербург. Наконец, он решил посоветоваться с Кузнецовым, откровенно рассказав ему все о Ботагоз.

— Кажется, начал я об одном, а перешел на другое,— прервал, наконец, молчание Балтабек.— Мне бы хотелось докончить об Амантае. Хлопотать о нем отсюда некому. Человек страдает напрасно. Не мне, конечно, учить тебя, куда и как обращаться. Я только прошу тебя: не забывай о нем, когда будешь в Омске. Если понадобится задобрить кого-нибудь, что сможем — передадим тебе. Время такое — без взятки ничего не добьешься.

Просьба Балтабека заставила Аскара иначе отнестись к своей поездке.

«Можно вернуться и из Омска,— решил он.— Посмотрю, как сложатся там обстоятельства. Это первая просьба Балтабека и, конечно, Ботагоз, первое обращение ко мне за помощью, как же отказать? Нет, надо ехать. Может, и выйдет что-нибудь, в крайнем случае обращусь к адвокатам».

А вслух он сказал Балтабеку:

— Хорошо, Балтабек, может, что-нибудь и выйдет.

— В таком случае надо кое-что приготовить.

— Нечего готовить. Ничего мне не нужно, денег ваших я не возьму. Адвокату заплачу из своих. Когда вернусь, рассчитаемся. А взятки давать не могу.

— А если без этого не обойтись?

— Все равно не могу.

— Что ты, дорогой! Ничего тогда не выйдет! «За порожнюю чашу не говорят спасибо». Ты брось это. Если только посчастливится тебе добиться цели с помощью взятки, не жалей ничего. Расходы твои мы оплатим.

В это время вернулись Айбала, Ботагоз и Сагит. Разговор прекратился.

III

Было около полуночи, женщины и Сагит уже спали, когда Аскар собрался пойти к Кузнецову, предупрежденному Кенжетаем, что Аскар зайдет к нему на квартиру поздно ночью.

Кенжетай стал настаивать, чтобы он отложил свое свидание с Кузнецовым до утра и переночевал у них.

— Не могу,— ответил Аскар.— Мы с Итбаем решили ехать рано утром, а мне необходимо повидать Григория Максимовича.

— Тогда я провожу тебя, вон какой буран,— сказал Кенжетай.

— Спасибо. Пойду один.

— Может быть, я провожу?— спросил Балтабек.

Дело было не только в буране, у Балтабека были свои причины для того, чтобы вызваться провожать Аскара. Хотя он еще плохо разбирался в политике, но кое-что понимал в отношениях и в характере связи учителя с Кузнецовым. Он хорошо знал, что Кузнецов — ссыльный, знал и то, за что тот был сослан. Сам Григорий Максимович рассказывал ему об этом. Немного просветил Балтабека и Кошкин. Не раз уже урядник предлагал ему за вознаграждение подслушивать разговоры Кузнецова с другими лицами и передавать ему, Кошкину. Балтабек отказался и не поддался Кошкину и тогда, когда тот попробовал угрожать. Урядник взял с него обещание никому не рассказывать об его предложении. Балтабек дал такое обещание и сдержал его. Он никому и словом не заикнулся об этом, но... Аскару и Кузнецову рассказал все, во всех подробностях, что говорил и чего требовал Кошкин.

И Кузнецов и Аскар были уверены в честности, в преданности Балтабека. В нем да в двух-трех других рабочих, в некоторых батраках из иногородних они видели людей, из которых можно будет в будущем организовать подпольный политический кружок, но пока время для этого еще не настало. Григорий Максимович не упускал, конечно, случая поговорить со своим товарищем по кузнице на политические темы, а повода для этого в поселке не нужно было долго искать. Да и Аскар при своих наездах в Бурабай рассказывал Балтабеку про жизнь аула, про положение бедной части крестьян и притеснение их баями и царскими чиновниками.

Опасаясь какой-нибудь каверзы со стороны Кошкина, Балтабек решил не оставлять Аскара, когда тот пойдет к Кузнецову.

На улицах бушевала такая пурга, что, если бы не Балтабек, Аскар, вероятно, не добрался бы до квартиры Григория Максимовича. Когда они пришли туда, Балтабек вызвался покараулить на улице, пока они поговорят, но Кузнецов заявил, что это лишнее, так как, по его сведениям, Кошкин лежит у себя дома мертвецки пьяный, а никто другой не отважится шпионить в такую погоду. Балтабек не стал настаивать, но время от времени незаметно для своих друзей выходил на улицу.

Долго длилась задушевная беседа Аскара с Григорием Максимовичем.

Аскар рассказал ему о своих чувствах к Ботагоз, о притязаниях Итбая на нее и просил при случае помочь Балтабеку советом и делом, и, если понадобится, оберечь Ботагоз от интриг волостного. Кузнецов высказал мнение, что пока Итбай будет в Петербурге, ей вряд ли следует опасаться каких-либо враждебных действий против себя, так как в свое отсутствие бай едва ли доверится кому-нибудь в таком деликатном деле.

Поделился Аскар и своими соображениями по поводу ареста Амантая. Кузнецов согласился, что дело это носит явно

политический характер, но что вряд ли можно найти какие-либо юридические основания для обвинения Амантая.

— Однако,— добавил он,— у царского начальства нечего правду искать. «Закон — что дышло: куда повернешь, туда и вышло». Начальство постарается раздуть это дело и воспользуется им, чтоб усилить притеснения.

Дав Аскару совет обратиться к какому-нибудь адвокату и поручить ему защиту Амантая, Кузнецов высказался за поездку Аскара в столицу и передал ему письмо к своему товарищу Ивану Николаевичу Смирнову, которому рекомендовал Аскара как человека близкого и заслуживающего доверия.

Уже начинало светать, когда Аскар и Балтабек ушли от Кузнецова. Пурга прошла, тихо падал густой снег.

Вернувшись домой, они застали Кенжетая во дворе — он возился со своей лошадью; Айбала и Ботагоз хлопотали по хозяйству в комнате, Сагит еще спал.

Айбала быстро приготовила чай. Выпив чаю и немного согревшись, Балтабек, подмигнув жене, тотчас же вышел во двор. Та поняла его. Надев шубу и захватив с собой ведро, она сказала:

— Еркем, я пойду по воду,— и вышла вслед за Балтабеком.

Аскар был благодарен Балтабеку и Айбале за то, что они оставили его наедине с Ботагоз. Более подходящий момент для задушевного прощания с возлюбленной ему вряд ли мог представиться.

Он подошел к Ботагоз, протянул ей обе руки.

— Итак, Бота, я уезжаю,— сказал он взволнованно.— Будешь ждать меня?

Ботагоз хотела сказать: «Счастливый путь», но осеклась, вспомнив казахское поверье, что женщине нельзя говорить этих слов. Слезы покатились по ее щекам.

— Не плачь, душа моя! — сказал растроганный Аскар и крепко обнял ее.— Не плачь, зеница моих очей! Я скоро вернусь. И пока в моей груди бьется сердце, ты будешь жить в нем.

— И ты в моем!— еле слышно произнесла Ботагоз, заливаясь слезами.

IV

Еще в учительской семинарии Аскар увлекался книгами исторического содержания. Он основательно ознакомился с историей родного края.

Омск, в котором учился Аскар, основан был по указу Петра Первого в 1716 году и в течение столетий являлся опорой самодержавия в Сибири.

Жизнь большого города вначале отталкивала сердце Аскара. Но постепенно он свыкся с ним, вкусил плоды науки, и отношение его к Омску изменилось, первоначальное неприязненное

чувство сменилось любовью. Он знал, что не ему одному Омск дал образование, что не мало казахов приобщились к просвещению в его учебных заведениях. Еще из заветов Абая Аскар знал, что в деле просвещения казахского народа русские школы играли исключительную роль. И первое место в этом деле история судила занять Омску.

Уже больше года Аскар не был в Омске. Он успел соскучиться по городу, и ему хотелось доехать поскорее. При быстрой езде, без лишних остановок, все расстояние от Бурабая до Омска можно было покрыть в течение трех-четырех дней. Но Итбай не торопился. В попутных аулах, где жили казахи из родов Керейуак и Кипчак, все знали его, если не в лицо, то понаслышке, и везде оказывали радушный прием, в особенности, когда узнавали, что он едет в Петербург, к самому царю. Почти в каждом из этих аулов Итбай умудрялся находить какую-нибудь дальнюю родню среди аксакалов и старшин — либо по кровному родству, либо по свойству. Эти «родственники» особенно усиленно упрашивали его не торопиться, и он подолгу гостил у них, забывая о времени. Таким порядком ехали они уже почти неделю. Аскару казалось, что они не доберутся до Омска и в месяц. Однако приближался срок, назначенный Итбаю для приезда в Омск. Итбай вспомнил об этом и начал в последние дни поторапливаться.

Когда въехали в город, Аскар встрепенулся, точно беркут, заметивший вдали убегающую лисицу, снял тумак, сел повыше и с жадностью стал всматриваться во все, что встречалось на улицах, как будто он попал в неведомый ему иной мир.

После тиши степей и вида разбросанных по ней одиноких казахских зимовок даже окраина города показалась ему большим центром, самые обыкновенные одноэтажные деревянные дома окраины производили на него впечатление хором; редкие лампочки на фонарных столбах казались горящими солнцами; гул оледеневших проводов ласкал его слух...

Городская дорога была гладко накатана. Буркутбай, которому порядком надоела тихая езда по плохой дороге и который еще при переезде через Иртыш успел перепрячь переднюю лошадь рядом с коренником, теперь с ямщицким азартом катил полной рысью.

— Эй, Буркутбай!— ткнул его в спину Итбай.— Будь осторожен, не распускай вожжи, а то еще наедешь на кого-нибудь. Здесь улицы кишат народом, как муравейник.

Когда они подъезжали к центру города, показавшееся вдали здание учительской семинарии приковало к себе взоры Аскара. От одного вида этого здания на душу его повеяло нежной теплотой материнской ласки, и воспоминания хлынули на него чередой. Вот проплыли перед его глазами классные комнаты, спальни в общежитии, образы товарищей и учителей. Промелькнули в памяти увлечения юных лет, первые переживания, первые

мысли о жизни, о правде, о справедливости. «Эх выпрыгнуть бы из саней, забежать туда, посмотреть на все это еще раз»,— подумал Аскар, но не успел он опомниться, как лошади промчались, оставив здание семинарии позади.

— Догоняют!— вдруг крикнул Буркутбай, оглянувшись назад.

— Что ты, кто догоняет?— испуганно спросил Итбай.

— Да вон, смотрите, сзади несется кто-то на длинноногой, как журавль, лошади, хочет обогнать нас. Гнать, что ли, лошадей?

Итбай оглянулся. Действительно, кто-то настигал их на вороном рысаке, запряженном в высокие беговые санки. Передние бабки у лошади были забинтованы чем-то белым, из широко раздувавшихся розовых ноздрей валил пар.

— Не давай обгонять!— воскликнул Итбай.

Буркутбаю только этого и нужно было. Он щелкнул вожжами по бокам коренника и гикнул на пристяжную. Лошади рванулись вперед и помчались по ярко освещенной главной улице. Пристяжная, осыпая седоков снегом из-под копыт, еле успевала за рысью коренника. Увлеченный быстрой ездой, Аскар на минуту забыл о своих впечатлениях.

«Ни одна лошадь не обгоняла их в степи,— думал он.— Молодцами будут, если не сдадут этому чистокровному городскому рысаку».

Седок, ехавший на рысаке,. заметив, что казахи вздумали состязаться с ним, тоже погнал свою лошадь, направляя ее прямо на их сани. Он решил, видно, посмеяться над казахами, наехать на них сзади, а потом уже обогнать. Но это ему не удалось — казахская пара белых все больше и больше удалялась от него. Подъезжали уже к мосту, отделявшему верхнюю часть города от нижней, а Буркутбай и не думал останавливать лошадей.

— Кажется, довольно, агай,— вмешался Аскар,— давайте прекратим эту байгу[1], уже наступает ночь, надо позаботиться о ночлеге.

— Верно,— согласился Итбай и приказал Буркутбаю придержать лошадей.

— Куда ехать?— спросил Буркутбай, с трудом придерживая разгоряченных лошадей.

— Поворачивай назад, поедем к Сарыбасу.

Аскар знал, что у Итбая есть такой сын-гимназист, но ему не приходилось еще встречаться с ним. По словам Кенжетая, этот Сарыбас был юноша надменный, на всех смотрел свысока, одевался всегда с иголочки, даже в ауле, в летнюю жару, ходил в белых перчатках. Если ему нужно было подъехать в соседний аул, в какой-нибудь полуверсте от дома, ему закладывали пару.

---

[1] Байга — скачки.

При разговоре с казахами он пересыпал свою речь русскими словами, очевидно, считая это особым шиком.

Ехали средней рысью. Буркутбай, по указанию Итбая, все сворачивал с улицы на улицу, с трудом удерживая на поворотах разгоряченных лошадей.

— Кажется, вон тот дом,— сказал наконец Итбай.— Сообщи, Буркутбай, о нашем приезде, но захвати кнут — во дворе злая собака. С правой стороны увидишь длинный одноэтажный флигель. Зайди в среднюю дверь, Сарыбас живет там.

Буркутбай ушел и вскоре вернулся в сопровождении какого-то бородатого человека в меховом бешмете.

— Это ты, Жанбырбай?— спросил Итбай.

— Я, Итеке! Все ли благополучно у тебя дома? Дай пожать твою руку!

Аскар решил, что Сарыбаса, должно быть, нет дома, раз он не вышел встретить отца. Но когда Жанбырбай ввел гостей в просторную комнату, устланную коврами, убранную на манер юрты степных казахов, они увидели молодого жигита, который спокойнейшим образом завязывал перед зеркалом галстук. Волосы у него были острижены под ежик, глаза светло-серые, нос пуговкой, губы несколько вытянутые. По росту он казался мальчиком лет тринадцати — четырнадцати, хотя на самом деле ему уже шел восемнадцатый год.

Жанбырбай любил поговорить. Когда гости разделись и разместились, он, поджав под себя ноги, удобно уселся на сундуке, стоявщем в простенке между двумя окнами, и, пока готовили чай, говорил без умолку. Его разговор скоро утомил Аскара. Все интересы Жанбырбая вертелись вокруг торговых дел: сколько стоит вол, почем кожа, шерсть, конский волос, много ли скупщиков кожсырья в аулах, почем мануфактура, каковы цены на мясо, муку, сахар и чай... Особенно красочно рассказывал он о ярмарках, на каких бывал, что там продавал, какие терпел убытки и наживал барыши. Много говорил и о положении торговли в Омске...

Потому ли, что сам он любил торговлю или из уважения к хозяину, Итбай внимательно слушал его и, нисколько не тяготясь этим разговором, подавал иногда реплики или кивал головой в знак согласия.

Наконец, Жанбырбай догадался, что утомленным гостям пора на покой.

— Этому молодому гостю постели в комнате Сарыбаса,— сказал Жанбырбай жене,— пусть молодые люди весело проведут эту ночь...

Комната Сарыбаса оказалась маленькой, в ней стояла одна кровать, и Аскару постелили на полу. Аскар попробовал завязать разговор с Сарыбасом, но тот, лежа на кровати, так вяло и

неохотно отвечал ему, что Аскар обиделся и повернулся к нему спиной.

«Ишь, какой вредный щенок из волчьего выводка»,— подумал он.

К утреннему чаю они оба вышли недовольные друг другом. Так, ни словом не обменявшись с Аскаром, Сарыбас и ушел в гимназию.

V

Аскар улучил минуту, когда Жанбырбай после чая вышел на улицу, и последовал за ним.

— Агай,— обратился он к Жанбырбаю,— не знаете ли вы хорошего адвоката, лучше если из казахов?

— Есть такой, Кузгунбаев по фамилии.

— А адрес его знаете?

— Знаю. Отсюда недалеко.

Аскар, пойдя по указанному Жанбырбаем адресу, нашел новый деревянный дом под красной крышей, с березами перед окнами. К парадной двери была прибита небольшая медная пластинка, на которой фигурными буквами было выгравировано: «Кузгунбаев».

Аскару открыла дверь дородная белокурая завитая женщина — жена Кузгунбаева.

— Вам кого?— спросила она.

— Господина Кузгунбаева.

Она внимательно оглядела посетителя с ног до головы. С тех пор как ее муж начал заниматься адвокатской практикой, их ежедневно посещало много людей, и она научилась безошибочно угадывать, кто из посетителей — клиент с толстой мошной, а кто бедный проситель. В зависимости от этого она или принимала посетителя, или отказывала ему. Но на этот раз, оглядев Аскара, она не могла определить, к какой категории отнести этого молодого, прилично одетого казаха и как ответить ему.

Наконец, она не особенно уверенно сказала: «Его нет дома»,— но в это время из внутренних дверей появился сам Кузгунбаев. Это был невысокого роста, чуть сгорбленный, чернявый человек. Он спросил:

— Вам кого?

— Я хотел бы видеть господина Кузгунбаева.

— Это я.

— Очень приятно,— ответил Аскар по-русски.— У меня к вам небольшое дело. Разрешите войти?

— Пожалуйте!

Покрасневшая от смущения жена Кузгунбаева посмотрела на мужа с укором. Кузгунбаев ввел Аскара в небольшую комнату, очевидно, служившую ему кабинетом.

По первому же впечатлению Аскар составил себе не очень лестное мнение об адвокате. Ему показалось, что Кузгунбаев человек надменный, равнодушный к судьбе людей, человек, для которого его покой и благополучие дороже всего.

— Да... Это весьма серьезное и трудное дело,— сказал Кузгунбаев, выслушав Аскара.— Обвинение в покушении на губернатора — это похуже кражи со взломом.

— Какое же покушение?! Ведь никакого покушения не было!

— Это по-нашему. А в глазах прокурора дело может выглядеть как самое настоящее покушение. Трудное дело, не всякий адвокат возьмется вести его.

— Я и не спорю. Дело не из легких. Вы возьмитесь за это дело. Возьмитесь из человеколюбия!

— Ладно, возьмусь,— сказал после некоторого раздумья Кузгунбаев.

Нужно было поговорить о гонораре; Аскар знал, что адвокаты не ведут дела подсудимых даром. Прощаясь, он обратился к Кузгунбаеву:

— Простите, чуть не забыл. Конечно, за ведение дела адвокату нужно платить гонорар...

— Конечно.

— Не сочтите нескромностью,— сколько же это будет стоить?

— В нашем деле не торгуются, для этого есть специальная такса.

— Все же я хотел бы узнать цифру.

— Дело очень щекотливое и трудное. Гонорар — тысяча рублей.

Аскар чуть не вскрикнул от неожиданности. Самое большее, он мог выжать из своего кармана около двухсот рублей. Остальные нужны были на дорогу.

— Меньше чем за тысячу рублей за такое дело браться нельзя,— сказал Кузгунбаев, заметив смущение посетителя,— но поскольку это дело носит в некотором роде политический характер, так и быть, уступлю вам. Пусть будет семьсот рублей!

Аскар откровенно признался, что больше двухсот у него нет, но Кузгунбаев только махнул рукой.

От адвоката Аскар ушел совершенно обескураженный. Как ни бился, как ни ломал он голову, но не мог ничего придумать, чем бы помочь Амантаю. А времени до отъезда оставалось мало.

VI

Аскар закричал во сне, будто его душили, и, сам испугавшись своего крика, проснулся. Несколько секунд он, как ошалелый, сидел на полке, ничего не соображая и протирая глаза. Немного очнувшись, он встряхнулся и огляделся. Все соседи по купе без-

мятежно спали. А ему казалось, что его страшный крик должен был разбудить всех пассажиров.

Аскар находился в купе вагона третьего класса и ехал уже третьи сутки. На следующий день рано утром они должны были приехать в Петербург. Их вагон был прицеплен к экстренному поезду прямого сообщения Маньчжурия — Петербург. Обычно в составе этого поезда третьего класса не было. Но как-то случайно в Омске был прицеплен один такой вагон, и Итбай, скупясь заплатить за мягкое место, сказал: «Не все ли равно, и так довезет нас до Петербурга»,— и купил билеты третьего класса. В одном из купе этого вагона и поместились Итбай и Аскар; у обоих были нижние места — одно против другого.

При тусклом свете стеариновой свечи, вставленной в фонарь соседнего купе, Аскар еле различал багровое лицо Итбая, тяжело храпевшего и посвистывавшего во сне.

Уже вполне очнувшись, он вспомнил свой сон. Ему приснилось, будто он приехал откуда-то в поселок Боровое и ночевал у Балтабека. И вот среди ночи в дом ворвалась какая-то толпа. Это был Итбай со своими молодцами. Они связали Аскара, Балтабека и Айбалу, схватили Ботагоз и быстро скрылись. В надежде на помощь соседей, Аскар стал дико кричать. Этот крик и разбудил его.

В купе было душно. Аскару захотелось освежиться. Накинув на плечи пальто, он направился в тамбур. В вагоне все мирно и спокойно спали. В проходе, возле своего отделения, поставив на пол фонарь, сидя, дремал и проводник. Никто не заметил, как Аскар вышел.

На площадке вагона было светло. Стояла светлая лунная ночь. Поезд мчался среди соснового леса. Но Аскару показалось, будто поезд стоит на одном месте, а мчится назад земля и исполинские сосны, словно огромный косяк коней, испуганно шарахаясь от поезда, убегают от него, как от стаи волков.

Образ волков навел его мысли на преследователей Ботагоз.

«Что ее ждет впереди?— подумал он.— Много волков зарятся на нее. Неужели, как овечка, она станет жертвой одного из них?»

Когда мороз стал пробирать его, он вошел в вагон. Возле его купе навстречу ему вынырнули из полумрака и прошмыгнули мимо два человека.

Войдя в купе и сев на полку, он вдруг подумал:

«Кто эти люди? Не воры ли?»

Эта мысль встревожила его. Он вскочил и бросился к своему чемодану. Чемодан лежал на месте.

«Не украли ли сундучок?»— мелькнуло у него в голове.

Свой небольшой сундучок с подарками царю Итбай поставил под полку.

Нагнувшись, Аскар заглянул туда и сердце его екнуло от тревоги: сундучка не было.

— Итеке, эй, Итеке!— стал он будить Итбая.

Но Итбай спал крепко, разбудить его было не легко. Аскар стал его тормошить.

— А-а, что такое?— спросил, наконец, Итбай и сел на постели, но никак не мог прийти в себя.

— Итеке!..

— А-а?

— Приди же в себя, пробудись, Итеке!

— А-а, Аскар! Это ты? Что такое...

— Куда вы поставили ваш сундучок?

— Под полку, а в чем дело?

— Под полкой сундучка нет.

— Э, где же он?— воскликнул Итбай, быстро соскочил и стал шарить руками под полкой.— Ойбай, нет!

— Только что здесь прошмыгнули каких-то два подозрительных человека. Верно, они украли.

— Ойбай, нужно их догнать,— устремился Итбай к двери.— О боже, о создатель, о духи предков!.. Помогите, помогите!— вздыхал он и, тяжело дыша и кряхтя, босой побежал за Аскаром по коридору.

В конце вагона навстречу им поднялся заспанный проводник с тускло мерцавшим фонарем в руке.

— У нас пропажа. Украли багаж!— сказал ему Аскар.

— Когда?

— Только что. Воры еще не успели скрыться, идем.— Проводник заметно взволновался и последовал за ними. Все трое вышли в тамбур. В тот же миг двое неизвестных, стоявших у открытых наружных дверей вагона, выбросили сундучок под откос и друг за другом спрыгнули с поезда на полном ходу.

— Ах!— в один голос вскрикнули Аскар и Итбай. У Итбая заволокло туманом глаза, закружилась голова. Ноги у него сами собой подкосились, и он бессильно опустился на пол.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В ПЕТЕРБУРГЕ

I

Сообщение проводника о том, что через полчаса будет Петербург, очень обрадовало Аскара. Светлая, как звезда в небесах, соблазнительная, но недосягаемая давнишняя мечта его, наконец, сбылась. Так прирученный сокол, спускаясь с вышины, садится на руки охотнику.

О Петербурге Аскар впервые услышал от учителя начальной школы, полюбившего мальчика за его способности. В свободные

часы учитель этот с увлечением рассказывал ему о Петербурге, о его домах, проспектах, памятниках, музеях и садах.

— Ах, хоть краешком глаза увидеть бы все это!— мечтал тогда вслух Аскар.

— А это будет зависеть от тебя самого,— говорил ему учитель,— если сильно захочешь, добьешься. После нашей школы кончай гимназию и поезжай учиться в столицу.

— Но для этого нужны деньги...

— Без денег там, конечно, не проживешь. Но там учится немало и бедных людей. Они не пугаются ни голода, ни холода, живут на гроши. И ты не бойся, не пропадешь...

Произведения Некрасова, Достоевского и других русских писателей, с которыми Аскар познакомился в учительской семинарии, обнажили перед ним и теневые стороны Петербурга, но в то же время еще усилили его стремление повидать северную столицу.

Аскар мечтал, окончив семинарию, поехать в Петербургский университет, но судьба забросила его учителем в аул Итбая.

Теперь он ехал, наконец, в этот желанный Петербург. К тому, что в детстве рассказывал ему учитель, к тому, что в юности рисовали ему книги, прибавились живые воспоминания Кузнецова о революционном Петербурге, о его боевом рабочем классе, о науке, которую не преподавали в университетах, но которая вела народы на борьбу за лучшую жизнь, за новый мир. Этот Петербург больше всего и привлекал теперь Аскара.

Столица встретила наших путешественников густым туманом, в котором лунами светилось множество вокзальных фонарей. Волной хлынувшего народа их вынесло в крытый стеклом огромный зал вокзального здания. Устроив Итбая на одно из свободных мест, Аскар пошел искать представителя Министерства внутренних дел, на обязанности которого лежали встреча и устройство прибывших на юбилей делегатов.

По указанию дежурного по вокзалу, Аскар нашел его в нарядно убранной комнате. За большим дубовым письменным столом сидел тучный, с длинной раздвоенной бородой военный генерал. Он разговаривал с группой бухарцев. Сбоку, у стола, толпилось еще человек десять в пестрых шелковых халатах и тюбетейках. Когда в комнату вошел молодой жандармский офицер и доложил, что автомобиль у подъезда, генерал сказал бухарцам:

— Поезжайте, господа, в гостиницу и устраивайтесь. Вас будет сопровождать поручик,— и указал на офицера.

Аскар, дождавшись своей очереди, предъявил, наконец, генералу документы.

Генерал позвонил и, когда вошел какой-то штатский, молча сунул ему документы Аскара. Тот провел его в соседнюю комнату, заполнил печатный анкетный бланк и дал Аскару ордер на

два номера в «Европейской гостинице», растолковав, как проехать до гостиницы на трамвае.

Из окон трамвая Аскар и Итбай с восхищением глядели на широкий и прямой, как стрела, Невский проспект, на нарядные многоэтажные дома, на богатые магазины и оживленную толпу, заполнявшую тротуары.

В гостинице они предъявили ордер, и им отвели в третьем этаже два номера, довольно отдаленных друг от друга.

Аскар чувствовал себя несколько стесненно, очутившись в комфортабельном номере такой шикарной гостиницы. Расспросив коридорного о порядках в «Европейской», умывшись и переодевшись, он отправился в номер к Итбаю. Он застал его лежащим на богато убранной кровати в грязной дорожной одежде и в сапогах.

Аскар посоветовал Итбаю умыться, переменить платье и не ложиться на кровать в сапогах.

— В таких культурных местах нужно вести себя также культурно, не только ради себя, но, главное, ради своего народа,— сказал ему Аскар.— По нашему поведению здесь будут судить о характере и нравах всего нашего народа. Сказать правду, вы, хотя человек богатый и занимаете высокую должность, плохо знакомы с культурой и городскими порядками. Не обижайтесь на мои слова, но...

— Что ты, что ты, дорогой,— замахал руками Итбай.— Недаром говорят: «Не спрашивай у старого, спроси у бывалого!» Ты хоть и молод, но видал больше моего. Говоришь не во вред мне. Понимаю, здесь не аул, даже Омск — деревня по сравнению с Петербургом. Говори, что надо.

— Прежде всего, агай, нужно приодеться. Ваша казахская одежда не подходит здесь.

— Хорошо, дорогой. Пойдем купим. И себе купи все, что нужно. На мой счет, не в долг. Ты ради меня поехал в дальнюю дорогу, так что все твои расходы беру на себя.

— Спасибо, агай, там видно будет.

— А чего нам откладывать, пойдем и купим.

Походив по магазинам, они обзавелись хорошим европейским платьем и разными принадлежностями туалета, которые велели доставить в гостиницу, а сами до вечера бродили по городу, любуясь и восхищаясь его достопримечательностями.

II

Проснувшись поздним утром, Аскар почувствовал себя отдохнувшим и бодрым. Он босиком прошел по пушистому ковру к окну, отдернул тяжелые гардины из красного бархата, и зимний яркий свет пролился в комнату, точно вода из опрокинутой чаши.

Одевшись, Аскар пошел к Итбаю. Тот был чем-то сильно удручен.

— Чего это, агай, вы сегодня так мрачны?— спросил он.

— Да так,— ответил Итбай, вздыхая.— Неужели мой сундучок так и пропал бесследно?.. Эх, и вещи в нем были!..

— А что за вещи?

— Вещи все ценные,— ответил Итбай.— Там был казахского покроя чекмень, вытканный из пуха белого верблюжонка вперемешку с шелком, на шелковой подкладке. Воротник и рукава были оторочены серебристым бобром. Еще в свою первую поездку в Ирбит я купил двенадцать аршин позумента шириною в четверть аршина и толщиной в лезвие меча. Тогда лучшая лошадь стоила пятнадцать — двадцать рублей, а за аршин позумента я платил по пять рублей. Шесть аршин этого позумента пошло на оторочку полы и бортов чекменя. Вот и прикинь, сколько он стоил.

— Вещь ценная,— заметил Аскар.

— А как ты думал? Этот чекмень я не уступил бы и за пятнадцать хороших коней. Кроме чекменя там был мой серебряный с позолотой ксе[1], который ты видел, а при нем нож с золотой ручкой... Был там и тумак, сшитый из меха черно-бурой лисицы. Обыкновенные лисьи шкуры стоили не больше двух-трех рублей, а за чернобурку я отдал одному кокшетаускому татарину двадцать пять. Верх тумака был крыт черно-белым полосатым шелком. Когда я показал эти три вещи уездному начальнику, он сказал: «Это будет замечательный подарок, но раз ты решил повезти такие ценные подарки, то пусть у тебя будет полный комплект. Добавь сапоги казахского образца и шакшу[2]. Я послушался его, и один знаменитый мастер из рога кошкара[3], длиною чуть ли не в аршин, сделал мне шакшу, всю украшенную инкрустациями.

Итбай тяжело вздохнул.

— Агай,— сказал Аскар,— в городах есть учреждения, которые занимаются розыском украденных вещей. Сообщим туда?

— Что же, сообщи. От этого, я думаю, никакого вреда нам не будет.

— Тогда я сообщу по телефону.

Узнав через справочное бюро телефон отделения сыскной полиции, Аскар сообщил о краже сундучка. Агент записал его адрес и телефон и обещал уведомить их, если пропажа отыщется.

Когда они пришли в комендатуру Зимнего дворца, она была переполнена, — делегаты, прибывшие на юбилей, явились для регистрации. Среди них было несколько человек, похожих на ка-

---

[1] Ксе — казахский кожаный пояс.
[2] Шакша — табакерка.
[3] Кошкар — баран-производитель.

захов. Итбай заговорил с одним по-казахски, но тот покачал головой и ответил по-русски:

— Не понимаю.

— Чего это он прикидывается? Или он не казах?— спросил Итбай у Аскара.

— Есть народы, похожие на казахов,— якуты, ойроты, калмыки и другие. Возможно, он из этих народов.

Но оказались там и казахи. Один — делегат Тургайской области Саим Кадыров, а другой — делегат Джетысу Кудайберген Маманов.

При регистрации чиновник сообщил им, что в мечети на Выборгской стороне сегодня будет совершаться намаз[1] за здравие царствующего дома и всем делегатам-мусульманам рекомендуется присутствовать на нем.

— Что ж, пойдем?— предложил Кудайберген.

— А я, пожалуй, пойду осматривать город,— сказал Аскар.

Кудайберген было обиделся и стал настаивать, чтобы он пошел с ними, но Итбай поддержал Аскара:

— Он ведь не делегат. Пусть поступает, как хочет. Только, дорогой,— обратился он к Аскару,— будь добр, проводи нас.

Проводив их до мечети, Аскар потом долго бродил по Петербургу и вернулся в гостиницу поздно вечером. В номере у Итбая он застал веселую пирушку. Рядом с хозяином, за большим столом, заставленным разными винами и закусками, сидели Саим и Кудайберген.

Аскара это удивило, так как Кудайберген, как хажи, побывавший в Мекке, не имел права пить.

Несколько смущенный Итбай подчеркнуто весело и громко сказал:

— Добро пожаловать, мырза[2]. Проходи, гостем будешь...

— Да у вас настоящий пир! Верно, еще кого-нибудь ждете?— в тон ему сказал Аскар.

— Ждем, мырза,— сказал Саим и подмигнул Итбаю; тот покачал головой:— мол, не говори.— Да чего там!— отмахнулся Саим.— Он уже не ребенок, сам понимает. Ждем, мырза, а кого — не догадываешься?

— Не догадываюсь.

— Брось, молодой человек, этому я не поверю.

— Нет, агай, правда!— ответил Аскар, недоумевая.

— Если не догадываешься, придется сказать. Небось, и ты не откажешься от удовольствия, которое мы предвкушаем?

— Какое же удовольствие?

— Ну и хитрец же ты! Неужели все еще не догадался?

— Нет.

— А как ты насчет петербургских красавиц?

---

[1] Н а м а з — богослужение.
[2] М ы р з а — господин.

— Ну нет! Не был я в мечети, не тянет меня и к таким красавицам.

— Да погоди, это не те, что по улицам бегают, а такие, что только в таких гостиницах бывают.

— Нет, я не любитель таких удовольствий,— сказал Аскар, вставая.— Желаю вам веселиться, не стану мешать.

— Э, да ты как будто старик!— насмешливо сказал Саим.

— Нет, я думаю, что слишком молод...

— Ишь ты, какой упрямый козленок!— воскликнул Саим.— Ну и черт с тобой!

III

Вернувшись к себе в номер, Аскар решил выполнить одно поручение, которое было ему не очень по душе.

В Омске Мадияр просил его передать письмо Базархану Медельханову, одному из лидеров казахских националистов. Он согласился нехотя: внутреннее чутье подсказывало ему, что принимая это поручение, он ставит себя в фальшивое положение, но не мог ясно осознать, в чем тут дело. Несмотря на идейное воспитание, которое он получил от Кузнецова, Аскар не дорос еще до той высокой принципиальности, когда политические разногласия разделяют людей, заставляют их рвать личные отношения. По существу, Аскар был еще либералом, который рассматривает политические убеждения лишь как оттенки мнений,— каждый, мол, волен иметь их или не иметь, менять их или не менять, как и когда ему заблагорассудится.

Повертев в руках конверт, на котором был обозначен адрес и телефон, Аскар позвонил Базархану.

На его звонок ответил сам Базархан.

— Читал в газетах о вашем приезде и удивлялся, почему до сих пор вы не навестили меня!— сказал он с некоторой обидой в голосе.

— Да мы были заняты регистрацией и хлопотами по разным делам.

— Ну ладно, захвати своих спутников и завтра же пожалуйте ко мне на обед!— пригласил Базархан.

В условленный час Аскар и его спутники поднялись на третий этаж огромного четырехэтажного красивого здания. В дверях их встретил человек монгольского типа, с длинными жидкими усами и бритым подбородком.

— А-а, очень рад, господа, пожалуйте,— сказал он, узнав, кто пришел.— Я Медельханов! Пожалуйте!— и провел их в большую комнату, убранную по-восточному.

— Думаю, что эта обстановка вам больше по душе, чем европейская. Садитесь прямо на пол, как у себя в ауле, и давайте знакомиться. Впервые встречаюсь с вами,— сказал он, при-

глашая их сесть на разостланные поверх персидского ковра одеяла.

Гости отрекомендовались.

— А теперь разрешите мне прочесть это письмо,— сказал Базархан.— Уж очень не терпится узнать вести из родных краев. Надеюсь, и вы поделитесь со мною новостями о жизни казахского аула.

Прочитав письмо, Базархан искоса посмотрел на Аскара и сказал:

— Есть кое-какие интересные новости. К сожалению, меня внезапно вызвали по срочному делу, и после обеда я должен буду оставить вас. Но надеюсь, что вы еще не раз будете моими гостями и мы обо всем поговорим.

В комнату вошла солидная, средних лет, рыжеволосая женщина и кивком головы поздоровалась с гостями.

— Будьте добры, принесите мне мой насыбай и тазик— попросил Базархан.— И позаботьтесь, пожалуйста, чтобы через полчаса был подан обед.

— Хорошо, Борис Алексеевич!— сказала женщина и вышла.

— «Как же так!— удивленно подумал Аскар.— Свое казахское имя переделал на русский лад. А почитать его статьи — так он за все казахское горой...»

Женщина скоро принесла небольшую шакшу, сделанную из рога и украшенную серебром, и маленький, медный тазик, наполовину наполненный золой.

«Казахское имя меняет, а насыбай употребляет. Или он держит его только на тот случай, когда с казахами встречается?» опять подумал Аскар.

Базархан, взяв шакшу, высыпал из нее на ладонь щепотку насыбая, подбросил его под язык и сразу стал картавить, произнося «р» как «и». Говорил он мало, больше расспрашивал гостей о положении казахов в их областях, о переселенческой политике правительства, о взаимоотношениях с начальством, о ценах на скот, о состоянии торговли. Он, видно, хорошо знал положение в степи, но занимали его, главным образом, дела, связанные с интересами баев, биев, мусульманского духовенства.

За обедом Базархан показал себя умелым собеседником, ловко развлекавшим гостей то анекдотом, то занимательной историйкой, то фривольной шуткой. О политике уже не было речи. Он тонко выспрашивал каждого о его делах и, делая вид, что глубоко интересуется особой собеседника, незаметно располагал его к себе.

«Ловкий человек»,— подумал Аскар.

— Прошу извинить, к сожаленью, лишен сегодня удовольствия дольше разделять ваше общество, спешу по делу,— сказал Базархан, когда убрали дастархан.— Но прошу не забывать меня, я всегда буду рад вам. А тебе,— обратился он к Аскару,— и

вовсе не след отнекиваться. Ты не делегат, со временем у тебя свободнее, вот и приходи завтра.

— Спасибо, агай. Постараюсь зайти,— сказал Аскар, поняв, что Базархан хочет поговорить с ним с глазу на глаз .

Выйдя из квартиры Базархана, Аскар распрощался со своими спутниками и поехал к Смирнову, к которому у него было письмо от Кузнецова.

Трамвай долго петлял по широким и длинным петербургским улицам, выбрасывая и вбирая пассажиров на остановках. Видно было, что люди не привыкли здесь к морозу, зябко кутались в пальто и прятали стынущие, красные руки. Аскар же, наоборот, чувствовал себя бодрым и легким. Влажный, туманный воздух столицы действовал на него угнетающе, а сегодняшний сухой морозный вечер как будто влил в него новые силы.

Трамвай уже давно ехал по окраине, вагон почти опустел. Наконец кондуктор предупредил Аскара:

— Вам здесь сходить.

Выйдя из вагона, Аскар очутился на перекрестке каких-то узких, грязных улиц. Вдоль улиц шли ряды низких, невзрачных домишек, над которыми кое-где возвышались длинные обшарпанные здания казарменного типа. Аскар недоуменно огляделся: где он находится? В столице Российской империи — Петербурге или в одном из провинциальных городов, вроде Омска или Петропавловска?

«Вот тебе и прославленный Петербург! И здесь, оказывается, есть такие же улицы и трущобы...»— подумал он.

Ему пришлось долго шагать по тускло освещенной, мрачной улице, прежде чем он нашел дом № 42, указанный в адресе на письме Кузнецова. Навстречу Аскару и обгоняя его, шли плохо одетые, сумрачные люди, на лицах которых видны были следы нужды, забот и глухого недовольства. Кое-кто подозрительно оглядывал его исподлобья, косясь на его приличный костюм,— откуда, мол, залетела эта птица?

Дом, где жил Смирнов, оказался ветхой двухэтажной развалиной красного кирпича с маленькими, подслеповатыми окнами. Двери парадного крыльца были сорваны. В полумраке коридора виднелась грязная, темная лестница во второй этаж.

Не зная, как найти квартиру Смирнова, Аскар стоял в нерешительности на улице, пока не увидел какую-то старушку, спускающуюся с верхнего этажа.

— Скажите, пожалуйста,— обратился он к ней,— где тут живет Смирнов?

— Иван Николаевич?

— Да!

— Тут. Поднимитесь наверх, там спросите!

Вверху, направо и налево от небольшой лестничной площадки, шли длинные коридоры со множеством дверей по обеим сторонам. Аскар пошел по правому коридору. Почти у всех дверей

шумели примусы, у которых возились женщины. В конце коридора он нашел квартиру № 17 и постучался.

— Войдите!— услышал он женский голос.

Когда Аскар из полутемного, душного, вонючего коридора вошел в светлую и чистую комнату, ему показалось, что он из мрака ночи вырвался к яркому солнечному дню.

— Здесь живет Смирнов Иван Николаевич?— обратился он к женщине средних лет, вопросительно смотревшей на него.

— Здесь,— ответила она.

— А Иван Николаевич дома?

— А для чего он вам?

— По одному делу.

— По какому делу?

Заметив подозрительную настороженность женщины, Аскар поспешил сказать:

— Видите ли, я приехал из Сибири. Привез письмо от одного его приятеля. От хорошего приятеля — подчеркнул Аскар.— Хотелось бы лично передать.

— Сейчас!— ответила женщина и скрылась за дверью в другую комнату.

Аскару показалось, что она там будит кого-то.

Вскоре вслед за женщиной вышел плотный мужчина, средних лет, с бородой и усами, с виду рабочий.

— Вам кого, Смирнова?— спросил он, глядя прямо в глаза Аскару.

— Да, Смирнова Ивана Николаевича.

— Это я Смирнов.

— Я вам письмо привез,— сказал Аскар, вручая ему письмо.

Смирнов взглянул на адрес, повертел в руках конверт и вскрыл его.

— Ба! Кузнецов... Григорий Максимович!— радостно вскрикнул он, взглянув на фотокарточку, которую вынул вместе с письмом.

— Григорий Максимович!— также радостно повторила за ним женщина и стала разглядывать карточку, переданную ей мужем.

Торопливо пробежав глазами письмо, в котором, между прочим, говорилось и об Аскаре, Смирнов приветливо протянул ему руку:

— Очень благодарен вам, товарищ...

— Аскар Досанов.

— ...товарищ Досанов, за добрую весточку! Мы с Григорием Максимовичем, почитай, годов семь не видались. Ну, проходите,— сказал он, указывая рукой на соседнюю комнату,— рассказывайте: как там поживает Гриша?

— Нельзя сказать, чтоб очень весело,— сказал Аскар.— Захолустье у нас, безлюдье. Материально ничего, на жизнь зарабатывает понемногу, но вот беда — литературы никакой. Не то

что у нас, но и в Омске не достать. А когда мы в Омск попадем? По случаю разве...

— В этом мы ему кое-чем поможем, хотя и сами не очень богаты. Он об этом пишет. И о вас. Очень рад с вами познакомиться. Вы что, часто встречаетесь с Гришей?

— Не так уж часто. Я в ауле живу, учительствую там. В поселок редко приходится ездить. А последнее время видимся тайно, наблюдение за ним как будто установлено.

— Ну, это уж как полагается.

— Одно время не заметно было. А последние месяцы опять урядник вокруг его дома ходить зачастил.

— Ясно. Опять земля под царем гореть стала. Здесь, в Петербурге, такое разворачивается, что того и жди нового пятого года. Оживился рабочий люд...

— Это и Григорий Максимович говорил. Когда я в Петербург уезжал, он наказывал мне: «Поговори с Иваном Николаевичем, что да как, не отстать бы нам от жизни...» Скучает он за живым словом, да и я, признаться, только от него живое слово слышу. Учусь у него...

— Конечно, хорошо бы ему или вам «Правду» получать, но, боюсь, в открытую, по почте это неудобно... Нет ли адреска у вас какого?.. Да что мы всухую разговариваем,— перебил он сам себя,— сейчас чаек соорудим.

— Спасибо... Я недавно обедал...

— Ну уж нет, чаек никогда не помешает. А то, может, рюмочку? Сам-то я не употребляю...

— И я не пью...

— Ну тогда чаю!— решительно сказал Смирнов и вышел на минуту из комнаты.

Жена Смирнова вскоре внесла небольшой пузатый самоварчик, расставила посуду и присоединилась к их беседе.

— Теперь вы о Григории Максимовиче подробнее расскажите, товарищ Досанов,— сказал Смирнов, когда они уселись за стол.— Моя Анна Федосеевна большая приятельница его.

Аскар почувствовал себя со своими новыми знакомыми как в родной семье. Манерой говорить, поглядывать Смирнов напомнил ему Кузнецова, а в Анне Федосеевне он почувствовал что-то родственное с Улберген. Он неторопливо рассказывал о Кузнецове, старался припомнить все, что знал о нем. Его редко прерывали, а Анна Федосеевна иногда тихо вздыхала. Незаметно разговор перешел на самого Аскара, на его работу в школе, на казахский аул...

— А знаете, Иван Николаевич, я ведь сюда на юбилей Романовых приехал...— сказал Аскар, когда Анна Федосеевна, убрав со стола, вынесла самовар.

— На юбилей?— удивился Смирнов.

— Представьте!—шутливо развел руками Аскар.— И с благословением Григория Максимовича. Я здесь переводчиком у од-

ного бая, по-русски сказать — вроде помещика, что ли, только нашего, степного. Он прибыл делегатом на торжества от нашей области,— вернее, губернатор его выбрал, а язык русский плохо знает. Он и пригласил меня.

— А Гриша тут при чем?

— Я сомневался, ехать ли,— все-таки с баем да на царский юбилей... А Григорий Максимович посоветовал. И не жалею. Только хотелось бы ума набраться, почитать, с людьми поговорить.

— Это мы устроим. Приходите завтра вечерком, я познакомлю вас с одним пареньком. Молодой, как и вы...

— Вот спасибо! Никогда не забуду вашей помощи,— сказал обрадованный Аскар.

Было уже около десяти часов вечера, когда Аскар вышел от Смирновых. Мороз спал. Над улицами сгущался сырой, пронизывающий туман, но он не мог охладить тихой радости, которую унес с собой Аскар от беседы со Смирновым. Ему припомнился другой его сегодняшний визит — к Базархану.

«Какая разница, какая разница!— думал он по дороге к трамваю.— Действительно два мира».

Не только рассудком, но и всеми чувствами, всем существом он ощутил, что принадлежит к этому второму миру, который пока еще прозябает на окраинах города, в мрачных улицах заводских предместий, в сырых и неуютных домах, но который скоро выступит на широкую арену жизни и завоюет ее.

IV

На следующее утро Аскар встал довольно рано. Только он стал просматривать свежие газеты, как зазвонил телефон.

— Алло! Господин Досанов?

— Да, я Аскар Досанов.

— С вами говорят из сыскного отделения. Вы заявляли о краже вещей?

— Да, заявлял.

— Нашлись. Приезжайте за ними вместе с господином Байсакаловым.

Аскар пошел с этой новостью к Итбаю.

— Итеке, суюнши!— сказал Аскар, войдя в номер.

Итбай вопросительно посмотрел на него, но увидав, что тот не шутит, сказал:

— Суюнши за мной. А в чем дело?

— Пропажа нашлась!

— Как? Где?— почти испуганно вскрикнул Итбай, вскочив с постели.

— Только что сообщили из сыскного. Вызывают вас и меня.

— Ойбай, давай поедем туда скорее!

— А что дадите на суюнши?

— Чего пожелаешь... Не постою... Ойбай, поедем скорее!..

В полиции их встретил сам начальник. Он усадил их в широкие кресла и, проверив документы, нажал кнопку. Вошел молодой человек в штатском.

— Принесите найденный сундучок!— распорядился он.

Принесли сундучок. Итбай сиял от радости. Все вещи оказались в целости.

— А теперь, господин Байсакалов,— сказал начальник отделения,— у меня имеется небольшой личный разговор по поводу привезенных вами подарков. Будьте так любезны, господин Досанов, подождать несколько минут в приемной.

Аскар поклонился и вышел.

— Ну как, господин Байсакалов, вы довольны?

— Таксыр, господин!— подобострастно поклонился Итбай.— У меня не хватает слов благодарности!.. Тысячу раз спасибо вам.

— Когда мне донесли о пропаже таких вещей, я приложил все силы, чтобы разыскать их. И, к нашей общей радости, мы обнаружили сундучок в Туле.

— Тысячу благодарностей, мой дорогой! Что я могу еще сказать?

Дать денег Итбай побоялся, а что-нибудь из вещей подарить пожалел.

— Что за человек твой спутник, учитель Аскар Досанов?— вдруг спросил начальник.

Если бы этот вопрос был задан Итбаю до находки вещей, Итбай, возможно, очернил бы Аскара, но Аскар первый принес ему эту радостную весть, просил суюнши и был рад находке...

— Неплохой жигит,— ответил Итбай.

— Да?! А говорят, он выступает против баев, против волостных управителей?

— Это верно,— ответил Итбай, не придавая значения своим словам.

— Ну что же, не стану вас больше задерживать. Ваши подарки царю замечательны, Такие подарки не многие могут преподнести. Государь император, надеюсь, будет доволен, можете рассчитывать на награду... Кстати, наш разговор о Досанове должен остаться между нами. Попрошу вас никому об этом ни слова, тем паче самому Досанову.

— Что вы! Боже упаси...

Он позвонил. Вошел рыжий полицейский.

— Отвезите сундучок этого господина в «Европейскую гостиницу». Номер он вам скажет.

Вернувшись в гостиницу вне себя от радости, Итбай заявил Аскару, что в честь находки устроит сегодня пирушку и просит его быть на ней. Но Аскар поблагодарил его и, сославшись на неотложное дело в городе, сказал, что он приедет, но попозже.

В конце дня он поехал к Смирнову, где за задушевной беседой просидел до позднего вечера.

Только успел Аскар, вернувшись от Смирнова, войти в свой номер, как зазвонил телефон.

— Слушаю!

— Федор Николаевич?— услышал он мягкий женский голос.

— Нет, не Федор Николаевич. Вы ошиблись.

— Это номер триста шестнадцать?

— Да.

— Попросите, пожалуйста, к телефону Федора Николаевича.

— Но здесь такой не живет!

— Ну, Федя, не разыгрывай меня. Я ведь по голосу слышу, что это ты.

— Да уверяю вас, что здесь никакого Феди нет.

— А вы кто?

— Ну, это уж другой вопрос. Во всяком случае не Федя.

— А вот я сейчас проверю!— заявил женский голос полусердитым, полуигривым тоном.

— Пожалуйста!— ответил Аскар и положил трубку.

Через несколько минут в дверь постучались.

— Войдите!— крикнул Аскар.

В комнату вошла красивая, хорошо одетая девушка лет двадцати. Увидев Аскара, она удивленно огляделась и сказала:

— Похоже, что я действительно ошиблась. Это ведь номер триста шестнадцатый?

— Триста шестнадцатый,— подтвердил Аскар.

— И в этом номере теперь живете вы, а не Федор Николаевич Борисов.

— Совершенно верно.

— А давно ли, позвольте узнать?

— Четвертый день.

— Какая неприятность!— капризно сказала девушка, прикусив нижнюю губку и нахмурив темные, разлетающиеся, как крылья ласточки, брови.— Неужели он уехал, не предупредив меня?!

— А может быть, он переменил номер?— спросил Аскар.— Позвоните портье.

— Разрешите позвонить?

— Пожалуйста. Прошу.— И когда девушка взяла трубку, любезно пододвинул ей стул: —— Садитесь, что вы стоите?

Ему очень понравилась эта красивая, стройная блондинка. Пока она разговаривала по телефону с портье, он сбоку любовался ее строгим профилем, пушистыми волосами цвета неоперившегося гусенка и длинными, загнутыми ресницами.

— Оказывается, выбыл обратно в Калугу,— с досадой проговорила девушка, кладя трубку и поднимаясь со стула.

— А вы бы посидели немного, раз уж попали сюда,— сказал Аскар, с огорчением видя, что она собирается уходить.

— К сожалению, я тороплюсь. Федор Николаевич большой любитель музыки и просил меня достать на завтра два билета в Мариинку. Теперь один из них нужно кому-нибудь передать.

— Может быть, вы согласитесь передать его мне? Я провинциал и тоже люблю музыку. Разрешите представиться — Аскар Досанов.

— Пожалуйста, в конце концов, мне все равно,— сказала она после короткого раздумья, вынула из сумочки билет и передала его Аскару.

— Ну, теперь-то вы можете посидеть,— заметил он, расплачиваясь с ней за билет.

— Нет, я все-таки пойду, завтра увидимся в театре,— сказала девушка и попрощалась.

Так завязалось знакомство Аскара с Тамарой. Как он потом узнал с ее слов, она была дочь земского врача из Калужской губернии и курсистка Бестужевских курсов.

V

Юбилейные торжества должны были начаться 21 февраля 1913 года... Было объявлено, что пропуска для участия в торжествах будут выдаваться делегатам через канцелярию министра императорского двора.

«Значит, напрасно Итбай брал меня с собой. Ни на одно из этих торжеств я не попаду!— подумал Аскар.— Я ведь не делегат, а только переводчик».

Так оно и случилось. Начиная с 18 февраля, канцелярия министра двора, Фредерикса, стала выдавать пропуска. Итбай для себя получил несколько разных пропусков, но для своего переводчика не раздобыл ни одного. Сколько ни хлопотал, ничего у него не вышло.

Аскар отнесся к этому в высшей степени равнодушно. Не для того, в конце концов, он стремился в Петербург, чтобы белой вороной присутствовать в толпе приспешников ненавистного ему царя. Если Итбай хочет тешить свое самолюбие, выступая на этих торжествах как степной феодал, которого сопровождает собственный переводчик, то пусть и заботится об этих пропусках. А не достанет — тем лучше: ему, Аскару, останется больше времени для чтения, для бесед с Булатовым, для театров и концертов.

В Петербурге Аскар стал особенно ценить время, ему не хватало его. Много времени отнимал у него Итбай. Приходилось ходить с ним по разным министерствам, в Кабинет удельных земель, в Переселенческое управление. Раза два Аскар был в театре с Тамарой, посетил Русский музей и Эрмитаж. Все незанятые часы, иногда далеко за полночь, он проводил за чтением книг, которыми снабжали его Смирнов и новый друг его Булатов.

С Захаром Павловичем Булатовым, рабочим-электротехни-

ком, Аскар познакомился у Смирнова. Это был еще совсем молодой человек, всего на год старше Аскара. В партию вступил он в 1910 году уже убежденным большевиком, ярым противником меньшевиков. Сначала он работал в страховых кассах и профессиональных союзах, но потом перешел, главным образом, на пропагандистскую работу и пользовался уже известной популярностью в рабочих революционных кружках. Булатов был представителем нового типа рабочего-партийца. В некотором отношении — и, прежде всего, в вопросах общественных — он был образованнее и начитаннее многих интеллигентов с законченным высшим образованием.

Когда в беседе у Смирнова зашла речь о выборе марксистской литературы для Аскара, Булатов сказал:

— Пожалуй, для тебя, товарищ Досанов, важнее всего прочесть и крепко запомнить одну очень важную статью, которую я тебе сейчас дам. Это — замечательная работа. В ней ясно указывается, какого пути и какой тактики держаться рабочему классу в национальном вопросе.

— Да, такая книга нужнее хлеба,— заметил Аскар.— Националисты разного толка издают журналы, даже газеты и стараются интеллигентную молодежь держать под своим влиянием. Признаться, и я одно время поддался их пропаганде. Не сразу разобрался, что на словах они за народ, а на деле поддерживают баев, стоят за сохранение родового строя, за кочевой образ жизни. Спасибо Григорию Максимовичу, это он растолковал мне это.

— Статья эта у нас еще не напечатана, я дам ее тебе в копии, переписанной от руки.

— Не знаю, как и благодарить тебя, товарищ Булатов.

— Что ж благодарить? Это, можно сказать, наше святое дело. Ты что читал из марксистской литературы, товарищ Досанов?

— Ничего серьезного, фундаментального. Все небольшие брошюры, но уж очень популярные, хотелось бы почитать что-нибудь научное...

— Ленина ничего не читал?

— Нет.

— Мне как раз дали на несколько дней его работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». Дня на два, не больше, можешь взять у меня.

— А о чем там?

— В этой книге Ленин разоблачает так называемых народников: они заявляют, что защищают народ, крестьян, а на самом деле это партия, представляющая интересы кулаков, деревенской верхушки. Они отрицают марксизм, отрицают руководящую роль рабочего класса в будущей революции...

— А еще какие книги мне нужно прочесть?

— Сколько ты думаешь еще пробыть в Питере?

— Недели полторы, две...

— За этот срок много прочесть не успеешь. Пожалуй, «Что делать?» Ленина достану для тебя. Тебе бы побольше литературы с собой захватить.

— Рад бы, да не знаю, где раздобыть нужные книги...

— Список легальных книг я тебе составлю. Походи по магазинам, по букинистам, спроси у Вольфа, в книжных рядах в Александровском пассаже... Некоторые книги Ленина под псевдонимом печатались в России, например: «Развитие капитализма в России» — под именем Владимир Ильин. Есть книги Карла Маркса. На днях мне один букинист предлагал купить первый том «Капитала», но у меня денег не было...

— Купи для меня, товарищ Булатов: сколько запросит — уплачу... Потом вот Иван Николаевич советовал «Правду» выписать... Только я в ауле живу... Григорий Максимович — политический ссыльный, может опять вызвать гонения на себя... Посоветуй, как быть.

— Нужно подумать,— сказал Булатов.— А в Омске у вас никого нет?

— У меня — нет, а у Григория Максимовича — не знаю.

Много интересного услышал Аскар в вечер, проведенный у Смирнова. Перед уходом он договорился с Булатовым о дальнейших встречах. Когда Аскар предложил заходить к нему в гостиницу, Захар чуть насмешливо посмотрел на него и сказал:

— В Петербурге не привыкли видеть рабочего в «Европейской гостинице», да еще в дни юбилея... Вот что, давай встретимся послезавтра в книжном магазине Вольфа на Невском. В книжные магазины рабочим пока еще ходить можно. А там я скажу тебе, где нам потом встречаться.

Так и повелось, что встречались они то у Вольфа, то в публичной библиотеке, то в каком-нибудь музее, то в запыленной лавчонке букиниста, а потом подолгу, беседуя, бродили по туманным улицам Петербурга или вдоль одного из многочисленных каналов столицы. Обычно при этих встречах Булатов передавал Аскару какую-нибудь книгу, которую тот, придя домой, прочитывал залпом.

Однажды, проходя мимо Исаакиевского собора, они встретили Тамару. Когда Аскар поклонился ей, Булатов бросил на нее взгляд и потом внимательно посмотрел вслед.

— Кто это?— спросил он.

— Моя знакомая, бестужевка,— ответил Аскар.

Он не стал рассказывать об обстоятельствах этого знакомства, а Булатов не расспрашивал его. Но при следующей встрече в публичной библиотеке, Булатов прошел с ним в курительную, и, отведя в сторону, спросил:

— Ты не заметил слежки за собой?

— Как будто нет...

— Это не так легко заметить. Но постарайся проследить.

А за мной после нашей последней встречи увязался какой-то шпик. Ты с кем видишься, помимо меня и Смирнова?

— Да ни с кем, разве только со своими казахами...

— А кто эта девушка, которую мы встретили тогда?

— Я уже сказал тебе: курсистка, бестужевка, я познакомился с ней в гостинице...

— В гостинице?— сразу насторожился Захар.— Каким образом?

Аскар рассказал ему начало своего знакомства с Тамарой.

— Как будто ничего подозрительного...— проговорил как бы про себя Булатов.— А ты не пытался проверить, правду ли она сказала тебе?

— А что проверять?

— Ну, хотя бы то: жил ли до тебя в этом номере такой Борисов?

— Мне в голову не приходило.

— А ты проверь... Часто ты встречаешься с этой Тамарой?

— Да нет, три раза были с ней в театре.

— А к тебе в номер она заходила?

— Один раз зашла. Она случайно достала билеты и зашла предупредить меня.

— Впрочем, это ни к чему. Заходить она могла и в твое отсутствие. У администрации гостиницы есть вторые ключи ко всем номерам.

— Да не похоже на нее. Никакой политикой она не интересуется. Об этом у нас и разговора не было. А проверить — проверю.

— Проверь. Сегодня мы с тобой не будем гулять. Ты сейчас же уходи отсюда, но не к себе, а пройди по Невскому до Казанского собора, потом по Казанской улице выйди к Мариинской площади. Оттуда вернись в гостиницу. По дороге не оглядывайся. Встретимся послезавтра в лавке Букшеева, в пять.

Аскар точно выполнил инструкцию Булатова. Пройдя по указанному им маршруту, он вернулся в гостиницу, зашел в номер, а через час спустился к портье.

— Скажите, пожалуйста,— обратился к нему Аскар,— постоялец, что жил до меня в триста шестнадцатом, не оставлял своего адреса?

— А в чем дело?

— А я случайно нашел в столе какие-то деловые записки. Может быть, важные, хочу переслать их ему.

— А сейчас посмотрим,— сказал портье и стал листать толстую книгу. Проведя пальцем по какой-то графе, он покачал головой:— Нет!

— А разрешите узнать, кто там жил и когда выбыл?

— Пожалуйста,— и, опять водя пальцем по странице, портье прочел вслух:— «Борисов Федор Николаевич, помощник присяжного поверенного из Калуги, выбыл в Калугу...»

Все совпадало с тем, что рассказывала Тамара. Номер Борисов освободил накануне приезда Аскара.

Направляясь через день в лавку Букшеева, Аскар думал этим успокоить Булатова, но тот не явился — в первый раз за все время их знакомства.

VI

Очень обеспокоенный отсутствием Булатова, Аскар долго без цели бродил по улицам, раздумывая, как бы узнать о судьбе своего друга. Если бы не слова Булатова о слежке, которую он заметил за собой, можно было бы это считать случайной задержкой, хотя Булатов мог предупредить Аскара по телефону, который был известен ему. Пойти к Смирнову? Но Булатов считал, что и за ним, и за Аскаром установлено наблюдение. Не приведет ли он за собой шпиков к Ивану Николаевичу?

В вестибюле гостиницы портье передал ему записку от Базархана:

«Заезжал к Вам, господин Досанов, но, к сожалению, не застал.

Очень прошу Вас пожаловать ко мне по весьма срочному делу или позвонить мне по телефону.

С совершенным почтением *Б. Медельханов*».

Никакого желания идти к Базархану, особенно в том настроении, какое овладело им по дороге от лавки Букшеева сюда, у Аскара не было. Читать тоже не хотелось. Он снял пиджак и прилег на диван, но вздремнуть ему не удалось — мешала тревога за Булатова. Наконец он поднялся и написал письмецо Смирнову, с виду невинное, но смысл которого тот должен был понять по-настоящему.

«Уважаемый Иван Николаевич,— писал Аскар,— Вы обещали прислать ко мне электромонтера, но он не явился в условленное время, чем поставил меня в затруднительное положение. Не откажите в любезности снова договориться с ним и сообщить мне по телефону, когда он приедет. Привет от Григория Максимовича. Ваш покорный слуга А. Д.».

Когда он надписывал адрес на конверте, в номер вошел Итбай.

— Кому это ты пишешь, мырза? Небось, красотке какой-нибудь?

— Да нет, деловое...

— Ну какие у тебя дела? Знаю тебя, скромника, только прикидываешься... Ага, отгадал! — воскликнул он, заметив, что Аскар покраснел.

— Да нет, Итеке, это я пишу владельцу частной картинной галереи. Прошу разрешения посмотреть его коллекцию...

— И что за охота тебе смотреть эти картинки, ходить по му-

зеям? Вот балет — это да! Услада для глаз. И какие птички соблазнительные, точно гурии в раю! Вот бы таких в аул!

— А вы, агай, предложите какой-нибудь из них калым, может, согласится?

— А ты не шути, для таких никакого калыма не жалко. Но я к тебе вот по какому делу: сюда заезжал Базархан, хотел поговорить с тобой.

— Знаю, получил от него записку.

— Отчего ж ты не поехал к нему? Сказал, по важному делу, поговорить надо.

— У меня сегодня голова болит, не хочется ехать.

— Нет, дорогой, надо. Базархан — нужный человек, важный человек, нельзя его обижать. Прошу тебя, поезжай к нему. Он говорил: по делам нашей делегации, что-то важное. Может быть, о земле что узнал...

Итбаю Аскар не мог отказать в его просьбе. Он позвонил Базархану и поехал к нему.

— Что ж ты, дорогой, совсем забыл меня? Обещал заехать, а потом как в воду канул...— встретил его Базархан.

— Уж извините, Базеке, никак не собрался, все занят был.

— Ну, эти отговорки мы знаем! Скажи-ка лучше, чем угостить тебя — обедом или чаем?

— Спасибо, я уже обедал...

— Э, какой в ресторане обед! Правда, и дома здесь не устроишь настоящего казахского обеда. Тут не аул, чтобы для каждого уважаемого гостя резать барана или, если это зимой, сварить казы, жал, жая. Моей жене, хотя она и русская и из дворянской семьи, но хорошо знает обычаи нашего народа, прошлый раз стыдно было угощать вас мясом, взятым в лавке, не рознятым по костям, а рубленным топором.

— Я-то ведь знаю, как с этим обстоит в городе...

— Вот почему и говорю тебе. А чай можно и здесь приготовить хороший.

— Чай у вас действительно вкусный, настоящий казахский чай. Пожалуй, от чая не откажусь,— сказал Аскар, который со времени выезда из Омска стосковался по густому чаю со сливками, приготовленному по-казахски.

К сути дела Базархан приступил только тогда, когда подали чай. До того он расспрашивал Аскара об его петербургских впечатлениях, говорил об интересных местах столицы и ее окрестностей, где бы приезжему стоило побывать. Видно было, что он старается расположить к себе своего собеседника. Когда подали чай, Базархан уже деловым тоном сказал:

— Твое участие в юбилее, как переводчика, может оказаться полезным для нас, казахов. Послезавтра царь устраивает прием делегациям, прибывшим на юбилей. Делегаты плохо изъясняются по-русски, а нужно ясно представить наши пожелания. Я подготовил текст приветственного адреса царю, но может случиться,

что делегациям придется выступить с речами. Важно, чтобы переводчик передал истинный смысл речи, если делегат забудет что-либо сказать или ошибется.

— Да вряд ли мне придется там присутствовать,— возразил Аскар.— Я даже пропуска не получил.

— Пропуск — это пустяки. Нужен будет переводчик — и пропуск дадут. Наше важнейшее требование — отмена тех пунктов избирательного закона от третьего июня тысяча девятьсот седьмого года, которые лишают казахов, как и другие народы Средней Азии, Кавказа и Сибири, права на участие в выборах в Государственную думу.

Аскар знал, что Базархан был одним из трех казахских депутатов в первой Государственной думе и лишен был звания депутата за подписание Выборгского воззвания. Из сегодняшнего разговора он понял, что Медельханов страстно стремится снова быть депутатом и к этому сводит все дело. Аскар не стал возражать Базархану, но заметил:

— Насколько мне известно, журнал «Айкап», который претендует на роль выразителя казахского общественного мнения, выставил ряд других, не менее важных требований о передаче казахским аулам казенных участков, свободных от переселенцев, об открытии национальных школ. Как, по-вашему, с этими вопросами?

— Это все важные проблемы, но разрешить их мы сумеем только тогда, когда будем иметь голос в Государственной думе. Нужно иметь своих выборных, которые бы ходатайствовали перед правительством: депутат многое может сделать, например, в отношении переселенческой политики — настоит на том, чтобы прекратили поселение русских...

— Нет, дело не в русских, а в том, кого переселят. Если посадить в степи кулаков или помещика, который охватывает по нескольку тысяч десятин и превращает казахов в своих батраков, это — одно дело, а если поселить безземельного русского крестьянина, который сядет на землю рядом с казахом...

— А зачем казаху садиться на земле?— прервал Аскара Базархан.— Казах — исконный кочевник, скотовод, земледелие только разрушит его быт...

— Я знаю вашу точку зрения и не могу согласиться с ней. Сохранение патриархально-родового быта, кочевого образа жизни, который вы отстаиваете, только закрепит отсталость нашего народа и в экономическом, и в культурном отношении.

— Но измени этот быт, этот образ жизни — и казах перестанет быть казахом. Разве сможем мы сохранить самобытные черты характера, наши обычаи и нравы, если изменим вековечный образ жизни нашего народа?

— А все ли обычаи и нравы необходимо нам сохранить? Например, многоженство? Или калым? Или самоуправство и власть аксакалов, баев, духовенства? «Айкап» требует открытия нацио-

нальных школ. А какие школы мыслимы при кочевом образе жизни? Ваша программа — худший вид консерватизма...

— Молодо — зелено,— довольно спокойно возразил Базархан.— И мы в молодости увлекались этими идеями. А потом я пришел к выводу, что европейская культура завела человечество в тупик. Вот ты говоришь о баях, а разве английский или русский фабрикант, капиталист не эксплуатирует рабочего почище, чем бай батрака? Или колонии? Где найдешь больший гнет, чем там?

— Это другой вопрос,— сказал Аскар.— Нужно сбросить вместе с царем и бая и капиталиста. И русский рабочий — лучший друг нашему народу, чем какой-нибудь аксакал. Когда русский рабочий класс совершит революцию, тогда получит свободу и наш народ...

— Эге, да ты, я вижу, совсем большевик!..

— Пока еще нет, но убежден, что большевики правы и что всякий, кто желает добра своему народу, должен идти с ними...

— Ты и на царском приеме думаешь выступить с такими речами?— иронически спросил Базархан.

Вопрос Базархана сразу отрезвил Аскара.

«Что это я, в самом деле, спорю с этим кадетом? Какой смысл?»— подумал он и вслух сказал:

— Нет, с царем вообще разговаривать не думаю. А если придется, то, в качестве переводчика, буду чужие слова передавать. Но вы, Базеке, ведь не царь, в кутузку меня не посадите. Разве только станете депутатом или министром...

— И посажу!..— полушутливо, полусерьезно сказал Базархан.— Но шутки в сторону, мы немного отвлеклись от нашей темы. Я хочу, чтобы ты ознакомился с текстом адреса и, если придется тебе быть переводчиком, точно держался его смысла. С Итбаем Байсакаловым я уже переговорил об этом сегодня...

— Это можно,— сказал Аскар,— свои обязанности я выполню честно и о революции царю ничего не скажу...

— Нет, серьезно...

— Я и говорю серьезно. Я понимаю вашу установку...

Попрощались Базархан и Аскар вежливо, но чрезвычайно холодно.

VII

Утром 20 февраля к подъезду «Европейской гостиницы» подкатили легкие санки, запряженные парой серых в яблоках коней. Швейцар гостиницы, низко кланяясь, широко распахнул дверь перед выскочившим из санок гусарским офицером, который, пройдя в вестибюль, спросил у портье:

— В каком номере остановился волостной управитель Байсакалов?

— Сию минуту, ваше высокородие! — подобострастно кланя-

ясь, сказал портье и, заглянув в книгу, сообщил:— В триста седьмом, наше высокородие, на третьем этаже!

Когда офицер вошел в номер к Итбаю, тот еще валялся в постели.

— Ойбай! Алексей Андреевич! Долго не ехал, мы тебя давно ждали. Садись, дорогой, сейчас оденусь...— Он проворно поднялся с постели и облачился в халат.— За письмом?

— Да, Итбай Байсакалович! Спасибо за любезное извещение. Я получил его только вчера вечером, вернувшись из Царского, меня в Петербурге не было...

— Письмо у моего переводчика Досанова. Сейчас позову.

— А мы за ним коридорного пошлем,— остановил его Кулаков и нажал кнопку электрического звонка.— Ну, как вам понравился Петербург? Женщины, а? Не то, что в ауле?

— Ах, дорогой, столько ходить здесь надо, так много хлопот,— где уж о женщинах думать...

— Ну, рассказывайте... Знаем вас, степных ханов... Небось, все кафешантаны облазили?— цинично подмигнул он Итбаю.

— А что это капе-шайтаны?— спросил волостной.

Кулаков подхватил его обмолвку.

— Там шайтаны неверных жен показывают,— с совершенно серьезным видом объяснил он.— А вот и коридорный,— обернулся он на стук в дверь:— Пойди в триста шестнадцатый, скажи господину Досанову, что его просят пожаловать сюда.

...Аскар, войдя к Итбаю, поздоровался с ним и издали поклонился офицеру, стоявшему у окна. Он не узнал Кулакова. Лишь когда Итбай сказал: «Я просил тебя, мырза, зайти, господин Кулаков приехал за письмом»,— Аскар подошел к Алексею, выступившему ему навстречу, и поздоровался с ним.

— Благодарю, что вы известили меня о письме,— довольно холодно обратился Кулаков к Аскару.— Письмо с вами?

— Нет, оно у меня в номере,— сказал Аскар.— Сейчас принесу.

— Не сочтите за труд...

— Пожалуйста, пожалуйста...

Когда Аскар вернулся с письмом, он услышал, как Итбай жалуется Кулакову:

— ...сколько ни просил, все отказывают. А я по-русски плохо говорю, нарочно человека знающего с собой возил. Как же теперь, без билетов? Я без переводчика — как без языка, стыдно будет, если я при царе что-нибудь не так скажу.

— Ну, это я вам устрою, билеты на юбилейные торжества достану,— заверил Итбая Кулаков.— Это о вас речь идет?— обратился он к Аскару, который протянул ему письмо.— Думаю, вы непрочь посмотреть петербургское великосветское общество? Редко кому выпадает такой случай...

— Конечно, конечно, буду очень благодарен, да и агая выведете из затруднения...

— Рад помочь землякам,— сказал Кулаков, обратившись к Итбаю.— А теперь разрешите мне прочесть письмо уважаемого батюшки. Что-то скупиться стал он последнее время...

Кулаков отошел к окну и быстро пробежал письмо. На лице у него появилась довольная улыбка.

— Ну, теперь старик раскошелится,— весело проговорил он.— Иногда приходится помогать ему в делах: все-таки столица. И тогда он становится щедрее. И вам, Итбай Байсакалович, я готов помочь, если в чем встретится нужда.

Итбай прекрасно понял молодого Кулакова. В Боровом ходили слухи, что, пользуясь великосветскими связями сына, Андрей Кулаков обделывает через него свои крупные торговые и финансовые дела не всегда благовидного характера. При успехе Андрей Кулаков не жалел денег и выделял сыну довольно крупный куш.

Итбай понял, что на этих же условиях Алексей сделал и ему свое предложение. Нисколько не колеблясь, он горячо подхватил его, считая выгодным для себя.

— С признательностью принимаю ваше любезное обещание. В моей благодарности можете не сомневаться,— быстро подойдя к Алексею и горячо пожимая ему руку, сказал он.

— Ну и отлично! Рассчитываю, что вечером получите билеты,— сказал Кулаков и, попрощавшись, вышел, провожаемый низкими поклонами Итбая.

Вечером действительно посыльный принес Итбаю конверт. В нем находился только один билет на имя Аскара в Казанский собор на торжественную литургию и записка от Кулакова, в которой он объяснял, что из-за позднего срока не мог добиться большего.

Утро 21 февраля выдалось серое, туманное. Никакого торжества в городе не чувствовалось: только Невский проспект, как обычно, был многолюден и шумен.

Улицы вокруг Казанского собора были оцеплены войсками и полицией на большом расстоянии. Аскару и Итбаю, шедшим на юбилейную литургию, приходилось часто предъявлять свои документы и билеты полицейскому контролю, пока они добрались до Казанского собора, колонны которого были украшены флагами и царскими вензелями.

Внутри собор сверкал огнями. Он был уже почти весь заполнен толпой мужчин в блестящих мундирах и женщин в шикарных туалетах. Аскар и Итбай прошли сквозь эту толпу к месту, отведенному для делегаций. Оттуда хорошо видны были «царские врата», над которыми протянулась выведенная славянской вязью надпись: «Сердце царево в руце божией».

Точно в назначенное время появился сонм облаченных в блестящие ризы священнослужителей разных рангов, во главе с

греческим патриархом Антиохийским, специально приглашенным в Петербург для совершения торжественной литургии по случаю трехсотлетия со дня воцарения дома Романовых.

Несколько минут спустя Аскар услышал шепот:

— Царь, царь...

Оглянувшись, он увидел Николая Второго, направлявшегося со своей семьей к алтарю, в сопровождении блестящей свиты. Аскар внимательнее пригляделся к царю: невзрачный человек, невысокого роста, с бледным, бесцветным лицом, закрученными вверх рыжими усами и небольшой, аккуратно подстриженной рыжеватой бородкой. Несмотря на форму полковника, он походил скорее на фельдфебеля или унтера.

Еще более жалкое впечатление производил стоявший рядом с Николаем наследник Алексей. Это был хилый, бледный мальчик, которого принес на руках, а после литургии на руках же унес, дядька его, бывший матрос. Аскар знал, что наследник царского престола был неизлечимо болен. Но за глаза трудно было представить себе, какая печать вырождения лежит на этом отпрыске царской фамилии.

Аскар время от времени давал короткие пояснения любопытному Итбаю. Сейчас же после совершения литургии царская семья удалилась, а за ней повалила и вся толпа, присутствовавшая на богослужении.

По дороге в гостиницу Аскар молча выслушивал восторженные разглагольствования Итбая о пышности и торжественности юбилейного богослужения, о роскоши петербургского общества, о величии царского сана. Бросая косые взгляды на своего спутника, он с горечью думал:

«Какие жалкие фигуры этот царь и его наследник! И эти люди властвуют над такой страной, управляют столькими народами!»

VIII

Двадцать второго февраля Итбай один поехал в Царское Село на аудиенцию, которую Николай давал прибывшим на юбилей делегациям, а Аскар пошел с Тамарой в театр.

Из театра, проводив Тамару, он вернулся в первом часу ночи. В дверях своего номера он остановился, неприятно удивленный. В номере сидели двое незнакомых людей в штатском. Они поднялись навстречу ему, как только он появился в дверях.

— Господин Досанов?— спросил один из них.

— Да, я!

— Позвольте вручить вам,— продолжал тот же незнакомец и передал какую-то бумагу.

Это был ордер на арест Аскара.

— Это на каком же основании?— спросил Аскар дрогнувшим голосом.

— А это вам потом разъяснят. Пожалуйте с нами!

— А вещи?

— Ваши вещи уже отправлены в управление

В жандармском управлении Аскара больше часа продержали в какой-то комнате с решетками на окнах, а потом повели на допрос. На столе, за которым сидел жандармский офицер, лежали книги, забранные у Аскара. На допросе Аскар отрицал как принадлежность ему этих книг, так и знакомство с Булатовым, имя которого ему назвали. Очная ставка с Булатовым, доставленным в жандармское управление из тюрьмы, не дала охранникам никакого материала для обвинения, так как оба отрицали знакомство друг с другом.

Аскара продержали в тюрьме три месяца, а потом в административном порядке выслали на три года в самый глухой район казахских степей, в район реки Чу.

Сидя в тюрьме, Аскар ломал голову над вопросом, чем мог быть вызван его арест. Он начал подозревать Тамару. И не ошибся. Она действительно была тайным агентом охранки. Но подослана она была к Аскару только после того, как в Петербурге был получен донос на него урядника Кошкина, пересланный в столицу вслед за Аскаром.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАЗОРЕНИЕ

I

Еще издали увидел Аскар четыре белоснежные юрты. Купаясь в золотистых лучах солнца, они блестели, как серебряные купола, у самой линии горизонта.

Было начало мая. Кругом все цвело и благоухало. Шелковистая трава тучных степей Кокшетау переливалась зеленым муаром. Ярким узорным ковром повсюду пестрели цветы. Земля радостно трепетала, вдыхая густой весенний воздух. Облака, покинув ночлег в горах, вышли на прогулку над степными просторами и белыми хлопьями распушенной ваты медленно проплывали по лазури неба. Далеко, в другой стороне горизонта, от неба до земли, как концы незаконченного ковра, протянулись серебристые нити весеннего дождя. Кругом порхали яркоцветные бабочки: казалось, что кто-то, нарвав цветов степей, в радостном упоении разбрасывает их по воздуху. Цветы казались бабочками, а бабочки цветами.

В избытке чувств Аскар, сидя в телеге, начал мурлыкать песню Абая о весне, но его сбила звонкая трель жаворонка, трепетавшего крыльями в вышине.

Аскар возвращался на родину из далекой песчаной степи, серой и пустынной, где не было ни высоких гор, ни сосновых лесов, ни благоухающих лугов, ни зеркальных озер, окруженных густыми тростниками и камышом. И, глядя на нарядную природу своего родного края, он чувствовал, что вырвался из ада и попал в рай.

Радость при виде родной степи помимо воли взметнула в его памяти песню «Караторгай»[1]. Он сам не заметил, как запел ее, и вздрогнул от звука собственного голоса:

За Ишимом цветущий овраг, глубокий, сухой...
Сосунок гнедой в поводу тянется за рекой.

---

[1] Караторгай — скворец (название казахской песни).

Туда к возлюбленной прискакал я перед зарей.
Там скворец пел эту песню в утра час золотой...

Дойдя до припева, Аскар смутился и как-то тихо замурлыкал себе под нос. Хотя он понимал и любил казахские мелодии, но звонкостью и певучестью своего голоса похвалиться не мог.

Возница Аскара, жигит бывалый, сразу понял, почему седок смутился и перестал петь. Он был земляком известного всей степи певца-импровизатора Биржан-Сала, песням которого, как говорили его современники, вторили лебеди в небе. Сам великий Абай, говорят, посвятил ему восторженные стихи:

То стремительно вознесется и реет в вышине,
То нежной трелью разольется, замирая в тишине...
Какая услада для сердца в песне чудной той!
Нет, бесчувственный слух не поймет в ней мыслей рой...

Жигит этот в юности не раз слышал знаменитого акына, голос которого, когда он закидывал «Шалкыма»[1] под небеса, плескался, как волны Шалкара в пасмурный день. Естественно, что особого удовольствия пение Аскара ему не доставляло, и, добродушно подтрунивая над ним, он заметил:

— Курбым![2] Что же это ты сразу оборвал песню? Песня хорошая, степь широкая, спой погромче!..

Аскар угрюмо посмотрел на него и ничего не ответил. Теперь смутился возница, опасаясь, не обиделся ли на него седок.

Каждая казахская песня складывалась по поводу какого-нибудь выдающегося в условиях степи события. Аскар знал историю многих песен. Песня «Караторгай» тоже была связана со степной легендой.

В далеких степях за Ишимом,— гласит она,— кочевал именитый бай. У него была красавица дочь. Много богатых и знатных жигитов сватались к ней, но всем она отказывала. Пошла молва, что она решила выйти только за того, кто покорит ее сердце. Услышал об этом певец-бедняк на другом краю степи. Ему тоже захотелось испытать счастье, и он поехал разыскивать аул этой девушки. Ехал он, ехал и под вечер в живописной долине, у небольшой степной речушки увидел аул красавицы. Певец подъехал прямо к расшитой белоснежной юрте девушки и, не слезая с коня, запел. Пел он долго. Пел так страстно, как никогда. Красавица, как завороженная, затаив дыхание, все слушала и слушала его. Наконец, преисполненная восторга, она заявила певцу, что он покорил ее. Теперь перед счастливым жигитом встала другая, не менее трудная задача: как увезти девушку? Сватать ее? Но у него не было средств, чтоб уплатить калым. А отдать дочь без калыма, да еще одинокому, бродячему

---

[1] Шалкыма — казахская народная песня. Авторство этой песни приписывают импровизатору Биржан-Салу.

[2] Курбым — ровесник. Так обращаются друг к другу казахи-погодки.

певцу, ни за что не согласятся ее родители. Родственники девушки избили б его до полусмерти, а то бы и вовсе убили, если б заподозрили, что он хочет увезти ее тайком. Жигит и его возлюбленная решили бежать. В одну из темных ночей они оседлали самых быстроходных скакунов бая, отца девушки, и ускакали. На заре они примчались к долине реки Ишима. Это было в мае, когда в природе все цвело. Ехать далее днем по открытой степи, на виду у всех, они опасались, боясь погони, и решили до вечера скрыться в густых зарослях долины реки. Они нашли там глубокий, сухой овраг, весь заросший деревьями и кустарником, слезли с коней, спрятали их в чаще, а сами сели под цветущим деревом, среди благоухающей зелени, в отрадном ощущении первой удачи. В воспоминаниях о событиях вчерашнего дня, казавшихся им теперь далеким прошлым, они не заметили, как лучи восходящего солнца зазолотили верхушки деревьев. Вдруг над их головами защелкал скворец, потом другой, а затем целая стая их залилась в восторженном гимне весне и победе света над тьмой. Пение скворцов так увлекло жигита, что он схватил домбру и тоже запел. Его голос так переплетался, так сливался с хором скворцов, что они не отличали человеческого голоса от своих и спокойно оставались на месте. И только когда девушка, полная восторга, крикнула что-то своему возлюбленному, скворцы испугались, шумно поднялись с деревьев и улетели...

История «Караторгая» вызвала у Аскара воспоминание о Ботагоз. Он не видел ее вот уже три года.

За это время Аскар внутренне и внешне очень изменился, и если бы Ботагоз увидела его теперь, то, может быть, и не узнала бы.

С тех пор, как его в 1913 году сослали в долину реки Чу, заселенную казахскими родами, кочующими круглый год, он безвыездно жил на месте своей ссылки и был отрезан от остального мира. Область эта по справедливости слыла самой глухой частью казахской степи. О газетах и журналах здесь имели лишь отдаленное представление. Книг не было. Не было и школ. Даже мулл, обучающих мусульманской грамоте по старому методу, можно было перечислить по пальцам. Грамотные по-казахски были редким явлением. Ничего не знали люди этого захолустья и о политическом положении в стране.

Аскар, приехав сюда, увидел еще большую темноту и невежество, еще более грубый жизненный уклад, чем в его родной стороне. Там беднота жила плохо, в нищете, но большинство богатых и состоятельных людей, подражая городским богачам, содержали себя и свой дом в приличном виде. А в этом краю быт не только бедноты, но и большинства баев был очень примитивен. Они пользовались исключительно домотканой одеждой и самодельной утварью, которые изготовлялись из шерсти и шкур, получаемых ими от собственных стад. Например, в домах

баев, имевших тысячные отары овец, сотни верблюдов, не было ни удобной постели, ни хорошей одежды. Некоторые баи даже избегали мыть посуду, боясь, по поверью, как бы из-за этого их не покинуло счастье, и она была настолько грязной, что один вид ее вызывал тошноту у непривычного человека.

Только приехав сюда, Аскар понял, какое огромное культурное значение имеют для казахского народа тесные взаимоотношения с русским народом. Вскоре он понял и то, что в новой среде, куда он попал, можно одичать.

Его европейская одежда сразу вызвала осуждение.

— Дорогой мой,— сказали ему тотчас же после его приезда,— ты эти свои чужеземные одежды скинь. Не срами наших людей... Одевайся так, как одеваются все наши жигиты!

Ослушаться «совета» местных аксакалов — значило вызвать их неприязнь. А он был теперь фактически в неволе и всецело зависел от них. И ему пришлось подчиниться. И зимою и летом он стал ходить в тумаке из лохматых шкур ягненка, в широких сапогах — саптама, в чекмене из верблюжьей шерсти с длинными, широкими рукавами и сразу стал похож на обычного казахского жигита тех глухих мест.

Непрошеные «доброжелатели» также заставили его наголо сбрить черную, курчавую шевелюру, которой он так гордился в городе.

На верхней губе и на щеках Аскара появилась буйная растительность. В тех краях брить бороду и усы не полагалось. Прошло немного времени, и у него отросла солидная борода.

Три года он прожил безвыездно в степи, не видя города. С караванами, уходившими из Чу и Аулие-ата в Акмолинск, в Атбасар и в Чимкент, он посылал письма к Ботагоз. Но он ни разу не получил ответа от нее и не знал, дошли ли к ней письма, хотя караванщики, возвратившись, уверяли, что выполнили его поручение. Мучительные вопросы не оставляли его. На старом ли месте живет Ботагоз? Может быть, она давно томится во власти Итбая? Вопросы эти терзали его, но ответа на них он не находил.

Так он жил, отрешенный от культурной жизни, в кочевом ауле, «внешне цел, внутри дым»[1]. Чем бы это кончилось, неизвестно. Но неожиданно он получил через местного управителя вызов в Омск.

Ему сообщили, что он приглашается на работу по переписи населения и скота, которая в 1916 году будет проведена во всех казахских аулах, и что для получения назначения и инструкций ему следует выехать в Омск.

Это сообщение Аскар получил в начале марта. Он отправился в путь через Голодную степь, держа направление на Омск,

---

[1] Поговорка о горькой доле человека.

через Караганду и Акмолинск. Он ехал на обывательских подводах, не задерживаясь. Но как ни спешила его душа, безгранично широкая степь не торопилась.

До своего родного Кокшетау Аскар с трудом добрался в два месяца. Теперь его путь лежал мимо аула Итбая.

Еще издали он узнал этот аул. Белоснежные юрты Итбая и его родственников сверкали на солнце серебряным блеском. За ними, с подветренной стороны, стояли черные от копоти, издали похожие на горки кизяка, невзрачные юрты его батраков...

«Может быть, объехать этот аул? Зачем мне заезжать к Итбаю?— думал Аскар.— Хорошо, если он встретит меня приветливо, а то вдруг отвернется. Тогда ведь сгоришь от обиды!»

Он приподнялся было сказать ямщику, чтобы тот свернул в сторону, но мысль о том, что Ботагоз, может быть, уже жена Итбая, как стрела вонзилась в грудь Аскара, и слова, с которыми он хотел обратиться к ямщику, застряли у него на устах.

Думы, мучившие Аскара в течение этих трех лет, опять взволновали его. С одной стороны,— размышлял он,— братья Ботагоз — люди мужественные: пока в их теле держится душа, они не выдадут ее замуж против ее воли, и Итбай не отберет ее насильно. Но, с другой стороны, у Итбая много разных уловок. Если Итбай расставил свои сети вокруг Ботагоз, то в них могли попасть и она и ее братья. Какая есть у Туяков возможность устоять против Итбая? Какая сила у бедных людей?

Долго колебался Аскар, но потом решил: «Поеду, увижу собственными глазами!»— и уже твердо приказал вознице:

— Гони лошадей!

II

Когда Аскар подъезжал к аулу Итбая, оттуда вышел большой обоз и, растянувшись более чем на версту, направился на север. Это был не казахский кош[1], так как по сторонам его не видно было перегоняемого скота. А какой же аул кочует без скота? Но это как будто и не новая партия переселенцев, ибо телеги были казахские, двухколесные, и около них не шли, как обычно, женщины и дети. Не был он похож и на обоз отправляемых на фронт мобилизованных из русских поселков солдат — тогда на каждой телеге сидело бы много людей.

«Что же это за караван?»— подумал Аскар.

Несколько в стороне от дороги, по которой он проезжал, в полуверсте от юрт Итбая, между вбитыми в землю кольями были протянуты толстые веревки. К ним уже была привязана часть пойманных жеребят. Остальных продолжали ловить. Некоторые жеребята не давались. Отделяясь от косяков вместе со своими матками, а то и одни, они убегали в степь. Наиболее ди-

---

[1] Кош — караван казахского кочевья.

кими были кобылицы, ожеребившиеся впервые. Для их поимки у Итбая тут же наготове стояли хорошие скакуны под ловкими жигитами. Жигиты моментально бросались преследовать непокорных кобылиц и жеребят, догоняли их и безжалостно били куруками[1] до тех пор, пока они в страхе не поворачивали назад к своим косякам. Такие кобылицы и жеребята больше уже не выбегали из косяков, а если и выбегали, то при виде верховых немедленно возвращались. Вот и сейчас какой-то жигит, с непокрытой головой, с куруком в руке, помчался на неоседланной карей кобылице в погоню за убегавшей с жеребенком гнедо-пегой маткой. Аскару показалось, что он узнал в жигите Буркутбая, который был главным укротителем лошадей у Итбая.

Привязанные жеребята рвались с веревок и бились. Вероятно, косяки были пригнаны в аул недавно. Аскару захотелось спрыгнуть с телеги и поласкать жеребят, но он воздержался от такого ребяческого поступка, стесняясь людей, приставленных к косякам. Саженях в ста от юрт Аскар заметил около арб женщин, доивших коров. Сердце его опять резанула мысль, что Ботагоз, может быть, уже жена Итбая и находится среди этих доярок.

— Погоняй же!— невольно вырвалось у него.

Ямщик удивленно посмотрел на седока: по обычаю казахов, гости должны подъезжать к аулу тихо.

— Подъезжай вон к той телеге,— продолжал Аскар, не обращая внимания на удивленный взгляд возницы.

Около указанной им телеги сидели на земле несколько человек. Когда ямщик остановил лошадь, оказалось, что среди сидевших там был и сам Итбай. Он пристально посмотрел на приезжих, но, как видно, не сразу узнал Аскара.

По дороге Аскар сбрил усы и бороду, но остался в красочной одежде, которую носят щеголи в чуйских степях. На нем был камзол казахского покроя, с узкой талией и широким подолом; широкие кожаные шаровары коричневого цвета, украшенные вышивкой из разноцветных шелковых ниток, заправленные в широкие сапоги; поверх этого костюма — длинный и широкий, серовато-желтый, ручной выделки халат из верблюжьей шерсти с бархатным воротником и узкими рукавами, спускавшимися ниже кончиков пальцев; на голове — тумак из белой мерлушки, верх которого, крытый цветистым азиатским шелком, длинным хвостом свисал ниже затылка.

В этом наряде он был мало похож на того, каким знал его раньше Итбай. Но поближе присмотревшись к приезжему, Итбай вздрогнул: он узнал Аскара.

Еще в Петербурге, когда Итбай стал наводить справки об исчезнувшем учителе, ему сообщили только то, что тот аресто-

[1] Курук — длинная палка с петлей на одном конце для закидывания на шею лошади при ловле.

ван. В течение последующих трех лет он ничего не слыхал о своем бывшем переводчике, не знал ни где он, ни жив ли он.

Увидев Аскара, Итбай был неприятно поражен, даже будто немного испуган.

«Откуда еще появился этот прохвост? Он может расстроить все мои планы»,— с неприязнью подумал он.

Однако Итбай быстро овладел собою. Не подавая виду, насколько досадно ему появление нежданного гостя, он, опершись на руки, встал с места и с приветливой улыбкой пошел к нему навстречу. Аскар тоже решил проявить должную вежливость и произнес:

— Ассалам-агалайкум!

Вместо арабского «аликум-уссалам» Итбай, протянув ему свои мясистые руки, любезно спросил, по обычаю казахов:

— Как здоровье, дорогой?

Аскар заметил, что Итбай несколько постарел, обрюзг; борода стала гуще и длиннее. С видом человека, соскучившегося после долгой разлуки, он так засыпал Аскара вопросами об его благополучии, что тот не успевал даже отвечать односложным «шукр»[1].

Собеседников Итбая Аскар не знал. Судя по должностным знакам на груди, это были аульные старшины.

«Для чего они собрались здесь?»— подумал он.

Итбай жестом пригласил гостя в юрту, но тот притворился, будто не желает отрывать волостного от его собеседников, и сказал:

— Садитесь!

— Пожалуй,— согласился Итбай, усаживаясь на прежнее место,— садись и ты, подождем, пока приберут в юрте. Мы недавно перекочевали сюда...

Аскар заметил это и сам по траве, еще не вытоптанной многочисленным скотом и сохранившей свою свежесть. Тут видны были только следы кочевого каравана и колес, а вся трава кругом стояла не примятая. Густая луговая трава, вышиной по плечи сидящего человека, волновалась под легким ветерком, как море, и Аскар, вдыхая ароматный воздух родной земли, невольно подумал: «Ах, Кокшетау! Есть ли на свете еще такой край!»

— Это — мои аульные старшины— сказал Итбай.— Они сейчас отправляли отсюда юрты.

— Какие юрты?

— Самые обыкновенные, наши, казахские.

— Куда и зачем?

— На фронт. Тяготы войны начинают сказываться и на нас, казахах. Начальство все прижимает, требует помощи. В прошлом году было отправлено из моей волости сорок пять юрт, а в

---

[1] Шукр — слава богу.

нынешнем вот уже вторично отгрузили девяносто. Ты видел вышедший отсюда обоз?

— Да, видел и все думал: что это за обоз?

— Это пожертвования наших аулов для фронта. Мы должны не только поставлять юрты. Наше население обложено еще и другими налогами. А кроме денежных сборов мы в нынешнем году сдали от волости и около тысячи лошадей. Тяжело стало народу.

Еще по дороге, в Акмолинске, Аскар прочитал в газете «Казак» заметку о том, что губернатор объявил благодарность Итбаю за усердную помощь фронту от его волости. Но неожиданная забота волостного о благе населения только покоробила Аскара, не рассеяв недоверия, которое он питал к нему.

Размышления Аскара прервал голос Итбая:

— Эй, Ергазы!

— Да, я,— ответил молодой жигит, вышедший из юрты.

— Дома успели убраться и постлать?

— Да, уже.

— Ну, Аскар, пойдем лучше в юрту, чем сидеть здесь, на солнцепеке,— пригласил Итбай, вставая.

Они пошли в юрту, оставив старшин на прежнем месте.

По дороге Аскар озирался по сторонам; страшась встретить здесь Ботагоз.

— Садись, дорогой,— сказал Итбай, указывая на торь, покрытый поверх ковра ситцевым одеялом.— Если устал, прислонись вот к подушке,— и он подбросил подушку.

— Спасибо, агай.

— Каюсь тебе, аллах!— еще не успев сесть, воскликнул Итбай, любивший употреблять иногда это восклицание.— Я, оказывается, забыл поручить этим старшинам одно срочное дело. Прости, дорогой, и разреши, я схожу, передам им и сейчас же вернусь.

— Идите!..

Итбай отдал аульным старшинам разные приказания и велел им разъехаться по своим аулам. Только одному из них — Кожану — Итбай кивком головы дал понять, чтобы тот остался.

Кожан догадывался, зачем оставляет его Итбай, о чем заведет с ним речь.

Итбай выбрал типчаковую[1] лужайку подальше от юрты и сказал:

— Сядь и расскажи теперь, как у тебя обстоит дело с этой девушкой?

— Не соглашается, проклятая.

— А брат ее все еще в тюрьме?

---

[1] Типчак — злак, растущий в некоторых степях и полупустынях (вид овсяницы).

— Ты говоришь о Балтабеке? Да. Он все еще под арестом в Бурабае.

— Сколько он украл сала?

— Около двух пудов.

— Ты передал ей то, что я говорил тебе?

— Сказал. Кажется, не осталось ничего, чего бы я ей не говорил. Даже слушать не хочет. Все твердит: «Лучше зарежусь, чем пойду за него».

— Вот как... Скажи, какая упрямая!

— Правда, девушка она решительная.

— Тьфу! Тоже нашел «решительного» человека!.. Не слышал ты, что ли, поговорки: «У отважной женщины только котел вскипает быстро». Куда она денется со своей отвагой?

— Как бы там ни было, я устал уговаривать ее.

— Знаешь, Кожан, в таком случае,— почти шепотом сказал Итбай,— надо похитить ее, если она так упряма. Как ты думаешь?

— Не знаю, как...

— Мне надоело торговаться с ней. То, что я хочу жениться на ней, получило уже огласку. Теперь оставить это дело — позор для меня. Добром не соглашается — возьмем силой.

— Как хочешь,— и Кожан, склонив голову, начал машинально ковырять пальцем землю.

— Что это ты вдруг заковырял? Или жалко ее тебе?

— А что мне ее жалеть? Она мне не сестра, не племянница, ни в родстве, ни в свойстве с ней не состою. Думаю только: как это выйдет по закону?..

— Э, что там закон! Законы у нас в руках. Вчера я встретил Кошкина и намекнул ему об этом. Он говорит: «Забирай и привози, за последствия отвечу я». Кто же станет из-за нее судиться? Я уже твердо решил похитить ее. Известное дело, девушки всегда ломаются. А как привезешь их, они быстро смиряются и покоряются. Такова уж женская порода. Прекрати с ней эту торговлю и посоветуй мне, как устроить похищение. Сколько народа живет в том бараке, кроме семьи девушки?

— Кто их считал? Много! Там, где она живет, барак сплошной, в длину около ста аршин. Внутри нет никаких перегородок, одни общие нары. Спят и едят в тесноте.

— Выходит, вывести ее трудновато. Нельзя ли найти и подкупить каких-нибудь смелых жигитов, чтобы они взялись вывести ее из барака?

— Поговорю об этом. Есть еще одно затруднение: больна чахоткой ее невестка Айбала; она совсем плоха, и девушка всю ночь не гасит огня, не смыкает глаз, ухаживает за больной.

— А где она днем?

— Днем она работает на бойне: кажется, промывает кишки.

— Значит, оттуда невозможно. Нельзя ли перехватить ее по дороге, когда она возвращается с бойни в бараки?

— Не знаю...

— А ты подумай! Дело это поручаю тебе. Сделай — я не забуду твоей услуги. Новые выборы, как знаешь, на носу, проведу тебя в кандидаты на должность волостного управителя, в заместители к себе, если выполнишь мое поручение.

Должность кандидата была заветной мечтой Кожана. Теперь эта мечта могла осуществиться. Кожан оживился и сказал:

— По-моему, есть только один способ. Все мужчины уходят утром из бараков на работу, когда еще темно, а она выходит позднее. Бараки от бойни отстоят довольно далеко. Несколько ловких и сильных жигитов, думаю, могут быстро схватить ее в тот момент, когда она выйдет из барака, посадить на резвую лошадь и ускакать. При надежных людях и хороших лошадях такой план должен удаться. Едва ли кто особенно будет нас преследовать.

— Это, пожалуй, правильно.

— В таком случае сегодня или завтра снаряди туда своих жигитов, пусть они остановятся в одном из ближайших к бойне аулов и в сумерках пошлют ко мне человека. Я неотлучно буду ждать его около бараков. Может быть, мне удастся подговорить кого-нибудь вывести к нам девушку, тогда ничего лучшего не надо; а если нет, то я сам постараюсь.

— Молодец, Кожеке!— воскликнул Итбай и от удовольствия захихикал.— Ты только доставь ее сюда, а все остальное предоставь мне. Я укрощу ее в течение одного дня. Мне, откровенно говоря, не особенно хотелось ввязываться в это дело; но, как я тебе уже сказал, всем стало известно, что я женюсь на ней. Недавно меня даже поздравляли с новой «птичкой», полагая, что я уже женился. Меня удивляет упорство этой девушки. Что ей еще нужно? Ведь ее хотят возвести «из грязи в князи». Сама бы должна была прибежать, но что поделаешь, если у нее не хватает ума!

— Что уж и говорить! Купалась бы тут в золоте и красовалась павой...

— А теперь, как только она перешагнет порог моей юрты, я ей покажу! Заставлю хлебать сарысу[1] из грязной чашки. Этой нечестивой...

— Говорят, она долго училась по-русски и большая законница.

— Э, оставь!— сказал Итбай пренебрежительно.— Законница! Какая законница?! Законы теперь вот где!— Итбай хлопнул себя по карману.

— Выпроводи поскорее этого своего гостя. Откуда и кто он? Зачем приехал?— спросил Кожан.

— Разве ты не знаешь его? Это же учитель, который служил раньше в нашей школе.

[1] Сарысу — сыворотка из-под творога.

— Вот оно что! А я слышал, будто он хотел жениться на ней...— сказал Кожан, забеспокоившись.

— Может быть, и так. Но я его быстро выпровожу. Давеча я нарочно принял его любезно, хотя и недолюбливаю. Выпровожу, не вызвав в нем никаких подозрений.

— Не узнает ли он от кого-нибудь постороннего?

— Не от кого. Такого человека как будто и нет.

— В таком случае ничего. Но только надо быть осторожным. Если он узнает, что девушка дома, ни за кого еще не вышла, то может завернуть туда. Тогда справиться с ней будет труднее.

— Ладно.

III

От прежнего высокомерия в Итбае как будто не осталось и следа. Он рассыпался в любезностях перед Аскаром, сочувственно расспрашивал о его жизни за все три года разлуки, жалел, что он переведен из их школы. Даже в обращении, против обыкновения, часто перескакивал с «ты» на «вы».

— Оказывается, мы очень привыкли друг к другу. Когда тебя арестовали в Петербурге, я болел за тебя душой, но ничем помочь не мог. Нельзя было,— сказал он огорченным тоном.

Тем временем Буркутбай, по приказанию Итбая, подал кумыс. С помощью подручного жигита он развязал горло у полной доверха, громадной, недавно вышедшей из копчения новой сабы[1] и длинной посеребренной мешалкой начал взбалтывать кумыс еще в сабе.

— Что может сравниться с майским кумысом!— воскликнул Итбай.— Это же мед... Одно из лучших удовольствий в жизни, мне кажется,— иметь возможность угостить приятных гостей вкусным кумысом...

Кисло-сладкий запах густого, пенистого кумыса, раздражая аппетит, заполнил восьмикрылую юрту. У Аскара слюнки потекли. Когда ему поднесли полную большую пиалу, он жадно приложился губами к ее краю и в несколько глотков выпил почти до дна. На лбу у него выступил пот.

— Ну, Буркутбай, не сиди попусту,— сказал Итбай, когда Аскар утолил первую жажду,— пошли за токтушкой[2]. Для Аскара, наверное, оставлена и сыбага[3], но все же без токтушки нельзя.

— Я доволен тем, что есть,— сказал Аскар.

— Даже не говори. Разве можно, чтобы в моем доме вам не была подана голова!.. Да не только голова!.. Я полагаю, вы подольше погостите у нас и отдохнете здесь.

---

[1] Саба — большой бурдюк из выкопченной кожи.
[2] Токтушка — шестимесячный ягненок.
[3] Сыбага — мясо, выделенное для подарка.

— Нет, я должен ехать дальше.

— Э, как же так? Надеюсь, что ты по старой памяти подольше погостишь у нас. Будь как дома, лежи, отдыхай.

— Благодарю, агай, нельзя мне. Я спешу.

— Я не спрашивал, куда и зачем вы едете, опасаясь, как бы вы не поняли превратно мои расспросы. Да будет счастлив твой путь!

— Да будет так!

Аскар рассказал о цели своей поездки.

— Вот как? Я тоже получил извещение о предстоящей переписи. Хорошо было бы, если бы ты попросился в нашу волость.

Сказав это, Итбай в душе испугался, как бы Аскар и в самом деле не принял его предложения.

— Я бы охотно поработал здесь,— ответил Аскар,— но меня направили в другую волость...

— Экая досада! Вы так спешите... Все же погостите хоть денечек.

— Спасибо, но еду сегодня же.

— В таком случае поспеши, Буркутбай, с обедом: токтушки еще не поспели, выбери пожирнее из раннего приплода, откормленного зерном.

Буркутбай ушел. Хозяин и гость заговорили о войне.

— Я бы хотел посмотреть газету «Қазак». Вы получаете ее, агай?— спросил Аскар.

— Получаю. Если нужно, сейчас достанут из сундука. Газета у меня подшита.

Итбай послал за своей женой Жамал. Последняя, войдя в юрту, поздоровалась с Аскаром, открыла сундук, передала мужу все комплекты газеты и вышла. Оставив кумыс, Аскар стал быстро просматривать по порядку все номера.

— Только с одной Тургайской степи, оказывается, собрали уже тысяч двести,— сказал Аскар, показывая Итбаю заметку в газете.

— Это не так уж много,— ответил Итбай.— Недавно в Кокшетау уездный начальник Кривоносов на совещании волостных управителей заявил, что только наш уезд послал полтораста тысяч рублей, двенадцать тысяч лошадей и пять тысяч юрт.

— Да!.. Туговато стало всем от этой войны.

— Это бы еще ничего, если бы она кончилась благополучно.

— Едва ли,— заметил Аскар.

— Милость божья! Почему думаешь так?

— А вы читали тут заметки о том, что могут призвать на войну и наших казахов?

— Читал, но не верю, думаю, пустые слова,— возразил Итбай.

— Кажется, не совсем пустые. Вот и в номере сто семьдесят первом пишут, что в Государственной думе происходили споры по

вопросу о привлечении инородцев к отбыванию воинской повинности; в номере сто семьдесят втором пишут яснее: предполагается создать кавалерийские части из казахов; в номере сто семьдесят девять сама газета высказывается за привлечение казахов к воинской службе на правах русского казачества.

— От какого года и месяца эти номера?

— Последняя статья в номере от тридцатого апреля шестнадцатого года. В номере сто семьдесят четыре помещено воззвание редакции к казахскому народу, чтобы при предстоящей переписи население правильно показывало статистикам количество имеющегося у них скота, ничего не утаивая. Мне кажется, что руководители газеты не возражают против призыва казахов на военную службу.

— Кто их знает, может быть и так,— равнодушно вымолвил Итбай.

— Призовут или нет, пока, конечно, трудно сказать, но если призовут, боюсь, как бы это не вызвало больших осложнений и бедствий. Народ, кажется, и так еле переносит тяготы войны.

— Что может сделать безоружный народ? Как не подчиниться?

Аскар ничего не ответил.

— Да ну ее, брось думать о войне!— сказал Итбай, видя, как задумался Аскар.— Как говорится: «Хоть яд, но вместе с народом!» «На миру и смерть красна». Ничего не поделаешь. Что суждено богом, то и случится. Брось газету! Пей кумыс! Передай пиалу, я налью тебе.

— Я уже напился, пойду пройдусь к озеру.

— Что же, ступай. Куда запропастился этот Буркутбай? Эй, Буркутбай?

— Ау!— отозвался снаружи Буркутбай.

— Кончил, что ли?

— Кончил.

— Иди-ка тогда сюда.

— Зачем звали?— спросил Буркутбай, когда из юрты вышел Аскар.

— Пойди за ним.

— Вы что-то очень любезны с ним сегодня, как со сватом возитесь...

— Пусть судорога сведет твой язык.

— Да он уже далеко, не услышит.

— Тогда иди, догоняй. Только будь хозяином своего языка — и ни слова о дочери Туякбая; если будет расспрашивать, постарайся направить на ложный путь. Как это сделать, сам знаешь лучше меня!

— Когда он уезжает отсюда?

— Говорит, сегодня: хорошо бы, если б не раздумал.

Итбай рассказал о своем сговоре с аульным старшиной Кожаном.

— Это правильно,— одобрил Буркутбай.— Если он на это решился, могу дать подписку, что я один сумею похитить и привезти ее сюда... Ну и девушка, в самой поре! Прямо жирная щука из озера Бурабай! Когда ходит, так и подпрыгивает!..

— Уходи же, черт, скорее! Иди к Аскару.

— Итеке, ну и поспела она! Ей теперь не то восемнадцать, не то девятнадцать лет. Сколько бы ни было лет, а налилась, как зрелая вишня. Стройна, высокогруда...

— Иди, иди...

— Если бог даст, попадет вам в руки...

— Иди, говорю, свинья...

— Вы бы это, как беркут...

— Хватит, довольно, иди скорее!

— Хорошо, иду.

— Только будь осторожен!— крикнул ему вслед Итбай, когда тот, наконец, перешагнул порог юрты.

— Не беспокойся, сам знаю!

Пока Буркутбай разговаривал с Итбаем, Аскар успел уйти далеко от аула и дошел до берега озера Шалкар.

Перед Аскаром, как на панораме, развернулась картина гор Бурабая. Тут не было ни одной сопки, ни одной вершины и ущелья, ни одного озера и родника, которых он не знал бы. В прежние годы он иногда всходил на самый высокий горб Кокше и оттуда любовался множеством озер, издали напоминавших круглые чаши, наполненные кумысом. Восемьдесят озер были рассеяны среди Кокшетау, среди гор Бурабая и вокруг них. Совершенно круглые, озера эти блестели вдали, словно серебряные рубли, нашитые на бархатные камзолы казахских девушек. Только озеро Шабак, огибающее северное подножье горы Кокше, было похоже на кривой рог коровы.

Многие из этих озер были далеко не такими маленькими, какими казались издали, с высоких горных вершин. У таких, например, озер, как Торы-айгыр, Шортан, Жокей, Котыр, Большой Шабак, Малый Шабак, с одного берега нельзя было увидеть другой. Вблизи это целые моря. Если бы в Жокей, как ледокол носом в льдину, не врезывался скалистый хвост Буркутти-тау — Орлиной горы, если бы до середины Котыр с юга не протянулась узкая лента вековых сосен, напоминая издали стоячую гриву жеребенка, если бы в середине Бурабая не вылезали рядом из воды две скалы, соединяясь макушками, точно концы рогов у старого козла, если бы, наконец, середину Шабака не теснили с двух противоположных берегов его два полуострова, образуя в середине узкий пролив,— трудно было бы отличить эти озера друг от друга и по величине их, и по красоте.

Озеро Шалкар среди этих восьмидесяти озер отличает оригинальный маленький островок, торчащий в полуверсте от западного берега. Издали он кажется высокой каменной скалой, как бы выросшей со дна озера, хотя никаких горных пород на

нем нет. В бурю грозные волны Шалкара отскакивают от его берегов, как от гранитных скал. Он и каменный и не каменный. Устланный весь коротким типчаком, на котором кое-где кудрявятся кустики таволги, он по величине не превышает следа, который оставляет стоянка казахского аула в период летних перекочевок. С какой бы силой ни хлестали волны о его скалы, они не смывают, не срывают его, не наносят ему никакого вреда. Когда, подплыв на лодке, взойдешь на вершину островка, оттуда вся окрестность видна как на ладони. Весною он сплошь покрывается гнездами гусей, уток, чаек и других перелетных. Рыбаки в это время года ежедневно увозят оттуда полные лодки яиц. Но, несмотря на это, к середине лета островок бывает весь облеплен птичьими выводками.

«Откуда только они берутся?»— удивляются рыбаки...

Аскар ходил по берегу озера, не спуская глаз с этого островка. На нем он был дважды. В первый раз он нанимал лодку у рыбаков, во второй добрался до него вплавь. Как-то в знойный полдень, проезжая с товарищем мимо озера, они остановились на берегу выкупаться. Несмотря на предостережения товарища, что здесь можно утонуть, Аскар пустился к острову вплавь и доплыл до него. Оба раза островок произвел на него неизгладимое впечатление и потом часто припоминался ему.

Теперь Аскар стоял на берегу в виду островка, глубоко задумавшись о Ботагоз.

Буркутбай неслышно подкрался к нему сзади и неожиданно крикнул: «Ха!» Аскар вздрогнул и чуть не сорвался с берега в воду.

— Чего ты так испугался?— сказал Буркутбай, смеясь и обнимая его за талию.

— Ну, как поживаешь, Буркутбай?— спросил Аскар холодно.

— Какой враг нас заберет...

— Я рад, коли так, твоему благополучию.

Они пошли вдоль берега озера. Буркутбай за эти годы не изменился и, по прежней манере, старался занимать Аскара шутками.

«Нельзя ли пробудить его совесть?»— подумал Аскар и решил попытаться.

— Скажи, Буркутбай,— обратился он к нему,— что тебе известно о дочери Туякбая? Она у себя дома?

— Что ты! Разве такие взрослые девушки сидят дома? Давно уже замужем. Кажется, есть и дети.

— За кем?— спросил Аскар, помрачнев и испытующе глядя на Буркутбая.

— Да разве ты знаешь всех казахов округи? За одним из Данкой[1], рода Койлы-атыгай.

---

[1] Данкой — название подразделения рода.

— А где ее братья?

— Балтабек работал на бойне при консервном заводе; говорят, недавно попался в краже сала и сидит теперь в тюрьме. А Кенжетай был арестован за кражу лошадей и увезен еще осенью прошлого года. Есть слух, будто он бежал из тюрьмы и скрывается где-то в глуби степей.

— А где Темирбек?

— Это ничтожество, в конце концов, оказалось умнее других братьев: те вздумали быть смелыми не по силам и сами погубили себя, а этот, оправдывая, по крайней мере, казахскую пословицу:

Кто с утра в бабки дуется,
Тот всегда пропадет.
Кто же баранов пасет, трудится,
Тот пропитание себе найдет,—

работает на золотых приисках и кормит мать.

Самые разнообразные, противоречивые чувства охватили Аскара. В волнении он забыл, о чем еще хотел спросить Буркутбая: мысли его, словно щепки, унесены были бушующими волнами чувств.

«Верить ему или не верить?»— думал он.

Любимая, милая его душе семья очутилась в такой беде! Это так поразило его, что он умолк и хмуро шагал, не замечая своего спутника.

«Почему все дети Туякбая вдруг стали ворами?— думал он.— Как могло случиться это, в особенности с Кенжетаем?.. Нет, тут что-то не так... Не дело ли это рук Итбая? Может быть, братья отказались выдать за него Ботагоз, и он, обозлясь, ополчился на них? Он же мог возвести на них какой угодно поклеп. От кого бы узнать правду? Буркутбай, конечно, врет».

— Буркутбай!— обратился он, наконец, к нему.— Уверен, что ты не сказал мне ни одного слова правды: то, что ты говорил про Ботагоз, конечно, ложь; не верю и тому, что все сыновья Туякбая вдруг стали преступниками. Но я считаю тебя жигитом, еще не потерявшим совесть. Конечно, ты живешь у Итбая, ты боишься потерять кусок хлеба. Но надеюсь, когда буду возвращаться и опять заеду сюда, ты не скроешь от меня ничего, скажешь всю правду о Ботагоз и других детях Туякбая.

Буркутбай искоса посмотрел на него. Лицо Аскара было мрачно и искажено. Буркутбаю стало жалко его. Была минута, когда ему хотелось сознаться в своей лжи и рассказать правду, но он подумал о мести Итбая и не посмел пойти против волостного. Чувствуя, что не выдержит и покается, если еще немного останется с Аскаром, он поспешно ушел в аул.

IV

Когда Аскар, выйдя из юрты Итбая, направился к Шалкару, гора Кокше, подпиравшая небо на северо-западе, похожа была на весеннюю грозовую тучу, осевшую на линии далекого горизонта. А пока он дошел до Шалкара, колеблющееся под раскаленным солнцем марево поползло вверх от подошвы Кокше и ее чуть затуманенная вершина стала маячить в небе серой тучкой, напоминая заблудившийся в безбрежном океане одинокий корабль.

После ухода Буркутбая Аскар продолжал бродить по берегу озера, полный тревоги за участь Ботагоз и ее семьи. Он был подавлен. Его яркая, как золотое солнце, надежда спряталась за черной тучей горя. Он еще раз взглянул на далекую Кокше. Она хмурилась, окутываясь свинцово-темной тучей; волны марева, как бы в испуге, убегали в степную даль, и вершина Кокше из качавшегося на волнах корабля преображалась в почерневший, обгорелый дом с провалившейся крышей, с зияющими отверстиями окон и дверей.

В степях Кокшетау и Кзыл-жара в середине весны иногда выпадают такие дни, которые местное казахское население называет «амал». Жара палит с утра, а с полудня горячий ветер, называемый «анызак», начинает сушить кожу; на лошадей и рогатый скот тучами нападает овод; коровы, как ошалелые, задрав хвосты, несутся к ближайшим рекам и с разбегу бросаются в воду, а иногда забегают даже в юрты. От жары у человека высыхает слюна, пересыхает горло. Если выпить кумыса, получается «белое нёбо»— мокрота обволакивает горло. Тогда ничто так не утоляет жажду, как крепкий чай с густым каймаком[1].

Эх, чай!
Какую усладу ты даешь!
Но как платить за тебя —
«Ай-ай-ай» запоешь,—

огорчаются бедняки в такие жаркие дни, когда они видят, что чаю нет у них даже на одну заварку...

В такие дни бывает, что неизвестно откуда появившаяся после полудня туча неожиданно в один миг закроет солнце, небо нахмурится, пронесется минутный порыв урагана, затихнет, а потом блеснет молния, ударит гром, гулко упадут сначала отдельные крупные капли, поднимая пыль на дорогах, а затем ливень со свистом так польет алчущую землю, что к низинам потекут бурные ручьи.... Пройдет ливень, сразу же выглянет солнышко, земля вмиг впитает в себя влагу и встрепенется, как бы пробудившись от сна; жаворонок с трелью взовьется опять

[1] Каймак — сливки.

под небеса и вся природа начнет вновь улыбаться, наслаждаясь прохладой...

От душной жары Аскар размяк, почувствовал сильную жажду и направился в аул.

Когда он вошел в юрту, Итбай, в одном только нижнем белье, босой и без тюбетейки, полулежа на одеялах, пил чай. Верхний круг у юрты был наглухо закрыт, а низ кошмы за решеткой был аршина на полтора приподнят над землей с теневой стороны. Младшая жена, Жамал, разливала чай, а старшая, Асилтас, разминала Итбаю пальцы на ногах.

— Ну и жара, печет нестерпимо!— утирая с лица пот, воскликнул Итбай, увидев Аскара.— Кажется, часа три разгуливал ты под палящим солнцем,— продолжал он, посмотрев на большие часы с цепочкой, висевшие на одной из ветвей украшенного серебром бакана[1].— Наверное у тебя все во рту пересохло и хочешь пить. Присаживайся к чаю, в такую жару единственное спасение от жажды только крепкий час с каймаком, вприкуску с кислым куртом[2]. Лучшего блаженства в такие дни нет. Раздевайся скорее, скинь все, кроме белья, и садись. Стесняться тут нечего.

Говоря это, Итбай заметил, что на лице Аскара лежит какая-то гневная печаль.

«Не сплоховал ли Буркутбай, не сболтнул ли ему чего-нибудь?»— забеспокоился он, но, не желая выдавать себя, продолжал ласково говорить и улыбаться.

Аскару вспомнилось двустишие Абая:

Ни тени сочувствия в душе,
Почему же улыбка у него на лице?!

Он слышал, что тигр, собираясь прыгнуть на человека, тоже приветливо ластится к земле: любезность Итбая показалась ему такой же лаской тигра.

— Присаживайся, Аскар, к чаю,— повторил Итбай.— А ты, токал[3], сходи посмотри, готово ли мясо, не переварилось ли. Байбише[4], налей чаю Аскару: пусть напьется как следует, а то плохо есть будет.

Аскар сел за дастархан. Асилтас, подвигая к Аскару на подносе чай, тоже заметила грусть на лице его.

«Не догадался ли он?»— подумала и она. Асилтас знала, что Итбай не сегодня-завтра отправляет жигитов похитить Ботагоз. Об этом сказал ей сам Итбай.

Чувствовавший сильную жажду, Аскар, чуть не обжигаясь, опорожнял одну чашку за другой вприкуску с кислым куртом.

---

[1] Бакан — род вешалки, в виде столба с отрогами; стоит в головах постели.

[2] Курт — сыр из кипяченой простокваши.

[3] Токал — вторая жена.

[4] Байбише — старшая жена.

— Мясо уже готово. Принести?— спросил вошедший Буркутбай.

— Неси!

Буркутбай вышел и скоро вернулся с большим глубоким деревянным блюдом, прикрытым сверху скатертью, из-под которой шел пар.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРИ СМЕРТИ

I

Ботагоз разбудил сухой, надрывный кашель Айбалы.

Кое-где вдоль стен барака тускло мерцали на гвоздях жестяные коптилки. Рабочие утренней смены уже проснулись и торопливо одевались, хотя рассвет был еще далек. Свет коптилок не мог преодолеть темноты, и в бараке царил полумрак.

Ботагоз, приподняв голову, посмотрела на светильник, оставленный ею зажженным на подоконнике. Сало в чайном блюдце с отбитым краем уже иссякло, и скрученный из лоскутка фитиль сильно чадил, распространяя запах гари. Она протерла сонные глаза и потянулась к деревянной чашке, в которой обычно хранилось у них сало, но чашка была пуста.

— Что ты встала, милая? Ложись и поспи еще хоть немного,— сказала Айбала, которой кашель всю ночь не давал сомкнуть глаз.

Но Ботагоз ничего не ответила, встала, пошла к соседям, и у кого-то выпросила ложку сала. Когда она положила сало на блюдце, фитиль вначале зашипел и чуть не потух, а потом, впитав жир, вспыхнул ярким пламенем.

Бессонная ночь и усталость невольно заставили Ботагоз потянуться; она зевнула и начала собираться на работу.

— Что же ты, милая, не ложишься?— опять обратилась к ней Айбала.

— Я уже выспалась.

— Когда же ты успела, родная моя? Прикорнула, кажется, всего на час, не больше. Раньше, при брате, ты любила поспать, теперь, конечно, тебе не дают покоя всякие заботы, свалившиеся на тебя одну.

И Айбала хоть с трудом, но удержала подступившие к горлу слезы, чтобы не расстроить Ботагоз.

За день до того к ним приезжал Темирбек. Он приехал на волах, запряженных в двухколесную казахскую арбу. Увидев, как плохо Айбале, он хотел увезти ее и Ботагоз к себе, чтобы вместе пережить все, что суждено, но соседи отсоветовали им ехать, так как Айбала была слишком слаба и ей трудно было бы перенести

дальний путь по каменистой дороге на тряской арбе. И они остались, попросив Темирбека приехать за ними в ближайшее время.

Всю ночь Айбала думала об этом и раскаивалась, что они не уехали. Ей очень хотелось хотя бы последние часы жизни провести среди близких людей. Кроме того, ей было жаль Ботагоз, которая могла бы растеряться, случись здесь несчастье с ней, Айбалой.

«Зачем я не поехала вместе с сал-жигитом[1] (так называла она Темирбека), пока я еще жива?— думала она.— Если что случится со мной, еркем будет трудно...»

До такого бедственного положения семью Балтабека довел Итбай.

Еще в 1913 году, вернувшись из Петербурга, он послал к Балтабеку сватов, а когда тот решительно отказал ему, пустил в ход угрозы. Испуганный Балтабек стал колебаться и попросил совета у Кенжетая.

— Пока я жив, моя сестра не будет рабыней Итбая!— ответил Кенжетай.

Узнав об этом, Итбай послал людей к Кенжетаю, чтобы «задобрить» его, но тот остался непоколебимым. Тогда Итбай решил убрать его с дороги. Он заставил своих конокрадов выкрасть в соседнем поселке несколько коней и направить их следы ко двору Кенжетая, а поселковых мужиков убедил, что лошадей украл Кенжетай. Кенжетай был арестован, а затем осужден и сослан на каторгу.

— Ты знаешь, что я осужден безвинно,— сказал Кенжетай Балтабеку, приехавшему к нему проститься.— Когда-нибудь да я вернусь. Так вот — если струсишь и отдашь Ботагоз Итбаю, буду считать тебя своим злейшим врагом.

После того, как Кенжетай был отправлен по этапу, Итбай еще несколько раз подсылал своих сватов к Балтабеку, но кузнец наотрез отказывал ему.

Обозленный этим упорством Итбай решил окончательно разорить гнездо своих врагов. Подосланные им люди угнали единственную корову Балтабека, а потом спалили его избу.

Окончательно разоренный, Балтабек был вынужден поступить рабочим на консервный завод, находившийся вблизи поселка Борового, и переселиться со своей семьей в барак, где помещалось более ста семей рабочих.

Начало зимы в том году было холодное, буранное. Из окна против коек семьи Балтабека, где вместо выбитого стекла торчала тряпка, сильно дуло, и Айбала простудилась. Сначала казалось, что у нее простая простуда. Она не обращала внимания на

---

[1] Сал-жигит — щеголь-жигит.

болезнь и продолжала работать. Потом болезнь осложнилась. Айбала начала кашлять, однако работать не переставала. К весне кашель у нее усилился. Она начала задыхаться, похудела и ослабла настолько, что в начале апреля слегла в постель. С тех пор прошло уже два года. Балтабек ничего не жалел на ее лечение. В свободные от работы дни он возил Айбалу по всем известным знахарям. Лечили ее заговорами и всякими травами, прикладывали теплые легкие только что зарезанного барана, пускали в ход и другие средства. Когда из всего этого ничего не вышло, Балтабек повез жену к доктору. Но и лекарства доктора не улучшили состояния больной. Айбала таяла с каждым днем.

Оставалось еще одно средство, которое знал и сам Балтабек,— весенний густой кумыс от молодых кобыл, настоенный на копченом лошадином сале — казы. Но оно было недоступно беднякам.

Здоровье Айбалы ухудшалось с каждым днем. Балтабек тяжело переживал ее болезнь, но что он мог поделать?

Рука Итбая, казалось, достаточно дала себя почувствовать несчастной семье, вздумавшей противиться его воле. Но волостному и этого было мало. Он решил совсем погубить своих врагов.

Как-то вечером Балтабек вернулся домой после работы особенно усталый; он наскоро поел, лег в постель и крепко заснул. Его разбудил чей-то громкий возглас:

— Вставай!

— Что? В чем дело?—пробормотал он.

Ему спросонок показалось, что уже утро и его будят на работу. Но, приподняв голову, он удивился: у его койки стояла толпа людей — впереди сын совладельца завода, татарина Муратова, рядом с ним урядник Кошкин и десятник бойни, а за ними несколько рабочих консервного завода.

— Что вам нужно?—спросил Балтабек, приподнявшись на постели.

— Сделать обыск!

— У кого?

— У тебя! Говорят, ты украл сало.

— Ну, ищите,— спокойно сказал Балтабек, уверенный, что у него ничего найти не могут.

Он не подозревал, что тот самый десятник, который стоял рядом с урядником, по сговору с посланцем Итбая, принес и заранее подсунул мешок топленого сала под его, Балтабека, кровать.

— А это что?— спросил десятник, вытаскивая из-под кровати мешок с салом.

Ошеломленный неожиданностью, Балтабек пробормотал:

— Не знаю.

— Вот тебе за то, что не знаешь!— зашипел урядник и, развернувшись, ударил его кулаком.

— Это они сами подсунули,— простонала Айбала, заливаясь слезами и задыхаясь от приступа кашля.

Незадолго до того она слышала, как кто-то подходил близко к койке Балтабека и зачем-то шарил под ней, но отнеслась к этому равнодушно, так как под койками у них ничего не было.

— Кто это подбросил? Что ты брешешь, дохлая!— набросился на Айбалу десятник. Урядник составил акт о найденном при обыске «казенном» сале и увел Балтабека с собою.

Ботагоз в это время жила в поселке Щучьем. Когда она окончила четырехклассную школу в Боровом, ее учительница, узнав, что из-за отсутствия средств она не может продолжать учебу, огорчилась и пожалела ее. Редкие способности и любовь Ботагоз к знаниям восхищали учительницу, и она упросила своих богатых родственников в Щучьем, откуда была родом, взять девушку на воспитание и устроить ее в семиклассную начальную школу. Там Ботагоз и училась в шестом классе.

Сначала Балтабек не соглашался отпустить сестру в Щучье, боясь, как бы ее не похитил Итбай, но учительница успокоила его.

— Не бойся,— сказала она,— Итбай не посмеет похитить ее у нас, мои родные будут посильнее его,

Узнав про арест брата, Ботагоз возвратилась домой. Она быстро выяснила истинную подоплеку его ареста и стала считать себя причиной всех бед семьи, но как помочь горю — не знала.

По возвращении домой она сразу же поступила на консервный завод конторщицей. Итбай, через Андрея Кулакова, одного из совладельцев завода, добился ее увольнения. Но ей все-таки удалось устроиться там же, на консервном заводе, промывать кишки.

Возвратясь из Петербурга, Итбай распространил слух:

— Аскар по наущению шайтана свихнулся — при виде золота и ангел сбивается с праведного пути. Он связался в Петербурге с шайкой бандитов и во время ограбления банка был пойман на месте. Расстреляли ли его, повесили или сослали в Сибирь — этого я не знаю,— шепотком сообщал он то одному, то другому.

Вот уже три года Ботагоз ждала Аскара. Она не знала, где он, и не имела от него никаких известий. Но она не забыла их прощание в вечер его отъезда в Петербург и была уверена в его любви к ней. Она часто вспоминала его и думала:

«Нет, такой человек не может обмануть... Он вернется ко мне, если только жив... Но жив ли он?..»

Вера в Аскара помогала ей мужественно переносить разлуку.

Ко всем ее тяжелым переживаниям прибавилась еще и болезнь любимой ею Айбалы. Эта болезнь тяжелым бременем легла на юные плечи девушки.

Хотя Ботагоз никогда раньше не приходилось видеть умира-

ющих больных, она понимала, что смерть невестки может наступить внезапно. С каждым днем молодая женщина таяла, как снег под солнцем. Даже голову поднять она уже не могла без посторонней помощи. Ночью потела. Барак был сырой, воздух стоял тяжелый, дул сквозняк.

С тех пор, как увели Балтабека, состояние Айбалы заметно ухудшилось. Ботагоз каждый день со страхом ожидала ее смерти. Но на работу надо было идти. И каждый вечер, возвращаясь домой, Ботагоз бежала, не чувствуя под собой ног, боясь, что уже не застанет Айбалу в живых.

Какой бы усталой она ни была, при малейшем движении Айбалы она ночью просыпалась, подавала ей воду, поддерживала голову при кашле, вытирала, не чувствуя брезгливости, мокроту, ухаживала за ней, ни на что не жалуясь.

Разгоревшаяся плошка освещала мелькающим светом собиравшуюся на работу Ботагоз.

— Ложись же, дорогая! С тех пор как увели брата, ты, кажется, не спала ни одной ночи. Посмотри на себя в зеркало — как ты побледнела, как осунулась! Хуже меня, больной. На работу еще рано, поспи немного. А то, может, совсем не пойдешь сегодня?..

Ботагоз посмотрела на Айбалу и заметила происшедшую с ней за ночь перемену. Раньше она лежала, как живой труп — похоже было, от нее остался только скелет, обтянутый кожей, скулы выдались вперед, а щеки втянулись так, что за прозрачной кожей лица, казалось, можно было сосчитать зубы. Было удивительно, как ее тонкая шея еще держала голову. Лишь глаза, проявляя признаки жизни, блестели из глубины орбит ярко, по-особому резко и остро, вызывая страх у Ботагоз. Теперь щеки Айбалы зарумянились, лицо как-будто пополнело, выражение глаз стало спокойным, она выглядела почти здоровой.

«Что с ней?»— удивилась Ботагоз.

В эту ночь Айбала чувствовала себя особенно плохо. Временами она почти теряла сознание. Но сказать об этом Ботагоз не решалась, чтобы не напугать ее. А утром ей стало еще хуже. Опасаясь, что не доживет до возвращения Ботагоз, Айбала решилась попросить ее остаться и не выходить на работу. Собрав последний остаток сил, она удержала рыдания,— на этот раз плакало ее сердце, а глаза были сухи, будто все слезы уже иссякли.

Несмотря на просьбу невестки, Ботагоз собралась идти на бойню.

Напоив и накормив Айбалу, поправив ей постель, она попросила одну из соседок-старушек присмотреть за больной, которая, словно навсегда прощаясь, неотрывно глядела на свою любимицу.

Этот взгляд заставил сердце девушки сжаться от тоски. Еле удерживая рыдания, она быстро выбежала во двор и только тут дала волю горячим слезам.

II

Буркутбай, отвязав лошадь, ловко вскочил в седло, почти не коснувшись стремени. Пегий мерин, один из лучших скакунов в табунах Итбая, подтянутый, как борзая, затанцевал на месте и понес его галопом, напирая на удила. Расчесанная светлая грива его развевалась на выгнутой шее, точно пушок филина в ветреный день.

— Ну, Буркутбай... Значит, так?..— сказал Итбай, провожая его.

— Все понятно,— ответил тот.

— Если будет удача, не постою за наградой тебе... Впрочем, не стоит говорить, увидишь сам...

Когда аул стал скрываться за ближайшими холмами, Буркутбай оглянулся назад и увидел, что Итбай все еще стоит и глядит ему вслед.

День был пасмурный. Небо сплошь затянуло серыми облаками. К вечеру мог пойти затяжной дождь. Проскакав галопом верст пять-шесть, Буркутбай почувствовал себя нехорошо и с трудом осадил коня. Его затошнило. Он приписал это неумеренно выпитому перед выездом кумысу. Тряская езда после кумыса действительно вызывает у многих чувство дурноты, кончающееся в большинстве случаев рвотой.

Чувствуя мучительный приступ тошноты, Буркутбай продолжал ехать шагом. Ему вдруг вспомнились слова Аскара, сказанные им вчера при расставании. Слова эти, обращенные к его совести жгли Буркутбая и не давали ему покоя.

«Кажется, бессовестнее меня нет никого на свете»,— упрекал он себя.

Верховодить при похищении девушек доставляло Буркутбаю огромное удовольствие. Зная это, казахи соседних аулов, часто поручали ему такие дела. И он охотно соглашался. Он чувствовал какое-то особое упоение в том, чтобы, налетев на дом намеченной жертвы, связать ее родных, отхлестать нагайкой всех оказывающих сопротивление, взвалить поперек седла или сбросить в телегу трепещущую от страха девушку, сжав ее в руках, как коршун сжимает в когтях пищащего цыпленка.

Но сегодня, когда он по поручению Итбая ехал выкрадывать Ботагоз, Буркутбай не испытывал особого восторга; напротив, при воспоминании о словах Аскара азарт его остывал все больше и больше.

Угрызения раз пробудившейся совести уже не давали ему покоя. Он думал: «Как же быть? А нельзя ли спасти Ботагоз!»

Долго ломал себе голову Буркутбай, строил всякие комбинации и вспомнил об Амантае.

«А если использовать его? Это отвлекло бы от меня подозрение Итбая,— соображал он.— Пожалуй, кстати я вчера высказал ему опасение, что нам может помешать только он, Амантай, если как-нибудь до него дойдет слух о нашем замысле».

В ответ на опасения Буркутбая, как бы Амантай не помешал их делу, Итбай упрекнул его:

— Есть чего бояться! Раньше ты не был таким трусом. Может быть, тебе жаль этой девушки, не хочешь участвовать в похищении, тогда скажи прямо: я освобожу тебя от этого бремени.

— Хотя бы сто Амантаев стояли мне поперек дороги, я один сумею пробиться сквозь них,— горячо ответил Буркутбай, и успокоенный Итбай, называя его героем, дружелюбно похлопал по плечу...

Теперь Буркутбай решил разыскать Амантая и предупредить его.

«Если Амантай подкараулит и отобьет у нас Ботагоз,— рассуждал он,— у Итбая не будет основания обвинить меня, а Амантай, наверно, пойдет на это, он головы не пожалеет ради спасения племянницы. Но вот только как найти его? Поеду к леснику Березину. Говорят, Амантай скрывается у него».

Повернув коня, он галопом поскакал к казенной лесной даче. Ему сразу стало легче: тошнота прошла, голова прояснилась, сердце успокоилось, даже какое-то радостное возбуждение охватило его.

— Эй, друг, выдь на минуточку!— крикнул он, остановив лошадь у окна деревянного домика, стоявшего на опушке леса.

— Что тебе нужно?— спросила жена Березина Марфа, вышедшая на окрик.

— Где объездчик?

— Его увезли в Бурабай.

— Зачем он уехал туда?— спросил Буркутбай, не поняв слова «увезли».

— Его урядник увез,— ответила Марфа.

— Зачем он понадобился уряднику?— удивился Буркутбай.

Марфа, не желая больше разговаривать, повернулась и ушла в дом.

«Что с ней? Почему она такая скучная?.. И глаза красные и распухли?»— подумал озадаченный Буркутбай.

Обернувшись, он увидел сидящего на пне русского мальчика, на вид лет тринадцати.

— Тебе кого?— спросил мальчик на чистом казахском языке.

— Объездчика.

— Папу увез урядник.

— Зачем?

— За то, что, говорит, скрыл какого-то беглого казаха, требует найти его.

— А кто этот беглый казах?

— Не знаю.

По выражению лица мальчика было ясно видно, что он не хочет говорить о казахе. Буркутбай решил обманом выведать у него, где Амантай.

— А ты знаешь, кто я?— спросил он, вплотную подъехав к нему.

— Нет.

— Если не знаешь, то скажу тебе. Я — родной брат того беглого казаха, приехал тайком, чтобы проведать его.

— А мне что до этого?— подозрительно поглядывая на всадника и собираясь уходить, сказал мальчик.

— Посмотри на мое лицо, разве я не похож на того казаха?— спросил Буркутбай, не давая мальчику уйти.

— Похож,— ответил мальчик, всматриваясь.

— Почему же тогда не веришь мне?

Буркутбай описал мальчику все приметы Амантая и сказал, за что тот был сослан.

— Я недавно виделся с ним, подвозил его сюда к вам; он в тот день, кажется, остался ночевать у вас,— уверял он мальчика.— Мы с ним уговорились встретиться здесь: он должен был вчера или сегодня выйти сюда к вашему дому, разве он не говорил об этом?

— Нет.

— Не скрывай же. Не может быть, чтобы он не приходил!

— Говорю же, не приходил!..

— А не сказал, когда придет?

— Ничего не сказал.

— В таком случае, он должен быть где-то поблизости от вашего дома. Проводи меня к нему.

— Я не знаю, где он.

— Нет, знаешь, он обещал сказать вашим. Я дам тебе денег, только проводи меня.

— Право же, не знаю!— ответил мальчик, колеблясь.

— Ну, опиши тогда точно, как проехать к нему. Я поеду без тебя и сам найду его. За это тоже дам тебе денег.

И Буркутбай, вытащив из кармана бумажник, вынул трешницу и показал ее мальчику. Тот, увидев деньги, испугался и хотел убежать. Но Буркутбай схватил его за плечо. Мальчик, стараясь вырваться, заплакал.

Буркутбай решил тогда силой заставить его показать, где находится Амантай. Он напряг силы, поднял его и взвалил перед собой на седло.

— Молчи, а то сейчас же задушу!— сказал он и поскакал в лес.

Мальчик дрожал от страха и молчал. Увидев похищение сына, Марфа со слезами выбежала из дому и начала вопить, оглашая лес криками:

— Саша, ау, Саша!

Но Буркутбай был уже далеко. Въехав в глубь леса, он остановил лошадь, вытащил из кармана нож и, угрожая им мальчику, потребовал:

— Скажи сейчас же правду, иначе зарежу, как барана.

Вид Буркутбая испугал Сашу, и он залепетал:

— Скажу, агай, скажу все.

— Ну, говори.

Саша, оказывается, знал все. Он рассказал, как урядник увез отца, как потом приезжал к ним Амантай и поскакал за урядником, чтобы отбить у него Березина, но, не догнав, вернулся назад. Он подробно описал, где находится Амантай, и как к нему проехать.

— Я сказал правду, я — брат Амантая,— сказал тогда Буркутбай, выпустив мальчика,— но никому не говори, что видел меня; матери своей скажи, что какой-то казах просто пошутил с тобой и отпустил. Я оставлю тебя здесь, возвращайся к себе домой, а я незаметно скроюсь. Но помни: если ты соврал или скажешь кому-нибудь обо мне, я потом ночью подберусь к вам и перережу всех вас. Понял?

— Понял,— ответил Саша, все еще дрожа.

— Ну, ступай теперь домой!— крикнул ему Буркутбай и вмиг исчез за серебристо-белыми стволами берез.

III

Еще задумав побег в Сибири, Амантай решил искать убежища в чащобах Менреу[1], если местные власти станут преследовать его, когда он вернется на родину.

Менреу потому и получил свое название, что в самую глубь его никто не проникал. Этот большой лесной массив, расположенный на юге озера Жокей, настолько дремуч, что в его чаще может с трудом продвигаться только ловкий пешеход. Зеленые кроны стройных сосен, похожие на раскрытые зонты, так переплетаются в вышине, что никогда не пропускают лучей солнца, и в лесу стоит вечный полумрак. Там нет ни мух, ни комаров, ни слепней, однако в нем и не тихо. С ранней весны и почти до самых снегов там в воздухе висит оглушительный гомон гнездящихся на вершинах сосен грачей, которым в непрерывной борьбе с коршунами, ястребами, соколами и другими хищниками приходится мужественно охранять жизнь своего потомства.

Никто из окрестного населения не знает, что из себя представляют глубинные чащи Менреу. Любопытные не находят туда дороги. Поэтому среди казахов издавна сложилось много небылиц про Менреу, вроде того, что в самой гуще его находится ло-

[1] Менреу — по-казахски значит глухонемой.

гово сатаны, где он пирует и веселится, что там сплошь расположены берлоги медведей-стервятников.

В глухой, неизведанной чаще Менреу и решил укрыться Амантай...

Не было, кажется, ни одного способа передвижения, которым бы не пользовался Амантай, пробираясь с места ссылки в Омск. В одном из ближайших от Омска аулов он добыл себе старое седло, затем в глухую ночь поймал быстроходную лошадь из чьего-то табуна, оседлал ее и с душевным трепетом поскакал в родные степи Кокшетау, где находился его аул и его домашний очаг, где протекали золотые дни детства и мятежная пора юности, где он испытывал первые ласки жизни и последний жестокий удар судьбы.

Ехал Амантай безлюдной степью, избегая населенных мест. И однажды, в сумерки он, наконец, доскакал до обычной зимовки своего аула. И не поверил глазам своим: вместо аула вдоль оврага растянулись два порядка домов большого поселка, образуя улицу длиною почти в две версты.

«А где ж наш аул? Куда он девался?»— недоумевал озадаченный Амантай, остановив усталого коня посреди поселковой улицы, и огляделся кругом.

Подъехал какой-то верховой. Амантай узнал его — он был из их аула,— но тот в темноте не опознал Амантая.

— Когда водворились здесь переселенцы?— спросил его Амантай.

— Недавно,— ответил встречный.— До этого здесь был наш аул. Один из наших аульцев, Амантай, не поладил с волостным управителем. Волостной возвел на него поклеп, его выслали куда-то в Сибирь, а на месте аула выстроили этот поселок.

— А что слышно об Амантае?

— Думаем, что его нет в живых,— от него не было никаких вестей.

— Ну, будь здоров!— сказал Амантай, дернул повод и поскакал по направлению к Менреу.

«Куда заехать по дороге? Где хоть первое время скрываться?»— тревожно думал он.

И он вспомнил лесника Березина, с которым был в приятельских отношениях. Дружба эта возникла давно. Как-то зимой Амантай, охотясь за беркутом, очень продрог и заехал погреться к Березину. Лесник лежал больной, семья его жила в большой нужде. Амантай пожалел их и целую зиму снабжал зайцами. Благодарный Березин никогда не забывал этого сердобольного казаха.

Когда Амантай был арестован и сидел в Боровом, лесник два раза приносил ему передачу.

Березин жил на опушке густого леса. За домом сразу начиналась чаща, уходившая в гору. Скрываться там было легко.

«Может быть, он не откажется на время приютить меня,— ду-

мал Амантай, выехав из поселка.— Ведь он когда-то вкусил мою хлеб-соль. Побуду временно у него, а скрыться в Менреу всегда успею».

Беглец был радушно принят лесником и рассказал ему свою историю.

— Живи хоть все лето,— сказал Березин.— Кругом тут никого нет, лес густой, при нужде скроешься там, а что кушать, у нас пока есть, ты не обременишь нас.

Однажды Амантай, вернувшись из леса, узнал, что в его отсутствие из Борового явился Кошкин. Урядник требовал от Березина выдачи скрывающегося беглеца. Лесник заявил, что в глаза не видел никакого беглого казаха. Но Кошкин не поверил ему, арестовал и увез его в Боровое.

После этого, Кошкин поехал в аул Амантая и потребовал его выдачи. Испугавшись кары, несколько жигитов из этого аула бежали и скрылись в горах. Неподалеку от лесной дачи Березина Амантай разыскал их.

— Все равно погибать нам,— сказал он им.— Давайте вместе скрываться в горах, а дальше видно будет.

— А чем кормиться будем?

— «Пища молодца и серого волка — на их путях»,— ответил он им поговоркой.

Жигиты поняли его и стали по ночам угонять скот из табунов Итбая. Волостной пожаловался Кривоносову, но попытки уездного выловить людей, скрывавшихся в труднопроходимых горах, оказались безуспешными. Тогда Итбая охватил страх. Он стал опасаться прямого нападения беглецов на свой аул. Он избегал ездить по ночам, а днем окружал себя вооруженной охраной. На ночь в ауле выставлялась стража, снабженная ружьями.

Остерегался и Амантай.

— У Итбая курук длинный,— говорил он жигитам,— берегитесь, как бы он не накинул петли на вашу шею.

В этот день, когда снедаемый угрызениями совести Буркутбай вместо того, чтобы ехать в Боровое за Ботагоз, повернул в лес на поиски Амантая, Амантай и его жигиты спокойно сидели в лесу за обедом. Вдруг из-за скалы показался всадник.

— Чужой!— предупредил один из жигитов.

— Прятаться!— скомандовал Амантай.

Когда все спрятались, Амантай, скрываясь за камнем, взвел курок и приготовился к отпору. Он сразу узнал Буркутбая.

— Ах ты, собака подлая! Подполз, как змея! Хочешь укусить? Нет, не удастся!— прошептал он и взял на прицел правый висок Буркутбая.

Он уже приложил палец, к собачке, нацелился, но раздумал стрелять: «Убить успею. Подожду. Посмотрю, сколько с ним людей».

— Амантай!— закричал Буркутбай.— Не бойся, выходи, я один, мне нужно поговорить с тобой.

«На какие хитрости пускается этот негодяй! Не покончить ли с ним сразу?»— подумал Амантай, но решил сначала расспросить, что привело его сюда. Он вышел из-за камня, держа ружье наготове.

— Эге, да ты чуть не застрелил меня,— сказал спокойно Буркутбай,— давай-ка поздороваемся сначала.— И он громко произнес:— Ассалям-агалейкум!

Амантай, не ответив на приветствие, испытующе впился в него глазами.

— Не бойся,— повторил Буркутбай, слезая с коня,— у меня никаких дурных помыслов нет, я один... Ну, как живешь? Когда и как вернулся?

Амантай продолжал молчать, злобно посматривая на непрошеного гостя.

Буркутбай подошел ближе и в немногих словах рассказал о цели своего приезда. Только тогда Амантай несколько смягчился и произнес:

— Вот оно в чем дело!

— Да, вот так, отагасы[1]. До сих пор я, как прихвостень Итбая, всем пакостил, но на этот раз у меня не поднялась рука, я решил сделать хоть одно доброе дело.

Товарищи Амантая, видя, что они мирно разговаривают, вылезли из своих укрытий и подошли к ним. Рассказав о положении семьи Ботагоз и сообщив о недавнем приезде Аскара, Буркутбай закончил:

— Больше оставаться здесь я не могу: мне нужно спешить. Помни, что, кроме тебя, у Ботагоз никого нет и некому спасти ее. Ты, верно, знаешь место, на перевале между горами Ак-Шокы и Аксак-сары, где разветвляется дорога,— там на рассвете поджидайте нас. Нападете и отобьете у нас Ботагоз.

— Там, что ли, у грязно-желтой скалы, где дорога разделяется? У той, на которой, как говорят, остался след удара секирой одного из батыров хана Аблая?— спросил Амантай.

— Вот-вот... Ты не ошибся. Именно это место. Но имей в виду: с нами будет сын Итбая Ергазы, так ты сгоряча не причини ему какого-нибудь увечья. Лучше совсем не трогай его. Надо сделать все быстро, так, чтобы спутники мои не могли опознать вас. Итбай, может быть, не догадается, что это твоих рук дело, а если даже и догадается — мало беды. Повторяю, остерегайся учинить насилие над Ергазы: кто знает, чем все кончится, я могу и пострадать.

«Не на приманку ли берет он меня? Не зазывает ли в засаду?»— подумал Амантай.

— Теперь уж решай сам,— сказал Буркутбай, садясь на коня,— я долг свой выполнил. Девушку мы повезем завтра перед зарей. Потом на меня не пеняй, если не отобьете у нас Ботагоз.

---

[1] Отагасы — дядя.

Знай, что она в тот же день станет женою Итбая. Хочешь — верь, хочешь — нет, но я не хитрю и не вру.

И Буркутбай ускакал.

Амантай продолжал стоять, глядя ему вслед, пока тот не скрылся за ближайшим поворотом в густой чаще леса.

IV

Жигиты Итбая, как было условлено, остановились в ауле, верстах в трех от консервного завода. Но напрасно они весь день прождали удалого ети три-жигита. Когда запоздавший Буркутбай, наконец, подъехал, они сидели во главе с аульным старшиной Кожаном и обсуждали, что им дальше предпринять. Солнце близилось к закату.

Буркутбай слез с лошади и подсел к ним.

— Почему ты так запоздал? Что случилось с тобою?— спросил Ергазы.

— Не знаю, кумыс ли был молодой, не дошел, или же я много выпил его натощак, но только у меня дорогой сильно заболел живот, к тому же и ход лошади моей оказался сильно тряским, пришлось слезать. Раз только я слез, лошадь моя испугалась чего-то и вырвалась у меня из рук. Я долго гнался за ней, и мне удалось поймать ее лишь тогда, когда она запуталась в поводьях.

— Хорошо, что тебе все же удалось поймать лошадь,— сказал Кожан.

— Ну, а у вас как обстоят дела?— спросил Буркутбай, переводя разговор на другую тему.

— Ничего, все в порядке,— ответил аульный Кожан.— Мне удалось подговорить кое-кого из барака. Они помогут нам. Конечно, обещал вознаградить их. Но, на несчастье, у девушки невестка при смерти: чахотка у нее, верно, скоро умрет.

— Из-за какой-то хворой женщины не подыхать же и нам! Взялись — так доведем до конца,— горячо заметил Буркутбай.

— Конечно,— согласился Кожан,— так и сделаем.

— А уговорить девушку больше не пробовал?

— Я только что вернулся с завода. Она работает там на бойне. То ли невестку жалеет, то ли по другой причине, но только она все время в слезах, и у наших жигитов не хватило духу подступиться к ней.

— Как же решили вывести ее из барака?

— На рассвете все мужчины уходят на работу, дома остаются одни женщины. Вбежим в этот момент в барак и вытащим ее во двор, а дальше все ясно.

— Недавно, как я слышал, кто-то из рода Кадыр покушался похитить девушку из этих бараков. Они тоже ворвались в барак, когда там не было мужчин. Но, говорят, женщины задали им такую трепку, что они позорно бежали. Некоторые женщины

бросались с топорами, другие с ножами, чуть не распороли насильникам животы.

— Это совсем скверно!— задрожал в страхе Ергазы.— Пожалуй, они и на нас нападут.

— Нет, не посмеют,— сказал Кожан.

— А если посмеют, что тогда?

Кожан промолчал. Возможное сопротивление женщин пугало и его самого.

«Как бы мечта моя о должности кандидата не рассеялась как туман»,— подумал он, почесывая затылок, и твердо решил не отступать.

— Что нам бояться женщин! Напустите на меня хоть сотню их, я вмиг раскидаю всех,— похвастался Буркутбай,— ведь мы-то мужчины.

— Нет, избави нас бог от женщин!— сказал Ергазы.— Они, пожалуй, хуже мужчин. В прошлом году ты с тремя жигитами, когда ездил за невестой Бектура, не мог справиться с одной бабой, вернулся с пустыми руками. Ты уже забыл об этом?

— Ври больше! Когда это было?!— возразил Буркутбай, не признаваясь.

— Ну что там толковать!— прервал их Кожан.— Надо обсудить наше дело. Если вмешаются женщины, положение у нас, действительно, будет незавидное. Нельзя ли придумать что-нибудь другое?

— Что же, давайте подумаем.

— Лучше всего было бы обманом вызвать ее из барака во двор,— высказал свое мнение Ергазы.— Мы бы тут же схватили ее, и пока опомнятся да выскочат женщины, уже и след бы наш простыл.

— Обед, верно, готов. Пообедаем, потом потолкуем еще,— сказал Кожан и встал.

За ним поднялись и остальные. Когда они вошли в юрту, в нос Буркутбаю ударил острый запах копченой конины. На очаге в середине юрты варился полный котел мяса.

— Поторапливайся, жена: гости, кажется, спешат. Мясо, может быть, уже сварилось; давай скорее лепешки,— сказал хозяин дома, которого Буркутбай знал как человека среднего достатка, но всегда гостеприимного. Хозяин, видно, догадывался, что гости готовятся к какому-то не очень хорошему делу и торопятся уезжать.

Из уважения к сыну волостного управителя, он сварил для гостей самые лакомые кусочки копченой конины: жал, жая, казы, карта и другие части. Когда мясо было вынуто из котла и все с аппетитом приступили к еде, жигиты начали измываться над Буркутбаем.

— Тут сплошной жир, одни только казы, карта и жая. Ты, верно, не станешь есть: у тебя ведь живот болит,— смеясь, сказал Ергазы.

Обычно жадный до мяса, Буркутбай на этот раз действительно ел неохотно и мало. Отсутствие у него аппетита объяснялось, конечно, не расстройством желудка.

V

Хотя главными владельцами консервного завода в Боровом были немец Штемберг и Андрей Кулаков, всем производством управлял, ведая также наймом и увольнением рабочих, третий их компаньон — татарин Габдулла Муратов. Отец Муратова был бедным коробейником и разъезжал по казахским степям, торгуя всякой мелочью — кривыми зеркальцами, иголками, гребешками — в обмен на шерсть и волос. Позже он принял участие в торговых делах купца Тойматова, разбогател и стал одним из видных богатеев округа. Ему принадлежала большая паровая мельница. Но этого ему было мало. Он вошел в компанию с несколькими крупными капиталистами. Одним из таких компаньонов Муратова был гамбургский заводчик, немец Штемберг, который, приехав из Германии, построил в Петропавловске и Боровом два консервных завода.

Габдулла Муратов хоть сам вырос в бедности, но в обращении с рабочими был жесток. На завод предпочитал нанимать казахов, а не русских и татар.

— Русские и татары требуют много денег,— говорил он Штембергу.— Они бросают работу, когда хотят, и уходят туда, где им платят больше. Казахи еще не научились искать заработка вдали от родных мест. Бедняк, который голодает в своем ауле, готов работать и за гроши.

И три четверти рабочих на консервном заводе были казахи. Рабочий получал здесь в среднем пятнадцать рублей в месяц. А женщинам, занятым на очистке кишок и брюшины, платили не более пяти-шести рублей. Но и этот мизерный заработок большинство получало не деньгами, а товарами. Муратов открыл при обоих заводах свои собственные лавки. Товары из них отпускались в кредит, в счет зарплаты, но по повышенным ценам. При расчетах рабочих часто обсчитывали. Возмущенные рабочие иногда бросали работу, избивали десятников, но так как им некуда было деваться, то все возвращались обратно на свой же завод.

Ботагоз сегодня все поглядывала в сторону бараков. Кто бы ни показался оттуда, ей казалось, что это несут весть о смерти Айбалы, и сердце ее падало от страха. Весь день перед глазами у нее стоял образ умирающей с ввалившимися щеками и хриплым дыханием. Тяжелый трудовой день, начавшийся с зари, кончался, наступали сумерки. Рабочие, узнав о приезде Муратова, спешили в контору получить жалованье. Побежала и Ботагоз. Она попросила стоявших впереди пропустить ее в контору вне очереди.

— Пропустите ее!— зашумели рабочие.— Она торопится к своей больной невестке!..

Ботагоз в испачканной кровью старой одежонке прошла в контору. Там около стола, на котором стоял набитый деньгами железный сундучок, она увидела молодого татарина в маленькой черной тюбетейке и в узком длинном пальто. Это был Муратов. При случае он непрочь был приударить за смазливенькой женщиной.

— Ну, что скажешь, красотка?— обратился Муратов к вошедшей Ботагоз на смешанном казахско-татарском жаргоне.

— Я пришла за получкой.

— Как твоя фамилия?

— Туякбаева.

— Сейчас посмотрю.

Муратов кивнул головой казаху, который стоял в дверях, по очереди пропуская рабочих. Тот вышел. Ботагоз заметила это.

— Вот нашел, сейчас подсчитаю,— сказал Муратов, оглядывая Ботагоз с ног до головы и похотливо улыбаясь.

Ей было не до улыбок этого франта, она спешила к больной Айбале.

— Тебе причитается пять рублей, не так ли?— спросил Муратов и, подойдя ближе к Ботагоз, сел на угол стола.

— Не знаю. Сколько бы там ни было, выдайте скорее.

— Подожди, еще проверю твою задолженность.

Он перелистнул какой-то журнал, остановился на одной странице и сказал:

— Ты много забрала.

— Что я взяла?

— Полфунта чаю брала?

— Брала.

— Это рубль двадцать пять копеек. Два фунта сахару брала?

— Брала.

— Восемьдесят копеек. Пять фунтов мяса брала?

— Брала.

— По тридцать копеек — рубль пятьдесят. Семь аршин коленкора брала?

— Да, брала на саван. У меня невестка при смерти.

— По двадцать восемь копеек за аршин — один рубль девяносто шесть копеек. Два пуда муки тоже брала?

— Брала.

— По рублю пятнадцать копеек — два рубля тридцать копеек. Всего семь рублей восемьдесят одна копейка. Таким образом, выходит, что ты переполучила уже два рубля восемьдесят одну копейку, так как тебе полагается ровно пять рублей. Скажи, пожалуйста, Балтабек твой брат?

— Да, брат.

— За ним числится долг в четыре рубля сорок копеек, тебе это известно?

— Нет, не знаю.

— Долг этот тоже придется уплатить тебе.

Ботагоз, растерявшись, не знала, что сказать. Дома, кроме горсти муки, ничего не было, а тут, вместо того чтобы выдать ей заработок за целый месяц, еще с нее требуют уплаты каких-то долгов за Балтабека. Помолчав немного, она с навернувшимися на глаза слезами, обратилась к Муратову:

— Дома у меня лежит при смерти невестка; кроме меня, у нее сейчас никого нет; мы очень нуждаемся. Не откажите выдать мне сколько-нибудь вперед в счет будущей получки.

— Разве такая красавица должна нуждаться в деньгах?

— Если бы не нуждалась, не просила бы.

— Я могу дать тебе...

— Спасибо большое!

— Но...— Муратов сделал длинную паузу, не спуская глаз с Ботагоз.

— Что вы хотели сказать?

— Я жигит интересный, верно?— Ботагоз молчала.— А ты тоже интересная девушка... Теперь поняла?

— Скажите прямо, что вам угодно?— вспылила она, начиная понимать намеки Муратова.

— Ты же не дитя... Долги твои будут списаны, не буду взыскивать, да еще пятерку дам тебе...

— За что же все это?!— и Ботагоз впилась злыми глазами в Муратова.

— Сбрось с себя грязную одежду, умойся, переоденься и ночью приди ко мне, я буду ждать тебя.

— А для чего приходить?

— Как для чего? Ты должна понять... Я молодой жигит, а ты молодая девушка...

— Ах ты, собака!— процедила Ботагоз сквозь стиснутые зубы.— Свинья поганая! Сволочь!— и, повернувшись, выскочила за дверь.

Как только она вышла из конторы, слезы обиды градом покатились из ее глаз.

Прибежав домой, Ботагоз первым долгом, как всегда, справилась у невестки, как она чувствует себя. Не желая расстраивать ее, Айбала, по обыкновению, сказала: «Ничего, сносно»,— но слова эти она произнесла с трудом, еле слышно, растягивая каждый слог. На самом деле ей сегодня было хуже. Ботагоз пощупала лоб Айбалы,— лоб был влажный и холодный,— и мурашки пробежали у нее по спине; со слов заводского фельдшера она знала, что такое состояние у легочных больных бывает перед смертью.

Айбала, чувствуя приближение конца, решила, пока она еще в сознании, проститься с золовкой.

— Милая, приподними мне голову,— еле произнесла она, задыхаясь.

— Не хочешь ли поесть или выпить чего-нибудь?— спросила Ботагоз, приподняв ее и положив под голову подушки.

— Дай чуточку промочить горло.

Ботагоз поднесла к губам больной чашку с холодным коже. Айбала попыталась сделать глоток, но напиток вылился у нее изо рта.

«Значит, наступает»,— подумала она.

Сердце ее сжалось, язык подчинялся плохо, хотелось плакать, но и слезы как будто высохли.

— Еркем!— прошептала она.— Родная моя... друг мой единственный... прости меня... Прощай навсегда...

Ботагоз замерла. Какой-то комок подкатился к горлу и остановился; она задыхалась.

— Апатай, не говори плохих слов!— пролепетала она сквозь слезы.

Она осторожно повернула Айбалу на бок. В этом положении, без движения и без единого звука, больная пролежала до утренней зари. Только изредка вздрагивали и шевелились ее губы. Ботагоз, сидя у постели невестки, проплакала всю ночь. Айбала не отрывала от нее глаз и все удивлялась неиссякаемости человеческих слез.

Жены рабочих с соседних коек, увидев, что Айбала совсем плоха, старались успокоить плакавшую девушку. Когда начало светать, та самая старуха, которая, по просьбе Ботагоз, днем ухаживала за Айбалой, заметила, что дыхание у больной замедляется.

— Ты, милая, все плачешь. У тебя заболит голова,— сказала она девушке, поняв, что Айбала кончается.— Выйди во двор, подыши чистым воздухом и освежись, а мы пока вместо тебя посидим с больной.

— Послушайся, милая, иди освежись,— произнесла неожиданно Айбала.

Обрадованная Ботагоз посмотрела на Айбалу. Вид невестки показался ей значительно лучше вчерашнего. Успокоенная этим, она вышла во двор. В этот момент Айбала с хрипом и свистом втянула ртом воздух, слегка затрепетала и... заснула навеки... Короткая жизнь еще молодой женщины оборвалась...

Аромат весеннего воздуха сразу опьянил Ботагоз, у нее закружилась голова.

«Вот бы Айбале подышать этим воздухом — сразу бы поправилась!»— подумала она.

Восток начинал светлеть. Кругом царила тишина. Бархатный ковер буйной майской зелени расстилался от самого порога. Ботагоз потянулась, зевнула и медленно пошла к ближайшей низине, в радостной надежде, что Айбала, может быть, еще поправится.

Вдруг кто-то сзади схватил ее. Она вздрогнула и рванулась, но крепкие руки так стиснули ее, что она чуть не задохнулась.

Не успела она опомниться, как в мгновение ока очутилась на быстро подкатившей тележке.

Кто-то навалился на нее, закрыл ей рот и крикнул:

— Пошел!

Ботагоз почувствовала только, как лошади быстрее ветра помчали куда-то.

Когда тележка выехала из Борового, седоки, пошептавшись, освободили Ботагоз рот, подняли и посадили ее.

Утренняя прохлада и легкий ветерок от быстрой езды привели Ботагоз в себя; она взглянула на своих похитителей и узнала Буркутбая и Ергазы. На козлах сидел еще какой-то жигит. Лошади мчали во весь дух.

— Освободите мне руки!— крикнула она, сердито глядя на Ергазы.

Буркутбай и Ергазы переглянулись и, решив, что ей никуда не убежать, освободили руки пленницы.

— Куда вы везете меня?— спросила она.

— В аул,— ответил Буркутбай.

— В какой аул?

— К нам.

— Зачем?

— Будешь женой...

— ...Отца!— добавил Ергазы.

От неожиданного удара в переносицу у Ергазы искры посыпались из глаз. Он схватился за нос и ощутил что-то теплое. Посмотрев на руку, Ергазы увидел, что она вся в крови. Ботагоз замахнулась было еще раз, но руку ее перехватил Буркутбай, и она опять оказалась в тисках.

— Звери! Негодяи!— крикнула Ботагоз, задыхаясь от ярости.— Неужели не осталось в вас ни капли совести? Люди вы или звери?

— Люди!— сказал Ергазы.

— Нет, вы не люди! Как у вас, у свиней поганых, могла подняться рука, когда у меня умирает невестка?

Она рванулась, но сильные руки Буркутбая держали ее крепко.

— Эй, Буркутбай!— обратилась к нему Ботагоз.— Хотя душа у тебя, наверное, темна, как ночь, но в бога же ты веришь, ради этого бога сжалься надо мной!

— А что я должен сделать?— спросил Буркутбай; слова Ботагоз, как игла, пронзили его сердце.

— Вот что. До сих пор я отказывалась выйти за Итбая, верно? Теперь я согласна. Но...

— Давно бы так...

— ...Но у меня есть единственная просьба, первая и послед-

няя. Я готова стать рабой Итбая, честное слово, говорю правду! Не откажи только исполнить эту мою просьбу.

— Какую?

— Ты знаешь, что Айбала при смерти. Я люблю ее больше жизни. Кроме меня, около нее нет никого из близких. Она, верно, не проживет и одного дня. Дай мне возможность закрыть ей глаза и похоронить ее своими руками. После этого в тот же день я сама приду к Итбаю. Поверь мне, клянусь!

— Э!— протянул Ергазы, ехидно хихикая.— Об этом и толковать нечего! Нашла дураков!

— Ты же еще молод; вся жизнь у тебя впереди... Разве ты не человек?— обратилась Ботагоз теперь к Ергазы.

— Человек-то человек, но разве можем мы отпустить тебя?! Что скажет отец?

— Я же говорю вам, говорю искренне, что в тот же день, как похороню невестку, приду сама. Клянусь!

— Нашла дураков!

В это время они уже перевалили Аксак-сары и подъезжали к месту разветвления дороги. Левая, ведущая в аул Итбая дорога шла вдоль опушки густого соснового бора. Как только тележка свернула на эту дорогу, из лесу выскочили человек десять верховых и преградили путь.

— Это еще что за беда?— прикинувшись возмущенным, закричал Буркутбай.

— Кто это?— с ужасом крикнул Ергазы.

Не обращая внимания на седоков, всадники ударами нагаек остановили лошадей, кто-то схватил коренника за повод, другие бросились к тележке, ссадили Ботагоз, подвели к ней верховую лошадь и крикнули:

— Садись скорее!

— Кто же вы?— спросила Ботагоз.

— Потом узнаешь, скорее садись!— торопили ее. Ергазы от страха лишился языка. Буркутбай, подражая ему, тоже молчал. Сидевший на козлах жигит замер. Как только Ботагоз села на лошадь, всадники окружили ее, галопом поскакали к лесу и вмиг скрылись. Ергазы никого из них не узнал.

VI

Темирбек хорошо знал, что Итбай охотится за Ботагоз, что Кенжетай пострадал за то, что ограждал сестру от посягательств волостного, и потому решил уйти от Итбая.

— Дай расчет,— сказал он хозяину, вернувшись как-то с работы после ареста Кенжетая.

— Да ты чего это?— спросил удивленный Итбай.

— Хочу уходить.

— Почему?

— Хочу уходить.

Среди батраков Итбая честнее и трудолюбивее Темирбека не было. С зари до поздней ночи, не зная устали, он безропотно работал как вол. За это его очень ценили и сам Итбай, и отец его, Байсакал. Они долго увещевали Темирбека остаться, не понимая причины, почему это вдруг ему вздумалось уходить. Но Темирбек, не объясняя ничего, твердил одно:

— Давай расчет, хочу уходить.

Итбай нарочито оттягивал расчет. Тогда Темирбек махнул рукой на свой заработок и ушел самовольно. Он отправился на золотые прииски и поступил там в артель старателей. Мать свою, Улберген, он перевез из аула к себе. Его заработка в артели еле хватало ему с матерью на пропитание, но деваться было больше некуда, и он оставался там. Темирбека все время мучила мысль о Ботагоз. Он опасался, что Итбай может увезти ее насильно. «Если он это сделает,— твердо решил Темирбек,— я заберусь ночью в дом к нему и зарублю топором и его самого и все его потомство, а потом убью и себя». Темирбек действительно купил топор, остро отточил его и постоянно держал наготове.

С тех пор как он съездил к Айбале и Ботагоз, мать не давала ему покоя. Она плакала и упрекала его за то, что он не привез больную невестку и сестру. Он и сам жалел теперь об этом. Настойчивое требование матери привезти скорее Айбалу и дочь заставило его опять просить старосту артели освободить на день от работы и дать подводу. Но староста решительно отказал ему.

— Нельзя же ездить каждый день!— сказал он.— Привез бы их в прошлый раз. Меня и так все в артели ругают из-за тебя.

Он пригрозил Темирбеку, что его выгонят из артели, если только он вздумает уехать самовольно.

Несмотря на это, Темирбек выпросил у кого-то лошадь и стал собираться.

— Можешь прогнать меня, но я поеду!— заявил он старосте.

Исключить Темирбека из артели староста не мог, так как среди старателей не было равного ему в работе. Убедившись, что Темирбека не отговоришь, он махнул на него рукой:

— Ладно уж, поезжай, но вернись поскорее!..

Темирбек выехал в полночь. Всю дорогу его беспокоила мысль, в каком положении он застанет Айбалу. Когда на рассвете он подъезжал к перевалу Аксак-сары, навстречу ему попались какие-то люди, ехавшие на паре. Они, не останавливаясь, укатили дальше, но Темирбек узнал Буркутбая и Ергазы.

Он подъехал к бараку, когда солнце только взошло, и, привязав лошадь к столбу, зашел в барак. Возле лежавшего на полу тела Айбалы угрюмо сидели три женщины. Лицо у покойницы было закрыто старым халатом.

— Где Айбала, жена Балтабека?— спросил Темирбек.

— Она здесь. Зачем она тебе? Кто ты?— ответила одна из старух.

— Я брат Балтабека.

— Это же тот самый жигит, который недавно приезжал за ними,— заметила другая женщина.

Старуха внимательно посмотрела на Темирбека и тихо произнесла:

— Невестку твою, милый, отдали всевышнему, да будет вам благополучие в остальном!

Не дошло ли сказанное до сознания Темирбека, или же он уже раньше примирился с мыслью о неизбежной смерти Айбалы, но только женщинам показалось, что весть не произвела на него особого впечатления. Он тут же спросил:

— А где же Ботагоз?

— Ботагоз вышла погулять и еще не возвратилась...

— Куда же она ушла?

— Во двор. Когда Айбале стало плохо, мы выпроводили ее, чтобы она не испугалась...

— Куда же она могла деться?

— Не знаем, где она, бедняжка, слоняется, может быть, ушла на работу,— сказала одна из старух.

— Этого не может быть, тогда бы она сказала,— возразила ей другая.

— Почему ж ее нет так долго?

— Да, прошло не мало времени.

— Где же Ботагоз?— снова спросил Темирбек, почти задыхаясь от волнения.

— Не знаем,— ответили женщины.

Он выбежал во двор и стал расспрашивать всех встречных, не видели ли они Ботагоз. Но никто ничего не мог ему сказать. Тогда он отвязал лошадь и поехал на бойню. И там не было ее. Он вернулся в бараки, и тут одна женщина из соседнего барака рассказала ему, что на рассвете, выйдя во двор, она видела, как какие-то люди на паре лошадей подъезжали близко к баракам и, силой захватив кого-то, ускакали. А кого, она не знает.

Темирбек вспомнил о встреченных им на пути Буркутбае и Ергазы, но отбросил мысль о них, так как Ботагоз с ними он не видел.

До полудня он все разыскивал свою сестру, а потом, положив на телегу тело Айбалы, повез его к себе на прииск.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАСПЛАТА

I

Отняв Ботагоз у похитителей, Амантай решил не возвращаться к Березину, а направился прямо к Менреу и по только ему одному известным тропам скрылся вместе со всей группой в его неизведанных чащах.

Некоторое время об Амантае не было слышно, но однажды ночью, взяв с собой нескольких отборных жигитов, он напал на табуны Итбая. Захватив два косяка упитанных яловых кобылиц, он пригнал их к заброшенному старому загону, неподалеку от Менреу. Жирная конина на долгое время обеспечила Амантая и его жигитов. Но узел вражды между Итбаем и Амантаем завязался еще туже. Каждый из них ждал друг от друга самых коварных и жестоких действий.

Однажды один из лазутчиков Амантая привез неожиданную весть:

— Царь решил брать казахов в солдаты!

— Где ты это слышал?

— Вчера этот приказ привез урядник. Сегодня в аулах большой переполох.

— Я знаю, ты бываешь иногда скор на выдумки, смотри! Такими вещами не шутят,— сказал Амантай, нахмурившись.

— Что я болтун или ребенок?— рассерженно буркнул верховой.— Теперь не до шуток!

— А какой возраст будут брать?

— От девятнадцати до тридцати одного года.

— Чей это приказ?

— А я почем знаю, чей! Привез урядник, а чей — не сказал.

— А что в аулах?

— Переполох. Народ — как стадо баранов, на которых напал волк: мечется в смятении.

Все умолкли и задумались.

— «Большой куырдак бывает, когда режут верблюда»,— говорят в народе,— прервал наконец молчание Амантай.— Вражда между мной и Итбаем — пустяки. Настоящая схватка начнется только сейчас.

Жигиты вопросительно посмотрели на него. Он продолжал:

— Увидите, вся тяжесть приказа ляжет на плечи простого народа, на нас, бедняков. Сынки баев увернутся от воинской повинности. Итбай и другие волостные управители, старшины и царские чиновники набьют себе карманы, за взятки освобождая их от солдатчины, а нашего брата будут посылать на фронт, подходит он или не подходит по приказу.

— Верно!— согласились жигиты.

— Но народ не стерпит на этот раз,— продолжал Амантай.— Всякое терпение лопнет...

По большой наезженной дороге стремительно неслась со стороны Бурабая пара. Еще издали увидев ее, Итбай догадался, что это едет Кошкин.

Аул Итбая находился в то время за зеленым холмом Кексенгира, в жайляу степной поляны, растянувшейся вдоль озера Силеты. Обычно путь от Бурабая до этого места совершали в полтора суток, но в последний месяц зачастивший сюда Кошкин покрывал это расстояние в один день, гоня лошадей во весь опор и нигде не останавливаясь.

Оглашая безмолвную степь звоном двух привязанных в дуге колокольчиков и тучей поднимая пыль, лошади домчались до юрты Итбая.

— Аман!— по-казахски приветствовал Итбая Кошкин, спрыгнув с телеги.

— Здрасти!— ответил Итбай.

— Я вам привез чрезвычайный приказ.

— Что за приказ? Проходите, пожалуйста, в канцелярию.

Канцелярия волостного управителя помещалась в отау[1] Итбая. Горбунов сидел там за столом и что-то писал, изредка отхлебывая из чашки кумыс.

— А, Платон Трофимович! Милости просим.

— Мое почтение, Гаврила Гаврилович!

Заметив, что Кошкин поглядывает на чашку с кумысом, Итбай любезно предложил ему:

— Не хотите ли кумыса?

— Пожалуй.

Кошкин залпом выпил большую чашку выдержанного кумыса, указательным пальцем смахнул со лба моментально выступившие капли пота и только тогда взялся за свою сумку.

— Ну, как дела с Амантаем?— спросил Итбай.

— Пока ничего не выходит. Не дается. Киргизы врут, скрывают. Многих и плеткой попотчевал — не сознаются, собаки, не говорят. Известно, киргизы все подлецы!.. Извините!..— почувствовав некоторую неловкость, сказал Кошкин, виновато взглянув на Итбая.— Это не относится к таким благородным киргизам, как вы. Я говорю о простых киргизах.

— Что думает делать уездный начальник?— спросил Итбай, не отвечая на извинения Кошкина.

— Я предложил уездному начальнику спалить Менреуский бор!

— Правильно!— воскликнул Итбай.

— Но он не согласился. Казенный лес пропадет, говорит он,

[1] Отау — юрта младшей жены.

и окрестное население пострадает. Но я привез вам новость поважнее...

Урядник вынул из своей сумки запечатанный сургучной печатью пакет и подал Горбунову. Писарь вскрыл пакет и молча пробежал глазами вынутую из него бумагу.

— Что там?— нетерпеливо спросил Итбай, не дожидаясь, пока Горбунов кончит читать.

Писарь, то по-русски, то по-казахски, старался объяснить ему, что согласно полученному приказу будут брать на тыловые работы и казахов в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года, но увидел, что Итбай не понимает его.

Сообразив, что волостной не знает значения слов «тыл» и «окоп», Горбунов нарисовал на бумаге различные военные позиции и с большим трудом кое-как передал ему содержание полученной бумаги.

— Приказ от самого царя,— добавил он.

Известие о призыве казахов в солдаты не особенно удивило Итбая. На совещании волостных управителей в Кокшетау Кривоносов, разъясняя, какую помощь они должны оказать фронту, по секрету передал таким, как Итбай, надежным управителям и о возможности призыва казахов в армию. Итбай первый заявил уездному начальнику, что, если потребуется, он заставит свою волость подчиниться царскому приказу. Поэтому сейчас, не вдаваясь в обсуждение приказа, он ушел, сославшись на дела.

— Теперь мы заживем!— улыбаясь, сказал Кошкин Горбунову, как только Итбай вышел.

— Похоже!— согласился тот, тоже улыбаясь.

— Где посемейные списки?

— В сундуке.

— Берегите эти списки как зеницу ока... Это, милейший, клад у вас.

Горбунов понимающе кивнул головой.

— Гаврила Гаврилович, а может, вам жалко будет делиться доходами?

— Ну, что вы, Платон Трофимович! Человеку жалко поделиться малым доходом. А теперь чего мне жалеть: вся волость у нас в руках, хватит и вам и мне.

— Глядите, Гаврила Гаврилович! Итбай жаден. Весь белый свет ему дай — и то скажет «мало». Если он захочет загребать, не соглашайтесь.

— Конечно, конечно. Ведь списки у меня!

— Ну, теперь, Гаврила Гаврилович, мы разбогатеем!

— Уж постараюсь, Платон Трофимович. И вы в обиде не останетесь.

И, положив перед собой посемейные списки жителей волости, они углубились в таинственную работу, разговаривая вполголоса, хотя никто их не мог услышать.

В пакете, который привез Кошкин вместе с указом от 25 июня

о «реквизиции» казахов, находилось предписание Кривоносова Итбаю съездить к приставу в Котыр-коль[1] и получить от него подробные инструкции. Захватив с собой Горбунова и некоторых аульных старшин, Итбай спешно к вечеру выехал в Котыр-коль.

— Открывай пошире крышку сундука, отец!— сказал Итбай Байсакалу перед отъездом.

— Зачем это, свет мой?

— Скоро деньги приплывут.

— Откуда это, свет мой?

— Откуда деньги текут? От народа.

— Какие деньги?

— Если посулишь им оставить сыновей дома и не посылать в солдаты — не только деньги, и души свои отдадут.

Хотя Байсакал и не вмешивался в торговые дела Итбая, но сундук с деньгами находился в его ведении. Как только приказчики Итбая возвращались с ярмарок и базаров, где продавали скот, Байсакал требовал от них строгого отчета. Если сделки бывали прибыльнее обычного, он приходил в совершенное умиление. После каждого отчета аульных старшин или после каждого возвращения сына с разбора каких-либо распрей Байсакал неизменно спрашивал: «Сколько же для кармана?» А сейчас наметившиеся виды на доходы в связи с мобилизацией обрадовали его сильнейшим образом.

— А что же,— сказал он сыну,— если сумеешь, почему бы тебе и не освободить их побольше?

Весть о мобилизации уже успела распространиться по соседним аулам, и к Итбаю стали съезжаться встревоженные люди со всей волости.

Многие из приехавших, узнав, что Итбай отправился далеко, в Котыр-коль, все же остались ждать его возвращения. Желая показать, что сын болеет за народ, Байсакал встречал приезжавших словами:

— Итбайжану не сидится дома. Измучился, бедный! Как же иначе? День и ночь печется о народе. Не слезами, а кровью плачет он, когда думает о постигшем нас несчастье,— говорил им Байсакал.— Если потребуется, он и жизнь свою не пожалеет. «Пойду,— говорит,— за народ в огонь и в воду. Все свои силы,— говорит,— приложу, чтобы не отдать ни одного жигита!» Но кто знает, что сулит господь?!

Не дожидаясь возвращения Итбая, многие, памятуя пословицу «пустая чаша молитве не внемлет», не смея говорить с самим стариком, стали обращаться к брату Итбая, Еликбаю:

— Помоги, дорогой, переправить в списках годы моего сына. Пусть брат твой укажет его возраст выше или ниже, и возьми сколько тебе надо!

---

[1] Котыр-коль — название поселка.

С такими просителями Еликбай начал открыто торговаться, как при купле-продаже лошади. Поторговавшись с одним, с другим, с третьим, Еликбай установил таксу — сто рублей с каждого жигита за изменение в списках его возраста. Хотя с Еликбаем договаривались как будто тайком, никто не скрывал друг от друга цены подлога. Многие озабочены были тем, что у них не оказалось такой суммы. То и дело просили друг у друга взаймы. Те же, у кого дома были деньги, специально посылали за ними людей или сами мчались домой.

В самый разгар торговли, развернутой Еликбаем, из Қотыр-коля, пробыв там пять дней, вернулся Итбай с аульными.

— Ну, как?— были первые слова, которыми собравшиеся встретили Итбая, не дав ему слезть с телеги и даже не поздоровавшись.

— Что как? Наказывает нас бог. Разве волк бросит добычу? Берут!

— А ты что сказал им?

— Старался сделать все, что мог, спорил, заявил: «Нет у меня людей, не дам!» Но что мои слова для начальства? Посадили меня на целый день под арест, а потом, по приказу уездного начальника сместили с должности.

— Ох, наш дорогой!.. Вот истинный сын народа!— умилились некоторые.

— А кого же посадили на твое место?— спросили другие.

— Еликбая.

— Қакого Еликбая?

— Разве не догадываетесь, какого Еликбая?— насмешливо ворчали третьи, стараясь все-таки, чтоб их не услышал волостной.— Его собственного брата! Не все ли равно, кто из них? Қакая между ними разница? Это одно только жульничество.

— Қакое может быть тут жульничество? Много ли он выиграет, если на беду толкает родного брата, хоть сам и останется в стороне?— возразил им кто-то.

— Небось, не пропадут ни тот ни другой,— стояли на своем более опытные.

— Я заявил им, что и Еликбай откажется быть волостным, так как мы родные братья,— притворно вздохнув, сказал Итбай,— но это не помогло. Начальство одно твердит: кандидат — Еликбай, назначить другого закон не позволяет.

Те, кто уже успели дать Еликбаю взятку, были довольны, но большинство смотрело хмуро.

— А теперь, дорогие, дайте промочить горло, все пересохло, ехал без остановки, торопился. Остальное расскажу потом,— сказал Итбай, слезая с телеги и направляясь в свою отау.

За ним туда же ввалились и многие из просителей, но всех юрта вместить не могла.

Попивая кумыс, Итбай приглядывался к окружавшим его людям — кто приехал, из какого аула. Не было ни одного муж-

чины в волости, которого он не знал бы. Среди собравшихся были, главным образом, аульные аткаминеры, простых трудовых людей было мало.

Итбай заранее подготовил аульных старшин, ездивших с ним в Котыр-коль. Он наказал им передать по секрету всем влиятельным лицам их аулов: пусть они не беспокоятся — сыновья их будут освобождены или оставлены здесь на какой-либо легкой работе.

— Но,— предупредил Итбай,— пусть они примут все меры, чтобы держать аулы в повиновении. Пусть внушат народу, что нельзя выступать против вооруженных царских войск и погибать ни за что. Так или этак, а придется отдать столько людей, сколько от нас требуют.

Когда Итбай ушел в свою юрту, люди, не попавшие туда, стали оживленно толковать о свалившемся на них несчастье. Тут-то и начали орудовать старшины, выполняя приказание Итбая. Кое-кто поверил им, но таких было мало. Почти все продолжали возбужденно обсуждать положение, не доверяя словам своих старшин. Однако зароненная в каждом из них надежда, что его-то сын останется и не пойдет на фронт, производила свое действие. Шум постепенно стих. Толпа разбилась на маленькие группы. Разговоры велись уже вполголоса.

II

Аскар после долгих хлопот добился перевода в волость Итбая, на ту же работу по переписи. Он немедленно поехал в поселок Бурабай, но не нашел там ни Ботагоз ни ее родных. Тогда он снова обратился к Буркутбаю, и тот чистосердечно рассказал ему все, что знал об их судьбе.

Тяжелая участь, постигшая эту близкую, родную ему семью, очень удручала Аскара. Его утешало только то, что Ботагоз, находясь у Амантая, чувствует себя в безопасности.

После приказа о мобилизации казахов на тыловые работы, когда в казахской степи началось сильнейшее брожение, Аскар решил бросить свою работу и присоединиться к Амантаю. Слухи о небольшом отряде, который собрался вокруг Амантая в лесах Менреу, доходили до Аскара и раньше. Теперь же он, разъезжая из аула в аул, все чаще слышал разговоры о том, что жигиты то в одиночку, то группами по нескольку человек бежали от мобилизации в Менреу.

В аулах к Аскару часто обращались за советом: как им быть, как поступить? Идти ли на тыловые работы, подчиняясь приказу царя, или последовать примеру жигитов, уходивших в степь?

Первое время он не знал, что отвечать им.

Почти три года он провел среди неграмотных, невежественных людей, кочевавших круглый год со своим скотом в самой глухой части степи. За все это время он не видел ни газет, ни

журналов, ни книг. Не встретил он ни одного культурного человека, никого, с кем мог бы поговорить о политическом положении в стране.

Аскар видел, что народ везде живет плохо, что его угнетают и царские чиновники, и свои баи. Но в далекой степи голос протеста был совсем заглушен. Вековые традиции были там особенно сильны, родовой быт давал себя особенно знать. Там совершенно не ощущалось влияние города, не слышно было и слова о свободе.

Только по возвращении на родину Аскар почувствовал глухое брожение, не прекращавшееся в народе и иногда переходившее в открытое возмущение действиями царской власти и местных баев.

Война резко ухудшила положение народа. Тяжелым гнетом ложились на него увеличившиеся налоги, принудительные поставки лошадей, рогатого и мелкого скота, юрт и разных материалов. Наиболее чувствительны были для бедноты и малозажиточных семей, при натуральном хозяйстве казахского аула, денежные поборы, которые выколачивались баями, аульными старшинами и волостными управителями под видом добровольных пожертвований.

И в то время как народ страдал и нищал, баи и начальство богатели, наживаясь на народном горе.

Взяточничество процветало в невиданных размерах. Народ грабили почти открыто. Против царских чиновников, против баев и волостных управителей накопилось в народе столько ненависти, что достаточно было искры, чтобы в степи вспыхнул пожар всеобщего восстания.

Не искра, а молния с ясного неба ударила в степь, когда 25 июня 1916 года обнародован был царский манифест о мобилизации в армию на тыловые работы казахов, киргизов, узбеков, туркмен, дунган и уйгуров. Впрочем, в указе употреблялось слово «реквизиция», а не «мобилизация», как будто речь шла о реквизиции скота.

Появление этого указа вызвало волнения не только в казахских аулах, но и среди казахов в городах. Восстание казахов против указа о мобилизации вспыхнуло стихийно.

Казахи, жившие в городах,— рабочие, ремесленники, служащие,— в течение нескольких дней бежали, бросив работу, в степь. Аулы же поднялись все.

Степь переполошилась. У кого были кони, уезжали на конях; у кого не было их, уходили пешком. Днем и ночью в аулах стоял несмолкаемый шум. Там и тут стихийно создавались отряды, ходом событий выдвигались командиры. Ближайшей целью еще неорганизованных повстанцев было уничтожение посемейных списков, и народ двинулся против волостных управителей.

При отсутствии у казахов метрических записей, посемейные списки служили единственными документами, удостоверявшими

возраст казаха Отсутствие посемейных списков затруднило бы, а то и совсем сорвало бы «реквизицию».

К началу августа во всех областях и уездах и почти во всех волостях сформировались то более, то менее значительные повстанческие отряды.

Отряд Амантая, по слухам, дошедшим до Аскара, к этому времени насчитывал уже несколько тысяч человек. Держался он пока в чаще Менреу, не предпринимая крупных операций.

Аскар выехал в Менреу довольно рано, но, как он ни спешил, в пути его застигла ночь. Тьма стояла такая, что не видно было ни зги. Сильный ветер, дувший в лицо, с каждой минутой усиливался.

На севере от озера Жокей возвышается небольшой холм Аюлы (Медвежий). По обеим сторонам дороги, между этим холмом и берегом озера, тянутся не очень густые ряды сосен. Аскару стало не по себе, когда он въехал в этот лесок. Ему приходилось слышать, что лесной массив Менреу зорко охраняется повстанцами, они не подпускают туда никого из посторонних. А с царскими чиновниками и с баями они вообще не церемонятся. Конечно, Амантай не даст его в обиду, но в пути ведь всякое может случиться. Нужно быть настороже и, если остановят по дороге, требовать, чтоб его привезли к самому Амантаю.

Но тревога, охватившая Аскара при въезде в лесок, начала понемногу проходить. Он проехал уже порядочную часть дороги, а никто не напал, никто не остановил его. Вой ветра не казался уже таким зловещим, даже ночь как будто посветлела.

Но при выезде из леска, когда дорога стала поворачивать за холм, две пары сильных рук схватили его лошадь под уздцы, а несколько верховых окружили его.

— Стой! Кто такой?— раздался грозный окрик по-казахски.

Аскар растерялся. Что ответить? Скорей всего, это жигиты Амантая. А что если это засада царских войск?

Однако долго раздумывать Аскару нельзя было. И он решился:

— Я Аскар Досанов. Еду к Амантаю, своему другу и родственнику.

— А почему едешь ночью?

— Еду издалека и спешу. Вот ночь и застала в пути. Да и боюсь ехать днем, чтобы меня не захватил уездный начальник. Итбай написал на меня донос, что я бунтую народ против царя. Хочу проехать поскорей к Амантаю.

— Вот что, друг!— сказал один из всадников, человек, видно, пожилой, если судить по голосу.— Мы не можем оставить свой пост, не можем и отпустить тебя. Подожди до утра здесь, и мы тебя проводим до места.

Нельзя передать радость, которую испытали при встрече Ботагоз и Аскар, разлученные друг с другом почти четыре года и теперь вновь встретившиеся при обстоятельствах столь не-

обыкновенных, в обстановке столь необычайной. И Аскар и Ботагоз сильно изменились за это время. Им пришлось много перестрадать, испытать несчастья, пережить тяжелое горе. Особенно заметно это было на Ботагоз. Это была уже не прежняя то робкая, то шаловливая полудевочка-полудевушка, которая непрочь была и по-детски порезвиться, и по-ребячьи расспрашивать всех обо всем. Перед Аскаром стояла серьезная девушка, которую перенесенные несчастья не ожесточили, а сделали взрослой и самостоятельной. Прекрасное лицо Ботагоз светилось умом и отвагой. Даже необычное положение в лесу, среди сотен молодых жигитов, казалось, не смущало ее.

Да, сильно изменились за это время Аскар и Ботагоз, но не изменилась их любовь друг к другу. Оба почувствовали это с первого взгляда. Как же было не радоваться этим двум молодым существам, которые после долгой разлуки, наконец, нашли друг друга!

Не скрывал своей радости и Амантай.

— Ах, Аскаржан, ах, дорогой мой! И как же я рад тебе! Я человек простой, неграмотный, а гляди, какая тяжесть легла на мои плечи. Ты должен помочь мне. Побудь, побудь с Ботагоз, а потом зайди ко мне, поговорим о народных делах, обсудим, что же нам делать...

После обеда Амантай и Аскар ушли на полянку, где никто не мог помешать их разговору.

— Я не стану спрашивать, дорогой, как ты живешь, и не буду рассказывать о себе. Не по обычаю это, но и время теперь необычное. Не о себе — о народе должно быть наше первое слово. Народ бедствует, народ обнищал, обносился, ходит в лохмотьях, многие голодают, люди не знают, чем будут сыты завтра. От нас требуют скот, шерсть и кожу по ценам прошлогодним, а нам продают все втридорога. Каждый день что-нибудь поставляй — то кошму, то попону, то повозку, а то и целую юрту. Волостные приезжают, говорят: «Жертвуй, царю на войну деньги нужны»,— а откуда у нас деньги, денег у нас всегда мало было. А такие, как Итбай, богатеют, набивают себе карманы. У бедняка скот задаром отбирают, а бай свой скот продает царским чиновникам по большим ценам и наживается. Без взятки никуда не сунься, а бай — тот просто тебя ограбит.

Амантай умолк и задумался, как будто подбирал подходящие слова, чтобы продолжать.

— Горой бед навалилась на нас эта война. Глухой ропот давно шел по степи, но народ терпел, пока не захотели забрать у него даже жизнь. Раньше баи обращались с нами как со скотом, а теперь уже продают как скот. Нет ни одного посемейного списка, который не был бы переправлен. Итбай установил даже таксу — сто рублей за душу. Подростков записывает отцами семейств, пожилых превращает в юношей. Кто может платить,

остается в ауле, а у кого нет денег, бежит в степь, в горы, в леса... Вон, смотри, сколько собралось их в одном только Менреу. Я и сам не знаю, сколько жигитов теперь у меня. Бегут ко мне, потому что верят. Еще до указа я боролся с Итбаем, а сильнее Итбая они зверя не знают. Но я простой охотник. Пока у меня было двадцать-тридцать человек, я еще мог управиться с ними и знал, что мне делать. Но сейчас ведь другое дело. Не кобыл или даже косяк коней угонять предстоит нам. Нас ждет кровавая борьба. Вот несколько тысяч жигитов бежали сюда от царского указа. Стерпит это царь? Нет. И не только здесь. Слухом земля полнится, что не только в нашем округе, но и во всех других округах Акмолы, и в Тургае, и в Семиречье происходит то же самое. Значит, царь вышлет против нас войско. Сдаваться? Нет, мы не хотим сдаваться! Воевать? А как нам воевать? Где достать оружие, как обучить людей, как распределить их? Пока еще верят мне: я человек храбрый. Но вот спросят меня: как нам быть, что делать?— и я не буду знать, что ответить, и потеряют доверие ко мне. А кто станет на мое место, к кому пойдут они? Вокруг все люди простые, неграмотные, военного дела не знающие... Вот о чем я думаю и вот в чем я прошу тебя помочь мне. Я не тороплю тебя. Побудь здесь, поживи с нами, присмотрись к тому, что тут делается, и скажи нам свое слово.

Конечно, многое из того, что говорил Амантай, не было ново для Аскара. Но теперь вопрос о восстании встал перед ним по-новому: он требовал конкретных решений, сразу ставил проблему руководства. Стихия требовала организации, а сколько сложных и трудных вопросов это поднимало! Кроме того, Аскар давно оторвался от политической жизни страны. Годы ссылки не прошли даром. Он мог ориентироваться только по наблюдениям, которые он сделал за два-три месяца работы по переписи, да по тем отрывочным знаниям, которые он получил в Боровом от Кузнецова и в Петербурге от Смирнова и Булатова.

— Я, агай, для того и приехал сюда,— сказал он Амантаю,— чтобы не только помочь, но и бороться вместе с вами и со всем народом. Вам нечего просить меня: это мой долг. Сделаю все, что в моих силах, но сразу скажу прямо: я теперь сам мало знаю. Вы правы, нужно мне присмотреться к повстанцам, поговорить с людьми, узнать их намерения. Но уже ясно: не только царь, но и бай — наш злейший враг. И тот, и другой боится народа, его ярости, его мести. Но царь — враг открытый, а бай — змея, которая будет жалить нас в собственном доме. Он будет звать нас к покорности, заклинать обычаями предков, станет сеять клевету и раздоры в наших рядах. В наши ряды проникнут лазутчики баев. Волки прикинутся овцами, змеи — зайцами, а потом предадут народ. Уже теперь нужно быть осторожным. К вам приходит и уходит, кто хочет, вы даже твердо не знаете, сколько людей у вас и кто они такие. А принимать сле-

дует с разбором. Не только у Аюлы, но и здесь нужно поставить заставу, чтобы в наш отряд не проник враг.

— Ты прав,— согласился с ним Амантай.— Но что я могу сделать, когда они приходят сюда целыми семьями, а то и аулами? Вся степь села на коня. И как я могу не принять кого-нибудь, когда он бежит от царя, от солдатчины?

— Таких подозрительных немного. Не трогайте их первое время, но присматривайтесь, прислушивайтесь к ним... А что касается организации войска, то я в этом мало понимаю. Подумаем и обсудим это позже. Но немедленно нужно снестись с другими отрядами как на территории Акмолы, так и Тургая. Нам нельзя действовать отдельно от других. Дело наше общее, на восстание поднялся весь народ, и мы должны помогать друг другу...

— Это же правильно,— согласился Амантай.— Сегодня же пошлю людей. Думаю, что нам бы следовало иметь своих людей и в городе. Туда скорей доходят вести.

— Верно!— сказал Аскар.— И наконец нужно снестись с русскими революционерами, с большевиками, которые давно уже ведут борьбу против царя и русских баев, помещиков и фабрикантов. Народ — великая сила, но наш народ малочислен, века пробыл под царским гнетом. Если он и готов к отпору, то все же против царских войск ему трудно будет устоять. Помочь нам может только русский народ. Он не только один из самых многочисленных, но и самый революционный, самый передовой народ в мире. И партия русских рабочих, русских трудящихся — самая передовая, самая боевая. Нужно спросить у них совета. Для этого придется поехать в Омск, а то и в Петроград.

— Что ж, дорогой,— сказал Амантай,— побудь здесь некоторое время, вникни в наши дела, а потом, может быть, тебе и придется поехать...

В лагере Амантая Аскар провел около двух недель. Он знакомился и говорил с сотнями жигитов, узнавал их нужды и чаяния, испытывал их решимость и стойкость. Много раз вел он беседы с Амантаем, и постепенно они наметили план организации амантаевского отряда на военный лад и план первоначальных действий. Но от мысли о поездке в Петроград Аскар не отказался.

— Мы не можем успешно бороться против царских войск, не можем правильно руководить народным движением, глядя на все из нашего маленького уголка. Мы должны знать, что делается во всей стране, а это можно узнать только в Петрограде, только в центре,— говорил Аскар Амантаю.

Что касается Ботагоз, то они решили, что оставлять ее в лагере нельзя.

— Доченька моя,— сказал Амантай Ботагоз,— мы здесь не на пиру. Нам предстоит кровавая борьба. А девушка — не воин. Тем

более, ты одна среди сотен мужчин. Не обижайся. Больше не могу держать тебя в лагере.

По дороге в Омск Аскар должен был заехать на золотой прииск, на котором работал Темирбек, и оставить ее у брата и матери. Конечно, в этом был известный риск. Итбай мог снова начать преследовать ее. Но другого выхода не было. Кроме того, Амантай считал, что пока он и его отряд находятся поблизости, Итбай не посмеет причинить что-либо плохое Ботагоз.

При прощании Амантай напутствовал Аскара коротким словом:

— Возвращайся поскорее. Мы до твоего приезда постараемся удержаться здесь, а там видно будет.

Увы! Судьба решила иначе, чем предполагал Амантай.

III

Вокруг золотого прииска, после Октябрьской революции получившего название «Степняк», а в те годы принадлежавшего акционерной компании, были разбросаны мелкие шахты старательских артелей. Меж холмами многолетних отвалов желтой глины, выброшенной из шахт, в лощинах было раскидано около ста карликовых избушек. Одна из таких землянок, почти на окраине прииска, принадлежала Темирбеку.

Если бы собрать все слезы, пролитые Улберген со дня постройки этой земляной каморки, то они давно бы затопили убогую землянку ее сына.

Нужда и голод часто заглядывали и в аульную юрту Улберген, но она не сетовала на свою судьбу, а молила небо только об одном — о благополучии своих детей.

— Пусть мои четверо голубков будут живы и здоровы, и никаких сокровищ мне не нужно,— говаривала Улберген, пока семью ее не постигло несчастье.

Но с того момента, как арестовали и увели Кенжетая, покой в тихом гнездышке Улберген был нарушен. Одно несчастье следовало за другим. Как говорится: беда беду родит, бедой погоняет. Не успела она выплакать свое горе по Кенжетаю, как заболела и слегла Айбала, которую Улберген называла радостью своих глаз и любила, как родную дочь. Потом оклеветали и посадили в тюрьму ее любимого первенца Балтабека. За этим последовала смерть Айбалы и исчезновение Ботагоз... Все это Улберген переносила, как во сне.

Черное облако горя, тяжело опустившись на голову Улберген, душным туманом окутывало ее душу. Все, что она могла делать,— это плакать. Стоит ли Улберген, ходит ли, наяву или во сне — из глаз ее тихо льются слезы невыразимой печали, несказанного горя.

Раньше Улберген была женщина крупная, дородная. Многие удивлялись ей: откуда у нее такая полнота, чем она питается?

Но... «кто не знает горя, тот и от воды жиреет». И вот в короткий срок от Улберген осталась одна тень. Казалось, что она только что поднялась после тяжелой, продолжительной болезни,— такая стала она худая, без кровинки в лице, одна кожа да кости.

Темирбек глубоко переживал горе своей матери, однако внешне ничем не показывал этого. После того как он привез из Бурабая останки Айбалы и похоронил их, Улберген стала настаивать, чтоб он разыскал Ботагоз, но он все отмалчивался.

Всегда мягкая с детьми, Улберген никогда не говорила им ни одного дурного слова. И теперь, когда Темирбек, несмотря на ее просьбы, как будто и не думал о поисках сестры, Улберген не упрекала его.

— Вот какой чурбан бессердечный! Ни чести, ни совести!.. Не кровь, а вода, видно, течет в его жилах! Разве он может постоять за родную кость?— за глаза осуждали его многие за равнодушие к судьбе Ботагоз.

Но Темирбек как будто не понимал, чего от него ожидают, уходил на работу, а придя вечером домой, почти не разговаривал с матерью. Поест, повернется и ляжет спать.

Чуткая Улберген знала, что сын внутренне тревожится за Ботагоз не меньше ее, чувствовала, как он мучится, и, услышав его шаги, когда он возвращался с работы, вытирала слезы и принималась готовить ему поесть. А Темирбек молчал и только время от времени точил свой топор.

Топор этот из тонкой стали, с широким лезвием он купил в заводской лавке. Ложась спать, всегда клал его возле себя, а днем, беря в руки, угрюмо проводил пальцем по лезвию, как бы проверяя, не зазубрилось ли оно.

— Апа,— обращался он к матери, уходя на работу,— топор не тупите. Ничего им не рубите. Если кто попросит, не давайте...

— Нет, милый, не возьму и не дам никому,— отвечала Улберген, недоумевая, зачем ему этот топор.— Есть же у нас старый топор.

В один из таких вечеров, когда Улберген в своей полутемной землянке готовила чай для сына, открылась дверь и вошли двое. Не успела Улберген повернуться к вошедшим, как до ее ушей долетел голос Ботагоз: «Апа!» Сундучок с чайной посудой выскользнул из ее рук и грохнулся на пол, а за ним, лишившись чувств, упала и сама Улберген.

— Апа!— бросилась к ней Ботагоз.— Это я, апа, это твоя Бота... Ну, посмотри же, апа!

Горячее дыхание Ботагоз, прижавшей свое лицо к лицу матери, как бы влило жизнь в обессиленное тело Улберген.

— Солнце мое! Мой сосунок! Моя Бота!..— шептала слабым голосом Улберген, когда Ботагоз осторожно помогала матери подняться с пола.

Придя в сознание, Улберген увидела еще одного человека, ко-

торый тоже по-сыновнему окликнул ее словом «апа». Она узнала Аскара.

— Неужели это Аскаржан, душа моя?— воскликнула Улберген.

— Да, апа!..

— Родной ты мой, здоров ли?

Впотьмах Аскар не сразу заметил Темирбека и только теперь увидел его и поздоровался с ним.

Трудно описать радость свидания в этой дружной семье, куда вернулась дочь, словно птенец в разоренное бурей гнездо. Аскар не мог долго разделять эту радость. Он наспех рассказал Улберген и Темирбеку о неотложных делах, которые заставляют его немедленно отправиться дальше.

Все чувства матери, потерявшей способность думать о чем-либо, кроме своей, точно с неба свалившейся, дочери, были прикованы к Ботагоз. Но, услышав, что Аскар должен сейчас же уехать, она засуетилась. Аскар отказался и от мяса и от чая. Тогда она налила в чашку коже.

— А теперь, апа, я поеду!— сказал Аскар, выпив коже.

— Да будет счастлив твой путь и пусть спутником твоим будет святой Кидыр!— благословила его Улберген.

— Апа, я провожу Аскара — обратилась к матери Ботагоз.

— Иди, милая, иди, голубушка!

Попрощавшись с Темирбеком и Улберген, Аскар вышел вместе с Ботагоз. Улберген, выждав некоторое время, шатаясь, тоже вышла во двор.

Выйдя за дверь, она сразу заметила стоявшие у повозки две фигуры.

— Ну, Ботажан!— говорил Аскар.— Пора мне ехать. Попрощаемся, и береги себя. Я скоро вернусь к тебе. Я благодарен судьбе, которая снова свела нас. Пожелаем же себе радостной встречи.

Они слились в тесном объятии, губы их сомкнулись в жарком поцелуе.

Эту счастливую картину созерцали только что поднявшаяся на небе луна да Улберген. Улберген и раньше была уверена в серьезности отношений между Аскаром и Ботагоз, она от души желала, чтоб сбылись их мечты. Теперь же, увидев собственными глазами их нежное прощание, она с мольбой подняла руки к небу и, глядя на луну, прошептала:

— Создатель! Не пожалей своей милости и счастья моим детям... Пусть освещают им жизненный путь — впереди солнце, а позади луна!

IV

Итбай, послав Еликбая и Горбунова с начисто переписанными посемейными списками в Котыр-коль, сам досыта напился выдер-

жанного крепкого кумыса, лег и быстро уснул. Проснулся он от тревожного возгласа, раздавшегося над самым его ухом.

— Вставай! Вставай!— испуганно будил его Ергазы, весь дрожа.

— В чем дело?— спросил Итбай, продирая слипавшиеся глаза.

— Только что примчался Жилкибай. На табуны напали жигиты Амантая. Они захватили всех лошадей, на которых можно ехать. Жеребята, сосунки, с перепугу разбрелись в разные стороны.

— Апырай![1] Что ты говоришь?

— Жилкибай говорит, что они направились в нашу сторону.

— Ой, что ты?— крикнул Итбай, вскочив с места.— Позови Жилкибая. Где Буркутбай?

Ергазы выбежал и позвал Жилкибая и Буркутбая.

— Страшно на них смотреть! Я еле спасся на своем жеребце. Их целое полчище, идут сюда. Скорее спасайся, агай,— сказал Жилкибай.

— А твоя лошадь здесь?

— Здесь.

— Оседлай ее скорее моим седлом!

— Не убежишь, агай: кругом их караулы!

— Что же мне делать? И вызванные солдаты запоздали. Что стало с Сарыбасом? Почему он запоздал?— растерянно спрашивал Итбай.

— Как знать... Но пока спрячься у кого-нибудь из бедняков.

— Беги в таком случае к Сыкыму! Буркутбай, иди-ка и ты. Я скоро приду...

Черновые посемейные списки, на которых сделаны были поправки, находились в шкафу для бумаг.

— «Когда приходит несчастье, и кымран[2] скисает», говорят,— раздосадованно бормотал Итбай, не находя ключа от канцелярского шкафа.

Только он собрался было ломать шкаф топором, вдруг прибежал Ергазы с криком:

— Ойбай, отец! Они уже близко... Со всех сторон несутся сюда...

Итбай выбежал из юрты. Ему показалось, что не люди, а горы движутся на него. В высоко поднявшемся густом облаке пыли не было видно людей.

Только теперь Итбай сообразил, в чем дело. Он настойчиво добивался, чтобы в леса Менреу против Амантая и его быстро разраставшегося отряда были посланы войска. Уездный начальник Кривоносов поддерживал его, и, в конце концов, из Кокшетау против отряда Амантая спешно выступила казачья сотня. В за-

---

[1] Апырай — возглас удивления или страха.
[2] Кымран — кислое верблюжье молоко.

вязавшейся схватке обе стороны понесли потери, казачья сотня вынуждена была отступить и, отступая, подожгла лес. Пожар быстро распространился и охватил большую часть Менреу. Кроме того, до Амантая дошли слухи, что с нескольких сторон на подавление восстания вышли регулярные войска.

Ясно стало, что в Менреу после лесного пожара им не удержаться. Амантай решил уйти в глубь степи, в Еремейские горы, а по пути отплатить Итбаю.

Задыхаясь, Итбай побежал во всю мочь и шмыгнул в закопченную юрту из трех кереге[1], у которой стоял махавший ему рукой Жилкибай.

— Лезь в это кебеже![2]— сказал Жилкибай, открыв крышку старого сундука.— Сверху накроем каким-нибудь барахлом.

Итбай, которому казалось, что топот несущихся лошадей долбит ему голову, кряхтя, влез туда, но, даже скорчившись, никак не мог уместиться в огромном кебеже. Вещи, которые находились там, в спешке не были из него вынуты, и он оказался слишком тесным для тучного тела Итбая.

Когда он все-таки кое-как устроился, Жилкибай опустил крышку и набросил на нее сверху закопченный тундик[3].

— Пойдем туда!— позвал Жилкибай Буркутбая, показывая на юрту Итбая, куда уже подъезжали всадники.

— Иди сам!— сердито отозвался тот.

«Бедняга, видно, жалеет Итбая»,— подумал, уходя, Жилкибай и по дороге то и дело оглядывался на Буркутбая, который продолжал неподвижно стоять у входа в юрту Сыкыма.

Устремив взгляд на приближающихся верховых, Буркутбай думал тяжелую думу.

Нередко Буркутбаю приходилось слышать от Итбая или близких ему людей и брань и унизительные окрики. Он обижался, но не показывал виду, так как ему казалось, что нить существования находится в руках Итбая.

— Мне суждено, видимо, погибнуть у этого порога,— говаривал он в такие минуты, когда, обидевшись, рвался уйти, но не находил в себе для этого достаточно сил.

Но сегодня утром Буркутбай окончательно решил покинуть Итбая.

Вернувшись в тот день из какой-то поездки под утро, Итбай разбудил Горбунова и стал расспрашивать о том, что было в его отсутствие. Узнав, что дело осложняется, что народ страшно возбужден и грозится силой уничтожить списки мобилизованных, что можно ожидать даже нападения отряда Амантая, Итбай сказал Горбунову:

— В таком случае, возьми списки и поспеши с Еликбаем в

---

[1] Кереге — боковые решетчатые стенки юрты.

[2] Кебеже — сундук.

[3] Тундик — четырехугольный или многоугольный войлок, которым покрывают верхний круг юрты.

Котыр-коль. Завтра или послезавтра я тоже улизну, и не покажемся сюда до тех пор, пока окончательно не отправим жигитов.

Этот разговор Итбай вел с писарем наедине. Буркутбая он нарочно выслал из канцелярии, отправив за лошадью:

— Приведи-ка скорее лошадь, у Горбунова дела в городе!..— сказал он.

Буркутбай взял узду и вышел, догадываясь, что у них есть какие-то секреты. «Интересно, о чем они будут говорить?»— полюбопытствовал он и, приткнувшись за старыми попонами, которые лежали у самой юрты, насторожил уши.

Итбай и Горбунов разговаривали вполголоса, некоторые слова их были невнятны, но Буркутбай ясно слышал, что говорили о нем самом.

— А Буркутбай есть в списке?— спросил Итбай.

— Есть. Возраст его подходит. Как-то он мне сказал: «Итбай при тебе обещал переправить мой возраст, не забудь». Но я обманул его, в списке он остался.

— Так ему и надо,— одобрил Итбай.— Ведь это он, оказывается, выпроводил дочь Туякбая к Амантаю...

— Разве?— удивился Горбунов.

— Да, именно он. В тот раз, когда я его послал в Боровое, видели, как он въезжал в Менреу.

— Ай-ай. Об этом что-то и я слышал...

— А подозревает ли он, что будет забран в солдаты?

— Нисколько!

— И не подавай виду. Пусть, сукин сын, узнает только тогда, когда в один прекрасный день его уведет урядник.

— А-а-а... вот как?! Ну, погоди же!— процедил сквозь зубы Буркутбай, уходя за лошадью.

Когда народ поднялся против царя, против его слуг, волостных управителей, и жигиты, которым угрожала мобилизация в солдаты, откочевали в далекие степи вместе со своими семьями или ушли в повстанческие отряды, покинув свои дома и скрываясь в лесах и в горах, Буркутбай стал считать позором для себя не присоединиться к общему движению, а оставаться в ауле при Итбае, как жалкая собачонка. Но нить, державшая его здесь на привязи, была еще крепка. Он так и не ушел к повстанцам, хотя установил связь с Амантаем. Теперь же, узнав о коварстве Итбая и о ловушке, которую последний тайно готовил для него вместе с Горбуновым, он решил окончательно рассчитаться с Итбаем.

Когда Буркутбай увидел мчавшихся к аулу жигитов, он понял, что ему надо делать. Он неподвижно, точно на карауле, стоял у юрты Сыкыма и не двинулся с места даже тогда, когда передние всадники уже ворвались в аул. Он глядел в сторону юрты Итбая и видел все, что творилось там. Четыре-пять юрт,

стоявшие повыше других, мигом разлетелись в клочья. Прискакавшие жигиты, раскромсав все юрты, сорвали с них войлок и, волоча, потащили кто куда. Остались только голые кереге и уки[1], которые, треща, ломались в куски под ударами дубин. Круги шанраков[2] с шумом упали на середину юрты, между кереге. Баскуры[3] и тангиши[4], крепко сцеплявшие рухнувшие кереге, не поддавались усилиям жигитов. Тогда верховые растянули их, как сеть, и также поволокли за собой.

Толпа, таившая гнев на Итбая, казалось, все не могла насытить свою ярость и вдоволь утолить жажду мести.

— Где волостной управитель?— слышались голоса.

— Нет его.

— Где он?

— Сбежал.

— Кто сказал?

— Жилкибай...

— А где этот Жилкибай? Пусть сам скажет, где волостной!

Перепуганного Жилкибая выволокли из толпы.

— Зачем врешь?— приступили к нему особенно горячие головы, осыпая его ударами плетей.— Говори, где волостной!

— Ой, зачем бить! Сбежал волостной, как увидел вас,— дрожащим голосом отвечал Жилкибай.

— Врешь, собака!— опять посыпались на него удары плетей.

— Не трогайте! Зачем бить?— увещевал их Амантай.

— И верно!— крикнул кто-то.— Родственников нужно спросить.

Толпа оставила избитого Жилкибая и бросилась искать родных Итбая.

Скоро жигиты собрали всех членов его семьи, находившихся в ауле, и потребовали, чтобы они указали, где скрывается Итбай. Но толку от них нельзя было добиться.

Амантай опять вмешался:

— Оставьте их,— крикнул он.— Сами найдем! Не провалился же он сквозь землю и не вознесся на небо. А больше ему некуда было скрыться. Сегодня утром он был в ауле, значит, и теперь здесь. Обыскать весь аул! — приказал Амантай жигитам.— Надо списки найти!— сказал он мугалиму[5] Нугману, который иногда служил ему писарем.

— Верно! Их-то нам и надо, давайте искать списки,— поддержали его.

Большинство, однако, запротестовало.

---

[1] Уки — жерди, составляющие остов юрты.

[2] Шанрак — кольцо, соединяющее уки вверху юрты.

[3] Баскур — ковровая полоса, которой обтягивают верхнюю часть кереге.

[4] Тангиш — узкая ковровая полоса, соединяющая кереге между собой.

[5] Мугалим — учитель.

— К черту списки!— кричали они. — Думаете, не спрятали их, здесь держат? Самого волостного управителя надо найти!

Жигиты рассыпались по аулу и принялись за поиски.

Несколько человек остались с Нугманом. Они прошли в канцелярию, вывернули все ящики письменного стола, переворошили все папки, но списка не нашли. Наконец они принялись за запертый шкаф, около которого валялся топор. Нугман топором вскрыл дверь шкафа и через несколько минут обнаружил длинный, весь исчерченный и переправленный посемейный список жителей аула.

— Вот негодяи, вот кровопийцы!— воскликнул Нугман, показывая список окружавшим его жигитам.— Послушайте, что они делали!

Нугман пробежал по исчерканным строкам посемейного списка.

— Вот, послушайте! Кто из вас знает пастуха Касыма? Знаете?

— Знаем!— раздалось в толпе.

— А сколько ему лет?

— Пятнадцать!

— А здесь записано, что двадцать пять! А Самата знаете?

— Это какого? Из аула бая Сапы?

— Этого самого! Здесь записано, что ему двадцать восемь лет.

— Да у него дочь двадцати трех лет. Самату не меньше сорока пяти.

— А вот тут Исмахет, у которого бельмо на глазу, показан здоровым,— продолжал учитель .

— А из нашего аула поищи!— попросили его из толпы.

— Из какого аула?

— Из аула бая Тырнаука!

— Сейчас найду. Да вот. Курман. Есть в вашем ауле такой?

— Есть.

— Было написано сорок два.

— Так и есть. Ему сорок два.

— Исправлено на двадцать восемь. Кобдык...

— И такой есть.

— Тридцать девять переправлено на двадцать четыре. Торпак из того же аула. Сорок лет переправлено на двадцать шесть...

Возгласы возмущения и гнева покрывали каждое имя, которое произносил мугалим.

— Идем, поищем этого волка!— выкрикнул, наконец, кто-то.— Покажем ему, как продавать нас!

Во главе с Нугманом они направились к выходу и, выйдя, увидели, что у юрты Сыкыма собралась огромная толпа возбужденно кричавших жигитов.

...Когда Амантай и несколько жигитов подъехали к юрте Сыкыма, Буркутбай все еще стоял на прежнем месте.

— Ты что здесь стоишь?— спросил Амантай.

— Итбая караулю,— злорадно ответил он.

— А где он?

— Здесь, сидит в кебеже.

— Слезайте, жигиты, и выведите его!— приказал Амантай.

Жигиты с шумом и гиканьем соскочили с коней, но Буркутбай опередил их. Бросившись в юрту, он так яростно дернул за веревку, которой было обвязано кебеже, что веревка соскочила. Тогда он с размаху ударил ногой по кебеже — и давно расшатанные его дощечки разлетелись во все стороны. Итбай, подобно только что вылупившемуся из яйца цыпленку, скорчившись, остался сидеть на месте.

— Буркутбай,— взмолился он,— родной, спрячь меня, спаси!..

В это время ворвавшиеся с шумом жигиты накинулись на Итбая; на его спину градом посыпались удары плетей.

— Уберите руки!— крикнул Буркутбай.— Меня одного хватит на него!..

Жигиты приостановились.

«Ага!.. Это он, верно, для виду делает! Это хорошо»,— промелькнуло в голове Итбая, еще не терявшего надежды на спасение.

Буркутбай, как дохлого барана, поволок его за собой и вытащил из юрты.

У двери плечом к плечу стояла густая толпа людей.

— Кто из вас мужчина? Волочите эту собаку!— крикнул Буркутбай.

— Давай сюда!— протянулись с коней жилистые руки жигитов.

Кто-то стремительно спрыгнул с лошади и веревкой связал ноги Итбая, валявшегося на земле.

— Кто это?— оглянулся Буркутбай и увидел Темирбека.

Темирбек же опять вскочил на коня и, не выпуская из рук веревки, потащил за собой свою жертву.

Как за жигитом, потянувшим кокбара[1], все с шумом и гиком последовали за Темирбеком. Пеший Буркутбай остался один. Увидев у разгромленных юрт несколько взнузданных лошадей, он побежал туда, вскочил на одну из них и поскакал догонять жигитов, волочивших волостного. Он догнал их, когда они уже остановились и образовали широкий круг. Полуживой Итбай лежал, растянувшись, в середине этого круга. Одежда его была разодрана, тело истерзано. Не сходя с коней, жигиты глядели на Итбая, как будто все еще опасаясь его. Возле него, спешившись,

---

[1] Кокбар — козел, которого оспаривают и вырывают друг у друга соревнующиеся во время козлодрания.

стоял Темирбек. В одной руке он держал конец веревки, а в другой — свой сверкающий топор.

— О мой народ!— застонал Итбай, очнувшись, пытаясь приподняться, оперся руками о землю.

В этот момент аульный Кожан спрыгнул со своей лошади и, протолкнувшись к нему, громко закричал:

— Он достаточно наказан! Пощадим несчастному жизнь. Ведь он тоже мусульманин! Кто из нас захочет насытиться его кровью?

— Родной!— застонал Итбай и попробовал встать на ноги, но у него не хватило для этого сил, и он опять растянулся на земле.

Кожан бросился к Итбаю, чтобы поддержать его. Но в это мгновение сверкнул топор Темирбека. Голова Итбая покатилась меж протянутыми руками Кожана.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОССТАНИЕ

I

Еще в самом начале восстания небольшой отряд амантаевцев напал на золотой прииск. После разгрома прииска Темирбек, как и другие рабочие, присоединился к повстанцам и ушел с ними.

О том, что на Итбая напали жигиты Амантая, что волостному управителю снял голову не кто иной, как Темирбек, Улберген и Ботагоз узнали из слухов, ходивших в народе. Вскоре разнеслась также молва, что власти намерены расправиться с семьями тех, кто прямо или косвенно принимал участие в убийстве волостного. И мать и дочь были встревожены этими слухами, но им некуда было идти. Да и жить им было не на что. Пришлось Ботагоз поступить на службу в приисковую контору.

Однажды, придя с работы, Ботагоз застала в избушке полнейший беспорядок. Вещи были раскиданы во все стороны, а мать, скорчившись, лежала на полу лицом вниз.

— Апа!— крикнула в ужасе Ботагоз.

Мать не откликнулась.

— Апыр-ау! Что с ней?— воскликнула Ботагоз и подбежала к матери.

Но приподняв ее голову, она с воплем отшатнулась. Лоб у матери был рассечен, и все лицо залито уже свернувшейся кровью. Ботагоз застыла на месте, словно в столбняке. Казалось, она обезумела от постигшего ее удара.

— Ойбай, спрячься!— донеслось до ее слуха.

Она машинально обернулась. Перед ней стоял старик, живший в соседней избушке.

— Сейчас здесь был сын Итбая Сарыбас с солдатами,— растерянно продолжал старик...— Убили мать... Поехали в контору за тобой!.. Прячься!..

Эти слова не произвели никакого действия на Ботагоз.

— Светик ты мой!— дрожащим голосом уговаривал ее сосед.— Что с тобой? Не умирать же тебе вместе с матерью! Спрячься скорее!..

— Ты сам как-нибудь спрячь ее! Она же в беспамятстве,— посоветовала старику его жена, появившаяся в дверях.

Поблизости находились отвалы глины, выброшенной из шахт. На одну из ям среди них старик опрокинул короб с телеги, стоявшей у его порога, и уложил под него Ботагоз.

— Полежи тут пока,— сказал он ей.

Не найдя Ботагоз на заводе, Сарыбас снова вернулся в избушку, но не нашел ее и здесь. Он попробовал припугнуть соседей, но ничего не добился и должен был уйти ни с чем.

Старик, спрятав Ботагоз и не зная, как быть с ней дальше, посоветовался с одним жигитом, который работал на прииске вместе с Темирбеком. Ночью этот жигит пришел к Ботагоз, все еще сидевшей в своем укрытии.

— Не бойся,— сказал он ей.— Возьми свою одежду и иди со мной. Я тебя спрячу в шахте. Пока что побудешь там. Наши жигиты не любят болтать. Никому не скажут. А здесь, на поверхности, итбаевцы найдут тебя.

Она согласилась. На заре она спустилась в шахту вслед за жигитом и забралась в один из заброшенных забоев.

Старателям, увидевшим девушку в шахте, жигит объяснил в чем дело.

— Если она не побоится оставаться тут одна, пусть сидит, нам не жалко. Говорят, и воробей спасается от кобчика в ветвях дерева. Правильно ты сделал,— одобрили они жигита.

В шахте работало около двадцати человек. Не все они знали, что у Темирбека есть сестра и что она живет на прииске.

— Всем красивым приятно любоваться, говорят,— сказал один из старателей, освещая тусклым фонарем лицо Ботагоз.— Давеча, в полутьме, я думал, что это один из наших жигитов, оказывается, вон какая у нас гостья!..

Окончив работу, жигиты оставили Ботагоз фонарь и ушли из шахты. Все ужасы, которые могут померещиться расстроенному воображению человека, обрушились на ее голову. От страха она была ни жива ни мертва.

Она не умела читать по-арабски, но слышала много древних легенд. И ей вспомнилась легенда «Шахмаран»[1].

Вот что рассказывалось в этой легенде:

---

[1] Шахмаран (персид.) — царь змей.

Один мальчик-сирота, по имени Жамсап, вместе со взрослыми пошел в горы по дрова. В горах они наткнулись на колодец. Жамсап заглянул в него и увидел блестевшее на дне золото. Тогда он кликнул своих спутников и указал на неожиданный клад. Люди эти уговорили мальчика спуститься на веревке в колодец, чтобы достать золото. Когда он передал наверх все сокровища, они закрыли колодец, оставив Жамсапа на дне его.

Охваченный ужасом, Жамсап не знал, что делать, а потом решил соорудить лестницу и выбраться наверх. Он стал выкапывать все камни вокруг себя и сваливать их друг на дружку.

И вот, отвалив один камень, он увидел щель, сквозь которую пробивался свет. Жамсап подумал, что это выход на поверхность земли. Расширив щель, он вполз в нее, полз, полз и выбрался в какой-то другой мир. Это был мир не людей, а змей. Когда мальчик увидел несчетное число змей, кишевших вокруг, как муравьи в муравейнике, он замер от страха. Но эти змеи не походили на земных. Они умели говорить. К испуганному Жамсапу подползла одна змея и заговорила по-человечески:

— У нас есть царь по имени Шахмаран, мы отведем тебя к нему. Ты не бойся нас, мы не тронем тебя.

Мальчика привели к Шахмарану. Много лет он прожил у змеиного царя. Шахмаран оказался существом очень мудрым. Через много лет он отпустил Жамсапа.

Уходя, Жамсап дал царю змей обещание, что никому ничего не скажет о нем и его царстве, но скоро забыл свое обещание, рассказал кому-то о змеином царстве и погиб...

Перед глазами Ботагоз, одиноко сидевшей в шахте, мелькали картины этой легенды. Ей казалось, что к ней подползают миллионы змей. Ее бросало то в жар, то в холод. Потом она опомнилась и подумала: «Если не случится чего-нибудь худшего, можно терпеть». Но судьба пожалела для нее даже эту мрачную жизнь в шахте и обрушила на ее голову новое несчастье.

Ботагоз не знала, сколько времени сидела в шахте, когда услышала шаги, шлепающие по мокрой глине. Вздрогнув, она привстала и узнала старика-сторожа, приближавшегося к ней с фонарем в руках.

— Свет мой,— торопливо сказал старик,— скорее выходи и спрячься где-нибудь в другом месте: тебя ищут урядник и сын Итбая, Сарыбас. Я пришел предупредить тебя. Они приказали мне никого не впускать и не выпускать из шахты, верно, будут обыскивать. Поторопись, а то мне нужно скорее вернуться на пост.

Оказалось, что жигит, который разглядывал Ботагоз при свете фонаря, проболтался о том, где она скрывается, и это дошло до ушей Сарыбаса.

— Будь проклята такая жизнь!— воскликнула Ботагоз после ухода старика и расплакалась, но она понимала, что ей нельзя медлить.

Недалеко от шахты, где скрывалась Ботагоз, лежало озеро, топкое побережье которого поросло редкими искривленными соснами и густым кустарником. Туда и решила пробраться Ботагоз.

«Живой в руки итбаевцам я не дамся,— решила она.— Лучше брошусь в озеро».

Пробираясь между избушками, Ботагоз увидела отряд солдат, во главе с Сарыбасом, направляющийся к шахте. Она притаилась за избушкой, выждала, пока отряд прошел мимо, и бросилась к озеру...

II

В Петроград Аскар так и не поехал. Разыскивая Кузнецова, который, по слухам, опять перебрался из Борового в Омск, он встретил одного знакомого, состоявшего когда-то в подпольном кружке Кузнецова. Теперь он служил землемером. Землемер этот сообщил Аскару, что в Омске Григория Максимовича нет. По некоторым сведениям, он живет теперь не то в Петропавловске, не то в Кокшетау. В Петроград же, по его мнению, Аскару ехать незачем. Возможно, что ни Смирнова, ни Булатова там уже нет, а без них установить связи с большевистским подпольем ему будет не так легко. А главное — нельзя упускать время. В стране назревают серьезные революционные события. Неудачи на фронте, бездарность царских генералов, продажность и взяточничество государственного аппарата снизу и доверху, экономическая разруха ясно для всех обнаружили крах всей системы самодержавной власти. Страдания народа таковы, что всеобщего взрыва можно ждать каждый день. Восстание казахов и других народов Средней Азии вызвано теми же причинами. Аскар может многое сделать для успеха этого восстания, благодаря своему знанию местных условий.

Через несколько дней Аскар выехал из Омска в Менреу, к месту расположения амантаевского отряда. Однако в пути ему стало известно, что у Амантая была серьезная стычка с высланными против него казаками, что лес подожжен, а повстанцы во главе с Амантаем отступили в степь, но куда именно — неизвестно. Тогда Аскар решил повернуть к прииску, на котором работал Темирбек, забрать оттуда Ботагоз и потом вместе с ней направиться в тот район, куда отступил Амантай.

Аскар не сомневался, что ему, в конце концов, удастся найти отряд Амантая, но трудно было сказать, сколько времени ему и Ботагоз придется блуждать в степи или в горах, разыскивая отступивший отряд повстанцев. Поэтому в одном из попутных аулов он купил двух верховых коней, отпустил возницу и дальше отправился уже верхом одвуконь.

К прииску он подъехал на рассвете со стороны озера. Утро родилось тихое, безветренное. Легкий туман над озером стлался

низко, почти задевая поросшие кустарником берега. В поселке тоже все еще было тихо. Странным показалось Аскару только то, что в двух-трех местах над поселком столбом поднимался в безветренном воздухе густой дым, как будто от пожаров. Пожар, конечно, может случиться в любом месте и в любое время, но то, что горит в нескольких местах, встревожило его.

«Неужели каратели?»— подумал он, зная, что царские солдаты, особенно казаки, приходя в аул или поселок, часто поджигали жилища повстанцев.

Первым побуждением Аскара было быстрее погнать лошадей, чтобы скорее добраться до Ботагоз. Но через две-три минуты он остановился и слез с коня. Если карательный отряд, действительно, на прииске, то разумно ли въезжать туда верхом, да еще имея при себе запасную лошадь? Не вызовет ли это подозрений? К тому же при отряде может быть кто-нибудь из родственников Итбая или его приспешников.

Аскар отвел лошадей в кустарник, привязал их и пешком продолжал свой путь. Зорко оглядываясь по сторонам, готовый скрыться в кусты при первом появлении солдат, он размышлял о том, идти ли ему прямо к Ботагоз, в землянку Темирбека, или раньше разузнать о положении дел в поселке, как вдруг услышал женский голос, окликнувший его по имени.

«Голос Ботагоз?!— встрепенулся он и быстро обернулся. Однако позади, на дороге, никого не было. Посмотрел по сторонам, вперед — и там никого!— Не показалось же мне?..»— подумал он.

— Аскар, Аскар, подожди, это я, Ботагоз!— услышал он снова, теперь уже явственно из кустов со стороны озера.

Он стремительно бросился на голос. Через минуту из кустов к нему выскочила Ботагоз.

— Аскар, дорогой, не ходи в поселок, туда нельзя!— крикнула она.

— Что случилось, Бота? Отчего ты здесь?— спросил он, крепко обнимая ее.

— Скорее спрячемся, Аскар... На прииске солдаты... Апу убили... Там Сарыбас...— рыдая, спешила она сообщить страшные новости.

— Теперь не бойся, Бота... Идем, в кустах у меня привязана пара коней...

Не прошло и двадцати минут, как они уже скакали в степь.

На усмирение восставших казахов двигались отряды царских войск. Во многих местах очаги восстания были уже подавлены. По слухам, повстанцы еще держались в Тургайской степи, в Семиречье, в глухих, отдаленных частях степи, но пробираться туда казалось Аскару делом трудным и опасным. Амантай же и его отряд как в воду канули. Сведения о стычке между амантаевца-

ми и казаками в Менреу и об отступлении Амантая из того района подтвердились. Шли в степи упорные слухи о крупном сражении в Еремейнских горах между отрядом Амантая и царскими войсками. Одни говорили, что сражение было выиграно повстанцами, хотя и понесшими тяжелые потери, но сумевшими удержать свои позиции. По словам других, в Еремейнских горах никаких повстанцев сейчас нет. Сражение в этих горах, действительно, было и царские войска успеха не имели, но, во-первых, неизвестно, какой отряд участвовал в этом сражении — Амантая или какой-то другой, а во-вторых, хотя повстанцы и нанесли поражение царским войскам, но они были вынуждены оставить свои позиции из-за недостатка вооружения и боеприпасов. Третьи утверждали, что в Еремейнских горах действовал именно отряд Амантая, но он принужден был уйти оттуда. В первом бою повстанцам удалось отбить атаку царских войск, но через некоторое время к последним пришла большая подмога. Произошел ряд стычек, и царским войскам удалось выбить из гор отряд Амантая, когда у него вышли боеприпасы.

Все эти слухи лишали Аскара и Ботагоз надежды найти Амантая. Им следовало решить, как быть дальше: блуждание по степи становилось все опаснее, да и потеряло смысл. Нужно было устроиться где-нибудь в определенном месте. Где? И как? Вместе или порознь? У кого Ботагоз найдет убежище от преследований родственников Итбая? И куда деваться Аскару, про которого и царским чиновникам, и итбаевской родне известно, что он тесно связан с повстанцами, особенно с Амантаем?

В конце концов, после долгих раздумий, скитальцы остановились на том, что, прежде всего, Ботагоз нужно поехать к дяде Аскара по материнской линии — Ержану, живущему в ауле недалеко от Петропавловска. Аскар был связан дружбой с Ержаном, который был года на три старше его. Правда, они давно не видались, но Аскар был уверен, что их дружба не ослабла и что Ержан, узнав об обстоятельствах, радушно примет и приютит Ботагоз.

Что же касается его самого, то ему придется скрываться в другом месте, где его не знают.

Как ни тяжело было Ботагоз снова расстаться с Аскаром, она согласилась с этим планом, и они поехали к Ержану.

III

После убийства Итбая Амантай повел своих жигитов в сторону Еремейнских гор. На следующий день, вечером, он собрал старших жигитов разных частей своего отряда, группировавшихся преимущественно по принадлежности к аулам, из которых они явились.

— В этом районе нам не удержаться,— обратился к ним Амантай.— Часть Менреу выжжена, сюда со всех сторон направ-

ляются отряды царских войск, оружия у нас мало... Однако сдаваться нам нельзя. Я предлагаю продолжить нашу борьбу. Отойдем в горы, в Еремейн. Там мы легче сумеем противостоять царским войскам. Что вы скажете?

Большинство жигитов поддержало Амантая.

— Враг не пощадит нас. А класть свои головы за царя мы не согласны. Будем бороться до конца. Когда мы оставляли родные очаги, знали, на что идем, и были согласны идти до конца. «Свою кровь мы везем в торсуках[1]»...— заявили они.

Однако голоса разделились, аульные старшины и зажиточные люди, приставшие к восстанию, пытались отговорить Амантая.

— Разве осилишь царя?— говорили они.— Многие на этом уже сломали себе шею. И нехорошо сделали мы, что убили волостного управителя. Нужно покориться. Спасем ли мы свои головы — неизвестно, а стариков и невинных младенцев, жен наших и детей можем погубить. Послушайтесь нас, разойдитесь!..

— Мы никого не принуждаем,— ответил им Амантай.— Мы будем продолжать борьбу за народ. Волостной управитель продавал наши головы, а мы должны были терпеть, так, что ли? Царь гонит нас на бойню — так идти ли нам безропотно, как стаду овец? Кто хочет, последует за мной, а остальные пусть уходят. Только не думайте, что своим отступничеством вы спасете себя. Напрасная надежда! Через час все, кто хочет следовать за мной, пусть соберутся вон у того утеса, и я скажу, как впредь будет организован наш отряд, а остальные должны оставить лагерь. Так и объявите!

Когда в назначенное время Амантай в сопровождении Буркутбая и Темирбека подъехал к утесу, там уже собралось свыше трех тысяч жигитов. Лишь несколько сот человек покинули отряд.

Амантай объехал повстанцев, расположившихся вокруг утеса группами по аулам, и вызвал на совещание жигитов, известных ему как вожаков, пользующихся авторитетом среди одноаульчан. Он поднялся с ними на утес, открыл совещание и предложил план организации отряда, выработанный им еще вместе с Аскаром перед отъездом последнего.

— Наш отряд, или кол[2], как мы будем его называть,— начал Амантай,— насчитывает сейчас приблизительно четыре тысячи человек. Сегодня вечером мы должны уточнить число наших бойцов. Во главе кола будет стоять кол-басы. Кол-басы — лицо выборное. Завтра мы его изберем всем колом. Но после того, как он будет выбран, его приказания должны выполняться беспрекословно. Кол разбивается на тысячи — мын, во главе каждой из них стоит мын-басы, а во главе каждой сотни — жуз, на которые делится

[1] Торсук — кожаная посуда для кумыса. Выражение людей, решившихся на любой риск.

[2] Кол — буквально: рука. В переносном смысле: полчище. Кол-басы — глава полчища.

мын, стоит жуз-басы. Эти две должности будем называть еще сардабек[1]. Каждый десяток — он — возглавляется он-басы. Устанавливается строгое подчинение снизу доверху, от сарбаза — рядового — своему он-басы до мын-басы — командиру всего кола — кол-басы. У кол-басы — четыре помощника: первый руководит войсками во время боя, второй ведает разведкой, третий ведает хозяйством, четвертый заведует письменной частью. Из кола должны быть выделены два особых отряда. Первый — шолгыншы[2] — будет идти впереди, и по сторонам кола, производя разведку и высылая вперед себя небольшую часть — шындаул[3]. Второй отряд — тоскаул[4] — будет на некотором расстоянии следовать позади кола, предупреждая нападение с тыла и высылая за собой небольшую часть — караул[5], который должен следить за движением преследователей. Кроме того, часть бойцов мы должны выделить для ухода за скотом и охраны его.

Предложение Амантая не вызвало возражений.

— Сейчас уже поздно, людям нужно отдохнуть,— продолжал Амантай. — Расскажите своим людям все, что мы постановили, а утром всем колом выберем кол-басы. После того, как кол-басы назначит тысячных, каждый тысячный подберет себе сотников, каждый сотник назначит он-басы. Соберем и подсчитаем, сколько у нас скота, проверим оружие и двинемся к Еремейнским горам.

План этот был принят.

Рано утром Амантай собрал отряд и обратился к повстанцам:

— Братья! Вчера вечером мы совещались и приняли важные решения. Знаете вы о них, согласны вы с ними?

— Знаем! Согласны!— раздалось со всех сторон.

— Мы никого не принуждаем. Кто не согласен, может оставить нас, но пусть сделает это сейчас, потом поздно будет. До сегодняшнего дня мы были какой-то неорганизованной вольницей, каждый мог приходить и уходить когда ему вздумается. Сегодня мы организуемся в боевой отряд и устанавливаем строгие порядки. Мы все становимся бойцами, солдатами, даем клятву бороться вместе до конца. Дело наше святое, и если кто без разрешения оставит наши отряды или покажет себя трусом в бою, того мы будем считать изменником и поступать с ним как с изменником. Согласны вы с этим?

— Согласны! Знаем!— опять раздались единодушные крики.

— Ну, если согласны, то давайте выберем кол-басы, которому будем повиноваться как командиру всего нашего отряда. Вы-

---

[1] Сардабек — командующий.

[2] Шолгыншы — разведка.

[3] Шындаул — буквально: «сидящий на скале», т. е. наблюдатель.

[4] Тоскаул — буквально: ожидать, в переносном смысле — встречать врага сзади.

[5] Караул — «смотрящий», т. е. дозор.

берем человека достойного, твердого, которому мы можем доверить наше дело.

— Амантая! Амантая!— загудел отряд.

Выбор Амантая не был, конечно, случаен. С самого начала он показал себя человеком решительным — сперва в борьбе против Итбая, потом против царя. К нему, прежде всего, стекались жигиты Кокшетауского округа, уходившие в степь от призыва на фронт, в нем повстанцы видели народного вождя, который не предаст интересы народа.

Выбранный кол-басы, Амантай тут же назначил четырех мын-басы и отдал приказ через три часа двинуться к Еремейнским горам.

Несколько тысяч лошадей, верблюдов, коров, быков и овец были собраны, сосчитаны и переданы под наблюдение группы жигитов, которые должны были вести их за отрядом.

IV

Опасаясь погони, отряд Амантая первые два дня похода двигался ускоренным маршем; зной изнурял скот, пало уже несколько жирных жеребцов и жеребят. Коровы и овцы отстали далеко.

— Если и дальше будем так ехать, всех лошадей загоним,— говорили жигиты.— Поедем медленнее, чтоб езда не изнуряла скот.

Амантай прислушался к совету жигитов и перестал так спешить. Двигались теперь только по утренней и вечерней прохладе; во время дневного зноя не беспокоили скот. На ночь весь лагерь делал привал. В день, таким образом, преодолевали расстояние одного караванного перехода. Но зато усилена была разведка из боевых, расторопных жигитов. Разведывательные отряды действовали на расстоянии караванного перехода в тылу и впереди, у стана тоже стояли дозоры, сильный конвой оберегал лагерь с правого и левого флангов.

Когда повстанцы, расставив свои силы, перестали в такой мере опасаться внезапного нападения или засады, Амантай разрешил изготовлять кумыс. Нашлись опытные в этом деле жигиты.

Лагерь повстанцев сразу повеселел. Вдоволь было мяса и кумыса. Вечера проходили особенно шумно: жигиты устраивали курес[1], пели, шутили.

До самых Еремейнских гор амантаевцы не встретили врага.

Наконец настал день, когда они достигли предгорий Еремейна. Разведка еще раньше обследовала несколько проходов и выбрала один из наиболее удобных для защиты. Спустившись в ущелье, дорога круто поворачивала вправо и проходила меж двумя скалами, нависшими над ней в виде ворот. По обеим сто-

---

[1] Курес — борьба.

ронам ущелья вздымались крутые склоны гор, загроможденные крупными камнями и поросшие густой чащей вековых лесов. К юго-западу от ущелья разведка обнаружила большой горный луг, удобный для пастьбы скота, но никаких дорог на горе не было. Разведчики с трудом проложили меж камнями извилистую тропу со дна ущелья к горному лугу.

Лучшего места Амантай и не мог бы пожелать. Это была природная крепость, где несколько сот человек могли защищаться против целой армии.

Амантай осмотрел место и остался доволен. У скал, под которыми проходила дорога, он поставил сильную заставу и выслал в разные стороны разведку, чтобы быть обеспеченным от всяких неожиданностей.

Вернувшись в хорошем настроении, Амантай отдал приказ: завтра на заре всему отряду войти в горы. Казалось, все предзнаменовало благополучное окончание пути. Но утром не успел отряд и часу пройти по направлению к горам, как прискакал Буркутбай и сообщил, что к северу, в степи, у самых предгорий, разведкой был замечен вооруженный отряд солдат или казаков. Разведчики не выяснили его численности, так как, едва заметив его, они поспешили известить об этом отряд. Буркутбай отослал их вести дальнейшие наблюдения, а сам прискакал в лагерь.

— А далеко они?— спросил Амантай.

— Верстах в двадцати.

— Ну, тогда, возможно, мы проскочим незамеченными. На всякий случай — готовиться к бою.

Сотенные разошлись по своим кошам, проверили всех жигитов, находившихся под их командованием, и распределили оружие, которое до сих пор хранилось в общем коше. Ружья были розданы только лучшим мергенам[1]. Многим достались одни лишь пики и дубины.

Когда построились по сотням, Амантай сел на коня и собрал командиров.

— Прикажите ехать тихо. Утром конский топот разносится далеко. Если нас заметят и нападут, то горное ущелье послужит нам хорошей защитой. Всему отряду не придется ввязаться в бой. Первые две сотни и пятьдесят мергенов пусть залягут в камнях впереди скал — ворот, третья, четвертая сотни и пятьдесят мергенов поместятся сзади этих скал, а повыше на всякий случай поставим небольшие резервы. Остальные взберутся на горный луг и раскинут там лагерь. Четыре сотни коней пусть спрячут в ущелье за скалой. Когда солдаты пройдут скалу, мы пустим на них косяки коней и обстреляем с двух сторон. Сотники первых четырех сотен поедут вперед со мной, я покажу им места.

Полчище повстанцев, построившись в колонны по-военному, направилось к горам.

---

[1] Мерген — снайпер.

— Солдаты!— крикнул Буркутбай, вернувшись из разведки в тот момент, когда последняя сотня жигитов въезжала в ущелье.

— Догоняй кол-басы, он впереди с сотниками!— сказали Буркутбаю.

— Сколько, по-твоему, всего солдат?— спросил Амантай, когда Буркутбай подъехал к нему.

— Не могу сказать точно. Думаю, сотни три.

— А далеко они сейчас?

— Верстах в шести-семи.

— В таком случае, Буркутбай, поезжай к табунам. Они за теми буграми. Туда уже посланы люди. Но лучше будет, если и ты поедешь. Гоните их сюда, как только услышите выстрелы впереди скалы.

— Ладно!— ответил Буркутбай и поскакал к табунам.

— Ну, жигиты!— обратился Амантай к жигитам, которых он расположил по обеим сторонам ущелья,— кто пожалеет врага, тот сам погибнет. Пришло время биться не на жизнь, а на смерть. Не теряйтесь, действуйте храбро. И ждите сигнала. Без сигнала не стрелять. Лежите тихо, чтоб шороха не слышно было. Пусть враг не подозревает, что мы ждем его.

Не прошло и часу, как прискакал вестовой из дозора и сообщил, что разъезд солдат в пять человек приближается к входу в ущелье.

— Пусть дозор притаится и пропустит солдат,— приказал Амантай.— Ни единым звуком не выдавать себя.

Собрав сотников, он велел им передать по сотням приказ: держаться тихо и не стрелять без его сигнала.

— Если солдаты проедут в ущелье, они по следам, конечно, заметят, что тут недавно прошло много коней. Но возможно, что они не доедут до табунов и повернут назад. Неизвестно же, какой приказ получил этот отряд. Может быть, он и не станет ввязываться в бой, если встретил нас случайно. А нам, несмотря на выгодные позиции, нет необходимости открывать бой.

— Правильно,— согласились с ним сотники.— Нам бы раньше укрепиться как следует.

Разведчики-солдаты, ничего не подозревая, проникли в ущелье и направились к скале. По дороге они несколько раз сходили с коней, осматривали следы и, о чем-то посовещавшись, проехали за скалу. Скоро оттуда донеслись звуки выстрелов. Амантай не знал, что там произошло: то ли кто-то из солдат, заметив жигита в камнях на склоне, выстрелил, то ли не удержался и выстрелил какой-то мерген, но этот выстрел сразу изменил все планы.

Из-за скалы галопом выскочили только четыре всадника. Пятая лошадь неслась, как безумная, без седока. Вдогонку им раздалось несколько выстрелов по ту сторону скалы, потом все стихло. Зато стрельба поднялась по эту сторону скалы. Амантай

с первого выстрела уложил одного из вражеских разведчиков, другие тоже пали жертвами повстанческих пуль. Но четыре лошади вырвались из ущелья и без всадников примчались к отряду солдат.

Через несколько минут после того, как раздались первые выстрелы, к Амантаю прискакал вестовой из дозора и сообщил, что стрельба переполошила солдат. Часть их, численностью около сотни, направилась в ущелье. Некоторые из них были на конях.

— Передайте по цепи мергенам, чтоб они были наготове,— приказал Амантай, выслушав донесение дозорного.— Но пусть помнят: без сигнала не стрелять.

На этот раз солдаты вступали в ущелье осторожно. Осматривая следы многочисленного конного отряда, по всей видимости, прошедшего здесь недавно, они, вероятно, старались определить, в какую сторону и как далеко он прошел. Поиски своих исчезнувших разведчиков ничего им не дали: трупы были убраны и следы стычки уничтожены.

Ничто не выдавало присутствия множества людей в ущелье. Сотня продолжала идти, все еще никого не встречая по пути. Но, завернув за выступ горы, передние ряды увидели табун, который не мог весь спрятаться в редких кустах на дне ущелья. Солдаты рассыпались в цепь. Не медля, Буркутбай подал сигнал, и сверху на них посыпались пули.

В тот же момент, не дав сотне развернуться как следует, ездовые помчали на нее табун, и без того обеспокоенный выстрелами. Обезумевшие лошади плотной массой, заполняя ущелье во всю его ширину, помчались к выходу в степь. В несколько минут передние цепи солдат были смяты и растоптаны. Конные моментально повернулись к выходу и помчались из ущелья. Вслед им засвистели пули, пулями же встретили их мергены, залегшие на склонах со стороны входа в ущелье. Пешие солдаты, тоже осыпаемые пулями, сломя голову бросились назад, прячась за камни и выступы скал.

В полчаса все было кончено. В ущелье осталось шестнадцать трупов, растоптанных лошадьми, и тридцать шесть, погибших от пуль. У повстанцев было только двое раненых. Трофеи амантаевского отряда составляли сорок семь винтовок и три нагана.

По донесениям дозора, отряд солдат отошел на три версты. Через четыре часа он вышел в степь, взял направление на юг и исчез из виду.

Первый бой был выигран повстанцами. Враг отступил. Но Амантай знал, что это не последний бой,— царь не оставит их в покое.

V

Проскакав с Ботагоз всю ночь, Аскар на заре прибыл к Ержану и, оставив девушку у лошадей, вошел в юрту.

— Кто тут?— спросил кто-то в полумраке.

— Это я, Аскар.

— Милый мой, что ты говоришь!.. Аскар?..

Ержан в одном нижнем белье быстро встал с постели и крепко прижал Аскара к своей груди.

Жена Ержана, Айжан, быстро накинула на себя одежду и тоже вышла из-за полога.

— Пойду, открою тундик,— сказала она, поздоровавшись с Аскаром.

— Со мной еще женщина,— сказал Аскар.

— Что за женщина?— удивленно спросил Ержан.

— Девушка одна...

— Что ж ты не договариваешь? Ты что, похитил ее и привез сюда? Поздравляю тогда...

— Не похитил я ее. Просто спутница, вместе едем,— сказал Аскар, решив потом рассказать им историю Ботагоз.

«Пусть будет так, хотя это и подозрительно,— подумал про себя Ержан.— Разве будет девушка зря разъезжать с молодым жигитом?»— но вслух сказал Айжан:

— Открой тундик и приведи ее. Иди скорее!

Айжан тоже подумала, что Аскар привез молодую жену, но почему-то скрывает это. Выйдя из юрты, она увидела стоявшую у коней высокую красивую девушку.

— Здравствуй, дорогая!— сказала Айжан Ботагоз и поцеловала ее в обе щеки, а про себя подумала: «Кто первый откроет лицо невестки, тот ей роднее всех».

Ботагоз показалось, что перед ней Айбала. Давно не слыхала она таких теплых слов.

Уже начиналось утро. Айжан открыла тундик и ввела Ботагоз в юрту.

— Здравствуй, милая!— приветствовал Ержан Ботагоз и подумал: «Вполне подходящая для Аскара подруга...»

— Чай ставить?— спросила Айжан мужа.

— Если устали с дороги, пусть сперва отдохнут. Еще рано, можно поспать.

Измотанный дорожной тряской, Аскар непрочь был немного отдохнуть.

— Пожалуй, лучше поспать. Мы здорово устали,— сказал он.

— Тогда опусти полог и постели им постель,— сказал Ержан.

При словах «опусти полог» Ботагоз покраснела, поняв, что хозяева принимают ее за жену Аскара.

— Хорошо, на правой стороне[1] постелю,— ответила Айжан и начала снимать перину с железной койки.

---

[1] Правая сторона — правая половина юрты.

— Ей постелите вон там, за койкой,— заметил Аскар,— а я лягу вот здесь. Полог не трогайте.

— В таком случае постели нам с Аскаром на середине юрты,— сказал Ержан,— я тоже сосну. И пока не поднялось стадо, скажи жигитам, пусть кто-нибудь зарежет барашка, и закрой тундик.

Разбитая ездой и много ночей не спавшая, Ботагоз легла, не раздеваясь, на постель и тут же уснула.

Улегшийся рядом с Ержаном Аскар думал, что уснет сразу, но сон не брал его.

— Что, не спится тебе, Аскар?— спросил Ержан, заметив, что он вертится с боку на бок.

— Да, сон отлетел.

— С дороги всегда так, не спится,— сказал Ержан.

Аскар рассказал Ержану, куда и зачем он едет, и стал расспрашивать о положении в аулах этой стороны.

— Что тут спрашивать? Разве могут выступить против царя такие аулы, как наши, расположенные вблизи города? Вначале и у нас как будто заволновались, но когда снаряженные из Петропавловска солдаты стали громить аулы, угонять скот, насиловать женщин и расстреливать всех, кто сопротивлялся призыву, большинство смирилось. А у волостных управителей и биев ни стыда, ни совести. Волостной управитель Сары-Айгирской волости — известный Бекен, у нас — Кабулов Нугман, в Андагулской волости — Хангужи Исхак, в Ирыспайской волости — Сулейменов Сурыган. От всех от них и в обычное время стонал народ, а теперь, после этого события, они совсем озверели. Взятки берут на глазах у всех. Кабулов Нугман уже заработал больше ста голов крупного рогатого скота. Денег, верно, собрал мешки. Недавно в поселке Денежине, на Ишиме, был прием[1] наших жигитов, и все присутствовавшие на приеме были поражены тем, что творилось там.

— А именно?

— Не было ни одного жигита, чей возраст был бы показан правильно. И хоть бы один попался из имущих!.. Пригнанные на прием жигиты оказались все из бедных семей, сироты, батраки. Люди пятидесяти и сорока лет показаны в списках двадцатипяти- или тридцатилетними. Семнадцати-шестнадцатилетние сыновья бедняков записаны двадцатипятилетними. Видано ли такое безобразие?! В соседнем ауле есть один бедняк, вечный батрак, человек одинокий. Ни семьи, ни крова родного нет у него, всю жизнь свою он провел в работниках. Человеку сорок пять лет, а по списку оказалось, что ему только двадцать семь. В этом же ауле жила одна вдова. Когда ей было тридцать лет, у нее умер муж, оставив на ее руках трехлетнего сынишку. Хотя она жила очень бедно, но замуж больше не вышла и, перебива-

[1] Так казахи называли мобилизацию в армию на тыловые работы.

ясь, с трудом вырастила сына. Услышав, что в списке указано, будто ее сыну двадцать один год вместо пятнадцати, она умерла от разрыва сердца.

— Апырай!

— Разве казах раньше знал, что такое «прием»?— сказал Ержан, вставая.— Это, оказывается, такое дело, которое выжигает все святое в душе человека. Одни торгуют людьми, а другие калечат себя, лишь бы не попасть в солдаты. Многие жигиты нанесли себе разные увечья. Одни отрубали себе топором пальцы, другие ломали кости ног... Чтобы казаться больными, пили настойку из табака, с пеной у рта валялись перед приемщиками. Были и такие, которые отравлялись насмерть, а другие бросались с отчаянья в Ишим. Трудно сказать, какие ужасы можно было увидеть там.

— А как же ты остался, Ержан?— спросил Аскар.

— Пока остался. И я, грешный, испугавшись солдатчины, отдал все, что имел, волостному управителю. Только не знаю, надолго ли поможет моя взятка.

Аскар рассказал Ержану о Ботагоз и о своих отношениях с ней.

— А, вот оно как!— сказал Ержан.— Хорошо сделал, что привез ее сюда. Пока буду жив, можешь о ней не беспокоиться! Никакие хищники ее ни когтями не схватят, ни клювом не клюнут.

Когда Аскар с Ержаном вышли во двор, у юрты слезал с лошади одетый в форму урядника человек в очках.

— Это кто?— тревожно спросил Аскар, подумав, что приехали задержать его.

— Это Жампеис,— ответил Ержан.

— А кто он такой?

— Скажу после, ты не бойся его.

Белолицый, рябоватый, с прямым носом, высокий, стройный жигит, у которого все время слезился правый глаз, быстро, прижимая левой рукой шашку, подошел к Аскару и Ержану и поздоровался с ними.

— Из Петропавловска?— спросил его Ержан.

— Да.

— Что так рано? Счастливый путь.

— Да будет так. Еду в сторону Торангула[1]. Возможно, поеду и в Кокшетау, и на Шортан.

Жампеис окинул взглядом Аскара с головы до ног и сказал Ержану:

— Не узнаю этого жигита...

— Проезжий жигит. Мой родственник,— ответил Ержан, а потом обратился к Аскару:— Ты, племянник, прошел бы пока в юрту, у меня дело есть одно к Жампеису.

---

[1] Торангул — название озера.

Когда помрачневший от плохих предчувствий Аскар удалился, Ержан, ничего не скрывая, рассказал Жампеису все, что он знал об Аскаре.

— Я и сам узнал его,— сказал Жампеис.— Это ведь Досанов Аскар. Его давно разыскивают по обвинению в убийстве Итбая и в соучастии с амантаевской шайкой. Его дело переслано к нам.

— Вот что, Жампеис,— сказал Ержан после некоторого раздумья.—«Если родня в беде не поможет, к чему человеку родня?»— говорят. Я рассказал тебе положение этого жигита. Он мне родственник и ты мне родственник. Ты должен нам помочь!

— Трудно! Дело его ведь в руках уездного начальника,— сказал Жампеис, не желая сдаваться сразу.

— «Помощь, оказанная мужчине, не пропадет бесследно», говорят. Это первая просьба, с которой я обращаюсь к тебе за все время нашей дружбы. Окажи мне эту услугу. Я ведь тоже живой человек. Не забуду.

— Чего же ты все-таки хочешь от меня?

— Ты сказал, что его дело теперь у вас?

— У нас. Раньше находилось в Омске, а недавно прислали сюда. Видно, узнали, что Досанов направился в Петропавловский уезд.

— Выкради его дело.

— Ой, нет, это слишком опасно! Даже невозможно.

— Тебе ничего не трудно. Стащил же ты дела людей, которых должны были судить за отказ идти в солдаты. Сделай так и в этот раз.

— Хотя из уважения к аксакалам я и полез в окно за этими делами, но никогда в жизни я так не рисковал,— сказал Жампеис, вытирая слезившийся глаз носовым платком.

— А ты, дорогой, рискни еще раз.

— Ой, не знаю, Ержан... Сомневаюсь...

— Нечего тут сомневаться. Выполни мою единственную просьбу. Возьми сколько тебе надо. Как-то ты просил у меня серебряное седло с принадлежностями. Знаю, что я обидел тебя, отказав. Прости мне. В придачу к седлу дам тебе еще и желтогрудого коня.

— Апырай, не знаю, как быть...

— Ничего не «апырай». Ты сумеешь это устроить. Никогда не забуду этой твоей услуги. Я ведь тоже живой человек, когда-нибудь и тебе пригожусь...

— Ладно!— согласился Жампеис после долгого раздумья.— Пусть будет так. Выкраду. Оставь у себя и коня и седло. Не скрою, я беру взятки, но не такой уж я подлец, как обо мне думают. Доброе дело не продают. Сделаю его для тебя и не за мзду. Но боюсь, что если я и выкраду «дело», Досанова не перестанут преследовать! Он давно уже на примете.

— Что же ты посоветуешь?

— Он должен оставить земли Акмолы.

— Куда же ему деваться?

— А пусть едет куда хочет. Я достану ему паспорт на чужое имя.

— А уездный начальник не арестует его?

— А откуда он узнает? Это уж моя забота, чтоб все прошло гладко.

— Аскар говорил мне, что он хочет ехать на фронт, на тыловые работы.

— Тем лучше.

— Буду твоим покорным рабом, если поможешь ему!— сказал Ержан, крепко пожимая руку Жампеису.— А теперь, дорогой, зайдем в юрту, подкрепись перед дорогой.

После того как Жампеис уехал, Ержан рассказал Аскару и Ботагоз о своем разговоре с ним.

— А что он за человек?— спросил Аскар.

— История Жампеиса интересна,— начал Ержан.— Отец его умер рано. Он и еще два его брата, сироты, много претерпели от одного своего богатого родственника. Жампеис не мог ему простить обид и угнал его скот, спалил дом и сбежал в Петропавловск. В детстве Жампеис долго пас скот у русских, там научился писать и читать по-русски. В Петропавловске он рассказал свою историю помощнику уездного начальника хажи Дуйсанбаю Туранову, тот его и устроил урядником. Было это лет пять-шесть тому назад. Служа урядником, Жампеис связался со знаменитым конокрадом Жетписом и другими. Петропавловские воры тоже ничего не скрывают от него. Сам он не ворует, но они делятся с ним своими доходами. Но есть у него и хорошая черта: если дружит с кем-нибудь, то умеет за него постоять, может отдать ему последнюю лошадь и сложить голову за него.

— Не нравится мне его взгляд.— сказал Аскар.— И вообще я не доверяю урядникам. Как бы он не подвел нас.

— Нет, этого он не сделает.

— Ой, не знаю!..

VI

Приехав с Аскаром и Ботагоз в Петропавловск уже под вечер, Ержан не решился прямо явиться на квартиру Жампеиса, который жил у одного бая Карабалина. Ержан направился к близкому Жампеису человеку — Сактагану. Дом его стоял на крутом берегу Ишима.

В сумерки Ержан попросил Сактагана сходить за Жампеисом. Жампеис пообещал прийти к ужину.

— Обжоре этому, видно, мяса захотелось,— заметил Ержан и послал за мясом.

К ужину Жампеис действительно явился.

— Что обещал, то исполню,— сказал он Ержану.— Сегодня я, как только приехал из аулов, явился к уездному начальнику и

доложил, что Аскар Досанов, восставший против царя и присоединившийся к шайке Амантая, убит во время боя. Что убит именно он, мне, мол, сообщили верные люди, которые сами видели это. «Подлец, не попался нам в руки!»— подосадовал уездный начальник.

— Вот и отлично!— обрадовался Ержан.

— Что обещал, то я выполню, Аскар! Дело твое выкраду и доставлю тебе. Уже высмотрел, где оно. Пока поспеет ужин, я принесу!— сказал Жампеис и вышел.

Гости напились чаю, но с ужином, хотя мясо давно варилось, стали ждать Жампеиса. Было уже за полночь, когда он явился, держа под мышкой папку бумаг.

— На, любуйся на свое «дело»!— сказал он и бросил папку Аскару.

— Эх и молодец!— воскликнул Ержан, от радости вскочив с места.

Заперев дверь на крючок, они стали рассматривать бумаги, находившиеся в папке. Первый лист «дела» начинался с описания допроса Аскара после забастовки на омской пристани, а дальше отмечались все важнейшие этапы его жизни.

— Агай!— обратился Аскар к Сактагану.— Если разрешите, я сожгу эти бумаги.

— Сожги, сожги! Огня пожалею, что ли, для тебя? Пусть горят проклятые!

Аскар сунул «дело» в очаг. Яркое пламя охватило бумаги. Они, свертываясь, превращались в пепел, и Аскару казалось, что с плеч его свалился тяжелый груз проклятия, давившего его годами.

На другой день Аскар под чужой фамилией подал уездному начальнику заявление о своем желании поехать на фронт.

— Молодец!— сказал уездный начальник.— Вот это герой...— И распорядился:— Этому киргизу дать паспорт на фронт!

«Где-то я его видал,— подумал уездный начальник, когда Аскар вышел.— Что-то лицо знакомое»,— и зашагал по комнате, стараясь вспомнить, потом махнул рукой:

«Ну его к черту! Стоит ли волноваться из-за какого-то киргиза...»

ГЛАВА ПЯТАЯ

РАСПРАВА

I

Речь, которую произнес перед собравшимися генерал-губернатор Сухомлинов, приехавший на автомобиле из Омска через три дня после убийства Итбая, была очень короткой:

— Все, кто восстают против правительства, будут беспощадно уничтожены. Аулы их будут разгромлены. С главарей живьем шкуры сдерем. Нечего тратить на них патроны. С ними надо поступать так, чтобы собаки-киргизы больше не смели и головы поднять. Семье Итбая Байсакалова, который погиб на верной службе царю, назначить пособие в пять тысяч рублей ежегодно, собирать их с пяти окрестных волостей!

По приказу Сухомлинова, из Омска во главе карательного отряда на усмирение казахов выехал Алексей Кулаков.

Совсем немного времени прошло с тех пор, как Алексей приехал из Петрограда в Омск. В столице ему не повезло. Ходили разные слухи. Говорили, что он влип в историю, связанную с рискованной интригой какой-то придворной дамы, другие передавали, что он попался на слишком дерзкой спекуляции с военным снаряжением и едва не попал под военный суд. Дело кое-как замяли, и Кулакова перевели в казачий полк, расквартированный в Омске. Алексея не особенно огорчило это наказание. Если бы он остался в гусарском полку, то вместе со всем полком попал бы на фронт. Приехав в Омск, он все еще тревожился, как бы не послали его в действующую армию, и был очень доволен, когда получил приказ отправиться с карательным отрядом казаков на усмирение восставших «киргизов».

Алексей был очень низкого мнения о боевых качествах казахов и думал, что подавить их восстание ничего не будет стоить. Еще с детства он привык смотреть на казахов как на людей низших и слабых. Ему безнаказанно сходило, когда он пугал или уводил куда-нибудь лошадей приезжих казахов, бросал в них камнями, площадно ругал их или натравлял на них собак. Подростком он часто искал повода вступить в драку с казахами и избивал их.

Он видел, что казахи не смели сопротивляться ему и покорно сносили оскорбления и издевательства. Эту «покорность» молодой Кулаков объяснял их природным малодушием, отсутствием самолюбия, трусостью.

«Откуда такие малодушные киргизы могли набраться храбрости, чтобы восстать против царя?— думал Алексей, выезжая из Омска.— Это, верно, какое-то недоразумение!»

Алексей получил приказ начать операции в окрестностях Еремейна. Узнав, что против них вышли солдаты, местные казахи целыми аулами укрепились в горах и на всех путях расставили засады из мергенов. Много казаков из отряда Алексея, сгоряча полезшего на горы, пало под пулями засевших среди скал мергенов. Это были первые кровопролитные стычки в жизни Алексея.

Неожиданно встретив жестокий отпор, Кулаков понял, что казахов не так легко разгромить, что и у казахского народа есть решимость, что восстание принимает опасный оборот.

У подножия Еремейна Алексей Кулаков провел недели две.

Он потребовал подкреплений, и скоро к нему прибыли пополнения из Акмолинска и Павлодара. Отряд, которым он командовал, насчитывал уже с тысячу бойцов. Имелись у него и пулеметы. Не раз его солдаты атаковали укрепившихся в горах повстанцев, но последние не подпускали близко солдат. Еремейнские горы не особенно высоки, но к их вершинам вело не более пяти-шести троп. Эти тропы охранялись мергенами, которые метко укладывали своими пулями всех, кто пытался напасть на их позиции.

Первые дни основной силой, противостоявшей отряду Кулакова в Еремейнских горах, был отряд Амантая. Но когда стало не хватать пищи, а особенно воды, для массы людей, скопившихся в горах, Амантай решил уйти. Свои сильно укрепленные позиции он передал местным отрядам, которые, по его мнению, могли сами успешно противостоять атакам Кулакова, пользуясь превосходством этих укреплений. Сам же он с тысячью жигитов вышел из гор и, совершив обходное движение в степи, перешел опять в район Кокшетау.

Когда начальство узнало о движении амантаевского отряда, Алексею отдан был приказ двинуться против него в Кокшетау и уничтожить. По сводкам, поступавшим к Алексею, отряд Амантая должен был находиться вблизи Бурабая.

Заросли в окрестностях Кокшетау, в которых укрылись амантаевцы, не были такой трудноодолимой позицией, какую представляют собой Еремейнские горы. Сколько ни прилагали амантаевские жигиты усилий, чтобы не подпустить к себе врага, превосходно вооруженный отряд Алексея сильно потрепал их. Хорошо зная все горные цепи Кокшетау, Алексей, упорно преследуя отряд Амантая, вытеснил его из гор. Жигиты Амантая покинули заросли и направились к Бурабаю.

Но и в открытом поле Алексею не легко было одолеть казахских жигитов. Он убедился, что казахи умеют проявлять героизм, бесстрашны в бою, не пугаются крови. Мергены ни одной пули не выпускали впустую, жигиты в поединках были увертливы и не делали промахов.

В бешенстве на то, что ему не удается так легко одолеть повстанцев, Алексей изливал свою злобу на мирное население. Его войско грабило, опустошало и сжигало встречные аулы, убивало мужчин и детей, насиловало женщин.

При слухах о приближении Кулакова население целыми аулами бежало в горы.

— Все киргизы — собаки,— говорил Алексей своим солдатам.— Надо поступать с ними так, чтобы никто из этого отродья не мог больше поднять голову. Все аулы на нашем пути громить дотла!

Несмотря на значительные потери, понесенные амантаевцами в отдельных стычках с отрядом Кулакова, они вошли в сосновый бор Бурабая, сохранив свои основные силы. Укрепившись в лесу,

жигиты стойко защищались, и Кулаков не мог выбить их из бора.

Тогда он решился на последнее средство и послал губернатору рапорт: «Не можем вытеснить шайку Амантая из лесу, разрешите спалить», и скоро получил ответ: «Разрешаю».

Алексей расставил густую сеть застав и заградительных отрядов с пулеметами и после этого отдал приказ: спалить сосновый бор. Охваченные со всех сторон огнем, задыхавшиеся в дыму жигиты были вынуждены выйти из лесу. Тут-то и заработали пулеметы Кулакова и как траву скосили остатки повстанцев.

В плен были взяты только несколько десятков человек, среди которых находились Амантай, Темирбек и Буркутбай. Многие из них были ранены. Их привезли в станицу Котыр-коль и загнали в похожее на сарай помещение. Окна этой тюрьмы были забраны железными решетками, двери запирались огромными замками, вокруг посменно караулили часовые.

Следователь по особо важным делам, выехавший из Омска по делу Итбая, прибыл в Котырь-коль и по приказу губернатора повел дознание, беря под стражу всех, на кого указывали родственники Итбая. Тот же следователь вел дело амантаевской группы.

Зная, что начальство на их стороне, родственники Итбая начали оговаривать и совершенно неповинных в убийстве волостного людей, всех, на кого они когда-либо имели личную обиду. Число людей, заключенных в тюрьму по делу Итбая, все увеличивалось. К тому времени, как привели амантаевцев, там уже сидело около ста человек.

По словам арестованных, страшно было представить себе, какие насилия и издевательства терпело население степи от солдат, чиновников и родственников Итбая. Должность волостного теперь занял Еликбай. Спекулируя на убийстве брата, он беззастенчиво отправлял в тюрьму безвинных людей, отбирал у них все, что ему нравилось,— охотничьих собак, лучших коней, красивых девушек, ловчих птиц. Достаточно было ему сказать запуганным казахам: «Доведу до начальства», как они ни в чем не смели отказать обнаглевшему Еликбаю.

Амантай, не смыкавший глаз всю ночь, как только просветлело, оглядел сидевших вокруг него и увидел Кожана.

— Как эта ворона попала сюда?— спросил он, глядя на аульного недобрыми глазами.

— На меня тоже показали, что я участвовал в убийстве Итбая,— с удрученным видом ответил Кожан.

— Ой ли, поди, врешь!?— воскликнул Амантай и с сомнением покачал головой.

Вскоре в Котыр-коль из Кокшетау приехал следователь и начал допрашивать Амантая и его сподвижников. Амантай пло-

хо объяснялся по-русски. Его ответы переводил уездный переводчик.

— Я один убил Итбая. Из юрты я сам вытащил его и сам же отсек ему голову своим топором. В этом деле, кроме меня одного, никто неповинен,— заявил он.

Особенно настойчиво следователь допрашивал его относительно Аскара.

— Его не было с нами, он сбежал от нас. Куда он делся, не знаю.

О Ботагоз он сказал то же самое. Следователь пускал в ход и уговоры и угрозы, но ничего добиться не мог.

— Не видал, не слыхал,— был неизменный ответ Амантая.

Из допроса Амантай понял, что родня Итбая не знает, где находятся Аскар и Ботагоз.

«Где ж они? Какими путями сумели они скрыться с глаз врагов?»— думал он.

Когда его привели обратно в камеру, он подробно рассказал всем сидевшим там о допросе и своих ответах следователю. Товарищи Амантая во главе с Буркутбаем запротестовали:

— Так не годится,— заявили они.— Нужно было выгородить себя и всю вину свалить на нас. Ты нас вел, за тобой шел народ. Если с тобой случится что-нибудь, народ начнет роптать на нас.

Амантай упорствовал.

— Теперь кончено!— заметил кто-то.— Раз Амантай все взял на себя и признался, ему уже все равно не поверят, если он и начнет отпираться. Давайте повременим. Время покажет. Авось, найдется какой-нибудь выход.

На другой день, уже к ночи, Амантай вернулся с допроса избитым. Урядник и сын Итбая, Сарыбас, избили его так, что все его тело было покрыто синяками, а голова стала походить на «конек»[1]. Он с трудом поел мяса и выпил кумыса, которые каждый день ухитрялись передавать для них в тюрьму родные и друзья заключенных. Заснуть он не мог — мучила боль во всем теле.

Было уже около полуночи, когда его позвали по имени.

— Ау! Что там?— откликнулся он.

С трудом приподняв избитую голову, он огляделся и при свете сальной коптилки увидел, что один из жигитов держа пред собой блюдо с копченым мясом, протягивает ему какую-то бумажку.

— Что это за бумажка? Что там такое?— спросил Амантай.

— В сегодняшней передаче я нашел эту бумажку.

— А ну, прочитай, Нугман.— попросил Амантай.

Мугалим Нугман, тоже сидевший по делу амантаевцев, прочитал следующее:

«Азаматы![2]

---

[1] Конек — кожаное ведро.

[2] Азаматы — буквально: граждане; уважаемые.

Я посылаю четвертую передачу. Это шлет вам весь аул. Вот все, что население в силах сделать для вас. Сегодня готовятся убить Амантая. Еликбай с Сарыбасом дали Кулакову, следователю и Кошкину большую взятку и уговорили их убить Амантая, будто бы при его попытке к бегству из тюрьмы. Мы болеем за вас душой. Если сумеете, устройте Амантаю побег. Вместо одного ребра двухреберного казы положили крепкий нож. Попробуйте поднять им пол. Авось и получится что-нибудь. Вот все, что мы могли сделать!»

— Ну, что же вы сидите? Надо приняться за дело, попробуем поднять пол!— сказал какой-то рассудительный жигит.

— Плетете какую-то чушь,— возразил вдруг до того времени молчавший Кожан.— Кто из вас когда слыхал, чтобы деревянный пол ножом поднимали?

— Что ты болтаешь?— крикнули на него сердито.— Не хочешь, так сиди и молчи. Это тебе не рай — в тюрьме сидим!

— Как хотите,— угрюмо ответил Кожан,— по мне, если сумеете, хоть крышу поднимите и бегите все.

— Ну, в добрый час, давайте поднимать!— приступили к делу более расторопные жигиты.

Хорошо выкованным и негнущимся острым ножом они скоро сделали в крайней доске пола четыре дыры, куда могла пролезть рука.

— Ну, давайте попробуем поднять!

Два жигита, напрягая все силы, взялись за доску, но не могли оторвать ее.

— Я же говорил, что доски наглухо заколочены гвоздями. Тут ножом ничего не сделаешь, нужен лом!— опять заметил Кожан.

Жигиты не обратили внимания на его слова.

Не вмешивавшийся до тех пор в разговор Темирбек вскочил с места, подошел к доске и бросил на Кожана взгляд волка, готового растерзать свою жертву. Потом плюнул на ладони, потер их друг о дружку и сунул в дыры толстые, как бревна, пальцы.

— Отойдите, не стойте на этой доске,— сказал он стоявшим около него жигитам и, напрягая все свои силы, потянул.

Доска с треском приподнялась, обнажив гвозди длиннее четверти.

— Вот это да! Молодец!— послышались одобрительные возгласы.

Темирбек откинул доску в сторону и увидел, что в эту щель не пролезет человек. Хотел выдернуть и соседние доски, но они не поддались.

— Положи под них выдернутую доску, легче подастся,— сказал мугалим.

Темирбек последовал совету учителя. Еще две доски были оторваны.

— Ну, теперь выходите, пусть первым выйдет Амантай,— тихо сказал Темирбек

Первым пропустили Амантая, за ним двинулись остальные. Кожан, отстав от других, стал обоими кулаками колотить в дверь и неистово кричать.

Поведение Кожана и раньше не нравилось Темирбеку, и он все время наблюдал за ним. Когда все бросились к открытой дыре, Темирбек, и тут не изменив своему характеру, остался позади всех. Вдруг он услышал стук в дверь.

— Эй, кто это?— спросил Темирбек, подойдя к стучавшему и не узнав его в темноте.

Тот, не обращая внимания, продолжал стучать. Темирбек схватил его за шиворот и прошипел:

— Кто ты, откликайся живо, пока не вышиб душу из тебя!

— Я Кожан,— пробормотал тот.

— Ты что ж это?— задыхаясь, спросил Темирбек, схватив его за горло.

— Я так...— ответил тот, растерявшись.

— Товарищей хочешь предать?

— Да...— неожиданно для самого себя сказал Кожан.

Кожан сказал правду. Следователь, по совету Еликбая, «подсадил» его к арестантам, чтоб он подслушивал их разговоры и доносил начальству.

Темирбеку некогда было возиться с ним. Задыхаясь от ярости, он крепко сжал ему горло своими сильными пальцами. Кожан задохнулся и захрипел...

В это время распахнулась дверь и с фонарями в руках, держа ружья наготове, ворвались солдаты во главе с Еликбаем и Сарыбасом. Они вели нескольких заключенных, которых им удалось поймать.

Темирбек внешне остался по-прежнему спокойным при входе солдат. Безжизненное тело Кожана он оттолкнул прочь, не зная, наверное, жив он или мертв, и отошел в свой угол.

II

В душе Ботагоз чередовались два чувства — горе и радость.

Радовалась она тому, что часто получала письма от Аскара, уехавшего на фронт, и тому, что, как сообщил ей Аскар, он встретил Кенжетая, который тоже находился на тыловых работах.

Горевала же она оттого, что не знала, что с Амантаем и Темирбеком.

Если б не это горе, ей жилось бы неплохо: Айжан заменила ей Айбалу.

Прослышав, что в семье Ержана каким-то чудом появилась девушка-красавица, парни из окрестных аулов Атыгай и Караул надоедали Айжан, упрашивая ее свести их с Ботагоз. Айжан

отнекивалась. Она уважала Аскара и знала, как Ержан тепло относится к нему. Поэтому, хотя быть посредницей между жигитом и молодой девушкой, по обычаю, не считалось предосудительным, Айжан отваживала всех пристававших к ней жигитов, пугая их Ержаном.

Родственники и друзья Ержана, люди добрые и гостеприимные, полюбили Ботагоз; она тоже не чуждалась их и чувствовала себя, как в родном ауле.

Наступила зима. От Амантая и Темирбека все еще не было никаких вестей.

Любимым занятием Ержана зимою была охота на горностаев, хорьков и других мелких зверьков. Для этого он держал хорошую лошадь и натасканную гончую. В хорошую погоду он спозаранок садился на лошадь и, взяв с собою собаку, отправлялся на охоту. Возвращался только к вечеру. Иногда ездил и с ночевкой.

В отсутствие Ержана за хозяйством следили Айжан и Ботагоз.

— Ты не тревожься: не так уж у нас много скота, сама справлюсь,— говорила Айжан девушке.

— Ну что я буду делать, сидя дома! А в работе время проходит и незаметно и с пользой,— говорила Ботагоз, не отставая от Айжан.

Скота у Ержана было — три дойные коровы, одна рабочая лошадь, два вола, два жеребенка и десяток коз и овец. Айжан и Ботагоз трижды в день подкладывали скотине сено, поили ее, чистили стойла, кроме того женщинам приходилось рубить дрова и убирать снег, скопившийся у плетня.

— Она сильная, не уступит в работе любому жигиту,— хвалила Айжан своим знакомым Ботагоз.

Это была правда.

Когда Ботагоз выходила на мороз, ее щеки румянились, как алое яблоко, а работа так и спорилась в ее руках. Она умело справлялась с лопатой и вилами.

В свободное время Ботагоз читала русские книги. Изредка Ержан привозил ей из Петропавловска книги, которые получал в библиотеке по абонементу одного знакомого жигита.

В один из таких обычных, не свободных от печали и не лишенных радости дней, Айжан пошла по делам к соседям, а Ботагоз, окончив чтение «Рассказа о семи повешенных» Л. Андреева, сидела сумрачная, под впечатлением прочитанного. Вдруг вошел высокий человек в длинном черном тулупе и черной барашковой папахе.

— Где хозяин?— спросил вошедший, откинув ворот тулупа и потирая озябшие от холода руки.

— Его нет дома,— ответила Ботагоз и подумала: «Это не Алексей ли Кулаков?»

— А где он?

— На охоту уехал.
— А ты кто?
— Я его сестра.
— А где хозяйка?
— Пошла к соседям.
— Позови скорее! Мы озябли. Пусть вскипятит нам чай.
— Сейчас,— сказала Ботагоз, надевая шубку.
Когда она дошла до двери, тот окликнул ее:
— Эй, девка!
— Что?— повернулась Ботагоз.
— Где ты научилась говорить по-русски?
— Живем близ города, так и научилась.
— Нет, видать, ты грамотная!
— Немного училась.
— В русской школе?
— Да.
— Ладно. Зови хозяйку, да скорее!

«Красивая девушка,— подумал Кулаков.— Черт знает, где я ее видел,— лицо будто знакомое. А что она читает?»

Алексей сбросил с себя тулуп, но, даже не стряхнув снега с валенок, подошел к окну и взял книгу.

— Полюбуйтесь!— сказал он вслух, взглянув на книгу.— Что читает! Грамотная девушка!

Когда Ботагоз вышла во двор, она увидела, что около их избы стоят пять-шесть саней с людьми. Лошади были потные, спины их были покрыты инеем. Человек десять солдат, толкая друг друга, топтались у саней, шутили и смеялись. В одних санях сидели два съежившихся человека.

Вдруг она услышала, как ее окликнули:

— Ботагоз!

— Кто это?— обернулась она и увидела, что один из сидевших в санях, привстав, крикнул еще раз:

— Ботагоз!

Человек этот, в рваном бараньем тулупе, в рваном, без верха, малахае на голове, продолжал:

— Дорогая! Родная! Бота моя! Я Темирбек.

Ошеломленная Ботагоз бросилась к саням.

Темирбек спрыгнул с саней ей навстречу с распростертыми объятиями, но один из солдат, закричав: «Куда ты?», очутился между ними.

Темирбек, оттолкнув солдата, заключил Ботагоз в объятия и несколько раз крепко поцеловал ее.

— Что с тобой, Темирбек? Успокойся! Ведь ты погубишь Ботагоз! Перестань! Увидит эта собака!— крикнул другой, сидевший с ним в санях.

Темирбек отпустил сестру и оглянулся.

— Теперь и умереть не страшно. Родная, солнце мое, моя

Бота... Будь я жертвой твоих милых глаз, твоих слез, родная моя!..— шептал Темирбек.

Уже пришедшая в себя Ботагоз, все еще не переставая плакать, посмотрела на того, кто звал Темирбека, и узнала в нем Буркутбая, хотя у него и отросли усы и борода.

— Вот каково наше положение, Ботагоз!— сказал Буркутбай.— Следствие закончено. Везут нас на суд. Говорят, суд будет в Петропавловске. Нас десять человек. Хорошего неоткуда ждать. Если будут люди из нашего аула и сумеем передать — скажем, чтоб они нашли тебя. Амантай бежал, и мы о нем ничего не знаем — жив он или нет. Не подавай виду, что знаешь нас, а ты, Темирбек, держись крепко. Будь благодарен и за то, что повидал сестру. Это хорошая примета, но если узнают, что Ботагоз твоя родственница, ей придется плохо.

— Кто это такие?— услышала Ботагоз за спиной голос Ержана.

— Мой брат!— сказала Ботагоз, отойдя с ним от саней и задыхаясь от слез.— Тот, кто убил волостного управителя...

— Что ты говоришь, душенька!..

Подошедшая Айжан дрожала всем телом.

— Хотят здесь остановиться,— продолжала Ботагоз.

— Пусть остановятся.

У двери их встретил выходивший Алексей Кулаков.

— Что ты, красавица, так задержалась?— спросил он.

— Хозяйку искала.

— А отчего это глазки у тебя покраснели?— спросил Алексей и, не дождавшись ответа, обратился к Ержану:— Ты, что ли, хозяин?

— Я.

— Мы везем арестантов. Можно у тебя чайку попить? Солдаты замерзли.

— Можно.

— Тогда скорее,— сказал Алексей и направился к саням.

Ботагоз не отрывала глаз от солдат. Но ни один из них не донес Кулакову о встрече Темирбека с сестрой.

Саманный домик Ержана состоял из двух половин. Задняя половина с деревянным полом была светлая и просторная. Передняя, в которой стояла русская печь, служила кухней. Она тоже содержалась чисто, но земляной пол в ней был застлан только свежим сеном.

Алексей с солдатами расположился в задней половине избы, а арестантов поместили на кухне. К ним приставили только одного солдата.

Арестанты были очень утомлены дорогой. Из Шортана их выехало двенадцать человек, но двое в пути замерзли. Среди оставшихся тоже не было ни одного, кто бы не отморозил себе нос, ноги или руки. Трое были больны, а один совсем слаб. Остальные надрывно и часто кашляли. Двух больных ввели в

избу, поддерживая под руки, самого слабого внесли на руках.

— Нечего скрывать,— сказал Буркутбай, улучив момент,— ты, Ержетай, человек энергичный, и себя мы считали не хуже других, а теперь вот каково наше положение... Мы очень голодны. Со дня выезда, вот уже десять дней, кроме кусочка черного хлеба в день и воды, ничего не получали. Почти половину пути шли пешком. Совершенно обессилели.

— Чем могу, накормлю, не пожалею. За вас болеем сердцем, но бессильны!— ответил, вздохнув, Ержан.

Как будто помогая Айжан готовить пищу, Ботагоз толклась на кухне и успела рассказать брату, как она очутилась здесь и где находится Аскар. Темирбек слушал ее молча. С тех пор как они вошли в дом, он не произнес ни слова, боясь, что при первом же слове разрыдается. Не отрывая глаз от Ботагоз, он безмолвно сидел в каком-то оцепенении.

От души жалея арестантов, но в то же время придерживаясь пословицы: «Своя рубашка ближе к телу», Ержан сперва несколько опасался офицера и солдат. Но потом, видя, что выпивший Алексей и конвойные заняты едой, он осмелел.

Обычно Айжан хлеб пекла по-городскому, из кислого теста. Приезжие, досыта поев калачей с маслом, вдоволь напились чаю.

Ержан только недавно резал свой согум. Казы у молодого мерина, которого он купил осенью и кормил овсом три месяца, вышло толщиной в четыре пальца.

— Айжан,— сказал Ержан, когда жена собиралась класть мясо в котел,— сама видишь, люди измучены тяжелой дорогой, бог отплатит нам за добро, клади мяса побольше и лучшие части. Дай несчастным их долю. Когда-то и они были первыми людьми своего аула, а теперь вот...

Айжан сварила для арестантов казы, толстые кишки маштака, почечную часть, загривок — в общем, такие части, которые обычно преподносили почетным гостям.

Только было арестанты руками, закованными в кандалы, взялись за мясо, как умер тот жигит, которого внесли на руках.

— В мучениях скончался,— говорили о нем товарищи.— Но чем так мучиться, как мы, лучше умереть, как он.

Никто из них не сказал, что дороже жизни нет ничего на свете. Закрыв лицо покойнику, кто-то заметил:

— Ешьте, жигиты. Скоро и нас постигнет такая же участь. До этого надо хоть один раз сытно поесть.

Не успели арестанты докончить свой обед, как Кулаков вышел в переднюю комнату и заторопил их:

— Довольно, бросайте, надо ехать скорее!— и заставил всех встать.

— Больной скончался,— сказал один из арестантов.

Алексей сдернул тряпку с лица покойника и пнул его ногой. Безжизненное тело откинулось назад. Рот и глаза покойника были открыты. Как бы все еще сомневаясь, мертв ли тот, Алексей

задержал на трупе свой пьяный взгляд и, еще раз пнув мертвое тело, процедил сквозь зубы:

— На кой черт он мне нужен? Пусть лежит!— Потом, обратившись к Ержану, сказал:— Похороните, составьте акт и пошлите в военный суд, в Петропавловск.

— Хорошо было бы, если бы при похоронах присутствовали вы сами...— сказал ему Ержан, боясь последствий.

Кулакову не понравилось это возражение, он строго посмотрел на Ержана. Последний покорно опустил глаза.

После отъезда арестантов, Ботагоз проплакала остаток дня и всю ночь. Но на другой день она неожиданно успокоилась.

«Слезы мои никому не помогут,— решила она.— Суд вынесет свой приговор. Но пока Темирбека не осудили, я должна помочь ему чем могу, хотя бы передачей пищи».

Вечером Ботагоз заявила Ержану, что едет в Петропавловск, поступит там на работу и чем удастся поможет Темирбеку.

— Зачем тебе поступать на работу?— сказал Ержан. — Ты не у чужих находишься. Вот перед тобой мое небольшое хозяйство. Все то время, что брат твой просидит в тюрьме, ни ты ни я не сумеем прокормить его. А изредка можно делать передачу и отсюда.

Ботагоз верила в чистосердечие Ержана, но не могла согласиться с ним.

«Не может он ни в чем отказать ни мне ни Аскару. Но он не настолько богат, чтобы содержать и меня и Темирбека. Нехорошо будет с моей стороны всю тяжесть расходов свалить на него одного».

— Я очень благодарна вам, агай, за все!— сказала Ботагоз.— Вы заменили мне родного брата, Айжан мне все равно что родная сестра. Не обижайтесь, что хочу поступить на работу. Хотя я женщина, но я здорова, сил у меня много. «Что за родня, коли не поможет в беде»,— говорят. Темирбек мой любимый брат. Если поступлю в городе на работу, я смогу носить ему передачу каждый день. А отсюда каждый день я не могу ездить. От чистого сердца прошу вас — отпустите меня!

Видя, что Ботагоз не отговорить от ее решения, Ержан, хотя и против желания, должен был согласиться с ней.

— Ничего не поделаешь, раз так упрашиваешь, дорогая. Я постараюсь почаще навещать тебя. Но на какую же ты работу там поступишь?— спросил он.

— Там есть, кажется, консервный завод?

— Есть.

— В Бурабае я работала на консервном заводе. Вот и поступлю на завод.

На другой день Ержан отвез Ботагоз в Петропавловск. Она устроилась на консервном заводе, в мясофаршировочном отделе. Поселилась она на Больничной улице, у татарина Монлибая, который работал на том же заводе.

Ботагоз получала двадцать пять рублей в месяц. Из этих денег она десять рублей тратила на себя, а на остальные покупала еду и каждый день относила Темирбеку. Изредка ходила в суд просить свидания с братом, но из этого ничего не получалось. Так прошел месяц.

По воскресеньям завод не работал. В один из воскресных дней Ботагоз рано утром вышла из квартиры, неся глиняный горшочек с мясом, и направилась к тюрьме, которая была расположена на краю города, на крутом берегу Ишима.

День был вьюжный. Валивший густыми хлопьями снег даже не успевал ложиться на землю, а, подхватываемый ветром, крутился, как веретено, и застилал глаза. Вдобавок к этому стоял жгучий мороз.

Не обращая внимания ни на стужу, ни на ветер, Ботагоз спешила к тюрьме. Борясь с рассвирепевшей вьюгой, она шла, утопая в сугробах то по пояс, то по колени. Когда, миновав базарную площадь, она вошла в слободку, ей стало еще труднее. В открытом поле ветер дул сильнее, чем в городе. Иногда порыв бушевавшего ветра отбрасывал девушку на несколько шагов назад или не давал двинуться с места. Но и борясь с ветром и падая в сугробы, она крепко держала горшок, в котором несла пищу своему страдальцу-брату.

Ботагоз благополучно прошла примыкавший к городу конец слободки. Густая завеса сыпавшего снега мешала ей видеть знакомое здание тюрьмы, и только по догадке девушка шла по глубоким сугробам. Вдруг она получила сильный толчок в затылок и отлетела в сторону. На этот раз она не удержала горшка. Он выскользнул у нее из рук, и когда Ботагоз, быстро подняв голову, посмотрела в ту сторону, куда он отлетел, то увидела в сугробе одни черепки.

Вначале Ботагоз предполагала носить обед Темирбеку ежедневно, но на это не хватало средств, и она носила ему через день, через два. Но в этот раз она несла передачу уже на третий день. У нее так заныло сердце, ей стало так горько, что из глаз брызнули слезы.

Теперь она не знала, куда ей идти — к тюрьме или домой. Зачем ей идти к тюрьме с пустыми руками? Но ее тянуло туда, где находился Темирбек, и она пошла вперед, даже не стерев с лица заиндевевшие следы слез.

Недалеко от тюремных ворот, на том месте, где обычно собирались люди с передачей, она увидела запряженные парой сани. «Это они, верно, сшибли меня с ног и разбили горшок»,— подумала Ботагоз, и ей захотелось как можно крепче выругать виновников ее несчастья.

— Эй, это вы меня сбили с ног?!— со злостью крикнула она, обращаясь к двум казахам, стоявшим, съежившись, у саней.

Казахи ничего не ответили.

— Бессовестные!— продолжала она.

Казахи, как бы стыдясь, отворачивали глаза от злобных взглядов девушки.

— Мы виноваты,— сказал после некоторой паузы один из них.— Из-за этого проклятого бурана ничего нельзя было разглядеть.

— Вы пролили пищу, которая дороже моей крови. Я несла ее брату, в тюрьму,— сказала Ботагоз.

— Дорогая, твои слезы терзают нам душу. У нас есть кое-что. В тюрьме здесь сидят наши аульчане. Мы тоже привезли им передачу. Кто твой брат? Кто бы он ни был, мы уделим и ему немного. Не плачь же, дорогая!..

— Это наш Темирбек!.. Из Кокшетауского уезда!— закрыв лицо руками и всхлипывая, сказала Ботагоз.

— Это какой Темирбек? Сын Туякбая?— спросил казах.

— Да...

— А ты кем приходишься ему?

— Я родная сестра его.

— Что ты, дорогая, говоришь?! Ты Ботагоз?— в один голос спросили оба казаха.

— Да.

— Ах ты, солнышко наше. Значит, это ты? Сотри-ка свои слезы, я брат Буркутбая!— сказал один из них.

— Это правда, агай?— обрадовалась Ботагоз.

— Да, я двоюродный брат Буркутбая. Меня зовут Серикбай. Неделя, как мы приехали из аула. Нас человек десять. Сегодня четвертый день, как мы получили от заключенных записку. Там Буркутбай говорит о тебе и велит нам разыскать тебя. Мы не знали, как найти тебя, и, верно, к счастью, что так удачно встретились с тобою. Ты не беспокойся, что уронила свой горшок: нашей передачи всем им хватит. Ты уж не покидай нас, пока мы здесь, в городе.

III

Еликбай и Сарыбас большую часть времени проводили в Омске и в Петропавловске.

Еликбай не имел таких тесных связей среди чиновников, как его брат Итбай. Сарыбас же умел только болтать. Поэтому они выбрали посредником между собой и чиновниками Алексея Кулакова. Еликбай ничего не жалел для него. Немало лошадей, шуб взял от них Алексей открыто, не таясь. Порядочно издержал Еликбай и денег. Кулаков нисколько не стеснялся частенько обращаться к нему: «Одолжи сотню». Еликбай не отказывал и никогда не напоминал ему о долгах. Алексей брал деньги и под видом передачи взяток чиновникам. «Такому-то чиновнику требуется дать столько-то сотен, иначе дело не выйдет»,— выдаивал он щедрого Еликбая.

Никому не было известно, отдает ли Кулаков эти деньги чи-

новникам или оставляет их в своем кармане. Еликбая это мало трогало, потому что тратился он тоже не из своего кармана. Сколько бы тысяч он ни истратил, все это с лихвой собирал с волости.

После убийства Итбая «виновное» население не смело протестовать против непосильных поборов Еликбая и отдавало ему последнее свое достояние.

Кулаков оправдывал полученные им взятки. Бывая у чиновников, у власть имущих, он горячо защищал интересы Еликбая.

— Если строгими наказаниями не устрашим киргизов, то они снова восстанут,— твердил Алексей везде и всем.— Виновные по этому делу должны караться беспощадно.

Усилия Кулакова не остались тщетными. По окончании следствия дела амантаевцев и других повстанцев были переданы военному-полевому суду. Это известие молниеносно разнеслось по городу и по степи. Сторонники Еликбая торжествовали. Родные и близкие обвиняемых были в панике.

Родственники обвиняемых попросили Кузгунбаева быть защитником, согласившись уплатить ему три тысячи.

— Это не простое дело,— говорил Кузгунбаев,— по таким делам присуждают только к смертной казни. Я и не могу снизить цену. Если желаете найти адвоката подешевле, воля ваша. За три тысячи попробую взяться...

Как в басне Крылова синица хвалилась сжечь море, так и Кузгунбаев сперва обнадеживал клиентов и уверял их в благополучном исходе дела, а потом признался, что ничего не может сделать.

— Что хочешь бери, только устрой нам свидание с нашими родными,— просили его приезжие, но Кузгунбаев не сумел даже этого добиться.

Через некоторое время он просто стал избегать назойливых клиентов.

— Моя квартира не постоялый двор!— кричал он на них.— Нечего ходить без конца и клянчить, прекратите! Я сам знаю, что делать!

Его спрашивали:

— Как думаете, чем кончится дело?

Он отвечал:

— Увидите на суде. Это вам не заноза, которую можно легко вытащить! Восстаете против царя, убиваете наших управителей — и еще хотите легко отделаться! Это не так-то просто...

Как тяжелобольной надеется на искусного врача, так и обвиняемые надеялись на Кузгунбаева. Но он не оправдал их надежд.

Большую поддержку родственники заключенных нашли в Ботагоз. До встречи с ней приезжие из аулов затруднялись даже ходить по городу: они путались в улицах. Она стала их поводырем.

— Мы мало ценим эту девушку,— говорили они.— Нам все кажется, что кто-то другой много знает, но пока мы не видели, чтобы кто-нибудь лучше ее понимал наше положение и так помог бы нам не за деньги, а из добрых чувств.

Если сторонники обвиняемых так высоко ценили Ботагоз, то родные Итбая ее ненавидели.

«Слово, что вышло через тридцать зубов, доходит до тридцати племен»,— говорят. Еликбай скоро услышал, кто такая Ботагоз, что она делает в городе, какую роль она играет в деле обвиняемых. «Все, что в силах совершить женщина,— это вскипятить котел,— думал он о ней.— Под началом девушки далеко не уедешь. Видимо, они не совсем в своем уме, раз идут на поводу у этой девицы»,— ехидно заметил он о родственниках заключенных.

Но потом в его душу вкралась тревога, хотя Ботагоз как будто ничего особого и не совершила.

«Надо будет запретить этой девке бегать по улицам и тявкать, надо будет и ее посадить»,— подумал он.

Привыкнув во всем советоваться с Кулаковым, он и в этот раз рассказал Алексею о Ботагоз и просил помочь убрать ее.

— Посмотрим!— ответил Алексей.

Однажды, когда Еликбай и Алексей стояли у входа в здание уездного правления, туда же подошли Ботагоз и Серикбай.

— Вот она идет,— указал на нее Еликбай.

Ботагоз сразу узнала Алексея, но не подала виду и прошла прямо к часовому у двери.

— Сегодня нет разрешения,— сказал ей часовой.

Ботагоз с опечаленным видом пошла обратно.

— Можно вас задержать на минутку?— обратился к ней Алексей, когда она проходила мимо него.

Не поняв, что этот вопрос относится к ней. Ботагоз не остановилась.

— Барышня, я вам говорю!— повысил голос Алексей.

Ботагоз повернулась и вопросительно посмотрела на него.

Кулаков присмотрелся к ней и узнал.

— Здравствуйте!— сказал он, шагнул к ней и подал руку.— А ведь мы с вами знакомы.

— Разве?

— Да. Я Алексей Кулаков. Помнится, вы учились вместе с моей сестрой Лизой?

— Да, была у меня такая подруга...— холодно сказала Ботагоз.

— Она не забыла вас. Лиза теперь учится в Омской гимназии. Недавно, когда я был в Омске, она спрашивала меня, не видал ли я вас. Я очень рад возобновить знакомство с такой милой и симпатичной барышней. Надеюсь, что эта наша встреча не будет последней. Ваш адрес?

— У меня нет адреса,— тем же холодным тоном ответила Ботагоз.

— Где же вы живете?

— Где придется.

— В таком случае, разрешите, я вам дам свой адрес.— Алексей вынул блокнот, записал свой адрес и подал Ботагоз.— Я буду ждать!

IV

Военно-полевой суд присудил Темирбека и Буркутбая к смертной казни через повешение, а остальных участников восстания — к разным срокам каторжных работ, от десяти до двадцати лет каждого.

Все городское и окрестное население знало о процессе амантаевцев и о приговоре над ними. Местная газета, по указанию властей, подробно освещала весь процесс, а приговор суда, «для устрашения и назидания», был напечатан полностью. Интерес к этому судебному делу среди населения был так велик, что провинциальная газета сразу увеличила свой тираж в пять-шесть раз. Местная администрация была довольна, считая, что сообщение о приговоре устрашит казахские массы. Но секретная агентура установила, что «антиправительственные элементы используют означенные номера газет в качестве агитационного материала при своих выступлениях».

Тираж газеты был сокращен, о деле амантаевцев стали давать лишь краткую информацию. За газетой вставали в очередь, она передавалась из рук в руки, один экземпляр обходил целые улицы и кварталы.

В первый день процесса перед зданием суда собралась огромная толпа. Подсудимых привезли в санях. Густая цепь конвойных, окружив их и оттеснив толпу, ввела их в зал суда. Боясь нежелательных эксцессов, в остальные дни подсудимых стали привозить рано на заре и до начала заседаний суда держали в холодном сарае.

День казни держали в секрете, но Жампеис в один несчастный вечер сказал по секрету Ботагоз, что осужденные будут казнены на заре следующего дня. Она решила с вечера дожидаться у тюрьмы, чтобы хоть крикнуть брату свое прощальное слово, когда его поведут на казнь.

Было уже поздно, когда Ботагоз подошла к тюрьме. Ночь выдалась ясная, безоблачная. В такие звездные ночи в Петропавловске стоят сильные морозы. Но Ботагоз в том душевном состоянии, в каком она находилась, не замечала холода, как не замечала и времени. Только пение петухов, глухо доносившееся со стороны города, да гудок с мельницы Муратова напомнили ей, что уже наступила полночь. Кругом было безлюдно. У тюрьмы

бодрствовал только часовой, как маятник, шагавший взад и вперед вдоль стены тюремной крепости.

Не отрывая глаз от тюрьмы, постукивая от холода ногой об ногу, Ботагоз простояла до предутренних сумерек у коновязи, шагах в двухстах от тюремных ворот.

Вдруг ей послышался приближающийся скрип полозьев и топот коней. Она вся задрожала, сердце замерло. Оглянувшись, она скоро увидела в редеющей тьме несколько саней, быстро приближавшихся к тюрьме. Она догадалась, кто такие эти приезжие, и бросилась к тюремным воротам.

Было уже достаточно светло, и, несмотря на поднятые воротники тулупов и шуб, Ботагоз узнала приезжих. Это были Кулаков, Кузгунбаев и хазрет Гайнулла.

— Алексей Андреевич!— смело крикнула она.

— Ботагоз?!— удивился Кулаков.

— Алексей Андреевич! Я знаю, зачем вы приехали. Не откажите в моей просьбе — я хочу проститься с братом.

Алексей зло взглянул на нее, отмахнулся и повернулся догонять своих спутников, которые остановились поодаль и ждали его.

— Собака, зверь!..— в ярости вскричала Ботагоз во весь голос.

— Кто это?— спросил Гайнулла.

— Какая-то сумасшедшая!— ответил Алексей, пожав плечами.

Когда они стали входить в ворота тюрьмы, Ботагоз попыталась проскользнуть между ними.

— Гоните прочь эту сумасшедшую!— крикнул Алексей тюремной охране.

Конвойный оттащил Ботагоз от ворот.

Как только все скрылись за воротами, она снова бросилась к входу в тюрьму.

— Стой, стрелять буду!— крикнул часовой, но она, не обратив внимания на этот окрик, прильнула к глазку в воротах.

Внутри тюремного двора, в ста шагах от ворот, стояло большое серо-грязное двухэтажное здание. Вход в это здание находился прямо против глазка.

«Здесь сидят, верно, заключенные,— подумала Ботагоз.— Если осужденных поведут на казнь, то хоть увижу их, а то и подам голос, если пройдут мимо...»

Ее размышления прервал солдат конвойной команды, вышедший из ворот.

— Пойдем!— приказал он Ботагоз.

— Куда?

— Это тебя не касается. Иди.

Подталкивая, он повел ее во двор.

Ботагоз подумала было, что Кулаков все же решил дать ей проститься с братом, но ее уже охватила тревога. Когда она про-

ходила мимо здания, стоявшего против ворот, внутри него раздался звук кандалов, послышались крики и плач. Она бросилась к дверям.

— Куда ты, куда?!— крикнул конвойный, растерявшись. Он схватил ее за плечо и повернул вправо.

Но Ботагоз уперлась и уже не отходила от двери. Через минуту дверь открылась, в ней появилась все та же группа приезжих, а позади, под усиленным конвоем, державшим шашки наголо, молча шли закованные Темирбек и Буркутбай.

— Темирбек!.. Родной мой!..— закричала Ботагоз.— Прощай!.. Это я, Бота...

Два тюремщика, заткнув ей рот, втолкнули ее в одну из камер и заперли за нею дверь.

В камере находилось более двадцати женщин. Никто не спал, все были встревожены.

— За что тебя посадили сюда?— спросили женщины, окружив Ботагоз.

Захлебываясь слезами, она рассказала им о своем несчастье.

Женщины стали яростно проклинать начальника тюрьмы, судей, царя.

Ботагоз стояла, как будто не слыша их криков. Она была как в тумане. В ушах у нее, не переставая, звучали слова, которые успел выкрикнуть Темирбек: «Прощай, мое солнышко!»

...Наступило утро. Одни женщины беспокойно дремали, другие вполголоса разговаривали между собой.

Вдруг за стенами тюрьмы раздался шум, крики, беготня. Слышны были и звуки ружейных выстрелов.

— Что такое? В чем дело?— встревожились заключенные.

Шум все возрастал, выстрелы участились. Скоро стрельба прекратилась, но суматоха поднялась уже внутри тюрьмы. Слышалось звяканье ключей. С грохотом открывались двери. В коридоре стоял неимоверный гул, звон кандалов, топот ног.

— Выходите! Свобода!— распахнув двери камеры, крикнули им какие-то вооруженные люди.

Растерявшиеся женщины не знали, что делать. Одни кинулись за своими вещами, а иные босиком выбежали в коридор.

Что происходило, кто и зачем открыл дверь — ничего этого Ботагоз не могла понять, но в общей суматохе тоже выбежала в коридор, а потом и во двор. Тюремные ворота стояли настежь раскрытыми. Люди выходили и входили. Кругом стояла невообразимая сутолока, слышались возгласы:

— Долой царя! Да здравствует свобода!

Но до Ботагоз не доходили даже и эти слова. Она думала только об одном — о Темирбеке.

— Дядя,— окликнула она по-русски проходившего мимо незнакомца,— вы не видели повешенных?

— Видел,— ответил тот и посмотрел на Ботагоз.— А зачем они вам?

— Где они? Один из них мой брат...

— Брат?..— удивленно спросил он и подошел ближе к Ботагоз; она узнала в нем Кузнецова.

— Вы не Кузнецов?— спросила она.

— Да, я Кузнецов. А вы кто?

— Я Ботагоз, сестра Балтабека Туякбаева. Моего брата сегодня повесили,— сказала Ботагоз, рыдая.

— Балтабека?!

— Нет, Темирбека, младшего брата.

— Не плачь!— сказал Кузнецов.— Эй,— окликнул он проходившего мимо человека,— отведи товарища к месту казни. Ее брата сняли с виселицы.

Кузнецов крупными шагами пошел вперед. Ботагоз и ее провожатый повернули за тюремное здание.

Слова Кузнецова «сняли с виселицы» заронили в нее искру надежды. Подумав, что их сняли с виселицы еще живыми, она приободрилась и, сдерживая дрожь, смело пошла вперед.

Провожатый привел ее к восточному углу крепости. Тут стояла виселица, с которой свисали две петли. Под ней, прямо на сугробах, лежали рядом два человека. Лица их были покрыты мешком.

— А узнаешь своего брата?— спросил провожатый.

— Узнаю.

Провожатый снял мешок с головы одного — это был Буркутбай. Тело его безжизненно растянулось на земле.

— Этот?— услышала она и увидела труп Темирбека.

— Родной!— воскликнула она и, упав на колени, прильнула к трупу брата.

Она не плакала, у нее уже не было слез. Ботагоз несколько раз крепко поцеловала Темирбека и встала с земли.

Она подняла глаза к небу. Над серо-грязным мрачным зданием тюрьмы, играя светлыми лучами, поднималось сияющее солнце. Его золотые лучи падали прямо на лицо Темирбека. Как у живого, оно было ясное и светлое.

— Пошли!— громко сказал кто-то.

Ботагоз быстро оглянулась: возле нее стоял Кузнецов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В ПЕТРОГРАДЕ

I

Приехав в Петроград, Аскар в нерешительности постоял на вокзальной площади, не зная, куда прежде всего направиться.

У него была командировка петропавловского уездного начальника в Земгор. В командировочном удостоверении он значился под

именем Балапана Елемесова. Но являться прямо в Земгор было опасно: одним из заместителей председателя Земгора, князя Львова, был Базархан Медельханов. Об этом Аскар прочитал в последних номерах газеты «Казак». В этой же газете была также помещена полная желчи и гнева статья Базархана против восставших казахов. С особой злобой он выступал и против представителей казахской интеллигенции, принимавших активное участие в восстании. Несколько строк он посвятил лично Аскару:

«Для таких, как, например, Аскар Досанов, не может быть пощады. Их нужно расстреливать, вешать, живыми сжигать на кострах в назидание потомству».

Аскар решил не идти прямо в логово зверя, а раньше выяснить обстановку. Он поехал к Смирнову, но застал только его жену. Иван Николаевич, по ее словам, сидел в тюрьме, а Булатов, бежавший из ссылки, перешел на нелегальное положение и жил в Минске под чужой фамилией.

Волей-неволей пришлось идти в Земгор. Там Аскар узнал, что Базархан выехал в Минск, в штаб Десятой действующей армии Западного фронта. Медельханов состоял при этой армии постоянным представителем Земгора и ведал всеми делами «инородческих» частей, посланных на тыловые работы в прифронтовой полосе. Временно замещал его некто Карамурзин, к которому Аскар и решил зайти.

Карамурзин, узнав, что Аскар приехал работать на фронте среди мобилизованных казахов, радушно приветствовал его.

— Вы не можете себе представить, как нам нужны люди,— сказал он.— Уже сейчас на фронте больше ста тысяч жигитов, а всего из пяти казахских областей призвано около двухсот тридцати тысяч. Однако до сих пор не все области подчинились приказу о мобилизации. Совсем плохо в Джетысуйской области. Все население ее поголовно ушло в Китай, аулы разорены. Не дали жигитов роды Уйсун-Дулат, Аблан-Субай и другие. Не дают людей адаевцы. Сопротивляются жители района Еремейнских гор. Упорнее всего держится население Тургайской области. Там восстание далеко еще не подавлено.

— Вот как?— заметил Аскар, скрывая свою радость при этом известии.— Скажите, какое упорство!

— Говорят, восстанием в Тургайской области руководит некто Амангельды Иманов. Это один из тех бунтарей, которые нарушают наши обычаи, не признают авторитета людей почтенных, аксакалов и баев. Человек он, видно, ловкий, энергичный, не без военных способностей, но все равно ему не удержаться. На тыловые работы призываются не только казахи, а и другие народности, не знавшие раньше воинской повинности. Они тоже вначале сопротивлялись, но теперь подчинились. Только киргизы почти поголовно ослушались царского приказа.

По словам Карамурзина, не все жигиты были отправлены на

фронт. Часть их осталась работать на заводах Урала, на петроградских и московских заводах, на железных дорогах. На самом же фронте, в районе между Минском и Варшавой, находится всего около пятидесяти тысяч казахов.

— А какую работу вы бы рекомендовали мне?— спросил Аскар.

— Много казахов, отправленных на тыловые работы, заболело по дороге и застряло на железнодорожных станциях, в разных городах между Петроградом и Вяткой. Они находятся в беспомощном положении. Земгор не предпринял никаких мер к облегчению их участи. Да и нет людей, кому можно бы было поручить это дело. Было бы хорошо, если бы вы поехали в эти пункты и позаботились об устройстве больных жигитов, об оказании им помощи.

— Такая работа мне очень по душе, охотно принимаю от вас это поручение.

— Вот и отлично, вот и отлично!— проговорил Карамурзин.— Вы когда можете выехать?

— Да хотя бы завтра!

— И прекрасно! Сейчас же прикажу приготовить вам все нужные документы, выдать подъемные и суточные. Между прочим, по роду работы вам полагается билет в вагоне второго класса, так что дорога не очень утомит вас.

— Благодарю вас.

— За что же? Мы обязаны заботиться о людях, которые содействуют победе.

— А интересно знать, чего вы ждете для казахов от победы царя в этой войне?— неожиданно спросил Аскар.

Карамурзин удивленно посмотрел на него.

— Простите, если находите мой вопрос неуместным. Но мы, провинциалы, не в курсе политических дел. Очень хотелось бы знать, какого мнения вы или господин Медельханов...

— Видите ли, в этом вопросе я следую политике Базархана. Как вам известно, он ханского происхождения, член ЦК кадетской партии и пользуется весом среди кадетов. Он считает, что надо добиваться автономии или самоуправления для казахского народа. Вожди кадетов и друзья Медельханова — Милюков и князь Львов — заверили его, что окажут содействие в получении и нами, казахами, автономии, если, конечно, казахский народ будет активно помогать войне...

— Ага, понимаю, автономия... Конечно, царь, Милюков и князь Львов — это верная гарантия свободы казахского народа,— без тени иронии сказал Аскар, и Карамурзин принял его слова за чистую монету.

На следующий день Аскар выехал по маршруту, указанному Карамурзиным.

Возвратился он в Петроград лишь в декабре, совершенно потрясенный ужасной картиной беспомощности и заброшенности

одиноких, больных людей, которые без знания языка, без всяких средств очутились далеко от родных аулов в чужой им среде. Помощь, которую он мог оказать больным казахам, была ничтожна по сравнению с их нуждами. И все же он видел, как светлели лица, оживали глаза жигитов, когда они слышали родную казахскую речь и слова ободрения.

В Петрограде Аскару опять повезло: Базархан и на этот раз был в армии. Явившись к Карамурзину, он сдал ему отчет о своей поездке и попросил направить его в распоряжение Минского отделения Земгора.

В Минске первым делом он явился к Булатову, адрес которого взял у жены Смирнова.

Булатов, под фамилией Железнова, работал монтером в Минской городской управе.

— Аскар!— радостно воскликнул он.— Откуда?

Они дружески обнялись и расцеловались.

Весь вечер и всю ночь напролет друзья провели в беседе, делясь пережитым без малого за четыре года, что протекли со дня их разлуки. Булатов рассказывал о своей ссылке, о подпольной работе и с живым вниманием выслушал повесть Аскара. Особенно подробно Булатов расспрашивал о восстании, о настроениях в ауле. Ему, со слов Аскара, очень понравился Амантай.

Когда Аскар спросил, что ему дальше делать, Булатов сказал:

— Поезжай на фронт. В связи с восстанием настроения среди мобилизованных казахов должны быть таковы, что многое можно сделать живым словом. Будь среди масс, буди их сознание, поднимай их против царя. Эта работа потом скажется.

Через несколько дней Аскар явился в Минское отделение Земгора, предъявил письмо Карамурзина и получил назначение на фронт. В полученном им отношении на имя командующего Десятой действующей армией Западного фронта было написано, что «предъявитель сего, доброволец Елемесов, посылается в качестве переводчика первого и второго инородческих батальонов, подведомственных первой группе инженеров-строителей»..

Попрощавшись с Булатовым, Аскар с вечерним поездом выехал на станцию Столбцы, где расположен был штаб Десятой армии.

В штабе армии Аскар узнал, что в районе Столбцов работает около тринадцати тысяч казахов. Во главе каждой тысячи стоит русский поручик. В каждой тысяче два батальона, которыми командуют русские прапорщики.

Адъютант командующего армией объяснил Аскару, что для назначения его переводчиком в батальон тыловых частей необходима рекомендация представителя Земгора при армии, Медельханова.

Аскару не очень понравился такой порядок, но делать было нечего. В тот же день он явился к Базархану.

Медельханов, с первого взгляда узнав Аскара, поставил на стол недопитый стакан чаю и, не ответив на его приветствие, насмешливо сказал:

— Вот не ожидал! Откуда ж это ты, герой? Как дела в ауле? Что слышно насчет восстания?

— В аулах скверно, как и раньше. А восстание подавлено,— сухо ответил Аскар.— Это известно вам так же, как и мне. Но оно подавлено не везде. В Тургае повстанцы еще держатся. Многие держатся и в Еремейнских горах.

— Вот как! «Умри — не подчинись!»— процедил Базархан сквозь зубы.— Дуракам так и надо. Народ, который слепо следует за такими вожаками, как ты, обречен на гибель. И гибнет. Сколько смертей на твоей совести, несчастный! Не безумием ли было восставать против царского правительства, когда идет такая война? И чего, кроме кровавой расправы, вы могли ожидать в ответ на свое безрассудство?

Базархан умолк и несколько минут нервно шагал по кабинету, потом резко обернулся к Аскару и спросил:

— Ну, зачем пожаловал сюда, уважаемый?

— За тем же, что и вы! Приехал помочь жигитам, находящимся на фронте.

— Ну, это уже другие речи! За это многое можно тебе простить. А ко мне зачем пришел?

— Земгор направил меня переводчиком в Десятую армию. Адъютант командующего сказал, что необходима ваша виза.

Базархан окинул его подозрительным взглядом, потом сказал:

— Ладно! Я дам тебе сейчас записку к генералу Петухову, чтобы тебя использовали в качестве переводчика, но не в батальоне, а при Урманове, который замещает меня здесь, в армии, когда я уезжаю в Петроград. Не возражаешь?

— А что возражать? Хорошо.

— Тогда я так и напишу.

— Простите,— сказал Аскар, заметив, что Медельханов, оторвав листок от блокнота, приготовился писать,— вы, конечно, знаете мою фамилию?

— Ну, как же! Память мне не изменила еще: Аскар Досанов?

— Верно, но сейчас я Елемесов Балапан.

— Как так?!

— А так, что Аскар Досанов давно был бы арестован за участие в восстании, а Балапан Елемесов приехал на фронт помогать мобилизованным казахским жигитам. Явившись сюда, я был уверен, что вы не выдадите меня.

— М-да!— протянул Базархан.

Отодвинув блокнот, он поднялся и опять зашагал по комнате. Наконец, он остановился против Аскара, посмотрел на него в упор и сказал:

— Хорошо, я дам тебе рекомендацию, но если ты обманешь мое доверие, пеняй на себя. На фронте, знаешь, не шутят!

Сарымсак Урманов оказался далеко не таким наивным, каким посчитал его Аскар с первого взгляда. Однажды жигит, сопровождавший Аскара на фронт, признался ему, что Сарымсак приказал ему следить за каждым шагом Аскара, подслушивать все его разговоры с жигитами и точно передавать их ему, Сарымсаку.

— Не думаю, что мне одному дано такое поручение. Еще кое-кому приказано следить за тобой. Начальство ненавидит тебя.

С тех пор Аскар стал соблюдать осторожность, но агитации не прекращал.

Почва для революционной агитации среди мобилизованных казахов создалась очень благоприятная. Положение их было крайне тяжелым. Прифронтовые города не могли вместить даже войска, не то что «инородческие» тыловые части. Казахские жигиты помещались в холодных бараках, в пришедших в негодность войлочных юртах, привезенных из казахских степей. В самый разгар суровой зимы, когда стояли сильные морозы и дул пронизывающий ветер, жигиты по целым дням рыли траншеи и возводили разные сооружения в болотистых местах, а вернувшись с работы, не имели где согреться, где просушить одежду и обувь. Люди простужались, заболевали и мерли как мухи. Сотни ревматиков, не выходя на работу, валялись в холодных бараках и юртах. Врачебная помощь в тыловых казахских частях почти отсутствовала.

Совсем плохо было с питанием. Степные жигиты голодали, не получая мяса. Они отказывались от капусты, картофеля и других овощей, вызывавших у непривычных к ним казахов желудочные заболевания. Изредка выдававшиеся консервы казахи считали погаными, к ним не притрагивались. Приходилось довольствоваться одним хлебом. Когда голод давал себя знать особенно сильно, жигиты ломали ноги своим лошадям и, под видом больных, резали их на мясо.

Некоторые казахи, и дома занимавшиеся торговлей, развернули здесь свои торговые способности. Они за бесценок покупали у русских крестьян в ближайших поселках и деревнях негодных для работы лошадей и втридорога продавали их землякам.

Широкий простор для деятельности развернули муллы, приставленные к каждой тысяче и к каждому батальону. По специальному заказу правительства, в казанской типографии были отпечатаны книги духовного содержания в таком количестве, что ими завалили все бараки и юрты. По замыслу правительства, эти книги должны были учить инородцев покорности и послушанию.

Вот в какой обстановке приходилось работать Аскару. Неожиданно он здесь, на фронте, нашел себе верного и активного помощника. Это был Кенжетай. Осужденный по ложному доносу Итбая, он долго сидел в тюрьме, но бежал оттуда и скрывал-

ся в одном из русских степных поселков. После приказа «о реквизиции», когда в русских селах и городах стали устраивать облавы на казахов, Кенжетай был пойман и отправлен на тыловые работы с партией мобилизованных.

Смышленый и энергичный Кенжетай скоро стал правой рукой Аскара. Вокруг них собралась группа наиболее способных и сознательных жигитов, которые распространяли революционную агитацию среди более широкой массы мобилизованных казахов.

II

Во второй половине февраля 1917 года Булатов, встретившись с Аскаром, сказал ему:

— Ты знаешь, какие события в Петрограде? Нет? Там нарастает революция. На улицах демонстрации, происходят столкновения с полицией... Петроградский гарнизон держится пока пассивно, но сочувствие солдат на стороне народа. Нам необходимо немедленно выехать в Петроград!

— Но Сарымсак не отпустит меня,— заметил Аскар.

— А ты попробуй. А если и не разрешит, обойдись без его разрешения. Наступают другие времена.

Сарымсак вначале наотрез отказался дать Аскару командировку в Петроград, но, поняв, что Аскар все равно поедет, в конце концов согласился.

С большой задержкой в пути Булатов и Аскар прибыли в Петроград утром 23 февраля. В этот день число бастующих рабочих и демонстрантов дошло до девяноста тысяч, а 24 февраля в демонстрации участвовало уже двести тысяч человек. 25 февраля в Петрограде остановилась работа на всех заводах и фабриках, весь рабочий люд столицы принял участие в демонстрации. Петроградский гарнизон глухо волновался. Утром 27 февраля к восстанию примкнуло около десяти тысяч солдат, а к вечеру восставших солдат было уже свыше шестидесяти тысяч. Большинство солдат, посланных на усмирение, присоединилось к восставшим и повернуло штыки против правительства, засевшего в Таврическом дворце. Разгорался пожар революции, вставала к новой жизни страна-великан.

Не зная ни сна, ни отдыха, позабыв об еде, Аскар вместе с Булатовым участвовал в уличных демонстрациях, выступал на митингах, ездил на заводы и фабрики, развозил воззвания и листовки.

Двадцать седьмого февраля 1917 года Николай Второй был свергнут с престола. Весть об этом облетела всю страну, весь фронт, подняла весь народ от столицы до самых отдаленных, глухих углов бывшей царской империи. Во всех городах проис-

ходили демонстрации, собирались митинги, создавалась революционная власть.

Особую роль в политической жизни страны в те дни играл Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, как орган революционной власти народа. Аскар вместе с Булатовым присутствовал на первом заседании Петроградского Совета. Одним из важнейших вопросов, стоявших в повестке дня на этом заседании, был вопрос о революционной пропаганде в армии, на фронтах. Решено было послать в армию людей для разъяснения солдатам политического положения в стране. Среди командированных на фронт были Аскар и Булатов.

Полуторадневный путь от Петрограда до Минска отнял у них целую неделю. Железнодорожное движение было вконец нарушено. По всем путям двигались с фронта бесчисленные поезда, переполненные самовольно возвращавшимися домой солдатами. Классные вагоны и теплушки были забиты до отказа; ехали на паровозах, на буферах, на крышах. Паровозы и вагоны были завешены и заклеены лозунгами и плакатами: «Конец войне!», «Да здравствует революция!», «Да здравствуют Советы!», «Да здравствует братство трудящихся всех народов!»

По всем дорогам страны звучали революционные песни, распеваемые солдатами, гремели крики: «Долой войну!»

— Куда едете?— спрашивали Аскар и Булатов возбужденных солдат, которые встречались им по пути.

— Домой, братцы! Кому в село, кому в деревню! К землице едем, заждалась, сердешная!— сыпались ответы.

Булатов остался в Минске, а Аскар поехал в Десятую армию на станцию Столбцы. Среди казахских жигитов, занятых в прифронтовой полосе на тыловых работах, ходили самые разноречивые, часто нелепые слухи о революции. Тут же создавались своеобразные легенды.

— В далекие времена,— рассказывали жигиты,— царь приложил свою печать на собачьей шкуре и дал клятву казахскому народу, что никогда не будет брать казахов в солдаты. И вот теперь, когда он нарушил свою клятву, его постигла кара, и он свалился с трона.

Не дремали и муллы.

— Все эти смуты,— проповедовали они,— признак близкого светопреставления. В Коране сказано, что перед концом мира народ выйдет из повиновения своим царям и начальникам. Это божья кара, ниспосланная человечеству за его тяжкие грехи. Правоверные мусульмане не должны прислушиваться к словам возмутителей, а по-прежнему с покорностью подчиняться начальникам.

Кенжетай и жигиты, среди которых он и Аскар вели агитацию, рассказывали землякам о свержении царя, разъясняли смысл происходящих событий. Аскар рассказывал казахам о

действительном положении в стране, значении развернувшейся политической борьбы.

— Жигиты,— говорил он,— в кровавой борьбе народ добыл свободу. Надо приложить все силы, чтобы не потерять ее. Мы все должны поддержать русских рабочих, наших лучших друзей. Только власть рабочих даст нам свободу. Нужно немедленно вернуться домой и взять власть в свои руки, создать в аулах Советы, которые будут защищать интересы бедняков против баев. Баи — наши злейшие враги. Вспомните, что они и волостные управители выделывали в шестнадцатом году, во время призыва. А если будете сами у власти, баи не посмеют больше притеснять народ. Возвращайтесь на родину, организуйте в городах власть рабочих и крестьян, а в аулах — власть бедноты, создавайте Советы!

— Только бы доехать до родных мест!— отвечали жигиты.— Мы отплатим баям и волостным по заслугам! Не дадим им больше властвовать над собой, отстоим свою свободу! Теперь не шестнадцатый год.

Прислушиваясь к настроениям казахов, Аскар невольно сравнивал движение казахского народа в 1916 году с революцией, совершенной русским рабочим классом, свидетелем которой он был в Петрограде. Он ясно понимал громадную разницу между ними. Восстание 1916 года походило на слепую силу, которая не видела впереди определенной цели, а революционные выступления питерских рабочих и русского пролетариата других промышленных центров отличались организованностью, силой революционного духа и ясностью политических целей. Вот такую организованность и силу придать бы также освободительному движению казахского народа! Но для этого там, на родине, нужны люди. И Аскар решил вернуться в казахские степи.

Посоветовавшись об этом с Булатовым, Аскар несколько дней спустя вернулся в Петроград, чтобы, получив инструкции партийных органов, выехать в Омск и Петропавловск. С ним решил ехать и Кенжетай.

III

Аскар прожил в революционном Петрограде около двух месяцев и за этот короткий срок приобрел столько знаний, такой политический опыт, какой в обычное время не мог бы приобрести и за десятки лет.

Вместе с Булатовым он был на встрече, которую весь пролетарский Петроград устроил на Финляндском вокзале вождю революции Ленину, вернувшемуся из эмиграции в Россию.

Никогда не забыть ему тех счастливых минут, того восторга, который охватил все его существо, когда он впервые увидел Ленина. Он чувствовал, что все волнующееся вокруг него море

рабочего люда охвачено тем же чувством. Это чувство увез он с собой потом в далекие казахские степи.

Через несколько дней Аскара ждало другое не менее важное событие, память о котором он сохранил на всю жизнь.

Вместе с Булатовым Аскар на одном из собраний встретился с группой старых большевиков.

Ясные по форме, глубокие по смыслу слова новых наставников осветили перед Аскаром многие вопросы, ранее туманные для него. Он понял, что только пролетарская революция даст народам свободу в действительном смысле этого слова, что баи, богачи малых национальностей являются такими же врагами пролетарской революции, как и русская буржуазия, что нужно привлечь весь трудовой народ к участию в пролетарской революции. Идеи революции, трудовой власти должны нести в народ люди, сами вышедшие из трудовой среды.

Аскар задержался в Петрограде, чтобы до отъезда изучить решения Апрельской конференции большевиков, особенно доклад Ленина. В дни Апрельской конференции Аскар вступил в большевистскую партию.

Аскар и Кенжетай решили выехать из Петрограда пятого мая, но неожиданно в ночь на четвертое Кенжетай заболел.

— Что с тобой, Кенжетай?— спросил Аскар, услышав рано утром его стоны.

— Все тело горит, боль в спине.

Спешно вызванный врач нашел, что у больного воспаление легких.

«Что делать?— думал Аскар.— Можно ли оставить больного Кенжетая одного в чужом ему городе? Не отсрочить ли отъезд?»

Он сказал Кенжетаю, что придется отложить их отъезд до его выздоровления, но тот запротестовал:

— Поезжай один! Что, мне нянька нужна? И не такое пришлось переживать.

Устроив Кенжетая в больницу, Аскар выждал еще два-три дня и, узнав, что он вне опасности, выехал в Омск.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

I

Кузнецов приехал в Петропавловск из Омска по поручению подпольной большевистской организации, за неделю до Февральской революции. О процессе амантаевцев он узнал из газет. В газете же он прочитал и приговор.

Телеграфное известие об отречении Николая Второго от престола было получено в Петропавловске в полночь. Кузнецов тут

же решил с отрядом местных рабочих овладеть тюрьмой и освободить осужденных. Но отряд этот, захватив тюрьму, нашел уже безжизненные трупы Темирбека и Буркутбая.

Взяв с собой несколько вооруженных рабочих, Кузнецов захватил типографию, провел митинг, рассказал наборщикам о свержении царя и поставил их набирать газету. Утром газета вышла под новым названием — «Заря свободы».

Весть о свержении царя, как молния, разнеслась по городу и разворошила его, словно потревоженный муравейник. В первый день горожане еще опасались высказывать свои чувства, но уже на вторые, на третьи сутки, когда были получены подробные сообщения о Февральской революции, все сомнения рассеялись и с раннего утра до поздней ночи улицы кишели народом.

Среди ликующего народа часто можно было встретить и Ботагоз вместе с Кузнецовым. Она только в эти дни узнала, что такое митинг. То тут, то там собиралась толпа, из ее рядов поднимались на ступени, на тумбу, на что попало какие-то люди и говорили и говорили пламенные, новые слова, зажигая толпу. Одним из неутомимых ораторов был Кузнецов.

Однажды Ботагоз и Кузнецов, проходя по улице, увидели странную процессию. Впереди нее шел одногорбый верблюд, накрытый разноцветным казахским ковром с длинными кистями по краям. На горбу верблюда было укреплено кереге казахской кибитки, обшитое по краям кошмой. Внутри кереге сидели нарядно одетые по-казахски старик со старухой, девушка и молодой жигит. Верблюда вел в поводу человек в европейской одежде и шляпе. Их сопровождала большая толпа казахов, мужчин и женщин, пестро одетых по-городскому и по-аульному. Люди, сидевшие на верблюде, время от времени размахивая руками, кричали во весь голос:

— Да здравствует Алаш-орда!

— Да здравствует алашская автономия!

— Что означает слово «Алаш»?— спросил Кузнецов у Ботагоз.

— Не знаю.

— Судя по их вчерашним выступлениям, это слово связано с какой-то контрреволюционной буржуазной организацией.

Слушая Кузнецова, Ботагоз не переставала вглядываться в молодого человека, сидевшего на верблюде. И она узнала его: это был Сарыбас.

Своеобразная демонстрация повернула на восток и втекла в широкую ограду слободской мечети. Мечеть и ее двор были полны народа. Кое-где мелькали фигуры казахских интеллигентов, одетых по-европейски.

Когда четверка, сидевшая на верблюде, слезла, один из мулл, поднявшись на ступеньки паперти, приложил указательный палец правой руки к правому уху и козлиным голосом прокричал:

— Азан!

После азана адвокат Кузгунбаев открыл митинг и произнес речь.

— Живот белой верблюдицы распоролся, алла открыл глаза детям Алаша,— начал он свою речь.— Свершилась революция, настала свобода!

После высокопарного вступления он рассказал об организации комитета партии Алаш-орды, о ее целях и политической платформе. Ботагоз перевела его речь Кузнецову.

— Слово имеет один из представителей нашей преданной своему народу интеллигенции — молодой казахский деятель Сарыбас Итбаев!— объявил Кузгунбаев, кончив свою речь.

Ботагоз вся превратилась в слух.

Сарыбас поднялся на трибуну и снял шапку. Прежде чем заговорить, он обвел глазами собравшихся, и его взгляд встретился с глазами Ботагоз. Не выдержав ее упорного взгляда, он быстро отвернулся.

— Граждане!— начал Сарыбас.— Свобода досталась нам не даром. Мы получили ее ценой огромных трудов и тяжелых жертв. Не мало погибло наших верных друзей и родных. Одной из незабвенных жертв казахского народа за свободу является мой отец, покойный Итбай Байсакалов.

Из груди Ботагоз вырвался высокий и звонкий крик:

— Ложь!.. Врет!..

Ее крик отвлек внимание собравшихся от Сарыбаса. Ее с удивлением оглядывали. В толпе громко спрашивали друг друга, кто это крикнул.

Призывы Кузгунбаева к спокойствию и тишине не подействовали. Сарыбас смешался и стоял на трибуне растерянный.

— Дайте мне слово!.. Прошу слова!..— закричала Ботагоз.

В толпе зашумели:

— Пусть говорит!

— Дайте ей слово!

— Чего же стоишь?— сказал Кузнецов Ботагоз.— Иди, поднимись на трибуну!.. Не робей!

Ботагоз дали дорогу, и она поднялась на трибуну.

Из ее уст сами собой горячим потоком полились слова, полные гнева и ненависти. Кузнецов удивился ее смелости и умению говорить. Он не верил собственным глазам.

Ботагоз говорила долго. Сторонники Сарыбаса, которым не нравилось ее выступление, отошли в сторону. Но большинство собравшихся слушало ее с большим интересом.

— Долой волков в алаш-ордынской шкуре!— крикнула она, заканчивая свое выступление.— Долой прихлебателей и охвостье самодержавия! Долой итбаевское отродье! Да здравствует свобода трудового народа!

II

Амантай, осенью 1916 года бежавший из Котыр-кольской станичной тюрьмы, бесследно исчез. Никто не знал, где он находится. Родственники Итбая и полиция усиленно разыскивали его. Начальство назначило за его доставку живым или мертвым большую денежную награду. По всем волостям области разосланы были тайные агенты. Были обысканы все подозрительные места. Но все было тщетно.

Народ иначе воспринял бесследное исчезновение Амантая. По аулам шла молва, что родственники Итбая подослали в тюрьму убийцу, который и убил Амантая, а они, испугавшись народной мести, сами распустили ложный слух о его бегстве, чтобы скрыть следы преступления.

Но Амантай был жив и находился даже не так далеко от своих гонителей. Вместе с другими жигитами, бежавшими из тюрьмы, благополучно уйдя от преследования, он достиг Глухого бора и скрылся в его пущах. Через несколько дней, отдохнув и оглядевшись, беглецы послали двух-трех человек выяснить, каково положение. Лазутчики принесли невеселые вести. Восстание было повсюду подавлено царскими войсками, и только армия Амангельды еще не сложила оружие. Но и эта весть была сомнительной. Ясно стало, что с восстанием покончено. Местное население теперь не поднять вновь на выступление против царя. Что же дальше делать?

— Все равно погибать,— сказали одни.— Из-под власти царя нам некуда бежать. Куда бы мы ни пошли, все равно нас разыщут. Лучше тогда прятаться здесь. В меру сил будем мстить врагам. Будем жечь, убивать, разорять баев и волостных управителей, грабить врагов. А потом — будь что будет. Один раз умирать.

— Правительство, не поймав нас, начнет мстить нашим родным,— говорили другие.— Из-за нас народ и так не мало горя претерпел. Хватит. Нужно сдаваться. Мы знали, на что шли. Смерть, так смерть. Значит, так нам суждено.

Обсудив с разных сторон свое положение, беглецы, по совету Амантая, решили выждать и до поры до времени укрываться в Глухом бору.

Среди беглецов находился один жигит из Павлодара.

— Все мы, кроме Амантая, люди маленькие, незаметные,— сказал он.— Нам не трудно скрыться. Тут главное — Амантай. Мы должны укрыть и спасти его.

— Зачем говорить обиняками? Хорошими словами не насытить желудка. Что же ты предлагаешь?— спросили его.

— А вы не торопитесь!— ответил павлодарец.— Если я заговорил, так, значит, неспроста.

— Ну, говори!

— Вот что. Я сам из Павлодара, с детства работал на паро-

ходе. Этот набор меня и не касался. Рабочие пароходства были освобождены от мобилизации. Но под набор попал мой младший брат, которому и восемнадцати лет не исполнилось. Я заступился за него — и вот угодил в тюрьму. На пароходстве у меня много друзей. Я поведу к ним Амантая, и они надежно скроют его. Да это и далеко отсюда, в другой губернии, там никто не знает Амантая в лицо...

Жигиты одобрили это предложение. Амантай тоже не возражал. Посоветовавшись, решили незаметно оставить Глухой бор и разойтись; каждый скроется там, где будет считать себя в безопасности.

Павлодарец повез Амантая к себе.

Рабочие Павлодарской пристани понаслышке знали Амантая. Они радушно встретили его и поклялись ни при каких обстоятельствах не выдавать.

Амантай устроился рабочим на пароходстве под чужой фамилией. В Павлодаре и застали его первые вести о Февральской революции. Он не стал дольше задерживаться в городе, попрощался с товарищами и возвратился к себе домой, в родные места. Но скоро увидел, что здесь, в глухой казахской степи, с приходом революции почти все осталось по-старому. Те же волостные управители и баи по-прежнему сидели на своих насиженных местах и управляли народом посредством плетки и кулака. Возмущенный тем, что творилось в ауле, Амантай в начале мая выехал в Омск, чтобы поговорить об этом в областном Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

В областном Совете Амантай никого не застал. В день его приезда в Омске открылся областной съезд Советов. Амантай отправился на съезд, получил разрешение присутствовать на нем в качестве гостя. Он попал в самый разгар прений по докладу о политическом положении в стране.

Амантаю впервые приходилось присутствовать на таком большом собрании. Пылкие дебаты, отражавшие бушевавшие в стране политические страсти, всеобщее возбуждение, которое проникало на съезд и действовало на настроение делегатов, резкие стычки, то и дело возникавшие между большевиками и представителями соглашательских контрреволюционных партий,— все это сразу ввело Амантая в атмосферу острой политической борьбы. Но разобраться в сущности разногласий он не мог, так как прения велись на русском языке, а он плохо знал его. Часто он беспомощно оглядывался по сторонам, ища кого-нибудь, кто бы мог объяснить ему, о чем идет речь в том или ином выступлении.

До перерыва ему пришлось удовлетворяться только догадками. Среди гостей в ближайших рядах казахов совсем не было, да и среди делегатов их было мало. Но незадолго до перерыва выступила с речью девушка-казашка, в которой Амантай с удивлением, почти не веря своим глазам, узнал Ботагоз. С этого

момента он уже не спускал с нее глаз, проследил за ней, когда она сошла с трибуны, заметил место, где она села. Как только объявлен был перерыв, он ринулся к тем дверям, через которые, по его предположению, должна была выйти Ботагоз. Не сразу удалось ему найти ее в густой толпе делегатов, валившей из зала заседаний. Но вот он увидел ее. Она стояла в сторонке и разговаривала с каким-то русским, высоким человеком лет сорока.

— Ботагоз!— окликнул он ее.

Она бросилась ему навстречу.

Они обнялись и долго держали друг друга в объятиях.

— О агай! Ты ли это, дорогой?

— Вот и ко мне пришла радость — увидеть тебя,— сказал, наконец, Амантай.— Как твои? Где Улберген? Братья?

— О агай! Несчастья свалились на нашу семью, одно страшнее другого. Апу убил злодей Сарыбас, Темирбека повесили царские палачи...— слезы навернулись на глаза Ботагоз, голос ее пресекся.

— Ну, голубка, успокойся! А я, старый дурак, сразу заставил тебя вспомнить свое горе. Потом поговорим... Давай выйдем отсюда, посидим где-нибудь.

Ботагоз вспомнила, что оставила Кузнецова стоять одного. Ей стало неловко.

— Я тут с одним товарищем. Да ты его, агай, верно, знаешь. Это Кузнецов, он одно время работал в Боровом вместе с Балтабеком. Ты, может быть, слыхал о нем от Аскара?

— Встречаться с ним не встречался, а слыхать слыхал. А где Аскар?

— Аскар теперь в Петрограде или на фронте,— сказала Ботагоз, чуть покраснев.— Но идем, мне неудобно заставлять его ждать.

Ботагоз подвела Амантая к Кузнецову, который с сочувствием наблюдал их встречу.

— Григорий Максимович, что мой дядя Амантай, о котором я вам рассказывала.

— Как же, как же, очень хорошо знаю,— сказал Кузнецов, крепко пожимая руку Амантаю.— Ботагоз очень беспокоилась о вас. Хотя она и знала, что вы благополучно бежали из тюрьмы, но вы как в воду канули, никто не знал, где вы находитесь.

— Я скрывался в Павлодаре под чужим именем,— сказал Амантай, когда Ботагоз перевела ему слова Кузнецова.— Земляки устроили меня на пароходстве, спасибо им. Я тоже ничего не знал ни о Ботагоз, ни о ее родных.

— Вот что, Ботагоз,— сказал Кузнецов,— тебе, верно, хочется поговорить с дядей. Пойдем в столовую, пообедаем, и поговорите там. К началу вечернего заседания нам опять нужно быть на съезде. Другого времени до ночи, пожалуй, не выберешь.

За обедом, спеша и часто перебивая друг друга, они урывками рассказывали о всем пережитом и выстраданном ими за это

время. Время от времени Ботагоз передавала Кузнецову рассказ Амантая о некоторых эпизодах боев и стычек амантаевского отряда в 1916 году с царскими солдатами, с отрядом Кулакова в Еремейнских горах и в Глухом бору Борового. Кузнецов слушал все это с живым интересом. Хотя он не хотел мешать беседе Ботагоз и Амантая, он не удержался от того, чтобы не задать несколько вопросов. Особенно его интересовал социальный состав амантаевского отряда и то, какие связи сохранил Амантай с повстанцами. Когда же Амантай рассказал о положении в казахском ауле, о том, что в казахской степи и после революции, по существу, ничего не изменилось, что царские чиновники и баи по-прежнему сидят на своих местах и сохранили былую власть над народом и что, собственно, возмущение этим и заставило Амантая поехать в Омск, Кузнецов задумался и вскоре ушел, оставив Ботагоз и Амантая в столовой.

Уходя, он сказал Ботагоз:

— Перед заседанием съезда зайди в комнату фракции. Нам нужно поговорить.

А Ботагоз и Амантай, казалось, никак не могли наговориться. Воспоминания следовали одно за другим. Не раз Амантай тяжело вздыхал, а Ботагоз отворачивала лицо, чтобы скрыть слезы.

Амантай очень обрадовался, когда узнал, что в последнем письме Аскар сообщил о своем предстоящем возвращении на родину.

— Плохо человеку невежественному. Как неопытный путник в степи, он еще бредет по дороге жизни, пока не встретит распутья, но на перекрестке дорог теряется, не знает, куда повернуть, наобум сходит на ложную тропу и потом долго блуждает, все дальше и дальше удаляясь от цели. Хорошо, если он встретит человека знающего, который наставит его на истинный путь. Хорошо, если небо ясно и путь виден. А подымется буря, завоет вьюга, заметет пути и погибнет человек среди голой степи, закружит его и занесет сугробом. Поверишь, Ботагоз, вот и я, как тот путник. Когда сбросили царя, я подумал: «Вот и открылся путь бедному казаху, езжай, казах, по вольной степи, никто тебя плеткой не угостит, в тюрьму не посадит, земли не отберет. Сбросили царя — конец и волостному, и уездному начальнику. А приехал я в аул — тот же бай сидит. И что мне радости, что мы Итбая убили? Вместо него сидит Еликбай, и хоть он поглупей и послабей брата, а так же народ обирает, писарем у него тот же Гаврила, а в уезде тот же Кривоносов. Вот только Кошкина прогнали, но нужно им будет — вместо него такого же поставят. Приехал я, посмотрел и подумал: «А не сбился ли я с пути?» Был бы Аскар, он бы объяснил мне, почему это так получилось и по какому пути идти народу, чтоб на путь свободы выйти.

— А ты, агай, поговори с Кузнецовым. Аскар сам учился у него.

— Кузнецов, я понимаю, человек правильный. Но трудно мне без языка. Плохо знаю я по-русски. А Аскар поговорит — и я все пойму.

— Вот Аскар скоро приедет, а пока с Кузнецовым поговори, я помогу тебе, если что не поймешь.

— Не один я, понимаешь? Люди, которые были в моем отряде, спрашивают меня, а что ответить им — не знаю. Сегодня спрошу я Кузнецова, а завтра в ауле по-новому повернется — и опять я не знаю, куда путь указать. Нужно, чтобы такие, как Аскар и Кенжетай, всегда были среди народа, знали бы нужды его, отвечали бы на думы его.

— Вот и об этом поговори с Кузнецовым. Да и пора идти на съезд, как бы нам не опоздать.

Ботагоз и Амантаю пришлось подождать Кузнецова — шло заседание большевистской фракции съезда. Они устроились в сторонке и продолжали свою беседу. Амантай затронул давно наболевший у него вопрос.

— Мне нужно решить, как мне дальше быть. Зе́мли нашего аула, как ты знаешь, у нас забрали и наш аул откочевал далеко в степь. Я, конечно, могу разыскать его и опять заняться охотой, но чувствую, что это не дело теперь для меня. Других лисиц и зайцев надо теперь ловить. Здесь я многих знаю и многие знают меня. Здесь я могу быть более полезен народу, а если уеду, в новом месте придется начинать сначала. А где мне устроиться, к кому примкнуть — не знаю.

— Тебе, агай, нужно пойти на советскую работу. Только Советы представляют народ, и на них нужно опираться всем, кто желает добра народу. Борьба только начинается, и работы много будет каждому.

— Это верно,— произнес Амантай и, опустив голову, задумался.

Ботагоз не стала прерывать его раздумья. Через несколько минут вышел Кузнецов и, извинившись перед Амантаем, отвел Ботагоз в сторону.

— Я думаю, что Амантая нужно привлечь к работе в Совете,— сказал он.— Человек он, как могу судить, энергичный, твердый, люди его уважают. Как ты думаешь?

— Я только что как раз об этом говорила с ним. Он, кажется, согласен.

— Вот и отлично. Я рассказал на фракции об Амантае и предложил ввести его в президиум съезда. Со мной согласились, но пока ничего не говори ему.

В зал заседаний они пошли втроем. Ботагоз усадила Амантая рядом с собой, а Кузнецов поднялся на трибуну и, когда открылось заседание, попросил внеочередное слово.

— На нашем съезде присутствует один из руководителей восстания казахского народа против царского режима, беспартийный Амантай Есполов,— сказал он и, кратко рассказав био-

графию Амантая, закончил:— От имени большевистской фракции предлагаю ввести Амантая Есполова в состав президиума нашего съезда.

Предложение Кузнецова было встречено аплодисментами большинства делегатов.

Амантай растерялся, когда Ботагоз сказала ему, что он избран в президиум и ему нужно подняться на трибуну, но потом овладел собою и, провожаемый Ботагоз, спокойно занял место с краю стола. Первый вечер он чувствовал себя несколько необычно, сидя на возвышении перед лицом сотен делегатов, собравшихся со всех концов области, но уже на следующий день при обсуждении земельного вопроса выступил с горячей речью. В простых, но образных словах он рассказал о положении в казахском ауле, обо всем, что он там видел, перечувствовал и передумал. Речь эта, переведенная Ботагоз, произвела большое впечатление на делегатов.

III

Работа областного съезда Советов протекала в обстановке развертывающейся борьбы с разными контрреволюционными организациями и партиями. Вслед за областным съездом Советов состоялась областная партийная конференция большевиков. На ней было решено послать проверенных людей для укрепления местных большевистских организаций. Григорий Максимович Кузнецов и Ботагоз Туякбаева, незадолго до этого принятая в члены партии, были направлены в уездный город. Вместе с ними поехал и Амантай.

Ботагоз была смущена необходимостью поехать в уезд на постоянную работу. В письмах они договорились с Аскаром, что он скоро приедет в Петропавловск и останется там. Она и предполагала по окончании работы съезда и партконференции вернуться туда и дожидаться Аскара. Теперь эти планы рушились. Опять ей предстояла разлука с любимым. Неизвестно было даже, сколько это продлится, сможет ли он переехать в тот же уездный город, не направят ли его в другое место.

Но как ни тяжело ей было, а надо было выполнить партийное поручение. В обкоме она оставила на имя Аскара записку, а в Петропавловске, на квартире — письмо, в которых извещала его о своем переезде.

Аскар приехал в Омск через пять дней после отъезда оттуда Ботагоз. Он рассчитывал договориться в обкоме партии о работе в Петропавловске. Получив записку Ботагоз, он оставил мысль о Петропавловске и решил поехать к ней. Но за короткое время политическая обстановка в Омске сильно изменилась. Здесь ценен был каждый человек. И Аскар был оставлен в областном центре.

Его приезд в Омск совпал с моментом лихорадочной органи-

зации всех сил реакции. В Омске образовалось так называемое Временное сибирское правительство, вокруг которого стали группироваться все контрреволюционные элементы во главе с партией социалистов-революционеров. Действовал в Омске и областной комитет казахской буржуазно-националистической партии Алаш-орда, находившийся под влиянием кадетов и активно сотрудничавший с Временным сибирским правительством. В самих Советах рабочих и солдатских депутатов большинство принадлежало мелкобуржуазным соглашательским партиям меньшевиков, социалистов-революционеров и представителям буржуазных националистов. Перед большевиками остро стоял вопрос о завоевании Советов. Нужно было разоблачить перед массами предательскую политику тогдашнего большинства Советов. Работы было по горло. Аскару приходилось выступать не только в Омске, но и в уездных городах, в аулах. Лишь месяца через два он попал в тот город, где работала Ботагоз, поехав туда по партийному поручению. Каково же было его разочарование, когда он уже не застал ее там.

В городах революционные рабочие, солдаты, вернувшиеся с фронта, и участники восстания 1916 года в первые же недели после Февральской революции почти повсеместно организовали Советы рабочих и солдатских депутатов. Там, где рабочие и солдатские Советы возникли раздельно, они через короткое время слились. И хотя в них пока еще преобладали представители соглашательских партий и буржуазно-националистических организаций, Советы были все же новой формой народной власти.

Совсем другое положение было в казахском ауле. По существу революция мало отразилась на характере низовых звеньев власти. Первое время даже прежние уездные начальники оставались на своих местах. Мало чем отличалась от их политики политика заменивших их комиссаров Временного правительства, которые поддерживали ту же систему национального гнета, только более замаскированными и тонкими методами. Состав же волостных управителей и аульных старост почти не изменился. Эти должности, как и раньше занимали баи и их ставленники. По-прежнему процветали взяточничество и поборы. Налоги перекладывались на плечи бедноты. Бывали случаи, когда баи захватывали земли, вытаптывали посевы бедняков. Особое возмущение народных масс вызывало то, что баи требовали возмещения убытков, понесенных во время восстания 1916 года, и выплаты куна за убитых тогда фальсификаторов посемейных списков. Баи взыскивали огромные денежные контрибуции, угоняли скот, разоряли народ.

Нужно было поднять народ против баев, разоблачить перед казахскими массами политику соглашательских партий и Алаш-орды, защищавших интересы буржуазии и байства, призвать народ выбирать собственную власть. Кузнецов направил в аулы нескольких агитаторов, в том числе и Ботагоз.

Месяца полтора Ботагоз почти беспрерывно резъезжала из аула в аул, проводила митинги, сплачивала бедноту вокруг лозунгов большевистской партии, организуя в первую очередь повстанцев 1916 года.

Из робкой девушки, которая впервые публично выступила с речью в ограде петропавловской слободской мечети, она превратилась в искусного агитатора. Слова ее глубоко западали в сердца и сознание простых людей. Вначале эта девушка-агитатор — явление необычное в казахском ауле — вызывала недоверие, но понемногу имя ее стало популярным среди бедноты; ее приезда ждали, к ней обращались за советами и разъяснениями.

В каждом ауле она старалась создать хотя бы небольшую группу в несколько человек, которые продолжали бы работу после ее отъезда. Такие небольшие аульные ячейки особенно успешно возникали, когда с тыловых работ на фронте стали возвращаться «реквизированные» жигиты. Почти все они принимали участие в солдатских митингах на фронте, часто встречались с большевиками. Некоторые по возвращении на родину вступали в большевистскую партию и в ряды Красной гвардии.

Два раза за это время Ботагоз заезжала в уезд с докладом. Последний раз она попала туда через два дня после того, как Аскар уехал обратно в Омск. Кузнецов рассказал ей, что Аскар пробыл здесь несколько дней, инструктировал местных партийцев, провел ряд совещаний. В конце июля он рассчитывает снова приехать, но уже с тем, чтобы остаться здесь на постоянной работе. Со своей стороны, Кузнецов послал в Омск письмо, в котором просил откомандировать к ним Аскара.

В горячей работе Ботагоз не заметила, как протекли две недели до обещанного Аскаром срока. Он приехал в начале августа, и Амантай немедленно устроил свадьбу племянницы со своим молодым другом.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАРЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАКАНУНЕ ШИЛЬДЕКАНА[1]

I

Был снова май, май 1918 года. Прошел год с тех пор, как Ботагоз приехала в уезд. Уже месяца два, как с ней снова жил Аскар, еще осенью отозванный обкомом обратно в Омск и вернувшийся лишь в марте.

Часто случалось, что она невольно засыпала, не дождавшись Аскара. Вот и в этот день Аскар только на заре вернулся после заседания уездного Совета.

На легкий стук в оконное стекло Аскару открыла Салиха, вдова-татарка, хозяйка комнаты.

— Что так поздно, сынок?— спросила Салиха.

— Дела, тетушка, дела...

Аскар осторожно прошел в свою комнату. Ботагоз безмятежно спала. Первые лучи рассвета, проникавшие сквозь кисейные занавески, освещали бледно-матовым светом ее спокойное, но похудевшее лицо, на котором все явственнее проступали признаки беременности.

Выйдя на кухню напиться воды, Аскар спросил у Салихи:

— Тетушка, Ботагоз давно легла спать?

— Эх, сынок,— ответила она,— какой у нее сон, когда ты пропадаешь по целым ночам? Все ждет тебя...

— Когда же она легла?

— Всю ночь читала книгу, легла только с петухами.

Аскар вернулся к себе в комнату. Чтоб не разбудить крепко спавшую Ботагоз, он расстелил на полу кошму и растянулся на ней, подложив под голову свой желтый полушубок и накинув на себя шинель.

Ботагоз, заснувшая лишь на заре, проснулась поздно. Ей показалось или приснилось, будто кто-то ее легонько толкает в

---

[1] Шильдекан — вечеринка, устраиваемая в честь новорожденного.

бок. Но, открыв глаза, она никого не увидела возле себя. Аскар спокойно спал на полу.

«Как трудно ему, как много приходится работать!..»— подумала она, вглядываясь в исхудавшее лицо спящего мужа.

— Только бы он не заболел!..— вырвалось у нее вслух.

Этот возглас разбудил Аскара.

— Что случилось, Ботагоз?— спросил он.

— Ничего особенного. Я, кажется, разбудила тебя?..

С минуту они посидели молча, глядя друг на друга.

Аскар заметно осунулся, похудел, как бы почернел. Ботагоз выглядела еще хуже. Трудно было узнать в ней теперь прежнюю Ботагоз: белки глаз пожелтели, щеки ввалились, шея вытянулась, лицо густо покрылось пятнами...

Такая перемена в ней была не только следствием беременности и приближения родов. Правда, в ауле про беременную женщину говорят: «Одна нога в могиле, другая — на земле». Как и всякая перворoженица, Ботагоз боялась за исход родов. Но и не это было главной причиной ее тревог. Больше всего ее беспокоило напряженное политическое положение в стране и в их городе. К этому прибавлялась тревога за судьбу Аскара и будущего ребенка. Тяготилась она и своей беременностью в такое опасное время.

«Если б не беременность,— думала она часто,— я разделила бы участь моего мужа и моих друзей. Я бы не сетовала на свою судьбу, если б даже пришлось погибнуть в борьбе с врагом. А теперь я похожа на стреноженную лошадь... Какую пользу смогу я принести, когда настанет решающий час борьбы? Только путами буду на ногах Аскара...»

Конечно, она скрывала от мужа эти свои тревожные думы. Но он сам прекрасно понимал ее мысли, знал причины ее тревог, они и его лишали покоя.

«Не будь она беременна,— думал Аскар,— она была бы, конечно, со мной, что бы ни случилось. Но куда она годна в таком положении? И потом — нужно подумать и о ребенке. Но согласится ли она скрыться на время, не заговорит ли в ней самолюбие или ложное понятие о чести?»

Ботагоз был дан отпуск по беременности. Сначала она решительно отказывалась от отпуска, но Кузнецов настоял на этом. Аскар подробно рассказывал ей о делах Совета, держал ее в курсе всех событий, но, по существу, скрывал от нее действительное положение, обострявшееся с каждым днем. Все чаще подумывал он о том, как бы устроить ее в укромном месте, где она была бы в безопасности в случае контрреволюционного выступления казачьего совета. Он даже подготовил такое убежище в одной казахской семье на окраине города, но не знал, как приступить к Ботагоз с разговором об этом.

Тяжелые размышления Аскара были прерваны стуком в дверь кухни.

Ботагоз вышла посмотреть, кто стучится, и тотчас же вернулась с письмом в руках.

— Угадай, от кого?— весело сказала она.

— Не догадываюсь.

— От Кенжетая!— радостно ответила Ботагоз.

— Правда? От Кенжетая? Давай-ка!— воскликнул взволнованный Аскар и быстро вскрыл письмо.

Усевшись плечо к плечу с Ботагоз, он вполголоса стал читать:

«Дорогие мои родные, Аскар, Ботагоз и Балтабек!

Давно уже не имею от вас никаких вестей, и это очень тревожит меня. Прошу вас, немедленно напишите о своей жизни, о работе. У меня все по-прежнему. Я жив, здоров. Учусь. Курсы кончаю в январе будущего года. Хочу проситься тогда в родные края. Военным искусством — скажу, не хвастаясь,— овладел я неплохо. Надеюсь, что буду хорошим красным командиром. Спасибо товарищу Булатову — это он помог мне поступить на курсы.

Да, чтоб не забыть: я встретил здесь Антона, помните, был такой батрак у Андрея Кулакова. Его забрали в солдаты летом 1914 года. На фронте он познакомился с большевиками и вступил в партию. Теперь он учится на курсах военных фельдшеров. Мы часто мечтаем с ним скорее окончить курсы, вместе вернуться в наш родной край и работать в одной воинской части. Словом, надеюсь через год приехать к вам красным командиром.

Дорогие мои друзья! Если бы вы знали, как я тоскую по вас! Особенно по Ботагоз. Тяжело становится на душе, когда вспомню, сколько ей пришлось пережить, сколько горя принесли ей гибель матери и Темирбека, смерть Айбалы. Всех их погубили ненавистные палачи — царские чиновники, волостной управитель Итбай, его сынок Сарыбас... Одни уже получили по заслугам, да не со всеми еще мы рассчитались. Но революция еще не кончилась.

Какой хороший, какой чудесный народ — русские! Мы этого не понимали раньше по нашему невежеству. И самый великий, самый гениальный из русских — это Ленин. Ленин, как высокая гора, высится над всеми. Ленин — это солнце всего трудящегося человечества. Его учение широко и глубоко, как море. Его взор проникает в будущее. В делах он величествен и могуч, как лев. Слова его крепки, как сталь. Русский народ, породивший такого гиганта мысли, как Ленин, выдвинул десятки, сотни тысяч самоотверженных, несгибаемых борцов за счастье всех народов. Революция теперь в надежных руках рабочего класса и его авангарда — большевистской партии, возглавляемой Лениным. С их братской помощью непременно завоюет свободу и казахский народ.

Я очень стосковался по вас. И кто знает, как скоро удастся нам свидеться при теперешнем напряженном положении в стра-

не. Надеюсь, все-таки, что свидание наше не за горами, что скоро мы раздавим контрреволюцию и закончим гражданскую войну с победой.

Пишите, дорогие мои. С нетерпением буду ждать вашего письма. Целую всех вас.

С коммунистическим приветом

Кенжетай.»

Письмо Кенжетая влило бодрость в души Ботагоз и Аскара. За чаем у них только и речи было об этом письме, о Ленине, о великих делах Советской власти. Аскар решил воспользоваться удобным моментом и заговорить с Ботагоз об ее переезде в другое, более безопасное место.

— Видишь, дорогая, Кенжетай тоже уверен в нашей победе. А ему в Петрограде виднее, чем нам здесь. Твои опасения мне кажутся чрезмерными.

— Я тоже уверена в нашей победе. Но я знаю наш город лучше, чем ты,— возразила Ботагоз.— Боюсь, что вы слишком беспечны. Здесь белогвардеец на белогвардейце сидит, казачий совет только и ждет сигнала, чтобы поднять восстание. А наши красногвардейцы по всему уезду разбросаны.

— Мы не можем оставить уезд без нашего глаза. У нас все равно не хватит сил, если не придет помощь из Омска или Петропавловска. Мы следим за казачьим советом, но к крутым мерам прибегать пока опасаемся, этим мы только ускорим события. Но меры, конечно, принимаем. Между прочим, Кузнецов считает, что тебе следует переменить квартиру — на случай, если казаки, действительно, выступят...

— Аскар, ты что-то скрываешь от меня!— встревоженно воскликнула Ботагоз.

— Ничего я не скрываю от тебя, дорогая. Это просто мера предосторожности.

— Вы не думали б с Григорием Максимовичем о предосторожностях, если бы не считали положение опасным. Скажи мне правду, дорогой!

— Уверяю тебя, я ничего не утаил от тебя. Я б и не подумал об этом, если бы ты могла помочь нам в опасный момент борьбы, но бессмысленно рисковать при твоем положении. Нужно подумать и о ребенке.

— Я не хочу расставаться с тобой! И так мы годы прожили в разлуке.

— И мне горько решиться на это, но не вижу другого выхода. Я уже договорился с Бекпеном; его дом стоит на отлете, живут они только с женой, детей у них нет, в политику они не вмешивались... Там будет тебе спокойно.

— Никуда я не уйду! Что будет с тобой, со всеми товарищами, то будет и со мной...

— Да это просто неразумно. Нам нужны борцы, а не бессмысленные жертвы. Григорий Максимович сначала предлагал отправить тебя в Петропавловск, но я не согласился. А, пожалуй, нужно будет распустить слух, что ты поехала в Петропавловск, в родильный дом...

— Никуда я не уйду...— повторила Ботагоз уже со слезами на глазах.

— Не волнуйся, дорогая, этот план мы придумали на всякий случай. Может быть, все и обойдется к лучшему. А безрассудной нельзя быть.

На этом их разговор закончился. Аскар ушел в Совет. Но он понимал, что только наполовину уговорил Ботагоз, что она еще будет противиться.

II

Уездный центр, где жили Ботагоз и Аскар, в 1918 году был небольшим провинциальным городком и походил скорее на большое село, чем на город. В нем не было ни фабрик, ни заводов, ни сколько-нибудь значительных промышленных предприятий. Двухэтажные здания встречались здесь редко. Главная улица состояла почти сплошь из более или менее просторных, но одинаково невзрачных одноэтажных бревенчатых домов. В переулках стояли крестьянские избы, а на окраине — просто землянки. Лишь часть главной улицы, около базара, была вымощена булыжником. На других улицах и люди и возы весной и осенью утопали в грязи. Зимой дома заносило снегом по самые крыши.

Основание города можно отнести к 1823 году. За год до того царское правительство ликвидировало ханство Средней Орды и считало, что тем самым закончило покорение сибирских казахов, но все же воздвигло против них военное укрепление, из которого и вырос позже город. Хотя со временем в нем появились несколько татарских семейств и русских крестьян-переселенцев, а окраину заселили казахские жатаки[1], большинство его жителей в начале XX столетия составляли потомки двух казачьих семей — Кабановых и Барановых.

Эти две фамилии считали себя потомственными хозяевами города. Их деды и прадеды были первыми поселенцами старого военного укрепления, а предки их жили в Сибири еще с XVI века. Эти предки, беглые донские казаки, вместе с Ермаком Тимофеевичем завоевывали Сибирь и были ближайшими помощниками знаменитого атамана. Но века верной службы царю выветрили из потомков завоевателей Сибири вольный казачий дух Ермака и его сподвижников. Они стали орудием колонизаторской политики царизма, и многие поколения Кабановых и Барановых поставляли самодержавию верных слуг разных чи-

[1] Жатаки — оседлые казахи.

нов — от станичных атаманов до полковников и генералов Монархические традиции были в них очень сильны.

В 1917 году, после свержения царя, когда многие казаки и казачьи офицеры из этих двух семейств возвратились в родной город, они составили ядро местной белогвардейщины. С виду они не вмешивались в политику, а как будто мирно жили в своих куренях, но оружие свое как родовое, так и принесенное с собой с фронта, отказались сдать и бережно хранили «на всякий случай». «Без оружия казак не казак!» — заявили они представителю Временного правительства и то же самое ответили и Совету, когда им был издан приказ о сдаче оружия. Совет принял более решительные меры — начал производить обыски. Тогда казаки зарыли оружие в землю, укрыли в потаенных местах. Примеру городских казаков последовали и казаки окрестных станиц.

В этом-то казачьем полугороде-полустанице, окруженном казачьими поселениями, и пришлось действовать Кузнецову и Амантаю, Ботагоз и Аскару в самый острый момент становления Советской власти и борьбы с контрреволюцией. Кузнецов вскоре после приезда был избран секретарем укома партии. Амантай, по поручению Кузнецова, первые месяцы занимался, главным образом, сколачиванием красногвардейских отрядов из бывших фронтовиков и участников восстания 1916 года, а потом был избран председателем уездного исполкома. В это же время Ботагоз заняла пост секретаря исполкома.

К маю 1918 года в городе создалось весьма сложное политическое положение. В самом городе и в уезде действовали три противоборствующие силы: Совет рабочих и крестьянских депутатов, казачий совет и комитет Алаш-орды. В любой момент, по любому поводу они могли прийти в столкновение.

Официальной властью был Совет рабочих и крестьянских депутатов. Однако он располагал незначительной вооруженной силой. В его распоряжении было всего около двухсот красногвардейцев, да и то большая часть их была разбросана по уезду.

Казачий совет имел отряд, насчитывавший около трехсот человек. Во главе этого отряда стоял Алексей Кулаков. Ненависть, которую он питал ко всему не только революционному, но даже мало-мальски либеральному, побудила его искать средства для контрреволюционного переворота в пользу монархии. Даже Временное правительство он считал бандой изменников царю, а Керенского — одним из шайки цареубийц.

Кулаков переехал из Борового в Омск и оттуда стал устанавливать политические связи. Он нашел много единомышленников среди офицеров сибирского казачьего войска, но не стал ограничивать свою деятельность только Сибирью. Несколько писем он послал в Петроград, своим бывшим однополчанам и знакомым офицерам, а прежде всего снесся с генералом Корниловым, с которым познакомился в 1913 году и до этого переписывался. Они даже считались «земляками»: Корнилов был из Каркара-

линска, а Алексей из Кокшетау. Кулаков очень ценил этого генерала и в дни августовского выступления Корнилова развил усиленную деятельность, готовясь оказать поддержку своему другу, но после провала корниловского мятежа несколько притих.

Незадолго до Октябрьской революции он получил от сбежавшего на Дон Корнилова прямую директиву подготовлять монархический переворот.

Корнилов предлагал Алексею немедленно выехать в казачьи станицы Сибири и поднять их на борьбу за царскую власть, за «исконные казачьи права».

Такое же наставление Алексей получил от своего зятя, полковника Гаврилы Кабанова, женатого на сестре Алексея Елизавете Андреевне. Кабанов в то время служил в Семиречье помощником атамана Анненкова. Он писал Алексею: «Не медли, дорогой Алексей Андреевич, ни часу, ни минуты. Срочно отправляйся в родные станицы и готовь верных нам казаков! Рекомендую прежде всего поехать в мой родной город, где, знаю, найдешь людей, готовых послужить нашему делу».

Кулаков последовал этим советам. Он переехал из Омска в указанный Кабановым уездный город, где ему недолго пришлось искать единомышленников. Через некоторое время он сформировал там хорошо вооруженный отряд казаков и объявил себя их атаманом. Отряд этот насчитывал не более трехсот человек, но в действительности Кулаков и казачий совет располагали гораздо более серьезной военной силой. В любой момент они могли поднять окрестные казачьи станицы и довести число своих вооруженных приверженцев до нескольких тысяч.

На казачий совет опирался и уездный комитет Алаш-орды, который не имел за собой никакой реальной военной силы. Хотя он и тщился играть какую-то политическую роль и претендовал на то, чтобы представлять казахский народ, он не имел глубоких корней в казахских массах. Это был кружок интеллигентов-националистов, поддерживаемый баями.

Во главе уездного комитета Алаш-орды стоял Мадияр, который считал себя «старым» политиком, но после революции оказался на второстепенных политических ролях — не более как подручным «лидера» казахских националистов Базархана Медельханова.

Прожженный политикан, которому наплевать было на интересы казахского народа, который выше всего ставил свою личную карьеру, Базархан начал с того, что будучи студентом, втерся в революционные кружки и даже изучал Маркса. Впрочем, «революционные» увлечения его продолжались недолго. Вскоре он примкнул к казахским буржуазным националистам и стал одним из их главарей. Во время первой русской революции он переметнулся в лагерь кадетов и при их помощи был проведен в

депутаты первой Государственной думы, а затем избран членом ЦК конституционно-демократической партии.

Однако будучи членом ЦК кадетской партии, Базархан вел свою особую линию и сохранил свои связи с националистами. Являясь представителем байства и выразителем его интересов, он понимал, что при любой форме правления невозможно защитить эти интересы вне союза с русской буржуазией. В отношении казахов он выставлял требование буржуазной автономии. В этом заключалось первое разногласие с Мадияром, который стоял за учреждение самостоятельного казахского ханства и полное отделение от России. Второе серьезное разногласие меж ними возникло в первые же дни после свержения самодержавия, когда Базархан, поняв, что всякая почва для монархии в России потеряна, стал открыто защищать установление республики, не побоявшись разойтись в этом со своими ближайшими друзьями по кадетской партии.

Мадияр принадлежал к тому типу оголтелых буржуазных националистов, у которых религиозный обскурантизм по силе своей мог соперничать разве только с их лютой ненавистью ко всему русскому. Основой казахской самобытности Мадияр считал полуфеодальные отношения родового строя, стародедовские обычаи и нравы, и, прежде всего, религию. Верный себе, он даже ежедневно совершал по ритуалу пятикратный намаз.

На упреки в обскурантизме он отвечал:

— Религия — основа моих политических убеждений. Я не могу отвергать то, во что верю с детства. Я верю в то, что существует бог и что он управляет миром. А на земле народами должны управлять наделенные божественной силой монархи. Вот почему я считаю, что казахами должен управлять хан, как это велось искони.

Монархические убеждения Мадияра питали его пиетет и к русскому царю. Не царя он считал главным врагом казахов, а вообще всех русских. Свержение царя и падение самодержавия потрясло его так, будто небо свалилось ему на голову.

В дни Февральской революции Мадияр жил в Петрограде. Узнав о свержении царя, он поспешил к Базархану. Тот встретил его совершенно спокойно. Страшно возбужденный Мадияр, задыхаясь, стал причитать:

— Боже мой, боже мой! Что ж это будет? Ведь без царя нас ждет полнейшая анархия!

Он услышал хладнокровный ответ Базархана:

— Да вы чего волнуетесь? Неужели это новость для вас? А мы этого давно ждали!

— Какая же власть теперь будет?

— Республика! — с тем же хладнокровием ответил Базархан.— Россия вступает на путь общеевропейского развития. Давно уже пора было ей стать на этот путь. Российская монархия

похоронена навсегда, Россия пойдет теперь по стопам Англии, Франции, Италии и других парламентских стран.

— А что будет теперь с нами, с казахами?!

— А мы, казахи, останемся теперь частью России, но потребуем автономии. Я считаю, что мы теперь должны прямо поставить вопрос об организации казахской национальной партии Алаш-орда, которая потребует от русского правительства установления Алаш-ордынской автономии.

Мадияр не был удовлетворен ответами Базархана, но, не разделяя его политической позиции, должен был примириться с его платформой, так как не мог противопоставить другой и не мог ни на кого опереться.

Несколько времени спустя Базархан и Мадияр выехали из Петрограда в Оренбург и приступили там к организации временного центра Алаш-ордынской автономии.

Недели через три после их приезда в Оренбурге созван был областной, а затем и всеказахский съезд Алаш-орды. Работой этих съездов руководил Базархан, который и в дальнейшем был одной из руководящих алаш-ордынских фигур, а Мадияр так и остался одним из второстепенных деятелей.

Всеказахский съезд Алаш-орды постановил разослать уполномоченных для создания комитетов Алаш-орды как в уездах, так и в аулах.

Одним из уполномоченных намечен был и Мадияр. Он вызвался поехать в уездный город, где уже находился Алексей Кулаков. Выбирая этот город, Мадияр рассчитывал легко справиться со своей задачей. Он раньше часто бывал там и установил кое-какие связи. Немало поездил он в прежние годы и по аулам этого уезда. Ему казалось, что у него есть там все возможности создать комитет и милицию Алаш-орды, а потом быстро ликвидировать Советы.

Однако Мадияра ждало горькое разочарование. Уездный комитет Алаш-орды он организовал сравнительно быстро, но скоро сам понял, что комитет этот был всего лишь тесной кучкой националистически настроенной интеллигенции, за которой казахские массы не пойдут. Хуже всего у Мадияра обстояло с организацией алашской милиции. Даже крупные феодалы и богатые баи, хотя и объявляли себя сторонниками Алаш-орды и давали комитету деньги, не могли помочь ему в этом. Отдавать своих сыновей и родных в алашскую милицию они опасались, а заставить трудовых казахов вступить в нее были бессильны. Мадияр выезжал в аулы, проводил десятки собраний, но напрасно ждал добровольцев.

Между тем из Оренбурга, в частности от Базархана, сыпались письма за письмами, в которых Мадияра упрекали в бездеятельности, в безынициативности, в неумении работать. Эти письма только раздражали Мадияра. Он совсем приуныл, махнул

рукой на самостоятельную алашскую милицию и решил сблокироваться с казачьим советом. Алексей Кулаков охотно пошел ему навстречу, и скоро между ними был установлен тесный контакт.

III

В начале июня на очередном заседании уездного Совета было заслушано сообщение члена исполкома, казаха, рабочего с местного пимокатного завода.

— В городе у нас, как известно, есть три мечети,— сказал он.— В одной из них, так называемой «зеленой мечети», последнее время совершались странные богослужения. В мечеть съезжались именитые баи и волостные управители дальних волостей. Одни приезжали с толпой домочадцев и слуг, другие — даже с вооруженным конвоем. По непроверенным, правда, сведениям, в этой мечети выступал какой-то казачий офицер. Замечено было также, что приезжие баи зачастили в комитет Алаш-орды, деятельность которого в последние дни заметно оживилась.

По этому вопросу выступило несколько человек. Один, недавно приехавший из окрестных казачьих станиц, сообщил, что по пути сюда он наблюдал подозрительное оживление на дорогах, ведущих в город. Другой рассказывал, что в лесу, неподалеку от города, Алексей Кулаков усиленно обучает свой отряд.

Из этих сообщений стало ясно, что назревает большая опасность, очевидно контрреволюционные силы готовятся к вооруженному выступлению.

Кузнецов, выслушав товарищей, заявил:

— Я считаю, что мы не вправе пройти мимо этих тревожных фактов. Предлагаю: установить наблюдение за «зеленой мечетью»; усилить караулы у здания исполкома, телеграфа и красногвардейских казарм, выставлять на ночь заставы у всех въездов в город; сегодня же послать в станицы и аулы людей с приказом всем милиционерам вернуться в город.

— Я бы добавил,— сказал Амантай,— что нужно снестись с Омском и с Петропавловском и просить об усилении местного гарнизона. Своими силами нам не обойтись.

Исполком утвердил эти предложения и выбрал наделенную особыми полномочиями тройку в составе Кузнецова, Амантая и Аскара, на случай чрезвычайного положения.

По окончании заседания Кузнецов отозвал Аскара в сторону и сказал ему:

— Сейчас же иди домой и переправь вещи Ботагоз к Бекпену. Завтра она сама должна перейти к ним. Если она будет возражать, скажи ей от моего имени, что это — партийное указание, что с завтрашнего дня она переходит на нелегальное положение. Хозяйке и всем, кто будет спрашивать о Ботагоз, говори, что она уехала в родильный дом в Петропавловск. Сегодня мы обойдем-

ся без тебя, а с завтрашнего дня нужно установить непрерывное дежурство в Совете.

Против ожидания Аскара Ботагоз не стала возражать, когда он передал ей слова Кузнецова. С того дня, как получено было письмо Кенжетая, Аскар не возобновлял разговора о своем плане, но она сама за это время немало передумала и пришла к выводу, что другого выхода у нее нет.

Чемодан с вещами Ботагоз был перенесен Аскаром ночью, тайно от Салихи. Ей только утром сообщили, что Ботагоз вечером уезжает в Петропавловск.

— Разреши мне, сынок, поехать с ней,— предложила Салиха.— вдруг по дороге у нее начнутся схватки. Все-таки будет кому присмотреть за ней.

— Спасибо, тетушка, за заботы,— поблагодарил ее Аскар.— Но в этом нет нужды. Она едет не одна, вместе с ней едет в Петропавловск наша знакомая, она и присмотрит за Ботагоз.

В сумерки к квартире Досановых подъехала бричка. На ней сидела незнакомая Салихе молодая женщина. Аскар усадил в бричку Ботагоз с небольшим узлом и сам сел, чтобы проводить жену до заставы. Салиха всплакнула на прощанье, и бричка тронулась. Верстах в двух от города Аскар и Ботагоз сошли с нее и окраинными переулками, уже в темноте, пробрались к Бекпену.

Дом Бекпена стоял в глубине двора, на восточный манер окруженного глухим дувалом. С переулка он совсем не был виден. В задней стене дувала была незаметная лазейка в соседний двор, тоже принадлежавший казаху. В случае опасности Ботагоз могла скрыться через этот ход.

Устроив Ботагоз, Аскар облегченно вздохнул при мысли, что она будет находиться в сравнительно безопасном месте. Он подозревал, что контрреволюционный мятеж ближе, чем предполагали некоторые члены исполкома, и не ошибся.

Кровавые события быстро надвигались. В Челябинске выступили чехи и захватили власть в свои руки. Через несколько дней после этого к Мадияру тайно приехал Сарыбас Итбаев. Он сообщил, что на секретном совещании областного комитета Алаш-орды совместно с временным сибирским правительством в Омске было принято решение послать на места своих людей для подготовки переворота. С этой целью он, Сарыбас, и приехал сюда. Переворот приурочивается к тому моменту, когда чехословацкие эшелоны, двигающиеся на восток, вступят в Омск и Петропавловск. Этого можно ждать с часу на час. Как только власть в этих городах будет захвачена чехами, о чем местные комитеты Алаш-орды будут немедленно извещены, надо будет произвести переворот и на местах, ликвидировав в кратчайшие сроки Советы.

В тот же день, по предложению Сарыбаса, Мадияр связался

с уездной казачьей организацией и договорился о совместных действиях против Советской власти.

Алексей Кулаков также был своевременно извещен о чехословацком мятеже. Установив контакт с алаш-ордынским комитетом, он стал подтягивать свои силы из казачьих станиц. Это-то движение из станиц в город, а также участившиеся с приездом Сарыбаса наезды степных баев и были замечены Советом, который принял меры предосторожности. Удалось вызвать из уезда часть красногвардейцев. Городская коммунистическая организация была мобилизована и переведена на казарменное положение.

Контрреволюционный мятеж вспыхнул через три дня после заседания исполкома Совета, на котором обсуждался вопрос о «зеленой мечети». Еще один из членов алаш-ордынской организации получил из Омска условную телеграмму, которая должна была послужить сигналом к выступлению. Телеграмму немедленно доставили Мадияру. Когда он снесся с Кулаковым, оказалось, что казачья организация получила подобную же депешу. На состоявшейся встрече представителей Алаш-орды и казачьего совета было решено выступить в два часа ночи. В конце заседания Кулаков и Сарыбас составили список и установили адреса ответственных советских работников и коммунистов, которых решено было арестовать в ту же ночь. Арест Ботагоз взял на себя Сарыбас.

— С этой птичкой у меня старые счеты,— заявил он Кулакову.

В Совете, с вечера, как и все последние дни, дежурили Кузнецов, Аскар, Амантай и другие члены исполкома, сменяя друг друга и уходя поспать только на три-четыре часа. Балтабек проверил караулы и посты, расставленные по городу, и остался в здании Совета до утра. Аскар тоже решил не уходить домой и устроился там же на диванчике. Амантай побывал в красногвардейской казарме и, вернувшись, заявил, что в городе спокойно. В полночь он ушел домой, сказав, что придет часов в шесть утра. Несколько раньше его ушел к себе Кузнецов. Товарищи заставили его пойти домой поспать, несмотря на его протесты. Он только вечером вернулся из утомительной поездки по уезду и еле держался на ногах. Но около двух часов ночи он неожиданно появился в Совете.

— Поздравляю с сыном!— весело сказал он, протягивая руку Аскару, недавно прилегшему на свой диванчик.

Аскар, возбужденный этой вестью, радостно вскочил.

— Спасибо, спасибо, дорогой Григорий Максимович! Вы всегда были для меня добрым вестником. Но откуда вы узнали?

— Меня разбудил Бекпен, и я сейчас же пошел сюда.

— А как Ботагоз?

— Молодцом! Собирайся — и к ней! Сегодня ночь, должно быть, пройдет спокойно. Обойдемся без тебя.

— А может, подождать до утра, Григорий Максимович? Все-таки время такое...

— Иди, иди! Ничего! Я за тебя подежурю. А где Балтабек? Эй, Балтабек!

Аскар не стал дожидаться, пока Балтабек явится на зов Кузнецова, и вышел на улицу.

Стояла тихая, темная ночь. Тяжелые тучи нависли над городом, собиралась гроза. Аскар миновал первый красногвардейский пост на ближайшем к Совету углу, сказал пароль и быстро зашагал дальше. Но не успел он пройти и нескольких кварталов, как услышал раздавшиеся впереди выстрелы. Он остановился, раздумывая, идти ли ему вперед, на выстрелы, или вернуться в Совет. В это время выстрелы стали доноситься уже с нескольких сторон. Он решительно повернул обратно. Вдали какая-то небольшая группа людей, неясная в темноте,— вероятно, красногвардейский патруль,— отстреливаясь, отступала к площади, на которой стояло здание Совета.

Аскар побежал. Но из-за ближайшего угла наперерез ему выскочило несколько человек с винтовками в руках. Кто-то подставил ему подножку — он растянулся на тротуаре, кто-то навалился на него. Все же Аскар изловчился вскочить, но не успел он выхватить наган, как его ударили по голове прикладом и хлестнули тяжелой казацкой нагайкой по глазам. Он опять грохнулся наземь, потеряв сознание, и уже не слышал, как кто-то, в ком он мог бы узнать по голосу Мадияра, наклонившись над ним, сказал:

— А, это Досанов! Арестовать и отвести.

Случайность, как это часто бывает, нарушила планы мятежников. Они, конечно, знали, что город патрулируется, но рассчитывали по задворкам и боковым переулкам незаметно пробраться к Совету и окружить его. Им это и удалось бы, если бы один красногвардейский патруль не заметил необычного в ночное время движения и не постучался бы во двор, куда прошмыгнула какая-то группа людей. На требование патруля открыть ворота, со двора ответили выстрелами. Эти-то выстрелы и услышал Аскар.

В городе поднялась тревога. Патрули, расположенные вокруг Совета, немедленно заняли заранее намеченные, выгодные для обороны позиции и дали отпор наступавшим казакам. Из казарм выступили кросногвардейцы и мобилизованные коммунисты. Правда, казармы были почти окружены, но красногвардейцам удалось прорваться на одну из улиц, идущих к Совету. Мятежникам пришлось бросить туда значительную часть своих сил. Не удалось также казакам напасть врасплох на отряд, охранявший телеграф. Все это дало возможность Кузнецову принять меры к обороне и вовремя забаррикадировать здание Совета. На

окнах были сложены заранее приготовленные мешки с песком, в угловых окнах были поставлены три пулемета. Окруженные красногвардейские посты и караулы, отстреливаясь, стягивались к Совету.

Кулакову удалось захватить Совет только поздним утром. Он нашел там и арестовал нескольких раненых, которых не могла взять с собой прорвавшаяся сквозь кольцо осады небольшая часть красногвардейцев. Среди этих раненых находился и Кузнецов.

Ведя атаку на Совет, комитет Алаш-орды и казаки не забыли о советских работниках и коммунистах. По всем адресам, записанным Кулаковым и Сарыбасом, были посланы небольшие отряды — в четыре-пять человек.

Салиха проснулась от неистового стука в дверь и окна.

— Открывай!— слышались громкие крики по-русски и по-казахски.

Только успела перепуганная Салиха откинуть крючок, как дверь распахнулась и на кухню ворвались пятеро вооруженных.

— Чего стоишь? Зажги лампу!— приказал один из них по-русски.

После долгой возни, старушка, наконец, зажгла лампу. Перед ней стояли три русских казака и два казаха в русской одежде. Вопросы задавал ей высокий молодой казах. Это был Сарыбас Итбаев.

— Здесь живет Ботагоз Туякбаева?

— Здесь, здесь...

— Покажи, где ее комната.

— Вот сюда, только ее нет дома.

— То есть как нет? А где она?— спросил Сарыбас, распахнув дверь в комнату Ботагоз и увидев, что в ней, действительно, никого нет.

— Уехала в Петропавловск...

— Рассказывай сказки! Говори правду!

— Я и говорю правду. Третьего дня уехала, в родильный дом.

— Врешь, бабка! Смотри, по-другому заставим тебя заговорить!

— Хотите — верьте, хотите — нет, только уехала она.

Ее допрашивали и по-русски, и по-татарски, и добром, и угрозами, но старуха твердила одно:

— Уехала в Петропавловск.

— Стало быть, не хочешь сказать, где Ботагоз?— спросил, наконец, Сарыбас, увидев, что от Салихи он ничего не добьется.— Собирайся тогда, ты арестована. В тюрьме ты у меня заговоришь по-иному.

Салиху увели, позволив ей, только после усиленных просьб, запереть дверь дома.

IV

Придя из Совета к себе домой, Амантай, попросил хозяина-казаха разбудить его в шесть часов утра и, не раздеваясь, лег на кошму прямо на полу. Усталость последних дней сказалась даже на нем, привыкшем к разным передрягам. Он сразу заснул тяжелым, непробудным сном. Но ему не удалось поспать и двух часов. Плохо соображая в чем дело, он проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо.

— Ой, апырау, ага!— будил его хозяин.— Вставай, в городе сильно стреляют.

Его слова подтвердили донесшиеся звуки ружейных залпов и одиночных выстрелов.

Амантай, быстро вскочив, схватил винтовку, обвязал вокруг пояса патронташ и бросился на улицу. Пройдя квартала три, он заметил лежавшего на средине улицы человека. Амантай подбежал к нему. Это был убитый красногвардеец. Винтовки возле трупа Амантай не нашел.

Он бросился в боковой переулок, решив обходным путем пробраться к Совету. Через несколько минут он обернулся посмотреть не преследуют ли его, и увидел, что улицей по направлению к его квартире прошло несколько вооруженных.

«Неужели за мной?»— подумал он и ускорил шаг.

Пока он шел к Совету, до него то с одного, то с другого конца города доносились звуки выстрелов. Сильная стрельба время от времени слышна была в центре, около Совета. Вдруг над городом поплыл грозный гул набата. В набат били одновременно во всех пяти городских церквах. Вслед за набатом, словно отвечая его призыву, издали донесся гулкий топот скачущей конницы. Амантай со всех ног бросился на городскую площадь, где стоял Совет. Но дойти туда он уже не мог. Он покружил по прилегающим переулкам, но всюду замечал группы людей, которые, стреляя, старались продвинуться на площадь, к Совету. Со стороны площади им отвечал довольно жидкий огонь. Он понял, что Совет окружен, но еще держится, и повернул по направлению к красногвардейским казармам.

Ему удалось пройти несколько глухих переулков, но когда он пересекал широкую улицу, его заметили.

— Стой! Руки вверх!— крикнули ему.

Он кинулся в сторону, ища какую-нибудь лазейку, через которую мог бы скрыться.

Человек шесть побежали за ним, стреляя на ходу. Амантай спрятался за дерево, прицелился и выстрелил. Охотничья сноровка сказалась. Один из преследователей упал, остальные бросились врассыпную, ища прикрытия, но огня не прекращали. Скоро Амантай свалил второго. Ставшие более осторожными казаки стреляли реже. Амантаю удавалось делать довольно длинные перебежки, но он досадовал на то, что его все больше прижима-

ют к реке и оттесняют от района, где расположены были казармы.

Впрочем, ему уж нечего было думать о казармах. Из боковой улицы выскочили еще несколько человек и бросились ему наперерез. Положение для Амантая создалось почти безвыходное.

За спиной у него была река, с двух сторон его подстерегали враги. Впереди находился ряд деревянных и каменных лавок и амбаров, плотно замыкавших небольшую площадь. Он выбежал на площадь, подбежал к низкому кирпичному амбару, прикладом винтовки сбил замок с железной двери и бросился туда. Заложив изнутри дверь железным болтом, он огляделся. Амбар был почти пуст, только в середине валялось несколько пустых ящиков. В нем не было ни окон, ни другого входа. Лишь в толстой кирпичной стене, выходившей на площадь, проделано было узкое смотровое оконце вроде бойницы, да в тесовой крыше зияло довольно большое отверстие.

Несколько казаков пустились в погоню за Амантаем. Но он успел подбежать к бойнице и сунуть в нее винтовку до того, как казаки выбежали на площадь. Первый же казак, пытавшийся перебежать через нее к амбару, пал от пули Амантая. Продолжая стрелять по каждому, кого замечал, Амантай видел, что его пули не пропадают даром.

В ответ на его стрельбу казаки открыли беглый огонь по амбару. Но их пули не могли пробить ни кирпичных стен, ни железной двери. Экономя патроны, Амантай стрелял скупо, только в определенную цель. Когда он прекращал стрелять, казаки, полагая, что у него вышли патроны, выходили из своих укрытий и пытались пробраться к амбару. Тут-то их и били насмерть пули Амантая.

Амантай, однако, понимал, что долго ему все равно не продержаться. Он вспомнил, что к задней стене амбара примыкает огород, а за ним начинается крутой, поросший густым тальником берег полувысохшей степной реки. Он мог бы попытаться скрыться этим путем, выбравшись через отверстие в крыше, но в этом плане был большой риск: что если казаки зашли и со стороны реки? Тогда он будет беззащитен.

Вдруг над его головой что-то затрещало. Взглянув вверх, он увидел, что горела крыша со стороны площади. Как видно, какой-то казак все-таки пробрался вдоль лавок и зажег крышу. Амбар наполнился густым удушливым дымом. Размышлять было некогда. Спастись он мог только через отверстие в крыше. Забравшись на несколько составленных им ящиков, он подтянулся на руках и просунул голову в дыру. Оглядевшись, он не заметил казаков ни на огороде, ни вообще в этой стороне. Он вскарабкался на крышу и спрыгнул на землю. Всего несколько минут нужно было Амантаю для того, чтобы пробежать огород, спуститься с берега и скрыться в густом тальнике.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОСТИНЕЦ ОТ МАЛЮТКИ

I

За окраиной, поодаль от города, находился кирпичный завод. С осени 1917 года производство на нем прекратилось. Но вокруг полуразрушенных строений и заброшенных печей по-прежнему высились крутые, высокие галереи-лабиринты изрезанных вдоль и поперек красных глиняных карьеров.

Туда-то и были свезены трупы убитых и замученных во время контрреволюционного переворота, устроенного белыми и Алаш-ордой. Сарыбас и Мадияр приказали своим людям установить, находится ли среди убитых Амантай. Но трупа не обнаружили. Белогвардейские власти пришли к выводу, что он спасся. Аскара и Кузнецова решили быстро расстрелять. Но из Омска пришла депеша с требованием выслать туда главарей местных большевиков.

Ботагоз не знала, что с Аскаром. Бекпен, видя, какие мучения доставляет ей эта неизвестность, тайком пробрался к развалинам завода.

Над разрушенной крышей сарая, где лежали тела убитых, вились стаи ворон и стервятников; своры беспризорных голодных псов рылись среди трупов, растаскивая их по кускам.

Среди мертвецов Бекпен не опознал ни Аскара, ни Амантая. Труп одного человека по росту и одежде очень напоминал Амантая, но лицо было изуродовано до неузнаваемости, и установить, кто он, было невозможно. «Наверное, Амантай»,— подумала Ботагоз. По ее просьбе Бекпен, с помощью одного соседа, ночью выкрал этот труп и тайно похоронил его.

Участь Аскара так и осталась неизвестной.

Неожиданно, дней через десять после переворота, она получила записку, посланную Аскаром из тюрьмы.

«По слухам, некоторые товарищи видели, как наш Амантай погиб от пуль в бою,— писал Аскар.— Его смерть для всех нас тяжелая утрата. Я любил его, как родного отца. В память его назови нашего малютку Амантаем. Вторая моя просьба к тебе: не обременяй себя хлопотами за меня, никуда не ходи, никого не упрашивай — все равно из этого ничего не выйдет. Я крепко попался в сети врагов. Что будет со мною, покажет будущее. Не горюй по мне и всю свою любовь ко мне перенеси на нашего ребенка, все свои мысли и силы направь на воспитание его. Уверен, что сумеешь воспитать его. Это и будет твоя помощь мне...»

Обрадованная и тронутая Ботагоз исполнила желание Аскара и назвала сына Амантаем. Передать в тюрьму ответ ей не удалось, и связь с Аскаром оборвалась. Как ни тяжело было ей, но она утешалась мыслью, что Аскар жив. Но через три дня

она узнала, что он исчез из тюрьмы. Расстреляли ли его, переслали ли куда — было неизвестно.

В городе не прекращались обыски и аресты. Белогвардейские власти свирепствовали, арестовывая не только большевиков, но и беспартийных, служивших в советских органах. Теперь Ботагоз поняла, насколько предусмотрителен был Кузнецов, заставив ее переменить квартиру и перейти на нелегальное положение. Однако повальные обыски в городе делали ее пребывание здесь настолько опасным, что она решила перебраться в другой город.

Но куда? В Петропавловске и в Боровом, где ее знали, было так же опасно. Ехать в место незнакомое — на какие средства она будет жить с ребенком? В конце концов, она остановила свой выбор на Омске. Там никто ее не знает, там много фабрик и заводов, куда она сможет поступить на работу. В большом городе легче найдешь заработок, чем в каком-нибудь захолустье.

Самым трудным был вопрос о дороге. Как пуститься в путь одной с младенцем и много десятков верст проехать на лошадях по району, где идет гражданская война и свирепствуют белогвардейские банды? И где найти попутчика, который поможет в нужде, не выдаст, не проговорится, кто такая она, Ботагоз?

Эти мысли волновали Ботагоз, но она была тверда в своем решении. Чтобы собрать немного денег, она через жену Бекпена продала кое-какие вещи, упаковала те, что решила взять с собой, и стала ждать, пока случай или старания Бекпена не приведут к ней подходящего попутчика.

Из этого затруднения ее неожиданно вывела забота, которую Аскар проявил тайком от нее.

Как-то под вечер постучали в ворота Бекпена. Вышедший на стук хозяин, заглянув в глазок, увидел, что в переулке у дома стоит тарантас, а в ворота стучится какой-то незнакомый молодой жигит.

— Вам кого?— спросил Бекпен.

— Это дом Бекпена?

— Кто вы? По какому делу? — спросил Бекпен, не открывая ворот.

— Я Асан из аула Куттыбая,— ответил жигит.

— Заезжайте, сейчас открою!

Когда приезжий въехал во двор, хозяин, после обычных приветствий, сказал:

— Я вас ждал.

— У меня письмо к жене от мужа.

— Я сейчас скажу ей. Заходите в дом, сейчас будет готов чай.

Асан вошел в дом, а юноша, приехавший с ним, остался на дворе у лошади.

Хозяин пошел в комнату к Ботагоз и сказал ей, что ее ждет с письмом жигит, которого он знает и которому можно довериться.

— Курбым, ты, конечно, меня не знаешь,— сказал этот

жигит, когда Ботагоз вышла к нему.— Меня зовут Асан. Наши аулы далеко отсюда, в долине Ишима. Сюда я по найму привез на своей лошади одного человека. Я привез тебе письмо, которое скажет, от кого оно. А что в нем написано, не знаю. Я обещал доставить тебе его, как только выпадет случай поехать в город.

Он вынул из пояса и протянул ей мелко сложенную записку.

Развернув ее, Ботагоз с волнением узнала почерк Аскара. Записка была без адреса, вместо подписи стояли только инициалы.

«Дорогая моя! Эту записку передаст тебе мой друг Асан. Можешь довериться ему вполне и последовать за ним, если тебе понадобится. Будь бодра. Целую тебя. А. Д.»

— Когда же ты получил эту записку? — спросила Ботагоз.

— Дня за два до мятежа казаков я по делам аула был в Совете у Амантая и в кабинете у него встретил Аскара. Он отозвал меня в сторону, написал это письмо и просил, если судьба опять разлучит вас, передать тебе его, когда я в следующий раз буду в городе. Он дал мне также одно поручение...

— Какое поручение?— с живостью прервала его Ботагоз.

— Мы потом поговорим о нем,— уклончиво ответил Асан, и она поняла, что он хочет сообщить ей что-то наедине.

— Я многим обязан Аскару,— продолжал Асан,— и рад оказать ему любую услугу. Можно сказать, я ему обязан жизнью. В позапрошлом году я был мобилизован, но по дороге на фронт заболел и долго пролежал в больнице. Я был почти при смерти. Не то что слово сказать, ресниц поднять не мог. И вдруг я увидел у своей кровати одетого по-русски молодого казаха. Это был Аскар. Откуда-то узнав, что в больнице лежит мобилизованный казах, он разыскал меня. В то время я не знал ни одного русского слова. Я не знал даже, как попросить воды. С приездом Аскара все изменилось. Он приходил ко мне ежедневно, просил сестер, чтобы они внимательнее присматривали за мной, и сам ухаживал за мной, как за ребенком, пока оставался в том городе. Немало истратил он на меня и денег. Выздоровев, я поступил на завод и проработал там до отправки жигитов домой. Потом вернулся в свой аул. Эх, дорогой человек Аскар, такого сердечного человека еще поискать нужно! Не только мне он помог. Он осушил слезы у многих страдавших на чужбине жигитов. Ничего, все обернется к хорошему, и все горе ваше позабудется.

Из соседней комнаты донесся плач ребенка. Ботагоз быстро пошла туда, переменила пеленки, взяла на руки ребенка и стала кормить его грудью. Асан вошел вслед за Ботагоз.

— Да будет крепкой нить жизни твоего маленького,— сказал он.— Кто это: «держащий лошадь» или «сорок семь»?[1]

---

[1] «Держащий лошадь»— мальчик. «Сорок семь»— девочка: обычный размер калыма (выкупа) за девушку считается 47 голов разного скота.

— «Держащий лошадь».

— Вот молодец!

Асан вспомнил поговорку: «Жеребенок ступает по следам коня»,[1] но, подумав, что Ботагоз истолкует это по-другому и огорчится, прикусил язык. Ему и самому не хотелось говорить об Аскаре как об умершем.

Он вынул из бумажника «николаевский» бумажный рубль и подал Ботагоз.

— Это коримдик[2] твоему ребенку,— сама знаешь, теперь серебряных монет нет, но все же прими по обычаю!

Поблагодарив, она взяла рубль и, завернув ребенка, вместе с Асаном вышла на кухню. Хозяйка в большой чаше промывала жирную баранину. Такого мяса давно уже не бывало в их доме. Ботагоз поняла, что это мясо привез Асан.

Собираясь выйти во двор, Асан остановился в дверях и сказал Ботагоз:

— Да, забыл тебе сказать. Со мной приехал один парень, у него дела здесь, собирается учиться. Он просил передать тебе привет. Говорит, что хорошо знает тебя. Он был когда-то учеником Аскара.

— Как его зовут?— спросила Ботагоз.

— Сагит.

— Сагит? Сагит Бектемиров?

— Да, его зовут Сагит Бектемиров.

— Как же, очень хорошо знаю его. Одно время он жил у нас в Бурабае. Где же он?

— Во дворе. Остался в тарантасе.

— Подожди, Асан. Только положу ребенка и выйду с тобой.

Сагит мигом соскочил с тарантаса, как только в дверях показалась Ботагоз, и бросился ей навстречу.

— Как поживаешь, Ботагоз?— спросил он, протягивая ей руку.

— Сагит! Как ты вырос! Да я б тебя и не узнала, если бы Асан не предупредил меня,— воскликнула Ботагоз.

Перед ней стоял еще не совсем сложившийся, среднего роста, плечистый юноша лет восемнадцати, со скуластым, рябоватым лицом.

Встреча с Сагитом очень взволновала Ботагоз. Она готова была заплакать, но, сделав над собой усилие, смахнула уже набежавшие слезы. Немного успокоившись, она уселась рядом с Сагитом на тарантасе, рассказала ему об участи Аскара и о своей жизни здесь.

Сагит тоже рассказал свою историю. После похищения Ботагоз он виделся с Аскаром в 1916 году и передал ему свои подозре-

---

[1] Переносный смысл фразы: сын заменит отца.

[2] Подарок новорожденному — обычно давалась серебряная монета, которую, просверлив, привешивали к одежде ребенка.

ния, что Ботагоз похищена Итбаем. Несколько времени спустя Муратов стал придираться к нему. Сагит был уверен, что это делается по наущению того же Итбая, через Кулакова, так как Итбай знал, что Сагит жил одно время у Балтабека. Ничем больше не связанный с Бурабаем, боясь мести волостного управителя, Сагит оставил консервный завод. Осенью 1917 года он встретил своего дальнего родственника, учителя Жаилгонской волости, Кокшетауского уезда. Тот взял его к себе. В январе 1918 года этот родственник был переведен в волость, где жил Асан. Учитель взял с собой и Сагита, решив подготовить его к поступлению на учительские курсы, которые должны были открыться будущей зимой в Омске. В связи с этим Сагит и приехал в город.

К концу рассказа из дома вышла хозяйка и объявила им, что обед готов.

— Не знаю, угожу ли я вам своим мясом,— сказал Асан, идя с Ботагоз к дастархану.— Дома я бы зарезал барана и угостил тебя его головой. Не богато мое угощение, но откушай, пожалуйста.

Асан и Сагит всячески ухаживали за Ботагоз, стараясь угодить ей. Помня поговорку «Волк не выдает своей худобы», она ни слова не сказала о своей нужде, но они и сами догадались об этом.

После обеда Асан отозвал ее в сторону.

— Пора сказать тебе о поручении, данном мне Аскаром. Он, очевидно, еще тогда опасался, что дела ваши могут сложиться так, как они сложились сейчас, и поэтому просил меня увезти тебя к себе в аул, если ты будешь нуждаться в убежище. Боюсь, что здесь тебе грозит опасность. Поезжай со мной, и ты будешь в безопасности, как я обещал Аскару.

— Но я буду тебе в тягость!— возразила она.

— Курбым,— сказал ей на это Асан,— я человек молодой, но желания мои искренни. От чистого сердца говорю: поедем ко мне. Не знаю, сумею ли я отплатить Аскару за все добро, что он сделал для меня. Здесь тебе грозит арест, а может быть, и смерть. На кого ты оставишь тогда ребенка? Я не богач, но хозяйство у меня неплохое, всего, хвала аллаху, вдоволь, нуждаться не будем. Есть у меня конь для езды, пища для еды, найдется и одежда. А другого богатства мне не надо. Дома одна старушка-мать. Жена умерла прошлым летом. Говорят: «Отрекись от надевшего саван, не отрекайся от одетого в лохмотья». Будем надеяться, Аскар еще вернется, и если сумею своими руками вручить ему его жену и сына живыми-здоровыми, счастливее меня человека не будет на свете. Говорю искренне, поверь.

Ботагоз верила в искренность Асана и не сочла нужным оттягивать решение лишними словами. В это время к ним подошел Сагит.

— Не помешал вам? Не секрет?

— Нет.

Асан рассказал ему о своем предложении.

— Правильно,— заметил Сагит,— Асан предлагает тебе помощь от чистого сердца и не даст тебя в обиду. А здесь тебе оставаться опасно. Когда я ходил по начальству хлопотать о поездке в Омск, туда зашел какой-то офицер и говорил, что не только большевиков, но и все их отродье уничтожить надо. Тебе, Ботагоз, необходимо немедленно убраться отсюда.

— Не знаю, как быть. Убраться мне отсюда надо. Но я хотела поехать в Омск или в Петропавловск, поступить там на завод.

— Да ведь тебя в Петропавловске знают не хуже, чем здесь. Разве спрячешься?

— Пожалуй, вы правы,— ответила Ботагоз, чуть подумав,— мне лучше уехать вместе с вами. Но если б я одна была, а то ведь ребенок...

И, закрыв лицо руками, она разрыдалась.

— Не плачь!— утешали ее Асан и Сагит в один голос.— «Отдашь— возьмешь, посеешь — пожнешь»,— говорит поговорка. За добро Аскара мы готовы отплатить нашими головами.

Вполне доверявшая Бекпену и его жене, Ботагоз поделилась с ними своим новым планом. Они горячо одобрили ее решение, хотя им было тяжело разлучиться с маленьким Амантаем, к которому привязались всей душой и полюбили, как родного внука.

Асан и Сагит закончили свои дела и могли бы выехать вечером, но предпочли оставить город в более глухое время, на рассвете, когда меньше можно было бояться нежелательных для Ботагоз встреч.

Трогательно было прощание Ботагоз с Бекпеном и его женой, ставшими для нее родными, когда тихим рассветом она с ребенком покидала их гостеприимный кров.

По городу ехали молча, изредка обмениваясь двумя-тремя словами. Асан кружил по переулкам, избегая людных мест. Наконец они благополучно миновали окраину и выехали к дороге, шедшей по горе Букпа, у подошвы которой расположен город.

Основатели города выбрали это место, вероятно, потому, что оно было удобно для защиты. С одной стороны, огибая полудугой почти половину города, лежит огромное озеро, настолько широкое, что противоположный берег его не виден. Высящаяся над городом с другой стороны гора представляет естественную крепость.

Но народ создал свою легенду об основании этого города. После принятия казахами русского подданства,— говорит легенда,— правительство решило построить в этой местности город и послало ходоков выбрать подходящее место у горы Кокше. По пути к Кокшетау ходоки встретили двух казахских батыров, по имени Кольбай и Жабай, и спросили у них дорогу на Кокше. Батыры, догадавшись о цели их расспросов и не желая уступить под город красавицу Кокше, указали на гору Букпа. Незнакомые

с местностью ходоки поверили им, и на следующий год началось строительство города у подножья горы Букпа.

Если хотите, то Букпа вовсе и не гора. В ней почти не встретишь характерных для гор каменных пород. Она очень походит на искусственную насыпь, на какой в древности обычно строили крепости. Вершина ее изрезана оврагами, поросшими небольшими рощицами берез и сосен.

Сюда, на вершину Букпы, любил Аскар подниматься вместе с Ботагоз в свободное время. Воспоминания одно милее другого обступали Ботагоз. Вот рощи, где они гуляли. Вот похожий на небольшой сундук камень у самого обрыва над озером, где они часто сиживали. Вот тропинка, по которой спускались к лодке, когда хотели покататься по озеру. А в те камыши они часто заезжали отдохнуть от гребли. Вернется ли она сюда когда-нибудь? Вернутся ли те счастливые дни первого года их совместной жизни с Аскаром? Увидит ли она Аскара? Жив ли он?

В этих грустных думах она не заметила, как Асан свернул по дороге от озера и съехал с горы в ровную степь.

II

— Апа, уже пора доить кобылиц, сходите вместе с Жамал, подоите...— сказал Асан, одеваясь, сидя на своей постели.

Это имя — Жамал — Асан и Сагит придумали для Ботагоз еще по дороге.

Когда Ботагоз немного привыкла в пути к Асану, Сагит сказал им:

— Я дам вам один совет. Ты, Ботагоз, не обижайся, не сердись, а ты, Асан, не противься...

— Говори!..

— Невдалеке от аула Асана живет аксакал, которого зовут Байтобет. Я живу у него. Он ненавидит большевиков. Если он узнает, что Ботагоз — жена Аскара, то без сомнения, донесет.

— Это правда,— подтвердил Асан,— если узнает, то беда!

— Но этой беды можно избежать,— сказал Сагит.— В нашей местности никто не знает Ботагоз в лицо. Приехав домой, Асан должен заявить, что привез себе издалека жену, а ты, Ботагоз, выполняй роль молодой жены.

При этих словах Асан покраснел, но Ботагоз осталась спокойной.

— Что тут особенного?— продолжал Сагит.— Если ваши намерения чисты, то что из этого, что вам придется немного и обманывать? Это необходимо. Иначе и тебе и ей не сдобровать.

После некоторого раздумья Асан и Ботагоз согласились с советом Сагита.

Дома Асан представил Ботагоз своей матери как молодую жену, которую взял в одном из далеких аулов.

Сначала мать обиделась: «Тоже нашел себе жену, да еще

с придачей, будто здесь я бы не сосватала ему любую девушку!» — и даже пожаловалась соседям.

— Покойная сноха всем была хороша,— толковала она, прослезившись,— и взята была из хорошей семьи. Когда она перешагнула мой порог, ей было только шестнадцать лет. Как родную дочь, я любила ее. Но, ох, коротка оказалась ее жизнь. А теперь вот привез, на мою беду, какую-то лохматую... На вид она не плоха, красива и лицом бела, но ведь вдова! Как она поведет себя, пока не знаю. А какие были девушки у меня на примете!.. Что думал мой Асан, ума не приложу!..

Но уже вскоре встревоженная Масаты изменила свое мнение: Ботагоз была учтива, предупредительна, чистоплотна. Старуха стала говорить соседкам совсем иное:

— Не дай бог сглазить. Тьфу, тьфу! Может, потом она испортится, а сейчас жаловаться на нее не могу. Конечно, и первая сноха моя была не плоха. Тоже была и почтительна и послушна, но эта проворнее будет. Как она, Жамал, пришла, так сразу такую чистоту, такой порядок в доме навела — загляденье!.. И варить умеет, и все, что нужно по хозяйству, понимает и знает. И ребенка ее, хотя он не мой, а чужая кровь, сама не знаю почему, сразу полюбила. Красивый и здоровый мальчик, просто прелесть. А мой Асанжан так ее любит и уважает, что я начинаю даже ревновать. Правду говорю. Иногда он даже называет ее не по имени, а Ботагоз. А что это значит, не знаю!..

— Глаза у нее черные, большие и блестящие, как у верблюжонка, вот и называет ее Ботагоз...[1] — смеялись соседки.— Что же, молодые, когда любят, называют друг друга как им захочется, поласковей...

Так, в добром согласии, протекала в семье Асана неделя за неделей. Масаты не чаяла души в своей снохе. Часто она отсылала Асана и Ботагоз доить кобылиц, а сама оставалась дома, чтобы повозиться с маленьким Амантаем.

У Асана были только две кобылицы, но обе были большие, молочные. Короткая желе[2], на двух жеребят, была протянута в двухстах саженях от дома, невдалеке от большой проезжей дороги. Однажды, когда Асан и Ботагоз дошли до желе, из овражка показались пять-шесть запряженных парами телег, быстро кативших по дороге. Появление в будни такого многочисленного поезда было для аула необычным явлением.

— Кто б это был? — недоумевал Асан.— Кобылиц подоим потом, когда они проедут. Они уже подъезжают к желе.

Увидев людей, путники придержали коней. Все сидевшие на телегах были одеты по-городскому.

— Мадияр! — шепнула Ботагоз Асану, украдкой оглядев путников.

[1] Бота — по-казахски верблюжонок.

[2] Желе — веревка, протянутая меж двух кольев для привязывания жеребенка во время дойки кобылиц.

— А кто такой? — так же тихо спросил Асан.

— Потом скажу.

— Эй, жигит! — окликнул Мадияр Асана.— Подойди-ка сюда!

Асан подошел и поздоровался.

— Больше удоя! — пожелал Мадияр.— Чей этот аул?

— Куттыбая.

— А вот тот, где виднеются две белые кибитки?

— Аул Байтобета.

— А! Это и есть аул Байтобета? Поезжай туда! — приказал Мадияр ямщику.

— Не познакомились! — сказал Асан, желая знать, кто они, куда и зачем едут.

— Путники!

Когда путники поехали дальше, обидевшийся на них Асан, вернувшись к Ботагоз, спросил:

— Кто это, ты сказала?

— Это Мадияр. Председатель уездного комитета Алаш-орды.

— Куда же они едут, столько людей?

— Давай сначала подоим, а потом поговорим. Время дойки проходит. Я как будто догадываюсь, куда и зачем они едут.

— Ладно.

Когда они подоили кобылиц, Ботагоз сказала:

— Пять-шесть дней тому назад Сагит прочитал в газете «Жас азамат», что в Семипалатинске, Тургае, Кустанае и Уральске созданы алашские воинские части и что на днях представители Алаш-орды должны приехать и в наши места для набора солдат. Я думаю, что это они и есть.

— А с кем они собираются воевать?

— С Советами, с большевиками.

— Разве народ пойдет на это? Кто же даст им жигитов?

— Этого я не знаю. Может, и дадут.

— Ой, не дадут! Кому охота воевать? А если народ откажется, что они могут сделать?

Ботагоз, увидев, что Асан настроен против солдатчины, попыталась сагитировать его против Алаш-орды.

— Алаш-орда, если и будет иметь свои войска, все равно долго не просуществует, потому что они защищают интересы не народа, а только богачей. Помнишь, в прошлом году они созывали съезды в Оренбурге, в Петропавловске, в Омске и других городах? А разве были на этих съездах люди из народа? Они пригласили туда одних баев и родоначальников!

— Ну, это понятно! Съезд — дело баев. Что делать на съезде бедняку?

— Не всегда съезд дело баев,— возразила Ботагоз.— Когда у нас установится Советская власть, то на съезды не попадет ни один бай, ни один богач. Там будут обсуждать интересы народа.

— А что бедняк будет делать на съезде?

— Как что? Бедняки будут выбирать власть. А эта власть будет защищать интересы бедноты, всех трудовых людей.

— Какие интересы? Что она даст простому жигиту?

— Землю и воду. Свободу даст она ему. Сделает хозяином земли и воды. Баи и волостные управители больше не будут угнетать бедноту.

— Ох, не верится что-то! Вряд ли это когда-нибудь будет...

— Будет! Советская власть победит, не может не победить. А Алаш-орда продержится недолго.

— Ну, это еще неизвестно!

— Нет, ей не удержаться! Сам подумай. Алаш-орду поддерживает только кучка баев. А всему народу от нее никакой пользы нет. Большинство народа — не баи, не бии, а вот такие трудовые люди, как ты, да беднота вроде Сагита. Кто же побеждает, большинство или меньшинство?

— Конечно, побеждает большинство. Но ведь и раньше баев было меньше, а верховодили они. И теперь сила у них в руках. У них оружие.

— Дело не только в оружии. Народ должен понять, что и баи, и Алаш-орда, и белая власть — его злейшие враги. Народ должен бороться за свои права. К этому и зовет его Советская власть. И разве у бедноты нет оружия?

— А где оно, это оружие?

— Оно в руках Советской власти, у Красной Армии.

— А говорят, что Советская власть всюду уничтожена, что Красная Армия разбита. Говорят, в России снова будет царь, а у нас Алаш-орда выберет хана.

— Неправда! Большая часть России в руках Советов, и Красная Армия не только сражается, а и побеждает, гонит своих врагов на восток и скоро будет здесь.

— А Байтобет говорит, что Алаш-орда победила и всюду уничтожила красных. Право, не знаешь, кому верить.

— Врет твой Байтобет! Враг всегда так говорит о противнике. Алашордынцы обманывают народ, на обмане только и держатся.

— Эх, Ботагоз! — воскликнул Асан огорченно. — Что неграмотный, что слепой, оба одинаковы. Ничего мы не знаем! Ты хоть и женщина, но грамотная. Может быть, ты ненавидишь Алаш-орду за твоего Аскара. Это само собой. Ты имеешь на это право. Но скажи мне все же правду: Советская власть не уничтожена? Это точно?

— Точно!

— Правда, что они наступают и идут сюда? Но говори мне правду, а не из-за обиды за Аскара.

— Скажи, чем тебе поклясться?

— Ну, клятва не нужна. Я и так тебе верю. Если это прав-

да, то народ не должен идти к ним в солдаты. Из-за чего нам драться с красными?

— Конечно, не нужно идти. Если народ не захочет, ничего с ним не сделают. Понятно, волостные и баи будут требовать солдат. Небось, своих сынков они не отдадут. На съезде Алаш-орды было постановлено, что вместо себя можно нанять и послать в солдаты другого.

— Ойбай, ведь и в шестнадцатом году, во время приема, было так же. Это постановление в пользу баев. Байские сынки будут сидеть дома, а вместо себя пошлют бедняков. Но теперь народ на это не пойдет. Он уже научен. Теперь его не обманешь.

— Сидеть дома и махать руками — мало пользы,— сказала Ботагоз.— Нужно заранее поговорить с жигитами, разъяснить им всю правду об этой Алаш-орде и дать ей отпор. Народ должен знать, что его обманывают, а то баи опять добьются своего.

— Ну, ни один из тех, кто в тот раз попал на прием и испытал на своей шкуре, что значит солдатчина, больше на это не согласится. Я поговорю с жигитами. Нужно только начать, а там оно само пойдет как по маслу.

— Асан, смотри, действуй с оглядкой,— посоветовала Ботагоз.— Если начнешь открыто выступать против набора в солдаты, то представители Алаш-орды арестуют тебя как сочувствующего Советской власти.

— Ну и что же? Может, я и сочувствую ей. Из страха прятаться, что ли?

— Нет, действовать нужно, но осторожно, тайком. Поговори со знакомыми жигитами, но только с теми, кому доверяешь. Слово ваше должно быть простое: «Не хотим идти в солдаты!» Но об этом не должен пронюхать ни один бай, ни один волостной, а то все ваше дело сорвется. Вот на собрании вы должны сказать свое слово. И если вы будете единодушны и тверды, ничего они с вами не сделают. Не один ты, весь народ там заговорит. Не так ли?

— Правильно,— согласился Асан.— Так и сделаю. Умница ты, Ботагоз.

III

На собрании, устроенном алашордынцами в ауле Байтобета, участвовали представители населения ряда кочевых волостей. Из дальних волостей прибыли баи, волостные управители, аульные старшины, аксакалы, аткаминеры, но из ближайшей округи съехались и приняли участие в собрании также и простолюдины, прослышав, что речь пойдет о наборе в солдаты.

Алашордынцев было человек двадцать. Биев, аксакалов и волостных, прибывших по приглашению из далеких волостей, набралось человек триста.

Байтобет, в ауле которого происходил этот съезд, счел долгом

гостеприимства взять на себя всю заботу по угощению этих трехсот с лишним человек. Он только попросил соседних баев помочь ему на время «белыми юртами».

— Все расходы беру на себя!— объявил он.— Раз такие уважаемые люди почтили меня, выбрав мой аул, не пожалею прибыли с одного базара, не поскуплюсь на годовой приплод моих стад.

Соседние баи на время съезда предоставили ему пятнадцать белых юрт, и Байтобет выполнил свое обещание. Он не только все время на славу угощал своих многочисленных гостей, но даже все убранство для пятнадцати юрт нашел у себя.

Под кухню были приспособлены две юрты, в которых день и ночь, не переставая, кипели котлы. В юрте, отведенной под кладовую, мешками стояли сахар и баурсаки. Гости угощались мясом два раза в день.

— На такую щедрость не каждый способен!— восхищались одни.

— А что ему, спекулянту, стоит быть щедрым? Денег у него мешки, чего же ему жалеть легко нажитое добро?!— ехидно замечали другие.

И в самом деле, даже такие расходы не очень обременяли Байтобета. Это был один из богатейших местных феодалов. Его отец, Майлы, и два брата отца были, как говорят, люди зажиточные. Майлы был бием, но бием «справедливым». Он беспощадно боролся с конокрадством и воровством. В то же время он был твердым поборником веры и тех, кто не выполнял установленный намаз, наказывал розгами. В старости он совершил паломничество в Мекку и там умер. Байтобет был единственным сыном Майлы и единственным наследником его братьев, у которых мужского потомства не было. В восемнадцать лет Байтобет предъявил отцу претензию на его пост бия и, победив в этом споре отца, занял его должность. Из-за этого между отцом и сыном возникла вражда. Как говорят люди, Майлы, уехавший в Мекку, даже перед смертью не простил сыну своей обиды и не дал ему благословенья.

В Мекку съездил и Байтобет. И не раз, а даже три раза. Но несмотря на то, что он был хажи — паломник, побывавший в святых местах,— Байтобет не соблюдал намаза, ораза — поста, не совершал омовения. В области образования он выступал против мулл и ишанов, был джадидом, сторонником новых методов обучения. И первый в этих местах пригласил в свой аул учителя-мугалима вместо муллы.

Получив небольшое образование, он благодаря своим способностям сам, без чьей-либо помощи, научился русской грамоте, свободно читал и писал по-русски. Он много ездил, много видел. Он был знаком с именитыми, знатными людьми, и многие знали его. Не мало знакомых и сторонников было у него и среди деятелей Алаш-орды.

Из-за частых и продолжительных разъездов его хозяйство пришло в упадок, но во время первой мировой войны он занялся крупной спекуляцией на военных поставках и не только быстро поправил свое хозяйство, но и стал самым богатым баем своего округа.

После революции он специализировался на составлении подложных приговоров от имени разных обществ и аулов об организации кооперации. По этим приговорам он получал в Омске и в Петропавловске промтовары и спекулировал ими. На таких махинациях он за два года нажил огромное состояние.

Он сразу примкнул к программе Алаш-орды, участвовал и в областных, и во всех казахских съездах и совещаниях Алаш-орды в Оренбурге. Вожди Алаш-орды смело могли рассчитывать на его поддержку. Зная это, Мадияр и выбрал аул Байтобета как центр для проведения вербовочной кампании в алашские воинские части.

— Народ и не пикнет,— уверял Байтобет своих гостей.— Не сомневайтесь, дадут вам жигитов. А будут противиться — заставим!

Для обслуживания гостей Байтобет пригласил всех проворных и услужливых жигитов своей волости, в том числе и Асана.

Асан разносил чай, подавал кумыс, носил мясо, помогал на кухне и одним ухом прислушивался к беседам гостей, а потом передавал их разговоры со своими комментариями знакомым жигитам.

— Не доведут народ до добра эти господа,— говорил он.— До каких пор будем плясать под их дудку? Разве мы забыли, что баи, как баранов, гнали бедняков и их сыновей в пекло войны? Многие ли вернулись целыми? Если им так хочется иметь своих солдат, пусть баи и волостные управители дают своих сыновей. Пусть и их детки отведают солдатской каши. А беднякам незачем давать им своих жигитов...

Другим Асан говорил:

— Кажется, им уже приходится туго. По всему видать, не долго они продержатся...

— Почему так думаешь?

— Да они сами говорят. Я же обслуживаю их, приходится слушать их разговоры. Сидят как на иголках. Похоже, что красные не так-то далеко отсюда находятся.

— А чего нам идти против красных? Баев защищать от них? Пусть сами дерутся...

— Правильно.

— Не пойдем — и все!

— Ну, это вы здесь такие храбрые, а на собрании, небось, запоете другое,— подзадоривал их Асан.

— Нет, и на собрании все как один скажем: «Не пойдем!»

В конце концов, в народе стали открыто поговаривать:

— Что нам слушать Байтобета! Он и в шестнадцатом году

уговаривал нас идти в солдаты. Хватит! Теперь-то уж мы его не послушаем...

— Есть у него сынок, похожий на стрекозу, где-то учится. Вот и пусть отдает его, если ему так уж хочется воевать...

О начавшемся в народе брожении Мадияр и его спутники не знали. Они привыкли полагаться на волостных управителей, на аткаминеров и считали, что крепко держат народ в узде. Веря обещаниям Байтобета, они спокойно дожидались, пока соберутся приглашенные «хозяева народа». Им и в голову не приходило, что дело может обернуться иначе, чем заверял Байтобет.

В день открытия съезда погода выдалась ветреная, моросил мелкий дождь. Судя по тучам, было ясно, что это не проходной, а «белый» дождь, который будет моросить с неделю. Несмотря на это, собрание пришлось устроить под открытым небом — столько скопилось народа.

Мадияр целый час держал речь перед съежившимися от холода и мокрыми от дождя людьми.

Его слушали без особого внимания. Даже баи и аксакалы, на которых была вся надежда Алаш-орды, не проявляли особого интереса к его речи.

— Пусть говорит, не говорит — все равно придется дать,— рассуждали они.

Они знали, что своих детей не дадут, а до детей бедняков им было мало заботы.

После Мадияра выступило еще несколько алашордынцев.

— Итак, что вы, народ, скажете?— спросил Мадияр, когда речи кончились.

— Что же сказать?— ответили волостные, бии и баи, сидевшие в передних рядах.— Вы наши вожди, вам лучше знать. Вы требуете, значит так нужно. Раз нужно, то дадим!

Но подняться и сказать это перед всем народом никто не решился.

Наконец в напряженной тишине встал Байтобет.

— Слово аксакалов — слово народа. Они сказали «дадим»— и дадим. Ни один жигит не откажется от чести быть в войсках Алаш-орды.

— Больше никто не хочет говорить?— спросил Мадияр.— Значит, принято единогласно!

— А я не давал согласия!— вдруг раздался звонкий молодой голос.— Хочу сказать!

— Говори!— сказал Мадияр.

Жигит вышел на пригорок, обернулся к толпе и громко крикнул:

— Я скажу коротко: в солдаты мы не пойдем!

Огромная толпа заволновалась, пришла в движение.

— Почему ж не пойдете?— спросил Мадияр, нахмурившись.

— Мы уже побывали раз, этого с нас достаточно.

— Когда?— спросил Мадияр, сверля его взглядом.

— В шестнадцатом году.

— Это было в царское время. Тогда, может быть, и не нужно было идти. А теперь вы будете защищать свой народ.

— От кого?

— От большевиков.

— А что плохого они нам сделали? За что воевать с ними? Не пойду в солдаты! А другие — как хотят,— твердо заявил жигит.

На него зашикали сидящие в передних рядах волостные управители и аксакалы.

— Что ты болтаешь! Хочешь расколоть наше единство? Не пойдешь, так черт с тобой, другие пойдут!

— Кто это другие? Кто пойдет?— сразу закричали с разных сторон.

Поднялся невообразимый шум. Представители Алаш-орды пробовали успокоить собравшихся, но ничего из этого не вышло.

— Не пойдем! Других слов у нас нет!..— закричали жигиты и, как один, побежали к своим коням, вмиг отвязали их и разлетелись в разные стороны.

В несколько минут место сборища опустело. Остались только небольшие кучки волостных, биев, баев и аксакалов.

Мадияр, багровый от злости, гневно смотрел на них:

— А еще называетесь руководителями народа!— крикнул он.— Мы приехали, надеясь на вас,— остановите же эту непослушную голытьбу, каркающую, как черные вороны.

Волостные, бии, аксакалы были смущены этим упреком, но броситься в догонку ускакавшим в разные стороны жигитам было явно бессмысленно. Это понимал и сам Мадияр.

— Что же с ними поделаешь?..— растерянно отвечали они.— Если сами годимся на что-нибудь, мы готовы!

— Черт бы вас всех забрал!— крикнул им Мадияр.— Мне нужны не вы, а народ!

— Сами видите, что творится с народом!— обиженно заявили волостные управители.

Незадолго перед этим Мадияр получил из Оренбурга от Дутова и из Аягуза от Анненкова депеши с требованием выслать им подкрепление из казахских частей.

Он ответил им:

«Выезжаю в аулы для набора добровольцев. Скоро пришлю два полка!»

«Что теперь будет с моим обещанием? Как отнесутся ко мне атаманы и связанные с ними руководители Алаш-орды?» — думал Мадияр, чувствуя себя одинокой побитой собакой, покинутой на месте откочевавшего аула.

IV

В осенние месяцы аулы Куттыбая и Байтобета отходили друг от друга верст на десять, но оба располагались на лугах вдоль реки Ишима.

У Байтобета была давняя привычка ездить в гости к окрестным соседям по два раза в год — летом покушать барана, а зимою отведать мяса зарезанной на зиму кобылы. Он никогда не забывал, у кого уже был и к кому еще нужно заехать. Он также знал, что все соседи, помня эту привычку, сохраняли его долю.

В это лето как-то так случилось, что Байтобет не мог посетить дом Асана.

В один из прохладных сентябрьских вечеров Асан сидел у себя дома. Ярко горел огонь, вся семья пила вечерний чай. Вдруг послышался шум подъезжающего тарантаса.

Асан посмотрел на Ботагоз и сказал:

— Жамал, прибери немного в комнате, тарантас, кажется, направляется к нам.

В комнате и так все было прибрано, но Ботагоз встала и поправила на сундуках подушки и одеяла. Тарантас, действительно, остановился у дома Асана.

— Асан, эй, Асан, выйди сюда, если ты дома!— звал кто-то.

— Это голос Байтобета!— сейчас же признал Асан и, встав с места, сказал шепотом:— Уберите чай. Давно уж не выл он голодным волком, озираясь на наш дом. Приехал пожрать. Апа, придется резать барана.

— Как хочешь!— ответила Масаты.

Асан вышел за дверь. Пара, запряженная в тарантас, стояла, уперев морды в телегу с бочкой. Путники сидели в тарантасе.

— Ассалам-алейкум!— приветствовал их Асан.

— Асан, это ты? Все ли благополучно у тебя в семье и хозяйстве?

— Благодарю. Почему не слезаете, бай?

— Хотел сначала попросить позволения.

— Прошу, проходите в юрту.

С Байтобетом приехал Кощибай, молодой, пронырливый парень, помогавший Байтобету в его спекулятивных делах. Кто был кучером, Асан не разглядел.

— Я еще не был у вас с тех пор, как ты привез молодую жену. Это даже неудобно перед Масаты,— сказал Байтобет.— Приехал извиниться перед ней.

— Вы еще не опоздали!— сказал Асан шутливо.

— Чем гуще обрастает шерстью мышь, тем больше она дрожит! Чем богаче, тем все скупее ты становишься!

— Почему так думаете?

— Как же, по нашему казахскому обычаю даже при покупке хорошей лошади ставят магарыч, а ты привез молодую жену

и не устроил пирушки. Даже не оповестил нас! Подожди же, я все расскажу ей, пусть она возьмет тебя в ежовые рукавицы...

Байтобет любил пошутить с молодыми людьми, в особенности с молодухами, поэтому последнюю фразу сказал нарочито громко, чтобы услышала Ботагоз.

— Ваша доля готова, бай!— ответил Асан, не находя других слов.

— Нет, паренек, ты меня не проведешь. Сегодняшнее угощенье — это ежегодная моя доля, которую я всегда приму из рук снохи. А свадебное угощение особо. Ты не думай убить одной пулей двух зайцев. Меня не проведешь!..

— Согласен, согласен, заходите.

Кучером Байтобета оказался Сагит. Он тоже слез с козел и поздоровался с Асаном.

— Распряги коней, дорогой, потом зайдешь,— сказал Байтобет Сагиту, направляясь в юрту.

С почтенными, старше его годами людьми, безразлично — мужчина это или женщина, Байтобет имел обычай здороваться за руку. Таким именно образом он, зайдя в юрту, поздоровался и с Масаты. Ботагоз же, по совету Масаты, опустив занавеску, скрылась за ней.

— Здравствуй, сноха!— поздоровался Байтобет из-за занавески с Ботагоз.— Будь счастлива, милая, в новом для тебя жилье. Асан, подними занавеску. Если твой муж угостит нас обедом — он окажет нам почтение. Масаты не будет вмешиваться в это дело, можешь показаться, милая!

— А подарок за показ?— спросил Асан, улыбаясь и собираясь поднять занавеску.

— Само собой разумеется. Выезжая в дорогу, я люблю дарить что-нибудь хорошим знакомым. За показ снохи дарю Масаты материю на платье. Она получит ее, когда вернусь с этой дороги.

Ботагоз вышла из-за занавески и, чуть прикрыв лицо платком, стала готовить обед. Асан привел жирную токтушу, быстро зарезал и опустил в котел всю тушу, оставив лишь одну переднюю ногу и грудинку. Для обычного гостя в котел полагалось класть полтуши. «Но разве насытишь этого обжору половиной барана?»— подумал Асан.

Пока варилось мясо, Байтобет рассказал, что он едет в Петропавловск и Омск за товаром для кооперации.

Управившись с лошадьми, вошел Сагит и сел недалеко от порога. Во время рассказа Байтобета Сагит украдкой поглядывал на Ботагоз. В одном из последних номеров газеты «Сары-Арка», которую получал школьный учитель в ауле Байтобета, он прочитал, что Аскар находится в омской тюрьме. Знает ли об этом Ботагоз? Он уже несколько дней собирался сообщить ей эту новость, но не знал, как это сделать. Когда вчера Байтобет объявил ему, что теперь готов выполнить свое давнее обещание

и подвезти его до Петропавловска, это и обрадовало Сагита, и испугало: он не хотел уезжать, не повидавшись с Ботагоз и не сообщив ей вести об Аскаре.

Однако Сагит успокоился, когда Байтобет сказал, что собирается переночевать у Асана.

Но как ни изловчался Сагит, ему никак не удавалось улучить минуту, чтобы шепнуть Ботагоз об Аскаре. Уже мясо было съедено, уже собирались спать, а он не перемолвился с ней ни словом. По хозяйственным надобностям Ботагоз часто выходила во двор. Сагит несколько раз следовал за ней, но и тут ему мешали. Так до самого сна у него ничего не получилось.

Так как гости заявили, что они с восходом солнца отправляются дальше, Асан и Ботагоз встали на рассвете, чтобы вовремя приготовить завтрак. Асан наколол дров. Ботагоз ушла по воду.

Заметив, что она пошла к пруду, Сагит быстро оделся и направился за ней.

Вода в пруде, который наполнялся во время разлива Ишима, не убывала все лето. И крутые яры, окружавшие его, поросли густым, кудрявым ивняком.

Сагит шел по тропинке, которая вела к пруду, и только вошел в густой тальник, как навстречу ему вышла Ботагоз с двумя ведрами воды на коромысле. Увидев Сагита, она остановилась.

— Я хотел поговорить с тобой,— сказал он.— Пойдем вон в те заросли, там безопаснее.

Когда они зашли в густой тальник, Сагит сказал:

— Суюнши!

— Бери, что сам пожелаешь,— ответила Ботагоз, оживившись, в надежде услышать что-то хорошее.— Скажи же, в чем дело?

— В газете «Сары-Арка» напечатано, что Аскар находится в омской тюрьме.

— О, боже, неужели правда? Ты сам читал это?

— Да, собственными глазами. Отчего же ты плачешь?

— Я все боялась, не убили ли его,— ответила Ботагоз.— А теперь плачу от радости, что он жив.

— А, тогда это ничего. Поздравляю с этой доброй вестью.

— Спасибо,— ответила Ботагоз, утирая слезы.

— Я хотел обрадовать тебя этим, но никак не удавалось. Но это во-первых. А во-вторых, если и вправду он в омской тюрьме, я каким угодно путем свяжусь с ним и сообщу тебе письмом.

— Большое тебе спасибо. Но окажи мне еще одну услугу. Еще в городе жена Бекпена, по моей просьбе, сфотографировала Амантая. Если сумеешь, передай карточку Аскару. И потом... ребенок сейчас уже вырос, и если ты точно сообщишь мне, где сидит Аскар, я хоть пешком, но доберусь до него.

— Почему? Разве тебе плохо здесь?— спросил Сагит.

— Нет. В доме Асана ничего, кроме хорошего, я не видела,—

сказала Ботагоз.— Они относятся ко мне, как родные. Не знаю, сумею ли отплатить им за все их добро. Но я не хочу быть в тягость Асану. Ему нужно жениться, и он не знает, как устроить это. А потом, как говорят в русской поговорке: «Шила в мешке не утаишь». До каких пор он может укрывать меня? Все это меня тяготит и беспокоит.

Их разговор прервал донесшийся со стороны пруда конский топот.

— Это Кощибай,— сказал Сагит, посмотрев сквозь кусты тальника.— Уже встали и, верно, ищут меня. Я пойду!

— Вот все, о чем я хотела просить тебя,— сказал Ботагоз, вставая.— Карточку я передам тебе, улучив удобный момент. Больше нам не удастся поговорить. Буду ждать твоего письма.

— Хорошо.

Он вышел из тальника, выбрался на яр и на тропинку.

— Эй, где ты запропастился?— крикнул ему подъехавший Кощибай, держа в поводу вторую лошадь.— Иди, Байтобет зовет тебя.

Байтобет, дома не соблюдавший предписаний религии, бывая в гостях у почтенных людей, любил порисоваться перед ними своим благочестием и совершал намаз. И в этот раз он вышел из юрты, держа кумган для омовения.

— Кощибай, понеси-ка за мной кумган!— сказал он, увидев вернувшегося Кощибая.

Тот взял из его рук кумган, и оба отдалились от аула. Совершая омовение, Байтобет разговорился:

— Как уютно и опрятно стало в юрте Асана! Раньше такой чистоты тут как будто не было.

— Да, опрятно.

— Видно, хорошая жена попалась Асану. Кажется, и повариха неплохая. Вкусный обед приготовила! Точь-в-точь как у городских баев...

— Это правда, бай!

— Хоть не девушкой взял ее Асан, но ему повезло. Да и выглядит она лучше других девушек.

— Это тоже правда, бай,— ответил Кощибай, чуть задумавшись.— А теперь позволь мне сказать кое-что.

— Говори!

— Помните, в прошлом году мы ездили в город и в белом каменном магазине покупали товары?

— Да...

— Помните, тогда вы послали меня за мешком сахара?

— Помню.

— Вот когда я пришел за сахаром, то застал в магазине одну очень красивую молодую казашку. Я загляделся на нее и спросил у продавца, кто она такая. Оказалось, что это жена того молодого жигита...

— Какого?

— Да того, как его... этого... Фу ты, черт, как его?.. Ну вот, который у красных был...

— Кто же это?

— Да тот, кого весной посадили...

— А! Не Аскар ли Досанов?

— Вот-вот, он самый...

— Ну, так что же? При чем тут он?

— А при том, что женщина, которую я видел в магазине, жена этого Досанова, и жена Асана — точь-в-точь на одно лицо...

— Не может быть!

— Бог свидетель, это она.

— А может быть!— согласился Байтобет, подумав.— Привез издалека, откуда, чья — никто не знает. Возможно, и она.

— Но как она вышла за Асана?

— Что же ей делать? Мужа арестовали, а жить ей надо...

— А что, если навести нам справки?

— Где?

— Приедем в город и расспросим.

— Не нужно. К чему?— сказал Байтобет, довольный гостеприимством и угощением Асана.— Если это действительно она, Асану не сдобровать.

— Пусть будет по-вашему.

Асан позвал гостей к чаю. Ботагоз испекла пирожки с печенкой, легкими и почками зарезанного накануне барашка, смешанными с сыром. С аппетитом поедая вкусные пирожки и запивая их крепким чаем, подправленным густыми сливками, гости украдкой разглядывали Ботагоз. Она заметила эти странные, осторожные взгляды, но не могла понять, чем они вызваны.

После чая Ботагоз вышла во двор и, проходя мимо возившегося у коней Сагита, незаметно сунула ему в руку небольшой пакетик, завернутый в шелковый платочек.

Когда Ботагоз скрылась за дверью юрты, Сагит развернул пакетик. Там оказалась фотокарточка, на который был снят маленький Амантай. С карточки улыбался крупный, упитанный ребенок.

Перед тем как завернуть платок, Сагит еще раз взглянул на карточку. Ребенок показался еще красивее и еще более похожим на своего отца.

— Эх, суметь бы вручить это в целости Аскару! Ничего дороже не может быть этого гостинца отцу от малютки...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В АУЛЕ КУТТЫБАЯ

I

«Ботагоз!.. Амантай!..

Милые, любимые, родные,— нет, эти слова не могут выразить истинных моих чувств к вам. Не нахожу слов, которые могли бы передать силу этих чувств и моих переживаний...

И прежде всего сообщаю тебе, что пишу с воли, 21 декабря я бежал из тюрьмы (об этом — потом) и... прячусь — пока успешно.

Хоть и запоздало, поздравляю тебя с Амантаем. Пусть живет долго и счастливо. Пусть, возмужав, будет таким же отважным и смелым, как наш старый Амантай. Ах, Амантай!.. Душа горит, когда вспоминаю о нем. По следам коня поскачет жеребенок! Дай бог, чтобы наш сын Амантай пошел по стопам нашего друга...

Твой подарок Сагит передал мне в целости и в сохранности. Спасибо тебе тысячу раз! Карточка, на которой снят малютка Амантай, стоит сейчас на столе, перед моими глазами.

Если Сагит благополучно вернется к вам, он доставит это письмо и расскажет, в каких условиях я его писал. Теперь же напишу кратко о пережитом.

В Омск мы шли по этапу целых три месяца! Три месяца, когда на лошадях можно доехать, самое большее, в пятнадцать дней! Я пришел живым, а были и такие, которые остались по дороге... Вышло нас восемьдесят человек, а в Петропавловск дошел только тридцать один. И писать, и вспоминать тяжело!.. Сорок девять товарищей погибли в этой дороге... Среди них и Кузнецов!.. То и дело, на рассвете, перед отправкой в дальний путь, нас выстраивали в шеренгу и каждого десятого расстреливали на наших глазах.

От Петропавловска до Омска нас везли в поезде, в товарном вагоне. Ехали мы двенадцать суток вместо шести часов. Днем и ночью вагон был заперт, но даже мрак не угнетал нас так, как мучил голод, и даже голод не терзал так, как мучили четверо несчастных, сошедших с ума во время этого переезда.

На омском вокзале мы прожили в вагоне еще около месяца. В сутки нам выдавали небольшой кусок черного хлеба и кружку сырой воды. Больше ничего не полагалось. И вот, с вокзала в омскую тюрьму из нашего вагона живыми попало всего-навсего девять человек. Это было в начале октября. Тюрьма была переполнена. В ней свирепствовал брюшной тиф. Конечно, больных никто не лечил. Тюремное начальство только убирало трупы. Но мне повезло. Уж не знаю почему, меня назначили санитаром. Изредка меня под конвоем посылали в аптеку за лекарствами.

И представь себе, мне удалось уговорить конвоира, чтоб он разрешил мне заглянуть по дороге на квартиру одного из товарищей моей юности, Абилькасыма Досымжанова. Он принял меня дружески (и конвоир не остался от него в накладе), но сказал, что если я буду приходить к нему, это может навлечь на него подозрение, и дал мне адрес своего знакомого, Жоламана, рабочего железной дороги, у которого мы могли бы встречаться.

В доме этого Жоламана мы и встретились с Сагитом. Я его не узнал: так он вырос и возмужал. Он тут же передал мне карточку Амантая.

Не могу описать тебе моей радости в тот день. Получив твой подарок, я почувствовал себя, как будто освобожденным из тюрьмы. Выражаясь по-казахски, «моя голова только на два вершка не доставала до неба». Еще раз спасибо тебе за карточку, большое, сердечное спасибо!

Меня очень утешило, что ты так благополучно устроилась. Пока не узнал все о тебе от Сагита, я очень беспокоился. Меня волновала и мучила неизвестность, где ты, что делаешь, как живешь? Теперь я спокоен и за тебя, и за Амантая. И вот тебе мой наказ: пока не будет опасности, не покидай этого места. Если останемся живы, день радостной встречи недалек.

Я не зря говорю — недалек. Белые пишут в своих газетах, что они побеждают и уничтожают красных, но это ложь. Стоит почитать выходящую в Омске колчаковскую газету, как станет ясно, что Колчак держится на волоске.

Вскоре в Омске вспыхнуло восстание против Колчака.

Во время этого восстания части заключенных удалось, пользуясь суматохой, бежать из тюрьмы. Бежал и я. Я примкнул к одному рабочему отряду и участвовал в уличных боях, пока нас не осталась небольшая кучка, и наш командир приказал нам разойтись кто куда может. Я благополучно выбрался из-под града пуль и скрылся во дворе одного рабочего, а ночью, крадучись, пробрался на квартиру Жоламана. Он укрыл меня в более безопасное место...

...Ботагоз! Это письмо к тебе я писал не в один присест, а в два-три дня. Можно написать еще о многом, но на этом заканчиваю, потому что несколько минут назад в дом, откуда я тебе это пишу, вошел и быстро ушел какой-то подозрительный человек. Мне нужно сейчас же скрыться, иначе я рискую снова попасть в когти белых. Через три-четыре минуты я постараюсь незаметно улизнуть отсюда, пробраться к Жоламану и, передав Сагиту это письмо, поскорее уйти в третье место.

...Ботагоз! У меня было твердое намерение, преодолев любые трудности, добраться до тебя, но местная подпольная парторганизация предложила мне перейти фронт и присоединиться к Красной Армии. Если сумею благополучно выбраться из Омска, то остальное будет нетрудно, меня снабдят надежными документами.

Жди меня. Вместе с Красной Армией, наступающей со стороны Кустаная, в один прекрасный день нагряну в твой аул. Встречай нас с красным знаменем. Хорошо?

Если погибну... Но нет, не хочу писать таких печальных слов...

Прошу тебя: не горюй по мне, воспитывай нашего Амантая. Береги свое здоровье. И жди меня. День нашей победы и ликования близок!

До свиданья, моя дорогая Бота! Целуй Амантая за меня!..

Твой навеки *Аскар.*

Омск, 6 января 1919 года».

II

Там, где в Ишим вливается бурный Шин-Булак, в незаметной для посторонних глаз каменной пещере, августовским полднем 1919 года Ботагоз в сотый, может быть, раз перечитывала письмо Аскара, полученное ею в конце мая. Но если в первый раз она читала это письмо, обрадованная и обнадеженная возможной радостной встречей с Аскаром, если и потом она не раз находила в нем утешение, когда на нее нападала грусть, и, перечитывая письмо, она черпала из него новые силы, то в этот раз оно не могло умерить охватившего ее отчаяния. Новые горести, новая беда свалилась на голову молодой женщины, и она не видела выхода из своего положения.

Еще зимой в ауле, где Ботагоз жила у Асана, умер жигит, ровесник и родня Асана. После него осталась молодая, красивая жена Калима, с которой покойный прожил меньше года.

У умершего жигита был уже взрослый младший брат, по имени Алатай. Естественно, что одноаульцы, следуя казахскому обычаю: если умирает старший брат, его жену наследует младший, прочили Калиму в жены Алатаю. Но, вопреки традиции и чаяниям своих и мужниных родственников, Калима, тайно сошлась с Асаном и изъявила желание выйти за него.

Алатай не догадывался о связи своей невестки с Асаном и узнал об этом спустя долгое время. Не желая затевать ссоры и тяжбы с родичем, он предложил Асану мировую.

— Калима — моя невестка,— сказал он.— Кроме меня, ни один человек не имеет права на нее. Я тоже стою одной женщины. Вас попутал дьявол, но ты откажись от нее — она моя законная доля,— и я все прощу вам обоим.

Смущенный таким предложением Асан вначале согласился и дал слово Алатаю.

«Что же, лучше порвать связь с женщиной, чем враждовать с одноаульцами»,— думал он.

— Я знала, что обречена на смерть,— сказала Калима Асану, услышав, что он отказался от нее.— Я еще наперед знала, чем кончится наша близость, и предупреждала тебя. Тогда ты

ответил: «На все пойду, от тебя не откажусь!» Я бы не обиделась на тебя за то, что ты нарушил свое слово, но я беременна... Теперь-то уж ты не можешь отказаться... Придется мне или жить с тобой, или умереть.

После этих слов Калимы Асан отказался от данного им Алатаю обещания порвать с ней.

— Я согласен уплатить любой штраф!— сказал он Алатаю.— Трудно мне теперь распутаться. Мы с тобой родичи, потомки одного отца, не чужие. Откажись от вдовы брата, а женить тебя я беру заботу на себя. Бери девушку — ведь ты холостой, а калым — выкуп уплачу я. За тебя любой выдаст свою дочь. А я вдовец, не всякая девушка пойдет за меня.

Алатай не на шутку разозлился и чуть не полез в драку.

— Над кем это ты издеваешься?— закричал он.— Когда это я просил, чтобы ты женил меня на твои средства? Если ты думаешь отвертеться — мое слово коротко: пока я жив — свою невестку тебе не уступлю. Если не хочешь решить спор по-родственному, мирно, то объяви меня «врагом» и скажи, где нам встретиться[1]. Я на все решусь.

— Что же, решаться так решаться!— гневно ответил Асан.

— Ах, вот как! Это ты сказал всерьез?

— Всерьез! Что ты хочешь со мной сделать?

— Это ты увидишь. Дай руку!

Асан руки не дал.

— А-а-а!.. Вот как!— крикнул Алатай раздраженно.— Нет, не выдержишь спора со мной, шею себе сломаешь!

— Откуда у тебя такая сила?

— Увидишь, откуда! Глаза выскочат на лоб, когда увидишь. Разве я не знаю, кого ты укрываешь в своем доме? Чья это жена хоронится у тебя?

— Чья? Моя!

— Ври, ври побольше... Это жена красного, который сидит в тюрьме! Не зазнавайся! Листочек бумаги туда, куда следует,— и тут тебе конец! Ты думаешь, я так уж глуп и ничего не знаю? Я жалел тебя как родственника, хотел уладить все по-мирному, но ты сам этого не хочешь, сам затеваешь такое дело... Теперь погоди!..

— Ойбай! Делай, что хочешь!— в азарте крикнул Асан.— Меня не жалей!

— Правда? Эй, Асан, дай руку!

Они пожали друг другу руки.

Трудно скрыть что-либо в казахском ауле от любопытных соседей, родных, и скоро слух о ссоре между Асаном и Алатаем, об угрозе Алатая дошел и до Ботагоз. Ее душу снова окутал туман горя.

— Ой, что ты натворил!— упрекнула она Асана.

---

[1] Эта фраза обозначает вызов на поединок.

— Что такое? — попробовал Асан притвориться, будто ничего не произошло.

Но Ботагоз сказала, что знает про угрозу Алатая.

— Пусть это не беспокоит тебя, Ботагоз,— ответил Асан.— Он только пенится, как мыло, но ничего не сможет нам сделать. Просто треплет языком...

Асану казалось бесчестным отказаться теперь от Калимы. Да он и не хотел показать, будто боится Алатая. Поэтому он твердо решил добиться своего.

И случилось так, что в разгар ссоры между Асаном и Алатаем в их места приехал кочевой суд Алаш-орды. Судья остановился у Байтобета и стал разбирать судебные дела. Асан повидался с ним, дал ему взятку и заручился обещанием, что тот присудит ему спорную невесту.

Алатай, следивший за каждым шагом Асана, узнал об этой сделке и пожаловался Байтобету, который, как он знал, сейчас был зол на Асана за то, что во время перекочевки на жайляу, Асан, перекочевав в этом году раньше других, успел занять урочище, на которое обычно прикочевывал Байтобет. Байтобет только и ждал повода отомстить Асану за свою обиду.

— Не триста, а три тысячи дам, но судью откуплю!— обещал Байтобет Алатаю.— Только ты сам держись крепко. Смотри, как бы ты не отрекся от своих слов! Если потом пожалеешь его как родича и пойдешь с ним на мировую, то лучше скажи сейчас, пока не поздно. Тогда я не ввяжусь в это дело.

— У меня с ним нет теперь родства,— ответил Алатай твердо.— Я готов отомстить ему как можно злее. Жалости у меня к нему не будет.

И Алатай рассказал Байтобету, кто такая Ботагоз.

— То-то Кощибай говорил мне об этом!— ухмыльнулся Байтобет.— Оказывается, правда!..

За хлопоты и помощь Алатай обещал подарить Байтобету волчью шубу.

Когда Байтобет заговорил с судьей об этом деле, тот, уже связанный взяткой Асана, стал противиться.

— Теперь женщине дано право выбирать мужа!— сказал он.

Тогда Байтобет рассказал ему о Ботагоз и об Аскаре.

— Если он действительно скрывает у себя жену такого важного государственного преступника,— грозно сказал судья,— то делайте с ним что угодно. Отменяю свое первое решение.

— Вы и не вмешивайтесь в это дело,— посоветовал ему Байтобет,— а передайте его на решение аксакалов. Тут мы сами разберемся.

— Хорошо! Пожалуй, так и лучше.

Судья заявил, что дело Асана передается на рассмотрение аксакалов, и, закончив другие дела, выехал в соседний участок.

— Как же так?— приставал к нему Асан.

— Есть закон, что бытовые споры сначала рассматриваются

аксакалами,— ответил судья.— Если они сами не сумеют разрешить, решаем мы. Я скоро вернусь. Если они до моего возвращения не разрешат спора, то возьмусь за него я сам.

Байтобет написал письмо аксакалам аула, где жили родители невесты.

«Как угодно выдайте невесту за Алатая и полагающиеся по обычаю дары — коня и халат — получите с нас»,— писал им Байтобет.

Аксакалы этого аула сообщили Байтобету, что выполнят его просьбу.

Асан, узнав об этом, решил бороться за свою честь. В ночь накануне приезда родителей невесты он, несмотря на меры, принятые Алатаем, выкрал Калиму и скрылся с ней.

На следующий день после их исчезновения родственники Алатая нагрянули в дом Асана и грубо оскорбили Ботагоз.

— А-а-а!.. Вот, оказывается, ты какая!.. То-то мы думаем, откуда такая легкая добыча?..— кричали они ей.

— Ну что же, одна невеста ушла, осталась другая. Одна другой стоит!— кричали другие.

После этого события Ботагоз и плакала над письмом Аскара у устья Шин-Булака.

«Что теперь будет со мною?— с горечью думала она.— Что ожидает меня впереди?..»

Спешно приехавшие родители и близкие родственники Калимы уже не застали ее в доме Алатая.

— Мы приехали по твоему приглашению,— сказали прибывшие аткаминеры и аксакалы встречавшему их Байтобету.— Мы на твоей стороне. Если ты отрежешь голову этому сумасшедшему, то мы готовы отрезать ему ноги. Делай так, как считаешь нужным. Мы готовы на все.

— Придумаем что-нибудь сообща. Пока устраивайтесь, а потом посоветуемся!— ответил им Байтобет и всех приезжих расселил у родственников Асана.

Родственники Асана, ссылаясь на свою несостоятельность, пробовали было отказаться от приема незваных гостей.

— Сами накликали на себя беду!— заорал на них Байтобет,— теперь держитесь! Молчите! Не я вас научил красть чужих невест! Жансары[1] уж очень зазнались. Сами искали беду, ну вот, бог и послал вам ее. Теперь терпите и не ропщите!..

— Ведь резать у нас нечего... Нечем их кормить...

— Мне какое дело! Режь последнего коня, последнюю корову!.. Но если не сумеете угодить своим гостям, на меня не пеняйте!

— Но ведь мы живем совсем отдельно от Асана. Лишь одно название, что мы потомки Жансары,— возражали одни.

---

[1] Жансары — название подрода, к которому принадлежал Асан и его одноаульцы.

— Асан — наш родич в пятом колене. Зачем же заставляете страдать нас за него?— заявляли другие.

— Вы родичи, а поэтому вы и должны отвечать за него. Не я же. Я знал, что так будет, и предупреждал, но он не хотел послушаться, пусть теперь пеняет на себя. Раньше вы все следовали за Асаном, а теперь в беде отрекаетесь от него?.. Не говорите мне об этом, и слушать вас больше не хочу!— с раздражением отвечал Байтобет.

Пять-шесть домов из подрода Жансары в течение двух дней угощали многочисленных родственников Калимы и целую свору приехавших к ним аткаминеров и аксакалов. Кто зарезал свой скот, кто, не имея скота, купил мяса на деньги, а кто и в долги влез по горло.

Байтобет и приехавшие «сваты», угощаясь у родственников Асана, предлагали им немедленно найти и привести Асана на суд аксакалов.

— Он прячется где-нибудь поблизости, далеко скрыться не мог. Пусть явится и покончит дело миром.

— Заблудившийся не виноват, если сам найдет правильную дорогу и возвратится к своему табуну!

— Пусть откажется от своего намерения и возвратит невесту. Мы простим его вину!

Так говорили они.

Слова приезжих как будто подействовали на родственников Асана. Они обшарили луга и тугаи[1] Ишима, но вернулись ни с чем — беглецов они не нашли.

В действительности им не нужно было и искать скрывшуюся парочку. Асан, уходя из аула и наотрез отказавшись вернуть Калиму, сообщил родственникам и верным жигитам, где он будет прятаться.

— Подождем до конца!— заявил им Асан.— Что они могут сделать с нами? Если согласятся получить выкуп скотом — соглашайтесь. Не захотят покончить миром, пусть делают, что хотят. Я тогда скрываться не стану. Возвращусь домой и буду ждать. Увидим, что они сделают!

Асан, скрываясь в тугаях, тайно послал своего человека к друзьям, с которыми был в 1916 году на фронте, на тыловых работах, и просил у них помощи.

— Пусть ничего не боится!— ответили те.— Если сторонники Алатая не пойдут на мир, мы все готовы выступить на защиту Асана!

— Нечего связывать себя спором и опутывать себя разными хлопотами. Получи от Асана выкуп и помирись!— предложил Алатаю кое-кто из его доброжелателей.

Алатай уже готов был согласиться на примирение, но запротестовал Байтобет.

---

[1] Т у г а и — лесные заросли вдоль рек и озер.

— Чем стерпеть такое унижение и согласиться на мировую, лучше умри на месте!— сказал он Алатаю.

После этого Алатай и родственники Калимы отказались от мировой с Асаном. По совету Байтобета Алатай стал ухаживать за Ботагоз.

— Не из обиды, что Калима ушла от меня, говорю тебе, что она не стоит и мизинца твоего,— приставал он к Ботагоз.— Что же поделать, дьявол их попутал, иначе Асан не взял бы при тебе вторую жену. Это не только одного меня, но и тебя должно не меньше оскорблять.

— Конечно, не следовало ему этого делать,— ответила Ботагоз.— Но раз он уже взял ее, я не хочу, как другие жены, ссориться и ругаться с ним. Не у него одного две жены. Я ревновать его не стану. А ты не упорствуй в споре. Он твой старший брат. Наоборот, если бы я стала ревновать и ругаться, ты бы сам должен был утешить меня и успокоить. Прости ему его вину. Возьми с него что хочешь по обычаю, и помирись! Вас всего в вашем ауле с десяток домов, чего же вам враждовать между собою, чего вам делить?

— Нет, Жамал,— возразил Алатай,— Асан кровно обидел меня, и я никак не могу его простить. Правда, невесты могут уходить от женихов. Но я обижен на Асана за то, что он не дождался даже, пока пройдет год после смерти моего брата. Что стоило ему дождаться этого срока? В день годовщины я устроил бы панихиду и поминки, как это требуется обычаем, и спросил бы у невестки: «Милая моя, ты молодая. Хочешь — оставайся в этом доме, хочешь — уходи!» И если б невестка не пожелала бы выйти за меня, а выбрала бы Асана, я не имел бы права обижаться за это на него. Таков обычай нашего народа. Но они поступили не так, а будто только и дожидались смерти моего брата, снюхались раньше, чем покрылась травой его свежая могила, и этого я, пока жив, не прощу.

Несколько раз, примерно в этом духе, поговорив с Ботагоз, Алатай однажды открыл ей свои настоящие намерения.

— Нужно сказать честно,— сказал он.— Я кровь смою кровью. Вместо своей невесты возьму тебя, его жену! Я говорю прямо — могу примириться с ним на известных условиях.

— На каких?

— Или он вернет мою невесту, или вместо нее уступит тебя. Одно из двух. Ни на какие другие условия не соглашусь. Говорю тебе открыто — давай вместе отомстим ему и твою и мою обиду. Я жигит, полагаю, не хуже Асана. Выходи за меня!

Ботагоз молча пошла от него.

— Эй, Жамал,— крикнул Алатай,— ты чего же? Не согласна? Скажи прямо: да или нет?

— Я чужие долги собой не плачу!— ответила Ботагоз, не оглядываясь.

— Правда?

— Правда!

— Не пойдешь?

Ботагоз, не желая пререкаться с Алатаем, молча, не оборачиваясь, шла дальше.

— Стой!— крикнул Алатай, догнав и взяв ее за плечо.— Я знаю, кто ты.

— Кто же?— спросила Ботагоз, отпрянув от него.

— Ты жена красного, которого белые засадили в тюрьму! Асан скрыл тебя в своем доме. Ты не жена ему.

— Пусти!— крикнула она, с силой оттолкнув от себя Алатая, ее охватила дрожъ.

— Ага, теперь ты поняла!— сказал Алатай.— Или ты выйдешь за меня и этим сохранишь свою жизнь, или завтра же донесу белым.

Разгневанный Алатай ушел, а Ботагоз, не удержавшись на дрожащих ногах, в страхе опустилась на землю.

— Ну как, юноша? Говорил с ней?— спросил Байтобет Алатая, сидя с родственниками Калимы у своей юрты.

— Говорил.

— И что же? Согласна?

— Нет, не соглашается.

Байтобет рассказал гостям, кто такая Ботагоз и каково ее положение в доме Асана.

— «Гнев женщины годится для того только, чтоб вскипятить котел!»— сказал один из сватов.— Никто ее не разыскивает, некому прийти ей на помощь. Чего проще? Если она нравится Алатаю — насильно забрать ее и привести к нему в дом. А насчет выкупа за вашу дочь договоримся с Асаном, заставим его уплатить Алатаю коня и халат. А как он с нами рассчитается, будет видно.

Но Алатай не согласился с таким предложением и отказался насильно жениться на Ботагоз.

— Раз на то пошло, то ты, хотя бы в отместку, пожил бы с ней с неделю, а потом бросил!— посоветовал ему другой сват.— Отказываясь от нее, ты поступаешь неправильно. Разве не знаешь, что волчица-мать сама прибежит к охотнику, если заставить выть пойманного волчонка? У Асана такой же нрав. Если он действительно благоволит к этой женщине, он во всем уступит, когда начнешь сильно беспокоить ее.

Алатай сдался на их доводы, и аксакалы решили послать в дом Асана молодцов, чтоб они насильно увели Ботагоз в дом Алатая, если она не уступит, добровольно не согласится стать его женой.

По приказанию Байтобета, несколько жигитов, сторонников Алатая, поздним вечером ушли к дому Асана, но вернулись без Ботагоз.

— В чем дело?— удивленно переглянулись сваты, все еще сидевшие вместе с Байтобетом на дворе.

— Оказывается, Асан у себя дома!— сообщили вернувшиеся жигиты.

— А Калима?

— Тоже там.

— Из-за нее, что ли, затеяли спор?

— Не очень-то поспоришь с ним. Ведь его дом полон жигитов.

— Какие жигиты? Откуда?

— Собрались из разных аулов. Одолеть их у нас не хватило сил. Алатай полез было драться, но жигиты Асана схватили его за руки, за ноги и не дали даже двинуться.

— Что это за своеволие!— гневно крикнул Байтобет.— Кто их научил так поступать? А ну-ка, пойдемте посмотрим, как они поднимут на нас руки!..

— Байтеке, успокойтесь!— стал упрашивать его кое-кто из присутствующих.— Все равно он от нас никуда не уйдет. Еще поклонится нам в ноги! А сейчас не стоит их раздражать. Не дай бог, случится что-нибудь плохое. Их много, их сейчас ничем не устрашишь.

И Байтобет, подумав, отказался от своего намерения.

III

На осеннее место кочевки аул Куттыбая откочевал уже разделившись: четыре-пять домов, сторонников Алатая, заняли одно урочище, а пять-шесть домов, сторонников Асана, заняли другое.

Асан женился на Калиме. Родной отец Калимы заявил:

— Я ни с кем не хочу ссориться. Хочу помириться с Асаном. Я не могу жить, не видя своей дочери!

Аткаминеры закричали было:

— Мы дали обещание Байтеке. Если нарушишь наше единство, мы тебе не родня, уходи куда хочешь. Отрекаемся от тебя!

Но отец Калимы настоял на своем и помирился с Асаном.

По наущению Байтобета родичи Алатая однажды ночью напали на табуны родственников Асана и угнали с десяток коней. Асан стерпел эту обиду.

По совету Байтобета же, Алатай донес Алаш-орде и колчаковским властям о местонахождении скрывающейся Ботагоз. Кроме того, он продолжал красть скот и этим наносил большой ущерб Асану и его родне.

Не вытерпев усилившихся преследований, Асан решил действовать более энергично и платить Алатаю и его родственникам тем же. Но Ботагоз отговаривала его от этого:

— Нужно усилить охрану табунов, но мстить тем же не следует,— говорила она.— Ты сам хорошо знаешь, что Алатай — только орудие в руках Байтобета, и все делается по его подстрекательству. Но пока существует власть белых и Алаш-орды, ты не добьешься правды. Ты не можешь обращаться к властям за содействием, а аксакалы озлились на тебя. Потерпи!

Когда Асан, по совету Ботагоз, предложил Алатаю помириться, тот согласился. Примирение состоялось на сенокосе. Один из косарей на радостях привез из дому барашка и угостил всех мясом. В знак примирения Асан и Алатай обменялись рукопожатием. Косари определили размер штрафа с Асана в пользу Алатая: Асан должен был отдать ему свою рыжую верховую лошадь и новый верблюжий халат.

— Нет, не возьму!— заявил Алатай.— Это верно, что я в погоне за честью враждовал с ним, но теперь, когда я искренне помирился с ним и от чистого сердца протянул ему руку, никаких штрафов брать не хочу. Прощаю, так прощаю все!..

Чтобы доказать свою искренность, Алатай чистосердечно признался Асану:

— Я хочу предупредить тебя: по наущению Байтобета я послал на тебя донос, что ты скрываешь в своем доме жену беглого красного. Я подал его давно. До сих пор ничего дурного не случилось. Но прими меры. Если по этому доносу начнутся дознания, ты уж не пеняй на меня, что я утаил от тебя свой поступок.

— Спасибо за откровенность. Если власти и заявятся по этому делу, я винить тебя не буду.

— Это собака Байтобет нас так рассорил,— с искренним раскаянием сказал Алатай,— а я, дурак, бегал за ним, как собачонка, и лаял на тех, на кого науськает!..

— Что было, то прошло!— ответили ему косари.— Теперь нужно найти какой-нибудь выход...

— Я нашел!— сказал Асану один из них.— Своя рубашка ближе к телу. Пока все еще шито-крыто, отвяжись от этой женщины, за чужую жену в огонь не кидайся. Глухой ночью отвези ее куда-нибудь подальше и скрой в другом месте. И если придут с розыском, скажешь: сбежала — и делу конец.

— Жигиту лучше умереть, чем изменить своему слову,— ответил Асан и рассказал присутствующим, что за человек Аскар.— Не только я, но и многие жигиты окрестных аулов, побывавшие в окопах, испытали на себе доброту и заботу Аскара и, если что случится, жизни не пожалеют, горой станут за его семью. Неужели же столько молодцов не сумеют защитить и укрыть одну женщину? Красные, говорят, уже недалеко. Если Аскар вернется благополучно, как мы покажемся ему на глаза? Что ему скажем? Если бы она была женою другого человека, разве я возился бы с нею? Но я готов ее укрыть и перетерпеть любые муки, лишь бы своими руками передать мужу.

Косари, видя твердость Асана в этом деле, не стали больше навязывать ему свои советы. А родственники Асана, узнав о его примирении с Алатаем, очень обрадовались и благодарили Ботагоз за ее добрые наставления.

— Сколько людей не могли развязать этот узел, а ты сумела, голубка!— говорили ей пожилые люди.— Дай бог тебе за это счастья и долгой жизни!...

На следующий день Асан пригласил Алатая и его товарищей в гости. Разделившиеся во время вражды родственники решили снова жить одним аулом.

Но мир, установившийся в ауле Куттыбая, не понравился Байтобету. Взбешенный, он приехал к Алатаю и стал ругаться:

— У тебя костей нет, проклятый. Недаром отец твоей матери был плохим человеком. Ты в него уродился. Лучше бы было тебе умереть, чем пойти на такие унижения и уступки!

— Не хочу больше спора! Устал!— ответил Алатай, не раскаиваясь в своем поступке.

— Ну, тогда не жди от меня добра!— крикнул Байтобет и, разгневанный, уехал к себе.

Аул Куттыбая был расположен на отлогом берегу реки Ишима, где зеленел роскошный заливной луг. Минувшей весной Ишим разлился широко, летом прошли обильные дожди, и хлеба и травы стояли тут невиданные. В засушливые годы жансаринцы быстро справлялись со своим участком луга и скашивали его до последней травинки. Но в этом году не осилили даже половины, настолько высока и густа была трава. Скосив часть луга и прикинув, что скошенного сена с лихвой хватит на зиму для всего скота, половина косарей ушла на жатву хлеба,— аул этот имел и небольшой посев. Остались на покосе Асан и еще двое-трое мужчин да три-четыре женщины. Они складывали копны, спалив, по старому обычаю, вокруг копен всю траву и перепахав землю, чтобы обезопасить сено от осенних степных пожаров.

Ботагоз вместе с другими женщинами помогала копнить скошенное сено. Опечаленная ранее угрозой Алатая «донести начальству», Ботагоз снова повеселела, когда Асан и Алатай помирились, и крепко подружилась с Калимой.

В первые дни своего замужества Калима прислушивалась к нашептыванию некоторых «доброжелательниц»:

— Столько времени содержать у себя такую молодую и красивую женщину и не жить с ней,— ну, нет, Асан не такой дурак! И не думай! Ты им не верь. Есть верный человек, который знает, что они уже в городе сошлись, а потому Асан и привез ее к себе. Сама подумай, с какой стати привезет он чужую жену, даже не дальнюю родню, и будет кормить и поить ее! Виданное ли это дело? Не говори! Она распутная женщина и вскружила голову Асану. Ты сразу поставь ее на место. Пусть она почувствует, что зависит от тебя. Если она скажет: «Э!»— ты скажи: «Мэ!» Не слушайся ее, все делай по-своему. Заставляй ее работать. Попробуй поссорить ее с Асаном и добейся, чтобы она покинула ваш дом!

Калима упросила Асана рассказать ей историю Ботагоз. Он поведал ей всю правду. Она не поверила ему и стала наблюдать за их взглядами, разговорами, за обращением друг с другом, но ничего подозрительного ей не удалось заметить. После этого она отбросила всякие сомнения, и обе женщины подружились.

Ботагоз опасалась, что Масаты станет плохо относиться к ней, когда узнает, что она не невестка ей. Но Масаты, узнав правдивую историю Ботагоз, не только не изменила к ней свое материнское отношение, но даже стала еще предупредительнее.

— Думала — моя невестка, оказалось — чужая, вот какой грех!— посмеиваясь, говорила она своим соседкам.— Мой-то больше меня знает, что делать... Может быть, так и нужнс!.. Какие времена пошли!.. Зачем вмешиваться мне в то, чего не разумею?..

На вопрос:—«И сейчас ее любишь?»— она ответила твердо:

— Чего же мне не любить ее. Слава богу, ничего плохого она нам не сделала, только хорошее. Она мне, как родная дочь стала. А в маленьком ее я души не чаю! Оказывается, если кто полюбится, родной ли он или не родной,— одинаково дорог для сердца. Пусть бог простит меня за это. Я молюсь за этого малютку так же, как за своего Асана. Если, бог даст, вернется муж нашей Жамал и увезет ее и своего сына,— добавила Масаты, прослезившись,— боюсь, как бы я не стосковалась по маленькому Амантаю... Ох, трудно мне будет перенести разлуку с ним...

Убедившись в привязанности старухи к Ботагоз и ее ребенку, соседки перестали судачить о них, и сплетни прекратились.

Однако, зная, что тайна Ботагоз открыта, Асан стал осторожнее и на всякий случай держал наготове своего единственного скакуна.

«Если власти начнут разыскивать Ботагоз,— подумал он,— заберу ее и скроюсь. Говорят, скоро придут красные!»

Однажды в полдень Асан попросил Ботагоз съездить с сенокоса в аул за кумысом. От луга, где косари косили сено, аул отстоял всего верстах в двух, но, несмотря на такую близость, был скрыт от косарей оврагами и холмами.

Поговорив с Масаты, поиграв с Амантаем, Ботагоз отлила в посудину кумыса и вышла из юрты, но тотчас же вернулась.

— Что случилось?— спросила Масаты, с тревогой глядя на ее побледневшее лицо.

— У нашего дома слезают с коней вооруженные люди.

— Что ты, голубушка?

— Правда!

Пять-шесть алашских милиционеров толпою ворвались в юрту, ведя с собою Алатая. Ботагоз, поняв, что милиционеры явились неспроста, вся задрожала, но постаралась скрыть свое волнение.

— Эта женщина?— указывая на Ботагоз, спросил у Алатая один из милиционеров, как видно, старший.

— Я... тебя... подлец!..— крикнул милиционер, грозя Алатаю пальцем.— Я покажу тебе, где раки зимуют!.. Пишешь доносы, а потом отказываешься! Власть не игрушка тебе!

Ботагоз поняла подавленное состояние Алатая. Левая щека его была вся в синяках и раздулась.

«Ох, и избили его, несчастного!»— подумала она.

— Ты чья жена?— грубо спросил Ботагоз тот же милиционер.

— Асана!

— Какого Асана?

— Хозяина этой юрты...

— Как тебя зовут?

— Жамал.

— Не ври! Ты не Жамал, а Ботагоз. Аскара Досанова знаешь?

— Раньше знала, теперь нет.

— Ты была его женой?

Ботагоз, поняв, что отрицать бесполезно, ответила уклончиво:

— Да. Когда-то была. А потом разошлась.

— Конечно, когда его арестовали, разошлась поневоле!.. Почему ты вышла замуж, не дожидаясь его?

— Чего же мне было дожидаться?— ответила Ботагоз, едва сдерживая дрожь.— Я женщина молодая... вышла замуж...

Она мельком взглянула на Масаты. Та стояла возле порога, обхватив обеими руками Амантая, и тряслась от страха. Ботагоз сделала ей глазами знак: «Уходите отсюда!» Масаты поняла ее и хотела было выйти.

— Куда, старуха?— заорал на нее милиционер.— Стой и не шевелись!

Масаты, пятясь, отошла на свое место.

— Шутить с тобой у нас нет времени!— зло крикнул старший милиционер.— Ты жена сбежавшего из тюрьмы большевика! Вот этот подлец,— он указал на Алатая,— сначала донес на тебя, а теперь отказывается. Пусть отказывается! Мы покажем ему, как с нами шутки шутить! Сознайся: где скрывается сейчас бежавший из тюрьмы Аскар Досанов?

— Аскар здесь не был.

— А-а, скрываешь? Где Асан?

— На покосе.

— Ты скажи, где Аскар!— крикнул старший, грозя ей плеткой.

— Что же я могу сказать, если я не видела его...

— Вот тебе — не видела!— заорал милиционер и ударил ее несколько раз плеткой.

Плетка как ножом полоснула спину Ботагоз, и она закричала нечеловеческим голосом:

— Апа-ай!.. Уби-ивают!..

На миг забыв страх, Масаты кинулась к ней с криком:

— Голубушка моя...

— Пошла отсюда, старая сука!— заорал на нее милиционер и толкнул ее в грудь.

Масаты упала. Ребенок отлетел в сторону.

— Ойбай! Что делают эти ироды!— взвизгнула Масаты и, быстро вскочив на ноги, снова бросилась защищать Ботагоз.

— Кто это ироды?!— заорал один из милиционеров и, выхватив наган, нажал на курок.

Масаты вскрикнула и, схватившись руками за грудь, повалилась на пол.

Отлетевший в сторону Амантай, громко плача, бросился к прижавшейся в углу матери, но другой милиционер пнул его ногой. Амантай, отлетев, ударился об стенку и закричал не своим голосом.

Алатай стоял съежившись. Все тело его дрожало.

IV

— Никого не допускай к этой юрте!— приказал старший милиционер одному из своих подчиненных, поставив его у дверей охранять дом Асана.

Другого милиционера на коне он оставил охранять аул, наказав ему:

— Никого из аула не выпускай и всех приезжающих задерживай.

Сам с остальными тремя милиционерами, захватив Алатая, галопом поскакал на сенокос, чтобы немедленно арестовать Асана.

Асан уже был предупрежден о набеге милиционеров на его дом.

— Скрывайся, скорее!— крикнул ему человек, прискакавший из аула.

— Почему?

— Нагрянули враги! Милиционеры ищут тебя. Приехали в наш кош, избили Алатая, теперь они в твоей юрте. Прошлую ночь они провели в доме Байтобета. Все пьяны. Говорят, что если поймают тебя — убьют на месте.

— Ой-пырай, они разгромят весь наш аул! Они схватят Ботагоз... Не лучше ли самому явиться?

— Что ты!— шумно запротестовали все.— Лучше не показывайся! Еще, не дай бог, убьют!.. Что они могут сделать женщинам и детворе?

Посоветовавшись, Асан и другие косари решили на время скрыться в тугаях.

— Во всем ауле остался один старик Байгазы,— сказал Асан перед уходом.— Если милиционеры будут продолжать поиски и заночуют в ауле, нужно их устроить на ночь у него. Пусть женщины возвратятся в аул. Они будут держать с нами связь. Жантас, ты, кажется, говорил, что у тебя в доме есть водка или самогон?

— У меня есть бутылок десять самогона, хотел продать в поселке.

— Ты отдай их Байгазы. Пусть вечером споит милиционеров.

— Ну, зачем это?

— Раз они приехали, пустыми не уедут. Их нужно споить и ночью отобрать у них оружие.

— А потом?

— Все равно умирать. Расправимся с ними и до прихода красных будем скрываться. Тугаи и лес сумеют нас укрыть.

— Пусть будет по-твоему,— согласились все с ним.

Женщин отправили домой. Несколько жигитов поскакали в соседние аулы к друзьям с просьбой быть наготове. Асан уехал в тугаи и спрятался в высохшем колодце, густо обросшем тальником.

Вскоре на сенокос прискакали милиционеры, но застали только двух косарей. Уговорами и плетьми пытались они заставить их указать, где скрывается Асан, но, ничего не добившись, арестовали их и возвратились в аул.

Старик Байгазы, тоже получивший свою долю плетей, вьюном завертелся перед милиционерами.

— Будьте сегодня моими гостями, откушайте моего барана! Мы и не думаем скрывать этого мерзавца, да видите сами, сумел скрыться! Уж такой подлец — жен да детей не пожалеет... Но потерпите, и он не захочет, чтобы вы разорили весь аул, сам явится!..

— Ну ладно,— согласился старший,— сегодня заночуем у тебя, но если завтра вы не представите нам беглеца, пеняйте на себя. Не ждите от нас пощады.

— Так-то так... Что же поделать?

С наступлением темноты, Байгазы, таясь от милиционеров, сходил к Жантасу и принес несколько бутылок самогона. Не смея открыто предлагать им водку, он незаметно подмешивал ее к кумысу. От этого милиционеры скоро повеселели и сами попросили:

— Аксакал, нет ли водочки?

Байгазы только этого и надо было. Он поставил две бутылки самогона, и милиционеры, даже не дожидаясь мяса, выпили их и закусили одним хлебом. Байгазы поставил еще две бутылки. После того, как милиционеры выпили и этот самогон, они совсем опьянели.

Асан с двенадцатью жигитами притаился в овражке, на околице аула, и ждал сигнала от Байгазы. Он уже знал об убийстве матери, но старался держать себя в руках.

— Дело приняло серьезный оборот,— сказал он.— Милиционеров нельзя выпускать. Пока не смою кровь моей матери кровью ее убийц, не успокоюсь.

Опорожнив бутылок шесть самогона, милиционеры свалились. Двое, оказавшиеся крепче других, еще держались недолго, но, кое-как пожевав недоваренного мяса, тоже заснули мертвецким сном.

Когда об этом сообщили Асану, он явился со своими жигитами в дом Байгазы, спокойно разоружил валявшихся без чувств

милиционеров и связал их по рукам и ногам. Оставив караул из четырех жигитов, он отправился к себе.

В темной юрте, сидя у трупа Масаты, всхлипывали Ботагоз и Калима. Узнав по голосу Асана, они кинулись к нему и наперебой стали рассказывать о случившемся. Асан зажег свет. Ни Калимы, ни Ботагоз нельзя было узнать. У обеих опухли лица, волосы у Ботагоз висели космами, а все лицо было в крови.

Асан наклонился над матерью. Она лежала бездыханная. Утирая слезы, он сказал окружившим его жигитам:

— Ну, жигиты, как сами видите, смерть направила свою стрелу против меня и моего семейства. Живым теперь я не дамся!

— Я буду с тобой,— заявил Алатай.— И меня в покое не оставят. Я послушался собаки Байтобета и сам накликал на всех эту беду.

— Кто старое помянет, тому глаз вон. Мне сейчас нужен товарищ!

— Мы вас не оставим,— заявили другие жигиты.— Когда понадобится, только кликни,— и мы все готовы идти за тобою.

— Верю,— ответил Асан.— Вы видели злодеяния алашцев, что теперь делать с ними?

— Убить этих негодяев!

Той же ночью алашордынские палачи с камнями на шее были брошены в одно из глубоких мест Ишима.

V

Твердо наказав алашским милиционерам не уезжать без Асана, Байтобет, не смея показаться вместе с ними, остался дома и стал поджидать от них вестей.

О том, что милиционеры были в ауле Асана, застрелили Масаты и уехали на покос, ему сообщили тотчас же. Но того, что случилось потом, несмотря на все старания, он так и не узнал. Все, как бы сговорившись, отвечали:

— Милиционеры, вернувшись с покоса, стали избивать женщин и стариков. Тогда Асан, не вытерпев, явился и добровольно сдался им в руки. Забрав Асана и Ботагоз, милиционеры уехали в город.

Байтобет сначала поверил этому, но потом через своих тайных агентов пронюхал, что Ботагоз и Асан на свободе и скрываются где-то поблизости, а с ними находится еще с десяток жигитов. О милиционерах ему донесли по-разному. Одни сообщали, что их убили, другие утверждали, что они уехали. Взвесив все, Байтобет пришел к убеждению, что милиционеры убиты. Правда, никаких следов нельзя было найти — ни трупов, ни одежды, ни оружия. Даже лошади милиционеров бесследно исчезли.

— Куда они могли припрятать все это?— удивленно спрашивал Байтобет своих агентов, но ответа не получал.

Наконец он решился донести об этом в уезд.

Донос Байтобета попал в руки Алексея Кулакова, который во главе крупного белогвардейского отряда шел к Кустанаю, против наступающих частей Красной Армии. Отряд Алексея Кулакова, как будто он проходил по вражеской земле, сжигал дотла встречные деревни и аулы, расстреливал мирных людей, грабил население, уничтожал посевы, разрушал дома и дворы. Путь кулаковского отряда лежал несколько в стороне от аула Байтобета, но, подойдя близко к аулу, Кулаков оставил свой отряд и, захватив с собой сотню казаков, внезапно явился к Байтобету.

В тот же день вечером он в сопровождении Байтобета нагрянул со своей сотней казаков в аул Куттыбая.

— Вот его юрта!— указал Байтобет Кулакову. Но юрта Асана была пуста.

Байтобет знал, что Асан скрывается где-то в лесу, но изредка появляется в ауле один или вместе с двумя-тремя жигитами, чтобы узнать новости. Байтобет рассчитывал и сегодня застать Асана в ауле, но ошибся.

К этому времени у Асана уже было пятьдесят-шестьдесят вооруженных жигитов, которые хоронились в соседнем лесу. Ботагоз тоже была с ним. Калиму же и маленького Амантая Асан отправил в дальний аул, к одному своему другу.

— Нам трудно будет таскать за собой ребенка,— сказал Асан Калиме.— Ботагоз и там могут случайно узнать. А тебе ничто не угрожает. Захвати с собой ребенка и береги его.

Сорвав замок с дверей в юрту Асана и ворвавшись туда, Алексей Кулаков со своей командой перевернул все вверх дном.

— Сжечь!— отдал приказ Кулаков.

Но Байтобет отговорил его:

— Сжечь мы всегда успеем. Как бы не напугать его, тогда он совсем скроется со своей бандой. А нам бы на рассвете устроить облаву в лесу. Я приблизительно знаю, где он скрывается со своими бандитами.

— Отставить!— отменил свой приказ Алексей, согласившись с Байтобетом.— К рассвету обложить лес в том месте, где укажет господин Байтобет. А теперь привести на допрос стариков. И следить, чтоб и муха не вылетела из аула.

— Где Асан?— грозно спросил Кулаков у первого старика, приведенного к нему.

От страха у старика зуб на зуб не попадал.

— Не знаю, начальник!— еле проговорил он дрожащим голосом.

— Отвечай!— крикнул Кулаков, несколько раз полоснув его плеткой.

— Ойбай-ай!.. Ойбай-ай!..— раздались душераздирающие крики истязуемого.

— Скажи же, несчастный,— ведь убьют!— посоветовал старику Байтобет.

Старик еле мог выговорить:

— Говорили, что в лесу прячется. А больше не знаю.

Кулаков толкнул его с такой силой, что старик растянулся во весь рост и остался лежать неподвижно.

— Арестовать!— приказал Алексей.— Введите следующего!

До поздней ночи из юрты Асана доносились вопли истязуемых казахов.

На рассвете, усилив караулы вокруг аула, Кулаков выехал в лес с Байтобетом к тому месту, где, по предположениям последнего, скрывался Асан со своим отрядом. Их сопровождали только несколько казаков. Все остальные были брошены на облаву.

Сведения Байтобета оказались довольно точными. Еще до восхода солнца казаки заметили следы небольшого лагеря, а вскоре вышли и к самому стану беглецов.

Но и здесь карателям не совсем повезло: Асана и большинства жигитов не было в лагере. В коше спали только два парня и Ботагоз. В большом котле варилось мясо.

Разбуженные громким окриком: «Вставай!», они быстро вскочили на ноги.

Ботагоз и парни подняли руки. Их обыскали, но оружия у них не оказалось. Алексей сперва не обратил внимания на Ботагоз, одетую по-мужски, но когда ее стали обыскивать и обнаружилось, что это женщина, он пристально всмотрелся в нее и удивленно воскликнул:

— А-а!.. Ботагоз, если не ошибаюсь?

Она промолчала.

Больше всего Ботагоз боялась, как бы не нашли у нее письма Аскара, лежавшего в ее грудном кармане. Но обыск был поверхностный. Обшарив ее и не найдя оружия, казаки разрешили ей опустить руки.

— Где Асан?— спросил Кулаков, пристально глядя в глаза Ботагоз.

— Не знаю.

— Мне уже надоело возиться с тобой. Теперь довольно! Хватит!— крикнул он.— Теперь я с тобой буду иначе разговаривать,— резко взмахнул он длинной плеткой,— лучше во всем сознайся!

Ботагоз ничего не ответила. И, как это ни странно, Кулаков ее не ударил.

— Ну, на сегодня и этого трофея довольно!— заявил он Байтобету.— Остальных молодчиков поймаем в следующий раз. Едем обратно!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗГРОМ БЕЛЫХ

I

Казаки из кулаковской сотни обшарили все окрестные леса, рощи, но не нашли Асана. Через три дня взбешенный Алексей Кулаков покинул аул Куттыбая и вернулся к своему отряду. Сотню казаков он оставил в ауле Байтобета под командой атамана Шайтанова и наказал ему во что бы то ни стало схватить Асана и немедленно доставить его живым или мертвым. Ботагоз Кулаков увез с собой.

Население ближних аулов и деревень хорошо знало атамана Шайтанова по его расправе с селом Мариинкой.

Зимой 1918 года крестьяне этого села подняли восстание против Колчака. К восставшим присоединилось много соседних деревень и аулов. На усмирение непокорных правительство послало атамана Шайтанова. После многомесячной осады Шайтанов занял Мариинку и с бесчеловечной жестокостью истребил ее жителей. «Не оставлять в живых ни одного мужчины»,— дал он приказ и расстрелял поголовно все мужское население аулов и деревень, причастных к восстанию, от дряхлых стариков до новорожденных младенцев. Женщин и девушек его орда насиловала, а то и убивала вместе с мужьями и отцами.

Спасаясь от зверств Шайтанова, окрестное население, оставив дома и дворы, скот и хозяйство, бежало в дальние аулы, в степи и леса. Несколько таких беглых семейств в свое время устроились в соседних с Байтобетом аулах. Байтобет знал их всех наперечет и после ухода Кулакова передал Шайтанову список этих беженцев. Ничего не подозревавшие, мирно жившие люди в одну ночь были схвачены по этому доносу и расстреляны. Напуганное население снова бросилось в бегство. Число людей, покидавших свои насиженные места, с каждым днем возрастало. Многие из них, ранее слышавшие об отряде Асана, присоединились к нему. Скоро он мог насчитать под своим началом без малого тысячу человек.

Среди вновь приставших к отряду оказалось немало русских, бывших фронтовиков. С их помощью Асан разбил своих людей на сотни и отдельные команды, назначил командиров из числа фронтовиков и своих старых соратников, проявивших военные способности.

Прослышав об организации большого партизанского отряда, все большее и большее число людей, пострадавших от белых, стали стекаться к нему из окрестных аулов и деревень.

Партизанский отряд Асана начал свои активные действия против колчаковцев хорошо продуманным нападением на аул Байтобета, где все еще расквартирована была казачья сотня

Шайтанова. Застигнутые врасплох ночным нападением, казаки были разбиты наголову. Лишь немногим, в том числе и Шайтанову, удалось спастись бегством. Бежал с ними и Байтобет.

В это время вся округа кишела многочисленными воинскими частями белых. По их настроению и по характеру их движения ясно было, что красные приближаются сюда. Еще неделю назад войска белых валили на запад, а теперь отхлынули назад и спешно отходили на восток. На языке охваченных паникой колчаковских солдат было только одно слово — отступление. Об их отчаянном, безнадежном положении можно было узнать и по их действиям. Мрачные, раздраженные, потеряв всякое представление о дисциплине, они грабили и расстреливали жителей, сжигали дома, громили деревни и аулы.

Изнуренная физически, подорванная морально, армия белых не тольно не могла противостоять хорошо организованной, победоносной Красной Армии, но и бороться даже с плохо вооруженными отрядами партизан. Партизаны то и дело нападали на отдельные отступавшие белогвардейские части, захватывали оружие и обозы. В короткий срок партизанские отряды обзавелись пулеметами, а некоторые — даже пушками, и повели настоящую войну с белыми.

Мстя за расстрелянную мать, за погибших друзей, за плененную Ботагоз, Асан отважно вел своих жигитов в бой и беспощадно истреблял врагов. С каждым днем его отряд все шире развивал свои боевые операции и скоро очистил от белых всю окрестность. Его успеху способствовало стремительное наступление Красной Армии и быстрый рост действовавших в степи многочисленных партизанских отрядов разных национальностей. С большинством из них Асан имел тесную связь и часто проводил боевые действия сообща с ними или при их содействии.

По слухам, доходившим до Асана, вся территория от их местности до самой китайской границы находилась под контролем партизан, всюду организовалась Советская власть, белые метались в поисках спасения по сравнительно небольшому пространству.

Из некоторых партизанских частей поступили сведения, что вблизи Каркаралинска, в районе Еремейнских гор, оперирует крупный отряд под начальством Амантая.

Трудно было сказать, какой это Амантай. По некоторым признакам Асан считал, что это тот самый Амантай, который еще в 1916 году действовал со своим отрядом в тех же Еремейнских горах. Говорили, что он погиб во время контрреволюционного переворота, но смерть его не была установлена. Многие считали, что он спасся.

Этого Амантая Асан знал лично и был привязан к нему. Познакомились они, когда Амантай, объезжая уезд, заехал в аул Куттыбая для организации аульного Совета. Приглядываясь к людям, Амантай обратил внимание на Асана. Ему понравился

молодой, энергичный, с прямым взглядом жигит, который пользовался уважением в ауле.

Когда встал вопрос о кандидате в председатели аульного Совета, Амантай остановил свой выбор на нем.

— Нам нужна в аулах крепкая Советская власть. Во главе аульного Совета должен стать честный человек, способный защищать интересы трудового народа и бороться с баями. Ты, помоему, подходящий для этого человек и справишься с этой работой. Если не возражаешь, я предложу выбрать тебя председателем Совета вашего аула!

Но Асан не согласился на это предложение.

— Благодарю за честь и доверие,— сказал он.— Но в моем роду никогда не было людей, управлявших народом. Вряд ли и я справлюсь с таким делом. Какое из меня начальство?!

Амантай был раздосадован его отказом, но не показал виду и, прощаясь с ним, сказал:

— Напрасно ты струсил, но жигит ты все-таки хороший. Приедешь в город, заходи ко мне!

Несколько раз Асан, бывая в городе, заходил в Совет к Амантаю, который радушно принимал его, подробно расспрашивал про дела в ауле, интересовался, как живет народ в степи.

— Хороший и смелый был человек. Может, и спасся?!— постоянно говорил Асан при упоминании о нем. Асан решил установить связь с Амантаем и отправил к Еремейнским горам двух разведчиков, но они вернулись с полдороги, не добравшись до цели.

Во время своих боевых операций против отступающих белогвардейских частей жигитам Асана часто случалось перехватывать и задерживать русских капиталистов и степных баев, убегавших от красных.

Начиная с середины сентября число таких беглецов сильно увеличилось. В степных районах все чаще стали появляться удиравшие с запада от большевиков помещики и купцы, богатые скотопромышленники и баи. С ними следовали обозы, груженные большими ценностями. Беглецы направлялись, главным образом, к границе. Партизаны не позволяли им улизнуть и увезти награбленное у народа добро. Отобранное золото, серебро, банковские ценности, драгоценные камни партизаны сдавали в штаб отряда, а одежду, постель, посуду и другие хозяйственные вещи распределяли между собой и среди беднейшего населения окрестных волостей.

Однажды отряд Асана перехватил целый обоз беглецов в двадцать — тридцать подвод. В обозе шло также два грузовика. Заметив мчавшихся навстречу им вооруженных всадников, седоки, ехавшие на подводах, погнали лошадей и рассыпались по степи в разные стороны, пытаясь скрыться. Грузовики же на полной скорости помчались к мосту через Ишим.

Послав жигитов ловить подводы, Асан с остальной частью от-

ряда погнался за грузовиками. Грузовики, несмотря на предупредительные выстрелы охраны, въехали на мост.

Мост этот, в свое время взорванный отступающими белыми, был потом восстановлен жигитами Асана. Они же устроили на мосту секрет: в середине он был разборный, и стоило вытащить несколько досок, как по нему уже нельзя было проехать. Охрана моста успела выдернуть выдвижные доски, и грузовики застряли. Увидев, что они в западне, беглецы выбросили из кузова одной машины в реку какой-то тяжелый груз в мешке и потом сдались без сопротивления.

На машинах было человек двадцать казахов и пять-шесть русских. Один из казахов, обросший длинной черной бородой, показался Асану знакомым, но он не мог вспомнить, когда и где встречался с ним.

— Что вы бросили в реку?— строго спросил Асан задержанных.

— Ничего мы туда не бросали,— в один голос стали они заверять.

— Что вы сбросили мешок, я сам видел, вот сейчас его достану.

Раздевшись, Асан прыгнул с моста в реку. Скоро он вынырнул из воды и крикнул своим бойцам:

— Бросьте мне аркан!

Он снова нырнул, всплыл и подал на мост конец аркана. Ухватившись за аркан, партизаны вытащили из реки тяжелый мешок. В нем оказался новенький английский пулемет и ящик патронов.

— А! Теперь понятно, почему они так старались от нас улизнуть!— сказал Асан.— Любопытно знать, кто же вы такие, что, сумев вооружиться английским пулеметом, бежите к китайской границе...

На допросе выяснилось, что почти все ехавшие на грузовиках — видные баи из ближайших волостей.

Когда человек с черной бородой назвал себя каким-то именем, Жантас, присутствовавший при допросе, наклонился к Асану и шепнул ему на ухо:

— Врет! Я его узнал!

В ответ на вопросительный взгляд командира Жантас сказал громко, обращаясь к бородатому:

— Что ж ты, дорогой человек? Думаешь, что чужое имя изменит твою черную душу, как черная борода изменила твое лицо? Скажи нам, как звали тебя, когда ты приезжал в аул Байтобета вербовать солдат для алашских войск?

— Мадияр!— привскочил Асан и уставился в чернобородого, пронизывая его взглядом.

Тот, потупив глаза в землю, молчал.

— Это ты — бывший председатель алашордынского комитета?— спросил Асан.

Тот продолжал молчать.

— Значит, это ты послал алашских милиционеров арестовать Ботагоз? Это твои милиционеры убили мою мать? Ты в сговоре с Байтобетом помогал Кулакову и Шайтанову жечь наши аулы, убивать наш народ, лил кровь наших жигитов?— все более возбуждаясь от охватывающего его гнева, спросил Асан.

Мадияр молчал. Заметно было, как мелко дрожали у него колени, на лбу выступили крупные капли пота.

— Эй вы, сознайтесь, кто был с этим чернобородым злодеем, а то всех прикажу расстрелять!

— Мы из разных мест,— выступил один из беглецов.— В городе мы договорились с шоферами и не знали, кто еще с нами поедет. Боюсь взять грех на душу, но, кажется, с этим человеком были еще двое, вот эти,— указал он.

— Кто вы?— спросил этих двоих Асан, когда они по его приказу вышли из толпы и подошли к нему.

— Милиционеры,— ответили они.

— Алашские?

— Да.

— Вы с Мадияром ехали? Вы везли пулемет?

— Мы!

— Отвести их и расстрелять!— приказал Асан Жантасу.— А с вами мы еще поговорим!— сказал он, обращаясь к баям, снятым с грузовиков.

Только успели отвести в кусты Мадияра и милиционеров, как на всем скаку прямо к Асану подлетел страшно взволнованный Алатай.

— Радостные вести, Асан! В аул пришли красные войска!— крикнул он.

— Да ну! Правда?

— Правда! Только что мне сообщили, и я поскакал к тебе. С войсками пришел и муж Ботагоз.

— Аскар Досанов?!

— Он самый. Приехал и остановился у тебя.

— Давайте машину!— крикнул Асан.

Через несколько минут Асан и человек двадцать партизан мчались на грузовике к аулу Куттыбая.

II

Один из полков Красной Армии, преследуя отступающие части разгромленной колчаковской армии, шел с боями из Кустаная по направлению к Акмолинску. Политическим комиссаром этого полка был Аскар Досанов, одной из рот командовал Кенжетай.

Чем ближе полк подходил к Ишиму, тем нетерпеливее становился Аскар. Всех встречных он расспрашивал об аулах Куттыбая и Байтобета. Байтобета, оказалось, знали даже у самого

Кустаная, и поэтому Аскару нетрудно было установить маршрут к аулу Байтобета, рядом с которым, как ему было известно со слов Сагита, находился аул Куттыбая. С нетерпением считая версты пройденного и еще оставшегося до этого аула пути, Аскар все больше спешил, все отчетливее виделись ему Ботагоз и малютка Амантай.

Когда до аула Байтобета осталось верст тридцать — сорок, он попросил у командира полка разрешения с небольшим отрядом красноармейцев поехать вперед, чтобы отыскать аул Куттыбая и навестить свою семью, о которой ничего не знал уже столь долгий срок.

Последнее время полку не приходилось вести серьезных боев, не предвиделось их и в ближайшие дни. Командир удовлетворил просьбу Аскара и выделил в его распоряжение тридцать конников. С ними поехал и Кенжетай.

Им пришлось немало поблуждать по степи, прежде чем они добрались до аула Куттыбая. Население, опасаясь белогвардейцев, которые часто прикидывались красными, упорно следовало казахской поговорке: «Знаю» — много слов, «не знаю» — одно слово».

Наконец Аскар встретил в степи трех жигитов-жансаринцев из аула Куттыбая, разведчиков Асана. Узнав, что красный командир — муж Ботагоз, один поскакал известить о его приезде Асана, а двое повели его прямо к себе в аул.

По дороге они рассказали ему о событиях, происшедших в ауле, и об аресте Ботагоз. Они также сказали ему, что только на днях Калима с маленьким Амантаем вернулась домой, а до того, опасаясь белых, скрывалась в дальнем ауле.

Было уже за полдень, когда Калима увидела, что к ее юрте скачут вооруженные всадники. Быстро схватив Амантая, она вбежала в юрту.

Когда жигиты вместе с Аскаром вошли в юрту, она, бледная, вся дрожа, стояла между деревянной кроватью и большим сундуком, прижимая к груди Амантая.

— Не бойся,— сказали ей вошедшие жигиты,— не бойся, это отец Амантая.

Кровь бросилась в лицо Калиме, взволнованная, она громко заплакала и запричитала.

— Ой, не пришлось апе встретить вас! Как она ждала этого часа!..

У Аскара тоже показались на глазах слезы, когда он увидел своего Амантая.

— Иди ко мне, голубчик!— ласково поманил он его.

Амантай смотрел на отца широко открытыми черными глазами.

— Иди, иди, Аманжан, это твой папа, иди, мой светик!— протянула его к Аскару Калима.

Амантай охотно перешел на руки к отцу.

— Глаза и нос Ботагоз,— сказал Кенжетай.— Дай-ка его сюда, Аскар...

Он взял из рук Аскара ребенка и долго любовался им.

Через несколько часов на одном из захваченных грузовиков примчался в свой аул и Асан.

— Вот и Асан!— сказала Калима Аскару, когда Асан вошел в свою юрту.

— Я знаю Аскара,— ответил Асан.

Они обнялись и, здороваясь по-казахски, крепко прижались друг к другу грудью.

III

— Прости, Аскар, что я не уберег Ботагоз. Я очень удручен тем, что она попалась в руки Кулакова. Привез я ее сюда ради тебя, а потом она стала мне дороже родной сестры. Я хотел своими руками вручить ее тебе и за это был согласен претерпеть любые лишения, любые испытания, но судьба оказалась против. Но нет, это я виноват, попался впросак. Если бы это случилось на моих глазах, я не дал бы взять ее, пока жив был. Сумел я отплатить тебе за твое добро или нет — свидетель бог.

— Тысячу благодарностей тебе, Асан!— ответил Аскар.— Ты во сто крат отплатил за мое добро. Ты поступил как настоящий мужчина. Благодарю и народ, который сочувствовал и помогал тебе.

— Народ понял, что свободу он получит только из рук красных. Раньше нас были десятки, мы прятались в лесах. А теперь весь народ с нами, он почувствовал счастье свободы.

— Хорошо бы созвать население окрестных аулов и вечером устроить митинг.

— Что ж, это очень хорошо. Народ давно жаждет услышать слово правды.

— Пошли людей в аулы, пусть соберутся, а мы пока подготовимся.

Нарочные, посланные Асаном, помчались в ближайшие аулы и поселки, созывать население, и вскоре на митинг в аул Куттыбая собрались все от мала до велика.

Огромная толпа с большим вниманием и сочувствием слушала выступления Аскара и Асана.

После докладчиков слово взяли местные люди. Они рассказали о притеснениях и злодеяниях белых палачей и благодарили Красную Армию за освобождение. Митинг затянулся до поздней ночи.

После митинга на околице аула молодежь организовала игры. Нашлись среди красноармейцев и партизан гармонисты, певцы, танцоры.

— Е, барекельди![1] Только теперь пришла к нам настоящая радость и веселье,— говорили в народе.

[1] Барекельди — возглас одобрения, восхищения.

Утром митинг в ауле Куттыбая возобновился. По единодушной просьбе населения председателем волостного ревкома был назначен Асан.

IV

Разбитые и преследуемые Красной Армией белогвардейские части сосредоточились в окрестностях уездного города, которые представляли очень удобные и почти неприступные позиции. За горой Букпа, горой-крепостью, полукольцом охватившей город, тянулась далеко к югу цепь сопок. С северо-востока город ограждало широкое озеро. Небольшая речка, впадавшая в озеро с левой стороны, имела очень крутые берега, изрезанные множеством оврагов и покрытые густыми тугаями. Здесь белые решили дать бой Красной Армии и попытаться хоть несколько задержать ее стремительное шествие по степи.

Штаб белых, расположившийся в самом городе, заранее подготовил и укрепил эти выгодные позиции. Ему удалось также стянуть сюда много пушек и пулеметов.

Командование красных частей, наступавших на город, не встречая со времени выхода из Омска сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны панически отступающих белых, решило бросить авангардные красноармейские части в прямую атаку на город. Неожиданно встреченные ураганным артиллерийским и пулеметным огнем, они понесли большие потери и должны были отступить.

Стало ясно, что с налету город не взять. Необходимо было провести тщательную разведку слабых мест в обороне противника и вместо лобовой атаки применить охватывающий маневр. Взять город только с одной, западной стороны, откуда его и атаковали в первый день части Красной Армии, было делом трудным, затяжным, так как красные наступали с открытого поля, а белые были укрыты в горах скалами и оврагами, да тугаями вдоль речки. Было решено наступать и с запада, и с востока. Аскар, нагнавший свой полк в первый день боев, оказал большую помощь в проведении всей операции своим хорошим знанием топографии города и его окрестностей.

Получив подкрепление, красное командование перегруппировало свои силы и через два дня снова повело наступление. Белые оказывали упорное сопротивление — это был один из последних рубежей, за который они могли зацепиться, задержать наступление Красной Армии и дать кое-какую передышку своим без оглядки удиравшим деморализованным войскам.

Бои шли с переменным успехом и приняли затяжной характер. Лишь на седьмой день красные после ожесточенного боя захватили город. Более тысячи человек было взято в плен, было захвачено много оружия и других трофеев, но белым накануне сдачи города удалось вывести из него свои основные силы.

Полк Аскара одним из первых ворвался на восточную окраину города. Аскар, в тайной надежде найти Ботагоз, сразу бросился к тюрьме, складам и пакгаузам — ко всем местам, где противник держал своих пленных или арестованных. До самого вечера пробродил он по городу, но без всякого успеха.

Потеряв всякую надежду найти здесь Ботагоз, Аскар уже в сумерках выехал на улицу, где была их старая квартира в домике Салихи.

Пришпорив коня, он поскакал туда, но на месте домика увидел только груду щебня и кирпича, заросшую лебедой, крапивой и полынью.

«Видно, белые сожгли дом Салихи,— подумал он.— Что же с ней? Жива ли она? Нужно расспросить соседей!»

Уже направив своего коня к воротам соседнего дома, он вдруг заметил сидевшую на развалинах старуху в страшных отрепьях. Услышав храп коня, она подняла низко опущенную голову и привстала. Вид у нее был ужасный. Она походила скорее на призрак, чем на живого человека.

— Апа, кто вы?— спросил Аскар.

— Хозяйка этого дома!— еле выговорила несчастная.

— Что же, сгорел он, что ли, или его сожгли?

— Не знаю.

— Как не знаете? А где же вы были?

— В тюрьме. Только сегодня выпустили.

— Послушайте, а вы не Салиха, апа?

— Да, да. Я Салиха.

— Ах ты, бедная моя!— воскликнул Аскар и, спрыгнув с коня, подбежал к ней.— Я Аскар, Аскар!

Старушка слабо вскрикнула, ухватилась за протянутую руку Аскара и заплакала.

Наблюдавший издали сцену молодой парень из соседнего дома, услышав возглас: «Я Аскар!», подбежал к ним и рассказал историю Салихи:

— В ночь, когда белые захватили власть, они нагрянули сюда, чтобы арестовать тебя и твою жену. Вас не оказалось. Белые потребовали, чтобы Салиха сказала им, где вы, но она заявила, что ничего не знает. Они обвинили ее в укрывательстве и посадили в тюрьму, а домишко сожгли. Из тюрьмы она вышла только сегодня. Соседи боятся впустить ее к себе. Вот и сидит она здесь, на развалинах, не зная, куда склонить голову.

— А ты кто? Лицо твое мне знакомо. А имени не припомню.

— Я Аманкул, грузчик...

— Верно, верно... Теперь вспомнил. Скажи, Аманкул, нет ли тут поблизости пустующего дома какого-нибудь сбежавшего буржуя?

— Как не быть? Да вот дом Савелия Кабанова,— указал Аманкул на угловой дом.— Его хозяин, забрав семью, сбежал с белыми. Дом сейчас пустует.

— Пойдем с нами!— сказал Аскар и, взяв Салиху под руку, направился к угловому дому.

Аманкул пошел за ними, ведя коня в поводу.

В большом сосновом доме Савелия Кабанова, кроме кухни, были четыре просторные комнаты. Двери, окна и печи оказались в исправности, но никакой обстановки не осталось.

Усадив Салиху на скамью, Аскар и Аманкул прошлись по дому, осматривая комнаты.

— Не хочешь ли, Аманкул, поселиться в этом доме?

— Ой, что вы!.. И не говорите...

— Да ты не бойся, белые теперь не вернутся.

— Белые, может, и не вернутся, но оставшаяся тут родня Савелия жить не даст. Заживо меня съедят.

— Ничего они не сделают. В городе теперь наша власть. Не только этот дом, все дома баев, бежавших с белыми, мы отберем и передадим таким, как ты. Переходи сюда со своей семьей и живите вместе с Салихой-апа. Я оставлю денег, и до моего возвращения ты будешь заботиться об этой старушке.

После недолгого раздумья Аманкул согласился.

Устроив Салиху, Аскар решил перед отъездом посетить Бекпена: может быть, он знает что-нибудь о Ботагоз.

Был уже поздний вечер, когда Аскар подъехал к его дому. На стук в ворота долго никто не отзывался, наконец послышался тревожный голос:

— Кто там?

— Это я, Аскар!

— О, Аскаржан!— в голосе прозвучала радость.— Сейчас, сейчас открою!

Трудно описать радушие, с каким принял Аскара его верный друг Бекпен.

— Наконец-то ты явился!— сказал он, усадив гостя.— А как мы здесь намучились, как исстрадались при белых! С каким нетерпением ждали прихода Красной Армии! Но рассказывай, дорогой, о себе. Долго ли пробудешь у нас? Что Ботагоз? Что маленький твой?

— Завтра, верно, пойдем дальше. Маленький Амантай здоров, растет, только на днях видел его. А вот о Ботагоз хотел спросить тебя: не знаешь ты чего-нибудь о ней?

— В чем дело? Где она?— с тревогой спросил Бекпен.

— Я очень благодарен тебе и твоей жене, что вы, как родные, заботились о Ботагоз и Амантае, что вы уберегли их от мести палачей. Асан мне все рассказал. Но ему не удалось уберечь Ботагоз от Кулакова. Она теперь в его руках, если еще жива...

— Что ты говоришь?! Как же это случилось?— с ужасом воскликнул Бекпен.

Аскар рассказал ему обо всем, что случилось в ауле Куттыбая и как Кулаков захватил Ботагоз.

— В ауле мне говорили, что Кулаков расстрелял обоих партизан, захваченных вместе с Ботагоз, а ее будто бы увез с собой. Кулаков со своим отрядом был здесь. Вряд ли он долго возил ее при войсках. Не отослал ли он ее сюда, не слыхал ли ты что-нибудь об арестованных женщинах?

— В городе было очень много арестованных по обвинению в большевизме. Были и женщины. Но о Ботагоз я ничего не слыхал. Мы знаем, что арестованных белые расстреляли накануне сдачи города. Но тюрьмы и пакгаузы после их ухода все еще были переполнены.

— Это я знаю. С самого утра я ездил по всем этим местам, но Ботагоз не нашел. И никто из освобожденных нами узников не видел, не слыхал о ней...

— Небольшую группу арестованных белые отправили куда-то, перед тем, как оставили город. Может быть, и Ботагоз была среди них?— заметил Бекпен.

— Может быть,— печально покачал головой Аскар.— Но какая это слабая надежда!.. И где ее искать, разве только поймать самого Кулакова...

— Не отчаивайся, дорогой,— стал утешать его Бекпен.— В наши дни трудно судить об участи человека, попавшего в такую беду, как Ботагоз. Одних белые расстреливали через три дня после ареста, а другие месяцами сидели в их застенках. Вряд ли Кулаков стал бы держать Ботагоз в общей тюрьме...

Была уже поздняя ночь, когда Аскар оставил дом Бекпена. На следующий день он выступил со своим полком в погоню за белогвардейскими бандами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РЕЮЩЕЕ В НЕБЕ ЗНАМЯ

I

Бежавшие из города белогвардейцы, по совету Алексея Кулакова, выбрали направление на Бурабай. Там можно было снова зацепиться за выгодные позиции, небольшими силами задержать отряды Красной Армии и дать возможность разбитым, разрозненным остаткам белых войск отступить в глубь степей.

— В горах Бурабай есть два перевала, где удобно дать отпор красным,— сказал Кулаков командиру корпуса.— Это перевал через Синюху и Оркешты — между поселками Чебачьим и Боровым — и перевал через северный склон Синюхи. Если поставить там артиллерию и пулеметы, можно надолго задержать красных и выиграть время.

Изучив карту гор, командир корпуса согласился с предложением Кулакова. Но по дороге он узнал, что навстречу им двига-

ются еще какие-то части Красной Армии, а с третьей стороны продвигается крупный партизанский отряд. Боясь быть окруженными и отрезанными, белые, не дойдя до гор Бурабай, повернули в степь, стремясь как можно скорее добраться до границы.

Партизанским отрядом, о продвижении которого узнали белые, командовал Амантай.

Спасшись в мае 1918 года, во время контрреволюционного переворота, Амантай на следующий день встретил группу красногвардейцев, человек в пятьдесят, прорвавшихся сквозь кольцо белоказаков. Во главе с Амантаем они благополучно добрались до западных склонов гор Кокшетау и скрылись в них. Лето они провели в этих горах, а осенью перешли в Зерендинские горы, где с 1917 года объездчиком Зерендинского лесничества служил старый знакомый Амантая — Березин.

Амантай долгое время не решался навестить его. «Кто его знает, как он отнесется к моему посещению и вообще примет ли меня? Он уже раз пострадал из-за меня, может быть, не хочет больше знаться со мной, побоится?»— думал Амантай. Но с наступлением осени жить в горах Кокшетау стало очень трудно, и Амантай послал к Березину человека спросить, не побоится ли Березин помочь им устроиться в зерендинских лесах.

— Не беспокойтесь,— сказал им Березин,— могу укрыть вас не на зиму, а на целый год!.. В горах много потайных мест. А продовольствие я вам помогу достать. Есть много людей, которые охотно помогут всем, кто против белых, а кое-кто непрочь будет и пристать к вам.

В одном из труднодоступных мест, в глубине Зерендинских гор, Амантай и его красногвардейцы устроили себе землянки и всю зиму провели в них. Белые, каким-то образом разнюхав, что в горах скрывается группа красных, несколько раз посылали особые отряды на поиски этой группы, но так и не обнаружили ее.

Слова Березина, что к амантаевскому отряду начнут присоединяться многие, начали оправдываться с самой весны. Приходили как русские, так и казахи, приходили с оружием, иногда целыми семьями, приносили продовольствие, пригоняли скот. Террор и зверские расправы белых гнали население в горы, к партизанам. Особенно вырос амантаевский отряд с тех пор, как стало широко известно о победах Красной Армии и о ее приближении к Зеренде. Имевший уже опыт партизанской войны, Амантай быстро сформировал крупный партизанский отряд и начал боевые операции.

Узнав о бегстве белых из района Зеренды, Амантай со своим отрядом пустился преследовать их по свежим следам.

Недалеко от гор Бурабай разведчики донесли, что основные силы белых неожиданно повернули в степь и только сравнительно небольшой отряд казаков спешно направился к озеру Шалкар.

— А что это за отряд? Неизвестно?

— Говорят, что это отряд Кулакова.

— А-а! Тогда мы за ним и пойдем!— решил Амантай.

Кулаков действительно вел свой отряд к озеру Шалкар. Когда его план — задержаться и дать Красной Армии бой в горах Бурабай — не удался, он решил отвести свой отряд и действовать самостоятельно. Руководил им не только военный, но и личный расчет. Он понял, что дальнейшее сопротивление красным бесполезно и единственное спасение — в бегстве. Пусть красноармейские войска преследуют главную массу отступающих белых частей; он, Кулаков, с одним своим казачьим отрядом, проберется через степи к китайской границе быстрее и незаметнее, чем в общем потоке бегущих. Отряд его достаточно значителен, чтобы при крайности принять бой и вместе с тем достаточно подвижен, чтобы с успехом уклоняться от встречи с врагом.

Передав командование отрядом своему помощнику, он дал ему тайный приказ через два дня отойти от других частей белых, следовать по намеченному маршруту и дожидаться его, Кулакова, в определенном пункте в степи. Сам же он с тремя сотнями отборных головорезов поспешил в Боровое.

Этот маневр был предусмотрен Кулаковым заранее, когда еще за два дня до боя за город под горой Букпой он под сильным конвоем отправил с атаманом Шайтановым в Боровое все награбленные им ценности.

— Передай отцу,— сказал Алексей Шайтанову,— чтоб он подготовился к бегству. Пусть соберет самое ценное, но ничего громоздкого. Дело наше безнадежное. Оставаться здесь я не согласен и ему не советую. Я посылаю с тобой Ботагоз. Ты отвечаешь мне за нее головой. Я еще и сам не знаю, что сделаю с этой киргизкой — расстреляю ее или женюсь на ней. В печенках она у меня, проклятая, сидит.

Под защитой шайтановского конвоя в Боровое выехал и Байтобет. Кулаков ценил этого союзника не только за прежние заслуги. Он рассчитывал на его помощь и связи при дальнейшем следовании через степи к китайской границе. Правда, в составе кулаковского отряда имелась алашская часть под командованием Сарыбаса Итбаева, но последнее время Сарыбас стал вести себя подозрительно.

«Того и гляди, он сбежит со своими «киргизами»,— думал Кулаков.— А Байтобету деваться некуда, да он и влиятельнее среди степных баев, чем Сарыбас».

Кулаков вызвал к себе Байтобета.

— Я хочу дать вам, бай, один добрый совет. Нам предстоят тяжелые бои с красными. Вы человек не военный, рисковать вам не стоит. Я отправляю конвой в Боровое. Поезжайте с ним. Я вас не оставлю.

Байтобет согласился. Вместе с ним поехали несколько атка-

минеров, бежавших при нападении Асана, и... Сагит.

Да, Сагит!

Похождения Сагита с того момента, как мы расстались с ним в Омске, могли бы составить отдельную повесть. Мы ограничимся только кратким рассказом о пути, который привел его в Боровое.

Возвращаясь как-то от Жоламана после бегства Аскара из омской тюрьмы, Сагит заметил за собой слежку. Недолго думая, он той же ночью покинул Омск и, испытав по дороге много приключений, добрался до аула Байтобета. Он пришел туда через несколько дней после того, как Асан бежал со своими жигитами в тугаи. Два дня спустя Сагит появился в отряде Асана.

Асан и Ботагоз радостно встретили его. Рассказав им о своих приключениях, передав подробности своих встреч с Аскаром, Сагит заявил:

— Принимай и меня в свой отряд, Асан!

Асан задумался.

— Неужели ты не доверяешь мне?!— с обидой воскликнул Сагит.— Или не веришь в мою храбрость?

Ботагоз тоже удивленно посмотрела на Асана.

— Нет,— возразил Асан.— Знаю, что ты жигит храбрый. И доверяю тебе вполне. Но...

— Но что «но»?— уже сердито спросил Сагит.

— Кто-нибудь знает, что ты пошел сюда?— вместо ответа спросил Асан.

— Нет, я никому не говорил.

— А Байтобет подозревает?

— Думаю, что нет Я заявил ему, что поеду в соседние аулы искать место мугалима.

— Вот и хорошо. Поезжай в аулы и, вернувшись, скажи Байтобету, что не нашел себе службы, и попроси у него какой-нибудь работы. Постарайся войти к нему в доверие. Я принимаю тебя в свой отряд, но жить ты будешь в ауле Байтобета. Нам нужен верный и толковый разведчик в лагере врага. Вот ты и будешь этим разведчиком. Это не менее важно и почетно, чем участие в боях.

Сагит согласился, сумел втереться в доверие к Байтобету, став чем-то вроде его секретаря, и принес немало пользы партизанам, предупреждая Асана о движении белых и замыслах Байтобета.

В тот день, когда Кулаков появился в ауле Байтобета, Сагит, по поручению последнего, был в уездном городе. Когда он вернулся в аул и узнал, что Ботагоз схвачена Кулаковым, он был вне себя от горя. Он был уверен, что Ботагоз немедленно расстреляют. Немного отлегло у него от сердца, когда через день Байтобет сказал ему, что Кулаков под сильной охраной отослал ее в город.

В ночь, когда Асан разгромил сотню Шайтанова и Байтобет

бежал вместе с Шайтановым, Сагит решил, что его миссия разведчика кончена и он может присоединиться к отряду Асана. Но, сообразив, что Байтобет, вероятно, будет искать защиты у Кулакова, Сагит решил следовать за ним в надежде узнать что-нибудь о Ботагоз.

Недолго думая, он вскочил на коня и помчался вслед за беглецами. Он нагнал их только поздним утром. Байтобет усмотрел в поступке Сагита проявление особенной преданности и стал еще больше доверять ему.

Поселившись с Байтобетом, Сагит изо дня в день упорно разыскивал Ботагоз, но тщетно: она как в воду канула. Он решил уже, что Кулаков обманул Байтобета, сказав, что отправил Ботагоз в уездный город.

Сагит увидел Ботагоз совершенно неожиданно. Ночью, накануне отъезда в Боровое, Шайтанов тайно вывел на окраину города обоз и конвой, Байтобет и его спутники должны были присоединиться к нему на заре. И вот тут-то, когда они подъехали к конвою, Сагит и увидел Ботагоз. Она сидела в бричке, стоявшей впереди нагруженных ящиками и покрытых брезентом подвод. Бричку окружали шесть казаков, два казака сидели в самой бричке.

Хотя пленницу охраняли очень строго, но путь был длинен, двигались, из-за подвод, медленно, и Сагит, улучив момент, незаметно бросил в бричку записку. Он напряженно следил, заметит ли ее Ботагоз, и удовлетворенно вздохнул, когда увидел, что она наклонилась и что-то подняла.

«Едем в Боровое,— писал Сагит в записке.— Будь бодра. Твой идет вперед, те бегут. Держи связь. Если прочитаешь записку, заплети волосы в две косы. Ответ брось на дорогу. На месте подай знак. С тобой ученик получившего карточку сына».

Утром Сагит увидел, что волосы Ботагоз заплетны в две косы, и перенес все свое внимание на дорогу. Он поднимал каждый клочок бумаги и вообще все, на чем можно писать. Наконец он нашел то, что искал. Это был кусок картона. На нем чернильным карандашом было выведено несколько слов:

«Душе легче, когда есть надежда. Красная лента с острым концом на окне — знак привета».

Ни обращения, ни подписи, но Сагиту и этого было достаточно. Однако, прибыв в Боровое, он ежедневно обходил весь поселок и ни в одном окне, ни в каком другом месте не заметил условного сигнала — красной ленты с острым концом. Шайтанов хорошо выполнил наказ Кулакова и в таком маленьком местечке, как Боровое, так запрятал Ботагоз, что она опять как в воду канула.

II

В аул Итбая Кулаков со своим отрядом нагрянул неожиданно. К своему удивлению, он нашел там большое оживление.

Накануне вечером туда прибыла алашская часть во главе с Сарыбасом. Все родичи Итбая, скрывшиеся при слухах о приближении красных, снова выползли из своих нор. Вылез из своего тайного убежища в горах и Еликбай, продолжавший исполнять обязанности волостного управителя и при белых.

Еликбай бросился Сарыбасу на грудь и запричитал:

— Что же это с нами, несчастными, будет? Как я рад тебя видеть! Неужели все нажитое отцами и предками оставить на поживу проклятым красным?

— Теперь не время плакать,— прервал его Сарыбас.— Собирай все ценное, подготовь коней, верховых и вьючных. Завтра мы уедем отсюда. И народу бери поменьше, только родных. А теперь распорядись накормить моих людей.

— Все равно угонят красные, не жалко,— махнул рукой Еликбай и распорядился зарезать несколько десятков баранов и трех откормленных кобылиц.

Расставив кругом охрану, алашские солдаты угостились на славу.

После обеда Еликбай передал Сарыбасу запечатанный конверт. Вскрыв его, Сарыбас нашел письмо от Базархана. Базархан писал:

«Дорогой Сарыбас-хан!

Не знаю, дойдет ли до тебя это письмо. Поэтому пишу кратко. Ты всегда был моим единомышленником; как думал я, так всегда думал и ты. А то, что тебе известно, повторять не стоит. Погостив у вас, едем дальше. Пока — в Семипалатинск. Если бог даст удачи и наша армия сумеет дать отпор красным, остановимся там. В противном случае поедем еще дальше, за границу, и постараемся собрать там силы, чтобы возвратиться в родные края победителями.

Дорогой Сарыбас!

«Только дьявол не имеет надежд!» Уезжая, мы вовсе не теряем надежд на будущее. Но нам нужны будут люди, которые тайно будут продолжать нашу работу внутри советских органов. По моему предложению некоторые молодые, преданные нам, как ты, люди из нашей среды остались на советской территории, чтобы устроиться на советской службе, войти в доверие к советской власти и разлагать ее изнутри. Многие молодые алашцы остались в Кустанае, Актюбинске, Уральске и в других степных районах, занятых красными. По слухам, они уже пробрались в советские органы и занимают довольно солидные посты. Есть и такие, которые под видом добровольцев проникли даже в ряды Красной Армии.

Советую и тебе поступить так же. При первой же возможности уходи от белых!..

Как поступать дальше, знаешь и сам.

Базархан».

Сарыбас хотел скрыть от Еликбая содержание этого письма. Но тот, насмешливо посмотрев на него, сказал:

— Чего ты крутишься, вертишься, мой дорогой? Даже меня стал бояться. Базархан читал мне это письмо. Считаю совет его правильным.

Сарыбас, не долго раздумывая, согласился с ним.

— А тебе это не подходит,— сказал он Еликбаю,— ты долго был волостным управителем, тебя помнят еще по шестнадцатому году. Любой человек из волости разоблачит тебя. Я бы советовал тебе поехать с моим отрядом поближе к границе, а я в пути уйду от вас и останусь в каком-нибудь городе. Завтра выступим. Подготовься.

Так они и решили. Но их планы разрушило появление Кулакова, который, еще до рассвета выйдя с отрядом из Борового, сделал первый привал в ауле Итбая.

Еликбай встретил Кулакова с проявлением самого радушного гостеприимства. Но тот уже успел заметить, что в ауле находится вся алашская часть Сарыбаса, которая входила в его отряд и должна была быть в это время далеко отсюда и совсем в другой стороне. Он понял, что Сарыбас повторил его собственный маневр и хочет оставить его. Это страшно разозлило Кулакова, и он весьма сухо сказал Еликбаю:

— Очистите, господин волостной, один дом для меня и моей семьи и устройте моих людей.

— Будет сделано, господин начальник...

— Людей надо накормить, они сегодня сделали большой переход...

— Слушаю, господин начальник...

— А что это за воинская часть у вас в ауле?

— Это мой племянник Сарыбас Итбаев завернул по дороге со своей казахской частью, чтобы помочь мне и моему аулу уйти от красных. Мы все верноподданные России и не хотим остаться под властью большевиков.

— И вовсе не по дороге,— сердито проворчал Кулаков.— А где сам Сарыбас?

— Скоро будет. Поехал по делу в соседний аул.

— Как только вернется, пошлите его ко мне. А теперь покажите дом.

Еликбай повел Кулакова в дом Байсакала, умершего незадолго до этого. В нем никто с тех пор не жил.

— Хорошо,— сказал Кулаков, осмотрев дом.— Идите и не забудьте выполнить все мои приказания.

В доме Байсакала было шесть комнат. Отведя одну комнату под столовую, другую оставив для себя, Кулаков предоставил по комнате отцу и Шайтанову, Ботагоз он поместил в бывшей спальне Байсакала, окно которой осторожный старик забрал крепкой решеткой, так как хранил здесь свои ценности. К двери

этой комнаты Кулаков приставил часового с наказом никого не впускать.

Байтобета он устроил в этом же доме, желая затруднить его сношения с Еликбаем и Сарыбасом. По просьбе Байтобета, он разрешил Сагиту занять узкую комнатку, служившую Байсакалу кладовой.

III

Войдя в отведенный ему чулан, Сагит призадумался. В мыслях его, всецело занятых Ботагоз, стал вырисовываться смелый план ее освобождения.

Все свои детские годы Сагит провел в ауле Итбая. Здесь он пас аульное стадо, здесь учился в школе у Аскара. Он прекрасно знал расположение аула, устройство всех домов в нем. Хорошо знакомы были ему и окрестности.

Внимательно осмотрев дом снаружи и увидев на решетке в окне бывшей спальни Байсакала красную ленту с острым концом, он пришел к выводу, что Ботагоз помещается там и что он не ошибся в своем плане.

— Теперь, пожалуй, самое главное — в удаче. Лом и нож я достану, пару коней — также. А с оружием труднее. Придется бая просить,— пробормотал он про себя, еще раз обойдя дом кругом, и направился к Байтобету.

— Разреши, аксакал, высказать одно соображение — сказал он Байтобету.

— Говори!

— На Кулакова не приходится жаловаться. Под его защитой мы чувствуем себя спокойно. Но время теперь такое, что нужно быть предусмотрительным. В путь идем дальний, опасностей встретится много, хорошо бы нам с вами, аксакал, оружие иметь.

— А где его достать? Просить у Кулакова — неудобно, как бы не подумал чего...

— А у Сарыбаса?

— Нет, лучше не иметь с ним дела. Кулаков с ним отчего-то не в ладах, как бы не рассердился и на нас.

— Тогда купить можно. Я возьму это на себя. У алашордынцев можно недорого купить два револьвера.

— Пожалуй... Разве что купить...— раздумчиво произнес Байтобет про себя и громко добавил:— Только, смотри, чтоб никто не знал!

— Никто не узнает!— заверил его Сагит.

Получив деньги, он пошел разыскивать знакомых ему жигитов из алашской части. Среди мобилизованных и насильно завербованных аксакалами и волостными управителями жигитов царило большое недовольство. Почти половина сарыбасовской части была из дальних волостей и стремилась домой. До денег они были жадны, так как давно не получали жалованья.

Сагиту не стоило особого труда на сумму, полученную от Байтобета, купить не два, а даже три револьвера — два нагана и один браунинг — с достаточным количеством патронов. Спрятав браунинг в своем чулане, он один из наганов вручил Байтобету, а другой оставил себе.

Было уже часа два пополудни, когда Сагит отправился проведать своих знакомых в той части аула, где когда-то жил Кенжетай. Возвратился он уже под вечер, неся две переметных сумы. В одной было продовольствие, в другой — странный набор инструментов: длинный острый нож, долото, ручное сверло, молоток. Сложив сумы в углу своего чулана, где стоял ранее раздобытый им лом, он опять отправился к Байтобету.

На обратной дороге Сагит был свидетелем странной сцены. Два казака с шашками наголо вели под конвоем бледного, дрожащего Еликбая. Алашские солдаты собирались кучками и возбужденно о чем-то говорили, следя за Еликбаем, который в сопровождении конвоя заходил в два-три дома, а потом был отведен в здание школы и больше оттуда не появлялся.

Не добившись толкового ответа у солдат, Сагит пошел к Байтобету.

— Не знаю, дорогой, в чем дело. Кажется, Сарыбас куда-то скрылся, сбежал. Кулаков в бешенстве кричал на Еликбая, а потом арестовал его,— сказал Байтобет.

Еликбай соврал Кулакову, когда сказал, что Сарыбаса нет в ауле: они вдвоем стояли у окна и видели прибытие кулаковского отряда.

— Принес черт эту свинью!— выругался Сарыбас.— Я ушел из его отряда самовольно и не хочу показываться ему. Выйди к нему один. Если он спросит меня, скажи, что я уехал и скоро должен быть.

Когда Еликбай передал ему свой разговор с Кулаковым, Сарыбас заявил:

— Не пойду я к нему. Пошли двух людей, пусть выведут пять коней за аул и дожидаются меня. Я скроюсь в горах, как мы договорились, а ты пробирайся к границе. Все равно — с моей частью, или без нее, если ее угонит Кулаков. Дай знать о себе через ишана Гайнуллу, через него же получишь весть и обо мне.

Вызвав двух верных ему алашордынцев, он отправил с ними вперед небольшой запас продовольствия и оружие, наказав дожидаться у места, где поставлены лошади. В полдень, когда казаки были заняты обедом, он незаметно ушел из аула и пробрался к людям, ожидавшим его с лошадьми. Ничто уже не препятствовало им доехать до гор.

С каждым часом все более теряя терпение, Кулаков, наконец, вызвал к себе Еликбая:

— Что же, господин управитель, я не вижу вашего племянника Сарыбаса? Ведь вы говорили, что он должен приехать еще утром?

— Сам не понимаю, господин начальник, что случилось с ним. Даже начинаю тревожиться...

— Ваша тревога мало интересует меня. Разговор у меня короткий. Я вас арестую и беру заложником вместо Сарыбаса Итбаева. Примите меры к его розыску. Если завтра к полудню вы не представите мне его, пеняйте на себя, я вас расстреляю.

Еликбай знал крутой нрав и самодурство Кулакова и не сомневался, что тот выполнит свою угрозу.

— Позвольте, господин начальник, я-то чем виноват?— дрожащим голосом проговорил он.

— А мне нет дела, виноваты вы или нет. Мне нужен Сарыбас Итбаев, и за него отвечаете вы. Разыщите его!

— Но как я буду разыскивать его, если вы меня арестуете?

— А вы пошлите своих людей.

Кулаков вызвал одного из своих офицеров и при Еликбае сказал ему:

— Господин Байсакалов арестован мною. Приставьте к нему охрану, поведите под конвоем в дома, куда он укажет, а потом заприте в школу и приставьте часовых. Если он попытается бежать, зарубите без всяких.

Обойдя под конвоем своих родственников, Еликбай с трудом умолил Ергазы и еще двух родичей поехать в горы на поиски Сарыбаса, хотя в душе не питал никакой надежды на успех.

IV

Выйдя от Байтобета, Сагит опять отправился бродить по аулу. Он прекрасно сознавал, в каком возбужденном состоянии находится Ботагоз, с каким нетерпением ждет она от него вести или сигнала, но до вечера боялся что-либо предпринять, чтоб не провалить все дело.

Когда стало темнеть, он забрался в свой чулан, накинул на дверь крючок и приступил к выполнению намеченного плана. Он знал, что одна стена чулана была общей с комнатой, где была заключена Ботагоз. В нише этой стены Байсакал хранил небольшие сундучки и шкатулки, а сверху развешивал старинное казахское оружие. Стена была саманная и толщиной в нише, по расчетам Сагита, не более двух пальцев. Можно будет легко и быстро проломить ее ломом и пробить отверстие, достаточное, чтобы в него могла пролезть Ботагоз. А окно его чулана выходило на пустырь, было обращено на север и скрыто большим выступом от восточной стороны дома, где под окном Ботагоз стоял часовой.

Сагит огляделся. Все как будто предусмотрено. Инструменты под рукой, лошади привязаны в надежном месте... Но прежде всего нужно предупредить Ботагоз об этом плане. От этого во многом зависит успех дела.

Положив возле себя сверло на случай, если в стене встретит-

ся дерево, Сагит осторожно, точно мышь, стал стругать и долбить долотом и ножом в нижнем левом углу ниши. К его радости, стена ниши оказалась действительно глиняной и тонкой, как он и рассчитывал. Он быстро просверлил небольшую дыру и, вплотную к ней приложив губы, тихо позвал:

— Ботагоз! Ботагоз!

Ему нужно было еще несколько раз позвать ее, прежде чем он услышал ее голос:

— Это ты, Сагит?

— Я! Я просуну тебе записку. Прочти, пока не стемнело, и сделай все, как там написано.

Сагит просунул в дыру свернутую трубочкой записку. Ее легонько потянули. Он облегченно вздохнул.

Сагит писал:

«Ботагоз! Надо бежать сегодня, завтра будет поздно. Я сделаю отверстие в стене. Работать буду после полуночи. Когда начну — четыре раза стукну в стену, отвечай тремя ударами. Ломать буду на два локтя от пола и на четверть аршина влево от дыры. Не отходи от этого места, следи, чтоб этот кусок стены вывалился ко мне. Дверь запри на крючок. Услышав шаги, стукни два раза в стену и отойди к дверям. Сигнал к возобновлению работы подай опять двумя ударами».

В нижней части ниши Сагит очертил долотом на стене квадрат шириною несколько больше локтя; углубил все черты так, чтоб их легко было нащупать пальцем в темноте, и лег, ожидая назначенного часа.

Незаметно заснув, он пробудился поздней, глухой ночью. Кругом было тихо, не слышно было ни звука. Который час? Прошла уже полночь? Он не знал этого. И хорошо, что не знал! Если б он стал дожидаться полуночи, все дело его провалилось бы. Таковы случайности судьбы.

Сагит не знал, как не подозревал этого и Кулаков, что возбуждение, вызванное среди сарыбасовских солдат арестом Еликбая, к ночи перешло в сильнейшее брожение. Внезапное и непонятное для них исчезновение Сарыбаса они приписали козням и самоуправству Кулакова. Они были уверены, что он убил Сарыбаса, и решили в полночь напасть на Кулакова, освободить Еликбая и уйти к китайской границе. Если бы Сагит и Ботагоз не бежали раньше намеченного часа, вряд ли им удалось бы скрыться во время кровавой стычки, центром которой после полуночи стал дом, где поместился Кулаков.

«Но если полночь еще не прошла, Ботагоз, может быть, спит и не услышит моего сигнала»,— подумал Сагит. Он выглянул в окошко. За окном стояла кромешная тьма, лил дождь, дул сильный ветер.

«Самая пора бежать»,— подумал он, подал в стену сигнал, получил условленный ответ и приступил к работе.

Легкое шуршанье долота и глухие удары лома о мягкую глину вдоль ранее проведенных ложбинок едва были слышны. Ботагоз оглянулась в поисках чего-нибудь, чем можно было бы прикрыться от дождя: Кулаков отобрал у нее верхнюю одежду, оставив в одном легком платье. Но в комнате ничего не было кроме подушки и грубой кошмы, служившей пленнице постелью. Наконец в глаза бросился красный шелковый занавес, которым Байсакал прикрывал развешанные на стене царские грамоты. Ботагоз сорвала занавес, наскоро сложила его и ловко пролезла в пролом. Дальнейшее заняло не больше минуты.

Сагит сунул ей в руки браунинг, схватил переметную суму, выпрыгнул в окно и помог пролезть в него Ботагоз. Никто не заметил, никто не остановил их.

К лошадям они бежали с четверть часа. Дождь хлестал их, ветер сбивал с ног, но сердца радостно трепетали — они чувствовали, что сквозь бурю бегут к свободе.

Уже вскочив на коней, они услышали беспорядочную стрельбу со стороны аула и пустились галопом к озеру Шалкар. Перестрелка в ауле все усиливалась. Скоро над ним показался огонь пожара, а потом взметнулось огромное зарево. Беглецы недоумевали, что там могло случиться. А случилось вот что: сарыбасовские солдаты напали на казаков Кулакова.

Школу, где под охраной только троих казаков сидел Еликбай, они захватили довольно легко, охрану перебили, но до того казаки успели зарубить Еликбая. У дома же, где помещался Кулаков, они неожиданно встретили сильный отпор. Снаружи дом этот охранялся только двумя часовыми — у входных дверей и у окна Ботагоз — и казался почти беззащитным. Но в крытом дворе ночевало человек тридцать казаков. Они вернулись из разведки поздно вечером, когда уже лил дождь, и Кулаков оставил их у себя во дворе. Часовые не спали, вовремя заметили толпу, направлявшуюся к дому, и подняли тревогу. Кулаков выскочил во двор, поднял людей, и сарыбасовцы были встречены сильным огнем. Они отступили, но залегли, взяв дом в осаду, и открыли частый ружейный огонь. Тревога прокатилась по всему аулу; то там то сям вспыхивала перестрелка, слышался шум рукопашной стычки. Во тьме часто нельзя было разобрать, где свой, где враг, и казаки подожгли аул.

Вспыхнувший пожар как бы послужил сигналом к бегству сарыбасовцев. Сев на коней, они бросились в степь. Казаки не стали преследовать их. В темноте это было бесполезно.

Сагит и Ботагоз, промокшие и озябшие, но счастливые, добрались до озера Шалкар раньше, чем кончилась стычка в ауле.

Еще по дороге Ботагоз сказала Сагиту:

— Если на берегу найдется лодка, нужно переехать на островок, что посреди озера. В степи нас настигнет погоня, а там вряд ли станут искать.

Сагит согласился. Доехав до озера, они спутали лошадей и пошли по берегу в разные стороны на поиски лодки. Искать пришлось долго, но наконец Ботагоз удалось набрести на лодку.

По бурному озеру они благополучно добрались до островка. Найдя в скале выемку, которая хоть немного могла защитить их от дождя и ветра, они укрылись занавесом, захваченным Ботагоз, и продремали так до рассвета.

V

Ботагоз проснулась от утреннего холода. Дождь прошел, ветер утих. Край небосклона чуть золотился. А по небу быстро неслись разрозненные, рваные, темные с серебристыми краями тучи — остатки вчерашней бури. Но вот с востока блеснули багровые лучи, и облака на небе заполыхали, как полотнища красных знамен.

Вдруг из степи донеслись звуки музыки. Сначала тихо, потом все мощнее и мощнее неслись звуки пролетарского гимна.

— Проснись, Сагит,— будила его Ботагоз.— Где-то играют «Интернационал»!

Как зачарованные, обратясь лицом к восходящему солнцу, слушали они песню миллионов и вдруг, охваченные воодушевлением, подхватили слова гимна и запели.

Долго звучала песня, словно рожденная самой степью. Но вот вдали что-то зачернело, как будто одна из тучек опустилась на землю. Потом над ней заблестели, мелькая, какие-то искры. И наконец даль вспыхнула пламенем знамен.

— Ура!— громко, в один голос крикнули радостные Ботагоз и Сагит.— Ура!

Они поняли, что, полыхая своими боевыми знаменами, блестя на солнце пиками и штыками, из степи приближаются к озеру полки обветренных и запыленных, бодрых и гордых воинов Красной Армии.

Накануне красноармейские части разгромили остатки белогвардейских войск.

Долго смотрели Сагит и Ботагоз на величественный марш советских войск, и вдруг, точно очнувшись от сна, Ботагоз сказала Сагиту:

— Беги вниз, принеси весло!

Тот удивленно посмотрел на нее.

— Беги, беги! Потом узнаешь, в чем дело,— торопила его Ботагоз.

Накануне, в часы томительного ожидания перед бегством, в голове ее теснились воспоминания всей ее жизни. Перед ней

возникали то сцены из детских лет, то картина убийства Улберген, то месяцы жизни с Аскаром. Теперь, при виде развевающихся красных знамен советских полков, она вспомнила слова Аскара в его письме, полученном ею из Омска: «Встречай нас с красным знаменем!»

Когда Сагит пошел за веслом, она побежала к скале и схватила красный шелковый занавес. Привязанный к веслу, поднятому Сагитом и Ботагоз, он высоко зареял над островком.

Сигнал их скоро был замечен.

— Товарищ комиссар,— вдруг обратился к Аскару один из младших командиров, осматривавший окрестность в бинокль,— над озером кто-то выкинул красный флаг!

— Да что ты говоришь?— удивленно воскликнул Аскар.

— Так точно, товарищ комиссар! Посмотрите сами.

— А ну-ка, дай бинокль!— сказал Аскар и, посмотрев в бинокль, добавил:— Верно! И около знамени стоят двое.

— И мне казалось, что двое...— подтвердил младший командир.— Нужно бы узнать, кто такие. Может, бежавшие от белых? Похоже, что машут нам.

— Похоже,— согласился Аскар.— А вот сейчас попросим разрешения у командира полка и поедем туда.

В передних рядах полка, где ехали командиры, уже многие обратили внимание на красный флаг, развевающийся над озером.

— С вашего разрешения, я с группой красноармейцев поеду туда, узнаю, кто такие,— обратился Аскар к командиру полка.

— Поезжайте,— разрешил тот.

По дороге к берегу озера навстречу выехал партизанский отряд Амантая.

Узнав от разведчиков, что отряд Кулакова и алашская часть Сарыбаса находятся в ауле Итбая, Амантай бросился туда, но застал только теплое пепелище да несколько десятков трупов, среди которых узнал зарубленного Еликбая. Теперь Амантай со своим отрядом с другой стороны озера спешил на соединение с частями Красной Армии.

Узнав, в чем дело, Амантай с несколькими партизанами присоединился к Аскару.

По мере приближения к берегу Аскару, время от времени вскидывавшему к глазам бинокль, все яснее становилось, что одна из стоявших у красного флага на островке фигур — женщина.

« А вдруг это Ботагоз?»— подумал он. Сердце его затрепетало, но вслух высказать свою догадку он воздержался.

Наконец всякие сомнения у него исчезли: под красным флагом стояла его Ботагоз.

— Это Ботагоз — взволнованный, крикнул он Амантаю и пришпорил коня.

— Да может ли быть?! — отозвался Амантай и тоже погнал свою лошадь.

— Скачи в третью роту,— крикнул Аскар одному из красноармейцев,— и скажи командиру роты товарищу Кенжетаю Туякбаеву, что комиссар полка приказал единым духом явиться сюда. Покажешь ему дорогу.

Когда на берегу озера столпились красноармейцы и партизаны во главе с Аскаром, Амантаем и подоспевшим Кенжетаем, по волнам озера уже плыла к ним от острова легкая лодка. На веслах сидел Сагит, а на корме, вся сияя счастьем, стояла Ботагоз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

МРАК

Часть вторая

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Часть третья

ЗАРЯ

САБИТ МУКАНОВ

БОТАГОЗ

(перевод с казахского)

Редактор *В. Полевская*. Художник *В. Антощенко-Оленев*.
Худож. редактор *Б. Машрапов*. Техн. редактор *М. Злобин*.
Корректоры: *Ш. Мукажанова, Г. Сыздыкова*.

ИБ 631

Отпечатано с матриц 20.06.79. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 3 Литературная гарнитура. Печать высокая. Печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 23,14. Тираж 150000 экз. (III-завод—100001—150 000 экз.). № 1629.
Цена 1 руб. 70 коп.

Издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Алма-Ата, 480091, пр. Коммунистический, 105.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Алма-Ата, 480002, ул. Пастера, 39.

1р. 70 к.

САБИТ МУКАНОВ БОТАГОЗ